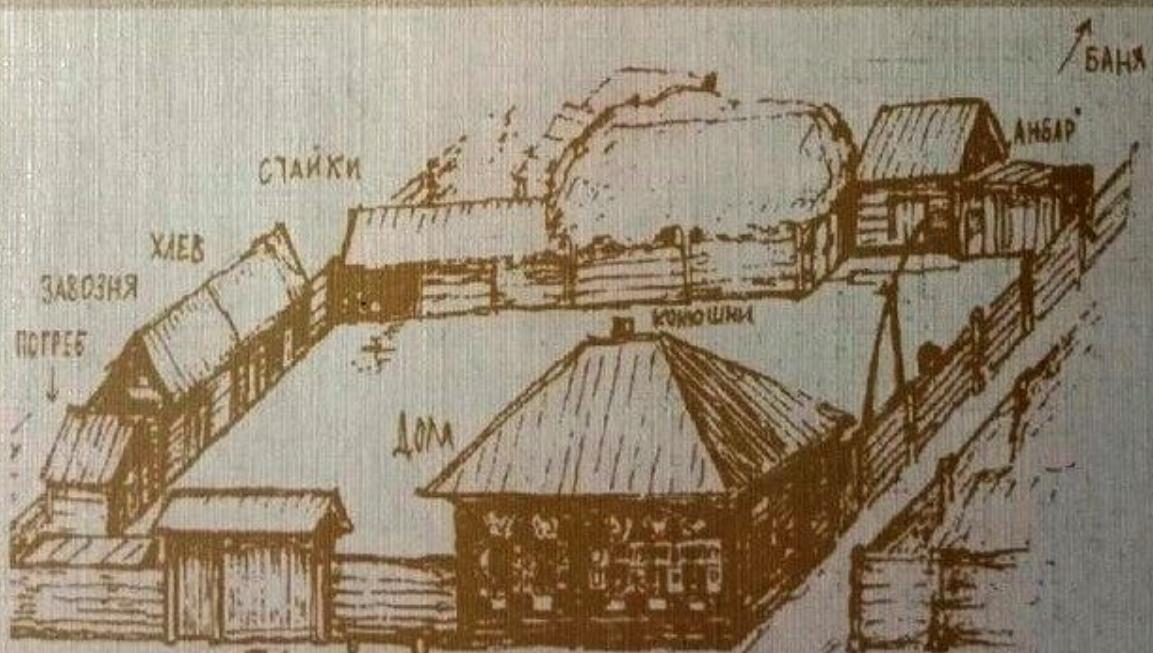

Б.Е. Андюсов

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Хозяйство, быт, традиции, культура
старожилов Енисейской губернии
XIX – начала XX вв.

Красноярск 2006

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

Б.Е. Андюсов

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Хозяйство, быт, традиции, культура
старожилов Енисейской губернии
XIX – начала XX вв.

Учебное пособие для учащихся и студентов

3-е издание, исправленное

Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 050401 (032600) – История
(ДПП.Р.00 – национально-региональный (вузовский) компонент)

Красноярск
2006

ББК 63.5

А 66

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор КГПУ
Быконя Г.Ф.

старший научный сотрудник Красноярской лаборатории
археологии и палеогеографии Института археологии
и этнографии СО РАН, доктор исторических наук
Кривоногов В.П.

А 66 **Андысов Б.Е.** Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX — начала XX вв.: учебное пособие для учащихся и студентов / Б.Е. Андысов ; Краснояр. гос. пед. ун-т. — 3-е изд., испр. — Красноярск, 2006. — 336 с.

ISBN 5-85981-049-0

Всесторонне раскрыты цивилизационные достижения и ценности старожильческой Сибири и Приенисейского края XIX — начала XX вв. Представлены комплексные характеристики субэтноса русских старожилов Сибири, сибирской общины, семьи, хозяйственной жизни, быта, особенностей материальной и духовной культуры крестьян.

Содержатся приметы сибирского народного календаря, образцы народного фольклора и краткий словарь говора приенисейских старожилов.

Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 050401 (032600) – История
(ДПП.Р.00 – национально-региональный (вузовский) компонент)

ББК 63.5

ISBN 5-85981-049-0

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева,
2006

© Андысов Б.Е., 2006
© ООО Изд-во
«Красноярский
писатель», 2006

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЧАСОМ БРАТАН ИЛИ СЕСТРЕНИЦА!

Не удивляйтесь, что именно так я обращаюсь к вам. Представьте на минуту, что вы на фантастической машине времени перенеслись в далекий XIX век, лет на 170 назад, в Енисейскую губернию огромного сибирского края Российской империи. Именно так обратился бы к вам сибирский старожил, как и вы, считавший наш край своей Родиной.

В этом году вы будете изучать КРАЕВЕДЕНИЕ. «Краеведение» образовано из двух слов: «край» и «ведать» (знать, изучать). Земля, на которой мы живем, — МАТУШКА-СИБИРЬ. С детства вы ощущаете ее суровый нрав, малую обустроенност и неуютность, ее морозное дыхание и нешуточные расстояния. Но, заглянув в свое сердце, вы почувствуете привязанность к своей округе, району, городу, любовь к удивительной красоте и уникальности сибирской природы.

Настанет миг, когда однажды вы замрете на месте, открыв для себя ширь тайги под горою у ваших ног или ландшафт речной долины, безбрежную холмистость южносибирской степи или горную гряду за полями-лесами со сверкающими даже летом снежными «белками» саянских пиков на горизонте. К вам придет осознание ценностей старинных сибирских обрядов и верований, вы заметите, что часто употребляете в разговоре слова и выражения старинного сибирского говора.

Оглянувшись, вы увидите вокруг себя искусно срубленные и украшенные деревянные дома, непохожие друг на друга. Это не те дома, что строятся ныне горе-плотниками и быстро приходят в ветхость. Старинные дома прочны и многое могут рассказать об их хозяевах: трудолюбивы ли они были и рачительны, аккуратны и основательны, или, наоборот, лень надолго поселилась в этих хозяйствах.

С детства мы знаем, что мы сибиряки. Но только попав в далекие российские края, мы с гордостью осознаем, что о сибиряках везде и всегда говорили с особым почтением. Жители далеких городов глядят на нас с удивлением и любопытством — мол, как вы

живете в вашем суровом краю? Не секрет, что до сих пор многие верят — по улицам сибирских городов бродят по ночам медведи.

Вдали от родного дома, общаясь с иркутянами и новосибирцами, забайкальцами и томичами, алтайцами и омичами, особенно остро начинаем чувствовать, что мы все земляки. Однако, будучи сибиряками, мы ощущаем себя россиянами, гражданами Великой страны с уникальным историческим прошлым. В наших краях переплелись Запад и Восток, их цивилизационные ценности и идеалы, героические и трагические страницы извечного стремления к воле в условиях вековой деспотии. Все мы разные в этой огромной стране, неповторимые и особенные, и принимать друг друга должны таковыми, какие есть. Наша сибирская неповторимость идет от сурового экстремального климата и природы, от взаимосогласования и обостренной честности, от твердости и стойкости в преодолении испытаний.

Итак, на уроках краеведения вы будете изучать историю нашей губернии, уезда, села или города. Вы познакомитесь с важнейшими политическими событиями в течение нескольких столетий, с особенностями социальных отношений, достижениями в культурной жизни сибиряков-енисейцев. Но истинное краеведение глубже — оно в постижении духа сибирской жизни в прошлом и настоящем, традиций, обычаев, мировоззрения предков — сибирских старожилов.

Мало знать перечень дат, событий, имена выдающихся земляков. Вы должны понять, что за этим стоит, каковы были мысли, чаяния и мечты сибиряков в прошлом. Краеведение должно помочь понять, что человека на сибирской земле оценивали по двум критериям: каков ты по совести и каков ты в труде? Нравственность и трудолюбие всегда являлись основами сибирского самостояния.

Желаю вам быть неравнодушными и любознательными людьми, почитающими своих предков, знающими об их проблемах и тревогах, радостях и мечтах, праздниках и буднях. Гордитесь преображенными их трудом краем и способствуйте этому — в этом суть сибирского патриотизма.

В добный путь!

Борис Ермолаевич

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ В СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

§ 1. НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОСНОВНОГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Закон Российской Федерации «Об образовании» и «Закон об образовании Красноярского края» выделили и закрепили основные компоненты учебных программ. Федеральный компонент образования обеспечивает единство образовательного пространства в стране. Он включает учебные предметы общенационального и общекультурного значения.

Национальные и региональные особенности конкретного субъекта Российской Федерации призван отразить национально-региональный компонент учебных программ. Согласно положениям Закона учащиеся и студенты образовательных учреждений должны изучать историю, культуру, традиции своего региона.

Национально-региональный компонент в содержании образования призван способствовать:

- формированию личности достойного гражданина, знатока, пользователя и создателя культурных ценностей и традиций России, Сибири и Красноярского края;
- социализации молодого поколения по месту рождения и проживания;
- становлению самосознания, формированию духовных и нравственных основ личности;

- развитию устойчивого понимания социокультурного вклада Сибири и Приенисейского края в историю Российской цивилизации;
- углублению навыков научно-исследовательской деятельности по изучению прошлого своего края, современных проблем, оформлению результатов собственных изысканий.

Наиболее важной частью, ядром регионального компонента, является краеведение.

КРАЕВЕДЕНИЕ — это совокупность географических, исторических, естественнонаучных знаний об отдельных местностях страны.

КРАЕВЕДЕНИЕ — это изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного и природного района, населенных пунктов силами местного населения.

КРАЕВЕДЕНИЕ — это комплекс естественных и общественных исследований. Краеведение изучает природу, население, хозяйство, историю, культуру своего родного края. Комплексное краеведение изучает эти вопросы во взаимосвязи разделов: историческое, географическое, этнографическое, топонимическое краеведение, краеведение, связанное с задачами охраны природы, памятников культуры.

Поскольку Сибирь является громадным суперрегионом, составляющим более половины территории России, и характеризуется целостным образованием, обладающим общими чертами в истории, географии, экономике, укладе жизни ее населения, то введение предмета «Сибирское краеведение» вполне обоснованно. Особо здраво данное общесибирское единство проявлялось в XVIII – начале XX вв. Но Приенисейский край и сибирский регион в целом — это продукт взаимодействия различных цивилизаций во времени и в пространстве. Для нашего региона характерно наличие множества национальностей, религий, культур. Поэтому так важны для нас открытость, способность к диалогу культур, веротерпимость.

Изучаемый учебный материал общесибирского характера неизбежно конкретизируется и углубляется материалом о Восточной Сибири, куда входит и наш Красноярский край. Наглядно и инте-

речено познается прошлое на основе изучения истории губернии, уезда, волости, своего селения или города. Но прошлое — это и история своего рода, своих предков в истории страны, в истории сибирского края.

Изучение своего края идет различными способами. Особо значима исследовательская работа ученых-историков. Их труды раскрывают наиболее сложные, глубинные вопросы политических, социальных, экономических процессов в истории края во взаимосвязи с общероссийской историей. Работы историков-краеведов пишутся на строго документальной основе источников государственных архивов. Сейчас становится все более очевидным, что из всех гуманитарных дисциплин только краеведение совмещает в себе все направления исследований, от географии и ботаники до религиоведения и литературы. Только в комплексе возможно истинное «ведение» своего края.

Для изучения малой родины не менее, чем научные исследования, важна увлеченная работа сотен тысяч краеведов-любителей. Они записывают местные песни, сказания, сказки, воспоминания старожилов, ветеранов войн и труда, слова и выражения старинного говора. Краеведы собирают фотографии и открытки, марки и старинные книги, коллекционируют картины местных художников, пишут дневники и летописи. Так само общество пытается отразить и увековечить себя, обращаясь к прошлому и настоящему. Не затахает поисково-краеведческая работа, связанная с событиями гражданской и Великой Отечественной войн. Сотни школьных и студенческих поисковых групп работают над восстановлением имен воинов, без вести пропавших на полях сражений, перезахоронением их останков.

Введение учебного предмета «Краеведение» в образовательные программы будет способствовать соединению научного и любительского краеведения в единое целое.

§ 2. СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Первым и основным компонентом краеведческой работы является учебное краеведение. Изучение истории Приенисейского края с древнейших времен до наших дней позволяет получить система-

тические знания об уникальных цивилизациях древности и раннего средневековья на берегах Енисея, о жизни местного населения до прихода в Сибирь русских, об освоении края в течение трех с половиной столетий. История Енисейской губернии рассказывает нам о пребывании в наших краях декабристов и их роли в развитии культуры и просвещения. Немаловажную роль в данных процессах играли представители всех течений политической ссылки XIX – начала XX веков.

Второй компонент курса «Сибирское краеведение» дает знания об основах хозяйствования, общественных отношений, о взаимоотношениях старожилов и переселенцев, о быте и культуре сибиряков. На обширном материале вы познакомитесь с мировоззрением, традициями, обрядами и верованиями старожильческого населения края, с фольклором и говором русских сибиряков. Материал курса поможет глубже осознать свои корни на сибирской земле, принадлежность к «народу сибирскому», постичь особенности местного сибирского патриотизма. Краеведение помогает осознать себя сибиряком.

Третьим компонентом краеведения является дискуссионно-диалоговый. Совместное обсуждение наиболее значимых и интересных вопросов по отдельным темам курсов поможет выявить свои мнения и суждения, свои взгляды, поделиться с товарищами знаниями о своих предках, об истории своего рода, семьи, своего села или города. Только диалог позволит осознать важность своей жизненной позиции, своего «Я», поможет сформировать активную роль в жизни края, определить свое место в современной Сибири.

Наряду с уроками краеведения немаловажная роль принадлежит исследованиям по истории и этнографии края. Здесь идет комплексная совместная работа учителя, учащихся, краеведов-любителей города, селения. Это четвертое направление краеведческой работы. На данном уровне происходит сбор материалов — источников для изучения прошлого края, письменных и вещественных. Собираются предметы быта, орудия труда, одежда, изделия прикладного искусства. Записываются воспоминания старожилов, перенимаются секреты мастерства местных умельцев, исследуются традиционные верования предков, обряды и ритуалы, бытовавшие в прошлом и сохраняющиеся ныне. Исследования включают также изучение местных праздников, увеселений, игр, форм совместного

времяпрепровождения, песен и частушек, быличек и преданий. Особенno важно составлять своеобразную летопись селения, поселка, улицы или района своего города.

На основе индивидуальной и коллективной работы по направлениям исследований, сбора вещественных и письменных памятников, фотографий и личных документов создается школьный краеведческий музей. Это не только компонент учебного краеведения, итог работы школьного коллектива, но и учебно-познавательный центр. Музей не должен застыть в своем развитии: хороший музей ежедневно пополняется экспонатами, постоянно реконструируется. Музеем нельзя назвать хранилище пожелавших документов и запыленных экспонатов — он должен стать центром коллективной памяти династий, родов и отдельных семей, возвеличивания сози-дательной деятельности людей на сибирской земле.

Как в ходе исследовательской работы, так и при создании музея краеведам необходимо постоянно связываться с местными архивами, тщательно работать и перепроверять факты по нескольким источникам. Это позволит корректировать субъективные воспоминания старожилов, находить нити для дальнейшего поиска.

Таким образом, курс «Сибирское краеведение» позволяет связать воедино знания о Сибири в целом, об истории своего края, района, своего населенного пункта, своего города с историей семьи, рода, с историей дедов и родителей на земле Сибири. Только осознание внутреннего родства и единения с малой родиной, познание духа и традиций старожильческого населения позволит проникнуться истинным патриотизмом, осознать себя сибиряками.

ГЛАВА II. СИБИРСКИЙ СУБЭТНОС

§ 3. ФАКТОРЫ «МЕСТОРАЗВИТИЯ»

В основе освоения Сибири и формирования самосознания сибиряков находился непрерывный процесс адаптации русского населения к ее суровым условиям. Под адаптацией понимается процесс *взаимного* приспособления между культурой народа и окружающей средой. Русская культура приобрела значение «технологии» освоения естественных ресурсов. Степень изменения сознания и традиций русских людей в значительной степени зависела в сибирских условиях от конкретного набора действующих факторов.

3.1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Первая группа включает как факторы, изначально формировавшиеся в европейской части России, до начала колонизации Сибири, так и новые факторы общественно-политической жизни страны, оказывавшие влияние на эволюцию русского старожильческого населения и его сознание. Первая группа факторов на начальном этапе освоения Сибири выступает в качестве адаптивной культуры, помогая осваиваться в «неизведанной» Сибири.

К созидающим факторам мы отнесем, прежде всего, деятельность государства по формированию политических и социально-экономических условий вхождения края в состав России. Отдаленность от центральных органов власти, с одной стороны, и выраженная бесконтрольность местной администрации — с другой, послужили факторами становления территориально-политического самосознания сибирского населения.

Православно-духовные факторы успешно воспроизводили в сибирском обществе православную веру. Но одновременно на сознание сибиряков оказывала влияние протестная по своему духу старообрядческая идеология. Немаловажным фактором психологической адаптации стала традиционная этническая культура русского двоеверия. Здесь вторично проигрывался сценарий освоения славянами ландшафтов Европейской России в VIII – XII вв., поэтому на вооружение были взяты древние языческие верования, сохраняющиеся в мировоззрении, обычаях, обрядах, магии. Они во многом помогали бороться с представителями окружающих человека «темных сил» и обретать психологическую защищенность и комфортность.

В течение первой половины XVII в. российские факторы являлись составной частью культуры русского населения Сибири. Постепенно многие элементы прежней культуры, не соответствующие новым факторам, заменялись новыми. Так складывалась адаптированная материальная и духовная культура потомственных старожилов. В самосознании менялся и образ Родины. Со второй половины XVII и в течение всего XVIII вв. с формированием адаптированной культуры в сознании потомственных старожилов родиной становится суровая «матушка-Сибирь».

Российский ученый Г.В. Вернадский систематизировал комплекс факторов влияния на историю и культуру народа в понятие «месторазвитие». Месторазвитие понимается им «как совокупность *социально-исторических и географических признаков* определенной среды обитания», которая влияет на общество. Вначале был период эмпирического изучения Сибири, пушного промысла и хищнического истребления соболя. На данном этапе, видимо, первые переселенцы еще осознавали Сибирь враждебным краем, а своей родиной считали «Рассею».

К концу XVII в. в Сибири сложились первые пять земледельческих районов, включая Енисейский. Одновременно оформилась сибирская семейная община. На территории Приенисейского края с 1703 по 1760-е гг. завершился процесс земледельческого освоения южных и притрактовых районов. Русское население Енисейского и Красноярского уездов в ходе внутренней миграции освоило лесостепные и степные ландшафты. Для русского сознания данные про-

странства в культурном отношении были наиболее близки. Близкими, «своими» стали для русских и представители местных народов.

В ходе освоения русскими данной территории политическая борьба, расстановка сил и отдельные этапы ее во многом определялись соперничеством с киргизами, Джунгарией, Северо-монгольским государством, Цинским Китаем. Только в ходе вооруженного противостояния и насильственных мер Южная Сибирь, бассейн Верхнего и, частично, Среднего Енисея в первом десятилетии XVIII в. стали неотъемлемой частью России. О многих сибирских народах во второй половине XVIII в. писали, что «они усвоили образ жизни чисто русский, говорят всегда по-русски... живут с крестьянами смешанно по образу своей жизни и быту...».

С течением времени сибирский край приобретает определенную самостоятельность. Так, в 1685 г. были прекращены хлебные поставки в Сибирь. По данным историка О.Н. Вилкова, к 1695 г. из привозимых 386 наименований товаров Сибирь отказалась от 216, а по 46 сократила ввоз. К началу XIX в. окончательно завершилось признание центральной властью административного положения Сибири в составе Российской империи. Реформатору М.М. Сперанскому велено было *«сообразить на месте* полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края». В 1822 г. он сделал вывод о необходимости учредить новую губернию в центре Сибири — Енисейскую.

Цели русской колонизации Сибири были во многом идентичны стимулам европейских колонистов в Америке: поиску лучшей жизни, обретению свободы и самостоятельности, желанию разбогатеть за счет добычи пушнины, затем золота, уйти от крепостничества и наказаний, приобрести значительные земельные владения. Схожи были взгляды и на систему ценностей: личность надеется на себя, а не на власть, умеет противостоять произволу; благополучие достигается предприимчивостью, трудолюбием, бережливостью. Чувство собственного достоинства, ценность свободы, самоуважение, защита своих прав стали основными устоями сибирского характера. Во многом на формирование данных черт оказал влияние фактор отсутствия в Сибири крепостного права. Все попытки помещиков распространить за Урал власть на землю и крестьян оказались тщетными.

Важнейшей проблемой Сибири стало преодоление последствий фактора ссылки и каторги. Сюда отправляли за вольнодумство и участие в многочисленных выступлениях против государства, за приверженность к «старой вере» и «сочинительство», за неповиновение офицерам или господам. Через Сибирь прошли «опальные» в ходе дворцовых переворотов. С 1760 г. по Именному Указу помещикам разрешалось ссылать в Сибирь крестьян «за воровство, пьянство, прочия непристойныя дерзостныя поступки». В качестве необходимости этого шага приводился и такой аргумент: «Понеже в Сибирской губернии состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные земли, которых к заселению государственный интерес требует». Всем известна история высылки декабристов в Сибирь на каторжные работы с последующим поселением.

Всего за первую половину XIX в. только в Енисейскую губернию было сослано более 50 тыс. человек. Сибирская ссылка способствовала стабильности и устойчивости Российской империи: яростные разрушительные процессы заглушались благодаря добровольному и принудительному оттоку на восток «бродильного элемента» из центральных областей страны. Дети и внуки ссыльнопоселенцев становились сибиряками и воспринимали традиции и нравственные нормы старожилов.

Таким образом, под воздействием ряда исторических факторов произошло перемещение образа Сибири в компонент «своего» края через ее «*о-свое-ние*». В середине XIX в. современники уверенно констатировали: «Сибиряк на всем Востоке России чувствует себя как дома».

3.2. КЛИМАТ СИБИРИ

Еще в середине XIX в. К. Веселовский в книге «Климат России» писал, что «главный фактор, обуславливающий физиономию страны, — климат. Он определяет флору страны и ее пейзаж, фауну и, наконец, культуру человека». Климат оказывает воздействие на хозяйственную деятельность населения, приспособительную изменчивость населения и, соответственно, на сознание человека. Для Сибири характерны выраженные характеристики экстремальности многих компонентов природных факторов.

Историк В.О. Ключевский при описании факторов формирования психологии русских людей обратил внимание на «разность температур между зимой и летом... не менее 23 градусов, но местами... до 35 градусов». На территории Приенисейского края температура января — от $-15\dots-22$ градусов до $-30\dots-35$ градусов; средняя температура июля от $+20$ до $+30$ градусов. Таким образом перепад температур составляет от $35-38$ до 65 градусов. Перепад экстремальных температур (от $+38$ до $-55-62$ градусов) достигает $95-100$ градусов. Однако наиболее пагубные последствия для человека имеют суточные перепады температур. Так в марте-апреле и октябре-ноябре естественны колебания от -15 градусов ночью до $+5\dots+10$ днем и, наоборот, от $+20$ днем до -10 градусов ночью.

В источниках XVII – XIX вв. зафиксированы и экстраординарные проявления сибирского климата:

1782 г. «Весна стояла вельми мразна и студена». Во время страды шли непрерывные проливные дожди.

1799 г. Стояло необычно засушливое лето.

1810 – 1811 гг. Зимы стояли необычно холодные и продолжительные.

1813 г. «В Иркутской и Томской губерниях первоначально была засуха, а 13 июля ударили ужасный мороз, истребивший хлеб на пространстве 1500 верст» (по новому стилю 25 июля).

1815 г. «Жестокие морозы стояли в Тобольске и Иркутске.

1842 г. «Местные власти уведомляют, что еще 2 июня (по новому стилю — это 14 июня)^{*} по Сибирскому тракту ездили на санях».

В XVII в. отмечены 32 необычно холодные зимы; в XVIII в. отмечено 42 засушливых и 20 крайне дождливых лета. XIX в. принес 51 более морозную зиму, 32 случая морозов в конце лета и 45 возвратов морозов в начале лета. Постоянно отмечались повторяющиеся таежные пожары: «В 1887 г. в Сибири стояла необычная жара. Более месяца не было ни одного дождя. В июле температура воздуха достигла 37 градусов в тени. Лес походил на осенний: деревья были почти без листьев или с желто-коричневыми листьями. В тайге полыхали многочисленные и обширные пожары...».

* Для дат XIX в. разница между старым и новым стилем составляет 12 дней.

Суровость сибирского климата дополняется продолжительной зимой, коротким летом, длительными морозами и глубоким снежным покровом в таежной зоне, а в степных районах — малоснежьем. В северных районах экстремальность климата усугубляется продолжительной Полярной ночью (до 65 суток). Исследователи отмечали также преобладание в Сибири ярких солнечных дней в году и повышенную солнечную радиацию.

Климат требовал от человека сверхнапряженного труда, выносливости, наличия закалки и крепкого «сибирского» здоровья. Климат определил во многом особенности быта, обустройства жилищ, характер питания, одежды сибиряков. Отмечалось и определенное влияние климата на физиологию организма, внешний вид старожилов. Особое влияние климат оказал на формирование психологической устойчивости к превратностям судьбы и погоды, невиданного упорства и выдержки в повседневной жизни. Так, сибиряки в прошлом более адекватно воспринимали суровые реалии края. Наиболее благоприятным и ожидаемым считался период от осени до весны — т. н. «веселый сезон», а лето воспринимали как «проклятое», когда необходимо было работать по 18 часов в сутки. Да еще жара, гнус...

Полная адаптация старожилов к воздействующим природно-климатическим факторам отразилась в формировании комплекса сибирской одежды, в своеобразии подворья и жилища, укладе быта и хозяйственной жизни, в праздниках сибирского народного календаря. Конкретные условия природных зон и областей, рельеф местности, осадки и климат, речная сеть, продолжительность благоприятного для земледелия периода, характер почв — все это накладывало отпечаток на специфику адаптации русского населения в Сибири.

3.3. СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

Отличие ландшафтов сибирского края от центрально-российских очевидно. Здесь представлены практически все природные зоны за исключением приэкваториальных: арктические пустыни и тундра, тайга и лесостепь, степь и горные ландшафты. На сравнительно ограниченных пространствах здесь порой сочетаются несколько природных зон. На хозяйственную и психологическую си-

туацию в ходе адаптации русского человека, кроме климата, влиял фактор территории.

Для России в целом характерны, прежде всего, обширные пространства. Исследователи русского национального характера подчеркивали «ужасающее и пугающее влияние на человека бесконечных просторов России». Вместе с тем заметим, что «огромность» Европейской России к XVII – XVIII вв. относительна: она заселена уже довольно плотно. Для сознания российского крестьянина расстояние 100 – 200 верст было довольно приличным. Соответственно, мироощущение человека было ограничено небольшими расстояниями.

Ширь и размах просторов сибирского края таковы, что здесь на территории иной волости могли бы разместиться 1 – 2 «великорусские» губернии. Енисейская губерния по территории превосходила Московскую губернию в 77 раз, Владимирскую — в 52, Петербургскую — в 48, Вологодскую — в 6 раз. А Якутская губерния была больше Московской в 115 раз, Петербургской — в 73 раза, Вологодской — в 10 раз! От Урала до Тихого океана азиатская территория Российской империи простиралась на 8 тыс. километров и на 4 тыс. километров с севера на юг. Общая площадь Сибири превосходила территорию Европы в 1,3 раза, Европейскую Россию — в 2,5 раза. Например, на территории Сибири могла бы 25 раз разместиться Германия.

Пространства Сибири для русских людей были действительно пугающими и безбрежными. Стремление подчинить их, преодолеть ужас перед морем тайги заставило первопроходцев всего за полстолетия совершить бросок от Урала до Тихого океана. «Освоенная» Сибирь изменила мироощущение русского сибиряка, сделала его поистине «космическим», глобальным. «В Сибири 100 верст не расстояние, 100 рублей не деньги...»; «В Сибири 100 верст не крюк, а все наша волость», — так отразились в поговорках представления сибиряков о пространстве...

Факторы территории, расстояний, обширности неосвоенных земель издревле формировали и особое отношение к земле и воле. В русском земледельце постоянно боролись два начала: укорененность на земле и желание ухода в поисках лучшей жизни. Протест против крепостничества, произвола властей, малоземелья и наличие неосвоенных земель вне юрисдикции государства породили леген-

ды о сибирском Беловодье — крае подлинной свободы. Одновременно обширные, безграничные просторы воспринимались в качестве символа реальной воли, независимости, возможности самим определять правила свободной жизни.

3.4. ЧЕЛОВЕК В СИБИРИ

Комплекс природных факторов включает в себя множество других составляющих: непроходимая тайга и бескрайние степи, обширнейшие болота, многоводные и порожистые реки, полное бездорожье, леденящий ветер «хиус» и «хляющие» морозы. Сибиряк сумел преодолеть опасность со стороны дикого зверя, но медведь в сознании старожила-охотника так и остался мудрым хозяином тайги. Не меньшую опасность представлял для человека лось — сохатый. Не зря здесь появилась поговорка: «На медведя иди — постель стели; на сохатого иди — доски (на гроб) теси».

Титанические усилия и изобретательность потребовались от человека для спасения от кровососущих насекомых: комара, мошки, овода, слепня, таежного клеща. Для защиты от насекомых сибиряки по-новому, «нежели в России», проводили выпас скота, многие летние работы. Так, повсеместно применялось окуривание скота дымом костров. Приезжие чиновники брезгливо замечали, что «к сибиряку летом невозможно подойти — от него за версту разит дегтем»: березовым дегтем густо мазали скотину и себя для спасения от гнуса. В таежных селах и деревнях от рождения до смерти человек в летнюю пору носил «личину» — сетку из конского волоса.

Вместе с тем нельзя не сказать о факторах, благоприятных для человека, оказавших позитивное влияние. Сибирский воздух сух и благоприятен для здоровья, настоян на травах и целебной хвое тайги. Даже суровые 40 – 50-градусные морозы человек переносит сравнительно легко благодаря сухости воздуха, безветрию. В степи и тайге много целебных озер, водных и грязевых, изобилие промыслового зверя и птицы. Повсеместно произрастают съедобные дикорастущие травы, плоды и ягоды. Особое место занимают любимые сибиряками кедровые орехи. Сибирские реки изобиловали разнообразной рыбой. «Дары природы» обеспечивали разнообразие питания и существенно помогали спасению человека в неурожайные годы. Лес снабжал человека прекрасным строительным мате-

риалом при постройке качественных жилищ и обеспечивал топливом.

Но все же на первое место сибиряки ставили наиболее приятный фактор — изобилие свободных целинно-залежных земель. Естественное плодородие их было важнейшим условием развитого земледелия в среде русских старожилов. Бывшему «российскому» крестьянину пришлось здесь фактически заново создавать свою технологию земледелия, с отказом вплоть до конца XIX в. от традиционного трехполья и удобрения пашни навозом. Сибиряки придумали новые орудия труда, вывели приспособленные для сурового климата породы скота.

Коренное население Сибири, занимаясь видами деятельности присваивающего характера, сумело хорошо приспособиться к суровым реалиям края. Фактически местные народы-этносы стали частью природы, слившись с нею. Но это поставило их в условия «замкнутой вневременной системы» без явного прогрессивного развития.

В конце XVI – первой половине XVII вв. еще не было полной адаптации русских к Сибири. Об этом говорят многочисленные описания голода, повсеместной нехватки хлеба, неукорененности промышленных людей, хищнического истребления пушного зверя на «чужих» землях, столкновений и нанесенных «обид».

Из челобитной 1653 г.: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу... бьют челом сироты твои... Красноярско-во острога ссыльные людишки Федька Балакин, Олешко Косой, Иванище Старец да промышленный человек Васька Антонов. ...нам, государь, жить в Красноярском остроге немочно. Милостливый государь..., пожалуй нас, своих сирот, в том деле вконец не погибнуть, вели, государь, нас... ис Красноярского острогу выслать к Руси, к женишкам нашим...».

Первые русские земледельцы, «опираясь на *привычные* представления и сталкиваясь с суровой действительностью», также «терпели поражение» в Сибири. На основе выявления показателей качества земли, примет, испытания пригодности зерновых и овощных культур, посевов для «опыта» формировалось сибирское земледелие. В последней четверти XVII в. источники констатировали, что «здесьние крестьяне пашут не по русскому обычаю». Земледелие укоренилось и на берегах Енисея. Русский посол в Китае

Николай Спафарий писал в своих записках: «Енисейская страна вельми хороша. Дал Бог изобилие всякое, хлеба много...».

С позиций адекватного соответствия хозяйства факторам сибирского месторазвития мы должны по-иному оценивать приоритеты эффективности хозяйствования: «Плохо ведет большая часть сибирских старожилов свое хозяйство — по старинке, и все же оно *приспособлено* к местным условиям», — писали современники. Поэтому С.П. Капустин справедливо подчеркивал: «При обсуждении хозяйства в Сибири надобно всегда обращать внимание» на условия... страны. Те мерки, которыми *мы привыкли мерить* в Западной Европе или в России, *здесь неприемлемы*. Из многоного того, что разумно и пригодно там, будет нерационально и вредно здесь».

Человек активно приспосабливал окружающую среду, иногда в ущерб ее экологическому состоянию. Русское старожильческое население не только воссоздало здесь систему земледелия, как основу производящего типа хозяйства, промыслы и ремесла, рыночные связи, но и во многом переняло опыт аборигенного населения края. На этой интегрированной и адаптированной к Сибири основе появились сибирские жилища, новые типы усадеб, традиции и обряды, особенный уклад жизни. Воздействие природно-климатических факторов заставляло сибиряков крайне расчетливо подходить к анализу возможных вариантов в планировании очередного сельскохозяйственного года. Для старожилов стало естественным создание резервных запасов зерна, кормов для скота, просушенных строительных материалов и дров, запасного хозяйственного инвентаря.

Природно-климатические факторы с первых десятилетий оказывали влияние на процессы естественного отбора: выживали и приспосабливались наиболее стойкие, закаленные, физически крепкие люди. Не зря понятие «сибирское здоровье» стало расхожим. Естественное закаливание и труд с раннего детства позволяли в течение столетий закрепить иммунитет по отношению к множеству стрессовых природных факторов. Сибиряки отличались повышенной остротой слуха и зрения, силой и выносливостью, способностью выдерживать длительные переходы и продолжительные физические нагрузки, перепады температур и продолжительные холода, умели прекрасно ориентироваться в незнакомой местности.

3.5. ПАССИОНАРИИ

В большинстве своем в сибирский край по своей воле или «воле» властей шли люди смелые, предприимчивые, активные и рисковые, стремящиеся к выполнению поставленной задачи, преодолевающие страх смерти. Таковых людей историк Л.Н. Гумилев назвал пассионариями.

Пассионарии — это наиболее честолюбивые, независимые, страстные, активные, смелые представители этноса, с внутренним стремлением к деятельности. Это люди с избытком внутренней энергии, способные к самопожертвованию, стремящиеся к изменению окружающего мира. Активность пассионариев, всплеск пассионарного напряжения в XVII – XVIII вв. привел к возникновению множества этнических подсистем — субэтносов: казаков, поморов, сибиряков, старообрядцев.

Выдающийся историк и этнолог Л.Н. Гумилев отмечал: «Признак пассионарности в ходе этногенеза как бы дрейфует по территории страны от центра к окраинам. В итоге... пассионарность окраин этнического ареала всегда выше, чем пассионарность исторического центра. Схема процесса очень проста: люди энергичные, стремясь избавиться от пристального внимания начальства и обрести побольше простора для деятельности, ...едут осваивать новые земли».

Черты пассионарности во многом позволяли преодолевать холод и голод, противодействие «немирных» князцов кочевых сибирских этносов, трудности обустройства при минимальной помощи государства. Пассионариями были служивые люди и казаки, «промышлённые» люди и большинство землепашцев. Чертами пассионариев обладали и бывшие преступники, сосланные в Сибирь. Здесь человека не спрашивали о прошлом, а оценивали по настоящему поведению. Сибиряки своей традиционной культурой «переваривали» преступные наклонности человека и вовлекали его в круг «своих».

Концентрация пассионариев продолжилась и в годы советской власти. В годы раскулачивания в массовом порядке сюда ссылались наиболее «крепкие», предприимчивые и хозяйственныекрестьяне. Не менее значительными были массовые высылки репрессированных, склонных к свободе и самостоятельности. Пассионариями «по

духу» были первоцелинники 50-х годов и «комсомольцы-добровольцы» на сибирских стройках второй половины XX века.

Таким образом, черты пассионарности в течение нескольких веков стали чертами характера сибирского населения. Сибирь — «страна пассионариев» с выраженными чертами активности, предпримчивости, настойчивости, смелости и целеустремленности.

3.6. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Как воздействующим, так и показателем успешной адаптации для сибиряка стал экономический фактор. Это выражалось, прежде всего, в успешном хозяйствовании и самостоятельности пользования результатами своего труда. Отсутствие помещичьего землевладения и «вольная жизнь на вольной земле» позволили достичь высокого уровня жизни. Для экономического благополучия немаловажным стал своеобразный обмен: получение свободы и самостоятельности старожилами взамен обязанности перед государством освоить край. Г.Н. Потанин писал: «Сибирь стала подарком, который народные массы преподнесли России».

В XVIII – XIX вв. основную массу переселенцев составляли государственные крестьяне северных губерний России, свободные от крепостничества. Большинство из них были крестьянами-середняками, имевшими опыт устойчивого хозяйствования, людьми трудолюбивыми и настойчивыми. За 5 – 10 лет проживания в Сибири они «обрастали» крепкими подворьями, разрабатывали по «захватному» принципу необходимое количество земли. Ограничений в размерах пашни не было до последних десятилетий XIX в.; на мужскую душу община выделяла по 15 десятин земли. Дополнительно крестьянам по наследству переходили разработанные отцами пашни-займища. Если в Европейской России, вследствие малоземелья, на крестьянский двор приходилось в среднем по 5 – 7 десятин земли, то для сибирских хозяйств обычными стали домохозяйства с 50 – 100 десятинами земельных владений.

Применяя залежно-паровую систему земледелия, без использования удобрений, крестьянин гарантированно получал урожай «сам – 5». Средняя урожайность в Енисейской губернии в середине XIX в. составляла «сам – 6»; высшая — «сам – 12». В Ачинском и Минусинском округах средний урожай был до «сам – 10», выс-

ший — «сам – 15». Еще с 1685 г. полностью прекратились поставки хлеба в Сибирь из Европейской России; сибиряки не только полностью обеспечивали себя хлебом, но в XIX – начале XX вв. активно выходили на внутренний и внешний рынки.

Сибирская действительность требовала иных оценок состояния хозяйства, иного количества рабочих рук в семье, значительно большего количества лошадей, лучшего обеспечения продуктами питания, одеждой и прочими припасами. По-иному необходимо оценивать и социальные категории крестьянства в России и в Сибири. Сделаем подобное сравнение по количеству лошадей в хозяйстве (табл. 1).

Таблица 1

Тип хозяйства Регион	Бедные и «слабые» хозяйства	Средние хозяйства	Зажиточные хозяйства
Центральные районы России	0–1 лошадь	2–3 лошади	4–5 лошадей
«Старожильческая» Сибирь	1–3 лошади	3–7 лошадей	7–12 и более лошадей

Итогом высокой самодостаточности старожилов стал высокий уровень качества жизни, «достаточная» покупательная способность, хозяйственная самостоятельность. Это коренным образом изменило психологию крестьян-старожилов, сформировало новые стереотипы поведения в среде «своих», новый социальный идеал.

3.7. МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Основную роль в формировании старожильческого населения сибирского края, бесспорно, сыграл великорусский этнос. Но в данном процессе в той или иной степени приняли участие все народы Российской империи. Подобный, полигэтнический характер освоения новых земель можно проследить в Америке, Австралии. Но редко где взаимодействие представителей различных народов приняло сравнительно безболезненный характер, как в Сибири. Крайне малая плотность населения и взаимное невмешательство в традиционную культуру коренного и некоренного населения, позитивная политика государства в отношенииaborигенов позволили

заложить основы согласия. И ныне Сибирь остается одним из наиболее бесконфликтных регионов России.

Во многом процесс сближения с местным сибирским населением проходил на основе межэтнических браков в XVII – XVIII вв. и продолжался на окраинах компактного проживания русского населения. Данный тип браков символизировал собой взаимовыгодный союз, позволявший как русским, так и представителям автохтонного населения решать многие экономические, социальные и бытовые проблемы. Особенно много подобных браков заключалось в XVII в. в связи с острой проблемой недостатка русских женщин в сибирских острогах и селениях. В первой половине XX в. данные этнодемографические процессы активизировались рыночными процессами и быстрой урбанизацией.

В течение трех столетий русское население своеобразным «русским клином» осело в Сибири. Наибольшая плотность, соответственно, была в староосвоенных районах Западной Сибири, наименьшая — в Якутии и на Камчатке. Соотношение русского и коренного населения (в%) к 1910 г. показано в табл. 2.

Таблица 2

Губернии (области)	Русские	Аборигены
Томская	96	4
Енисейская	94	6
Иркутская	82	18
Забайкальская область	72	28
Якутская	8	92

Если первоначально в основном Сибирь осваивали русские переселенцы из северных губерний, то с середины XIX в. здесь проживали выходцы из Центральной России, Поволжья, Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики. Так, только в период «разделов» Польши в XIX в. сюда было выслано около 100 тыс. поляков. Из 9 тыс. пленных шведов, высланных в Сибирь после Полтавской битвы, около половины навсегда прижились здесь.

Представители различных этносов принесли с собой строительное искусство, культуру хозяйствования и быта, привычки, обычаи, разговорную речь, фольклор, черты характера. Ряд этничес-

ских групп предпочитали селиться компактно отдельными селениями, но большинство включались в процессы интеграции и межэтнического взаимослияния. Как те, так и другие проходили через общие этапы адаптации к сибирским условиям, приспособления и изменения коренных традиций. Примером успешной адаптации служила культура русских старожилов. Она не только влияла на «осибирячивание» этнических культур, но впитывала в себя все триста лет лучшие черты и достижения других народов.

Таким образом, постоянное сибирское население формировалось на основе смешанных браков, включения различных этнических групп и культур коренного сибирского и некоренного населения. А веротерпимость, этническое согласие стали неотъемлемой чертой сибиряков.

Множественные воздействующие факторы, оказывая в XVII – XX вв. комплексное влияние на качественные характеристики сибирского населения, на хозяйственную деятельность, образ жизни, быт, привычки, общественные отношения, мировоззрение, культуру, предопределили новое самосознание. В представителях русского старожильческого населения сформировались особенные черты сибирского характера.

§ 4. СУБЭТНОС РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ

«Всякий народ несет в себе самом то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества; это образующее начало у нас — элемент географический. Вот чего не хотят понять: вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел», — так П.Я. Чаадаев, русский мыслитель, публицист и философ XIX в., означил русский этнос как продукт обширных пространств Восточной Европы.

Эта мысль всецело поддержана и развита в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского: «Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий рус-

ского человека. В лесной России положены были основы русского государства. Несомненно то, что человек поминутно и попеременно приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям». Далее он отмечал влияние природы на выработку сообразительности, характер, чувства, понятия, стремления, на отношение к другим людям.

Неудивительно, что на просторах Восточноевропейской равнины издревле ковались в людях смелость, стойкость, трудолюбие, взаимовыручка. Лучшие качества проживавших здесь русского, финно-угорского, тюркского этносов сформировались во многом благодаря суровым реалиям вмещающего ландшафта.

Этнос — исторически сложившаяся на территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства от всех других подобных образований, фиксированным в самоназвании.

Не только у отдельных людей, но и у этносов есть Родина. «Родиной этноса является то сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему», — писал Л.Н. Гумилев. Природа действует на человека принудительно, заставляя развиваться в определенном направлении. Этносы, которые не могут приспособиться и измениться (адаптироваться), должны переселиться в другой вмещающий ландшафт или вымереть.

При переселении части этноса в другой вмещающий ландшафт с ним происходят те же изменения. В данном случае можно говорить об изменениях в культуре, общественных отношениях, образе жизни этнической группы на новой территории в сравнении с характеристиками материнского этноса. Отсюда можно сделать вывод и об изменениях в чертах характера этих людей, в их поведении, миропонимании и новом самосознании. Экстремальные факторы существенно преобразовали все стороны жизни русских сибиряков. «Русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции... и образовали субэтнос русских сибиряков», — сделал вывод Л.Н. Гумилев.

Субэтнос — это таксономическая единица, находящаяся внутри этноса как зримого целого и не нарушающая его единства, обладающая специфической культурой и выраженным самосознанием. Как и этнос, субэтнос обладает определенными стереотипами поведения, закономерно меняющимися в историческом времени.

Подобные процессы формирования малых подгрупп этноса присходили и в европейской части России. Здесь сложились такие субэтнические группы русского народа, как поморы, казаки, полехи, старообрядцы, мещеряки, севрюки, однодворцы, тумы. В данном ряду этнографами выделяются уральцы и сибирские старожилы. Все субэтносы имеют «специфические черты культуры, ... осознают свою общность совокупности людей внутри этноса».

Субэтнос — явление эволюционное. Этнограф Ю.В. Бромлей подчеркивал, что эволюционность предполагает «изменение отдельных компонентов этнической системы». В данном виде отпочковавшаяся часть этноса группируется в таксономическую единицу на основе консолидации мелких групп. Основой консолидации могут выступить географический, экономический, социально-политический, религиозный и иные факторы.

Для ряда субэтносов характерны процессы межэтнической интеграции и ассимиляции в новых территориально-географических условиях, включения компонентов культуры местных народов. Главным критерием завершения формирования субэтноса, по словам Ю.В. Бромлея, является оформление «у людей двойного этнического самосознания: сознания принадлежности к субэтносу и этносу». Так осознает себя представителем казачества и, одновременно, русского народа житель Дона или Кубани.

В течение нескольких поколений инновационность, превалируя над этнической традиционностью, под воздействием рассмотренных факторов быстро обретала форму традиции. При этом многие свойства этнической культуры могли утрачиваться, многие — изменяться за счет межэтнических связей и воздействия экстремальной среды.

Субэтнос обретал название (субэтноним). В свою очередь, члены субэтноса могли сформулировать свой этноним для «материнского» этноса. Ареал проживания субэтноса становился социокультурным регионом. Одновременно происходило оформление приоритетов, норм и моделей поведения членов субэтноса в конкрет-

ных обстоятельствах борьбы за выживание. Изменения начинали проявляться в стереотипах поведения, в обрядах, в меняющемся субэтническом образе, фиксировались в исторических источниках. Следствием данных изменений у русских в Сибири стало формирование субэтноса русских старожилов Сибири.

Любой субэтнос включает в себя ряд внутренних групп, обладающих особенностями в одежде, укладе хозяйственной и общественной жизни, образе жизни и верований. Данные группы, конвиксии, могли быть исходными общностями в формировании субэтноса или сформировались как отличительные в ходе адаптации к новым условиям.

Конвиксии — группы людей с одинаковым, однохарактерным бытом и семейными связями.

Субэтнос русских старожилов состоял из множества конвиксационных групп: это несколько групп сибирских «чалдонов», «каменщики», «поляки», «марковцы», «кержаки», «карьмы», «семейские», «русаки», «смешицы», «гураны» и другие.

* * *

«Надеюсь, что со временем, с Божьей милостью и помощью, обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии нераздельно же с нею воспользоваться одинаковыми правительственными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу во славу дорогого нашего Отечества».

Император Александр III. Из «Послания в честь 300-летия присоединения Сибири к России»

* * *

На пространстве 13 млн. кв. км до начала XVII в. проживало, по различным подсчетам, от 180 до 236 тыс. человек местного коренного населения. В среднем на человека приходилось более 40 кв. км (от 3 до 300 кв. км в различных регионах). При охотничьем типе хозяйства на одного человека требуется до 10 кв. км угодий, а при экстенсивном животноводстве — около 1 кв. км. Таким обра-

зом, в условиях присваивающей системы хозяйствования имелись громадные резервы неосвоенных земель.

* * *

Среднемесячная температура в Туруханске в январе -37 , в Минусинске $-20,8$; среднемесячная температура воздуха в июле в Туруханске $+16,8$, в Минусинске $+19,7$ градуса.

Зафиксированы абсолютные температуры зимы и лета в Красноярске: -55 и $+40$ градусов, в Минусинской котловине: -52 и $+39$.

* * *

В 1825 г. зима была очень теплой: Ангара покрылась льдом 18 января, а вскрылась ото льда 2 марта (по ст. стилю). Следовательно, река была подо льдом только 42 дня.

В 1875 г. у Минусинска Енисей покрылся льдом 7 октября, а вскрылся ото льда 14 апреля (по ст. стилю). Таким образом, зима продолжалась в 1875 году около 200 дней.

* * *

Землетрясение в Красноярске в 1858 г. «30 мая в первом часу пополудни послышался подземный гул, а ровно в час дня под самым городом раздались два удара. Явление продолжалось не более 3-х секунд. Содрогание земли было довольно ощутимое: растворились окна и двери, висячие предметы качались. Ранее подобное было в 1851 году. Сильное землетрясение в южной части Енисейской губернии было в 1850 году».

* * *

«7 августа 1887 г. в Иркутске наблюдалось полное солнечное затмение. На небе были видны яркие протуберанцы солнца, около 10 звезд. При этом температура воздуха упала резко с 34 до 12 градусов и некоторое время дул пронизывающий ветер». Солнечное затмение было и в Красноярске: среди наблюдавших его был и великий русский физик А.С. Попов.

* * *

«28 мая 1879 г. вода вошла в село и прибывала до 8 июня, так что положительно затопила все село, а в окрестностях засеянные

поля; разнесла мелкие постройки, мельницы; потопила много домашнего скота. Жители спасались на горе, «Камень» прозывающейся, а другие выехали в ближайшие деревни... только 20 июня вода пала на межень. Это же наводнение потопило деревни Момотово, Самкову, Галанину, Курбатову, Силошну, Борки, Клопову и др.» (из описания наводнения в с. Казачинском Енисейского округа Енисейской губернии).

* * *

«В середине XIX в. в с. Тасеево Канского округа десятина пашни давала до 450 пудов хлеба; урожай в 300 пудов считался посредственным. Засевали не более 5 – 6 десятин».

* * *

Декабрист И. Завалишин: «Скот и лошадей не иначе выгоняют на пастбище, как обмазанных дегтем; люди вынуждены, хоть задыхаясь, работать в пропитанных дегтем рубашках, в сетке, с тщательно укрытыми руками и ногами».

* * *

В южных районах Сибири в XIX в. у крестьян имелись огромные покосы и большие табуны лошадей. Иногда происходил такой разговор:

- Зачем столько лошадей?
- Возить сено.
- Зачем покосы такие большие и сена столько косите?
- Кормим лошадей...

* * *

О здоровье и силе сибиряков по Руси ходили легенды. «В Бухтарминской крепости (Западная Сибирь) жил в 50-х годах XIX в. необыкновенной силы священник А.П. Бисеров. О его силе рассказывалось много историй. Однажды, рассердившись, он схватил за «ушки» два мешка с мукой: в каждом было до 10 пудов веса (по 160 кг), вынес те мешки на улицу и, высоко подняв их вверх на вытянутых руках, с силой ударил друг о друга. Мешки лопнули, и вся мука рассыпалась. Два сына Бисерова также отличались необыкновенной силой».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Россия — факт географический (П. Чаадаев): интегрированный урок истории и географии.
2. Русский национальный характер.
3. Страна Сибирь (интеграция: география, история, биология, литература, медицина и др.).
4. Формирование сибирского субэтноса.
5. «Моя Сибирь». Сочинение-эссе.

II. Термины и понятия

Этнос, субэтнос, конвиксии, ландшафты, пассионарии, сибиряки.

III. Диалог

Какие качества необходимы человеку в Сибири для выживания? Какие из изученных на уроке факторов изменились за последнее столетие, какие сохраняются? Назовите иные воздействующие на сибиряков факторы. Попробуйте определить «секреты» межнационального мира и согласия в Сибири. Что объединяет здесь людей разных вероисповеданий и национальностей? Объясните: «Уметь принимать человека таким, каков он есть». Каковы основные черты характера русского этноса?

IV. Исследования

1. На основе устных и письменных источников составьте календарь-летопись необычайных явлений природы вашей местности.
2. «Российские корни» учащихся вашего класса. Краткая история переселения в Сибирь ваших предков.
3. Топонимика: а) местные сибирские названия рек, озер, населенных пунктов; б) имена первых «засельщиков» на карте вашего района; в) «российская» топонимика на карте вашего района.
4. Памятники истории и культуры коренных этносов на карте вашего района (реферат).

V. Творчество

1. Начертите план развития вашего города, села в динамике, за все десятилетия его существования.

2. Напишите небольшое сочинение от имени первых переселенцев, основателей вашего населенного пункта. Почему они выбрали это место? Какие трудности они испытали на первых порах? Как они начинали ценить этот край?
3. Составьте кроссворд из слов местного краеведческого словаря.

VI. Музей

Материалы по географии, археологии, этнической истории, природно-климатическим факторам вашей местности.
Карта «Российские корни моего города (села, поселка)».

§ 5. ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

«Народы во многом повторяют судьбы отдельных людей. Они тоже имеют свой дом, работают, живут лучше или хуже, но главное — как и люди, являются неповторимыми личностями со своими привычками и характером, со своей манерой понимать вещи. Такими народы сделала история, все обстоятельства их долгой, непростой жизни», — образно высказался о национальном характере народа русский философ Ильин.

В широком смысле национальный характер — явление природное. Носители его, этносы, приходят и уходят; с ними приходят и уходят различные типы этнонационального характера. В узком смысле национальный характер — явление историческое; национальный характер меняется во времени по мере самоорганизации народа, изменения исторической обстановки и исторических задач, стоящих перед обществом. Так, обстоятельства мирного сосуществования различных этносов на территории Европейской России породили, по выражению писателя Ф.М. Достоевского, национальную терпимость и «всемирную отзывчивость» русских.

Важной чертой русского характера стала терпеливость, обеспечившая выживание в природно-климатических условиях Восточной Европы. К этому добавились постоянные войны, потрясения, тяготы жизни в условиях 250-летнего татаро-монгольского ига. На Руси говорили: «Бог терпел и нам велел», «За терпение Бог дает спасе-

ние», «Терпение и труд все перетрут». Главным условием терпения была его моральная обоснованность.

Жизнь русского человека требовала объединения в трудовые коллективы, в артели, в общину. Личные интересы человека, его благосостояние часто ставились ниже благополучия общины, государства. Суровая жизнь требовала исполнения долга, бесконечного преодоления трудностей; обстоятельства часто выступали не на стороне человека, а против него, поэтому исполнение задуманного великим русским воспринималось как редкое везение, удача, дар судьбы. Вследствие низкой результативности и рискованности, не-предсказуемости итогов труд для русского крестьянина становился естественным, богоданым занятием, скорее, наказанием (страдание — от слова «страда»).

Открытость границ и постоянная внешняя угроза воспитывали в русском человеке чувства самопожертвования и героизма. Сознание народа связывало иноземные нашествия с греховностью людей. Нашествия — это наказания за грехи и проверка на стойкость и угоду Богу. Поэтому на Руси всегда было праведно «не щадя живота своего» защищать землю свою от «басурман».

Душу народа во многом воспитывало православие. Философ С. Булгаков писал: «Народное мировоззрение и духовный уклад определяются Христовой Верой. Как бы ни было здесь далеко расстояние между идеалом и действительностью, норма — христианское подвижничество. Подвижничество — вся история, с давившей его татарщиной, стоянием на посту охраны цивилизации в этом жестоком климате, с вечными голодовками, холодом, страданиями». Ценности православия слились с моральными ценностями и сформировали нравственный стержень народа.

Черты русского национального характера включают в себя иррациональность мышления, когда образные, эмоциональные формы превалируют над понятийными, когда практичность, расчетливость отступают на второй план. Это является и одной из сторон русского «двоеверия», то есть сохранения и взаимной интеграции язычества и православия.

Терпение и покорность шли рука об руку с вольнолюбием. О вольнолюбии славян еще в древности писали византийские и арабские авторы. Жесточайшее крепостничество вполне могло уживаться с вольнолюбием до тех пор, пока оно не покушалось на

внутренний мир человека или пока не наступало беспредельное насилие. Протест выливался в восстания и, чаще всего, в уход на неосвоенные земли. Геополитические реалии Восточной Европы и Сибири позволяли это делать в течение многих столетий.

При этом происходила кристаллизация лучших черт национального характера в составе субэтнических групп. В сознании казака в абсолют возводились воинская доблесть и исполнение долга, в сознании сибиряка — несгибаемость, настойчивость и упорство.

Таким образом, рассмотренные частично черты русского характера позволяют выделить двойственность, борьбу противоположностей. По словам философа Н. Бердяева, Россия сама по себе «двойственна»: она объединила в себе различные культуры, «Россия — это Восток-Запад».

Академик Д.С. Лихачев писал: «Надо понять черты русского характера... Правильно направленные. Эти черты — бесценное свойство русского человека. Возрождение чувства собственного достоинства, возрождение совестливости и понятия честности — вот в общих чертах то, что нам нужно».

* * *

В.О. Ключевский: «Расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великороссийский авось. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развивать великоросс, ... не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии.

Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, ... неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Невозможность рассчитать наперед, сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразились на складе ума великоросса... он стал более осмотрителен, чем предусмотрителен... русский человек задним умом крепок...».

* * *

Н.А. Бердяев: «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени... Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Над русским человеком властвует земля... Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть...».

* * *

Альфред Геттнер: «Суровость и скопость природы, лишенной, однако, дикой силы моря и высоких гор, научили его пассивным добродетелям довольства малым, терпения, послушания — добродетелям, еще усиленным историей страны...».

§ 6. МЕНТАЛЬНОСТЬ СИБИРЯКОВ

Процесс освоения Сибири в российской истории являлся комплексом взаимосвязанных изменений. Они включали в себя: а) преобразование «дикой» природы, преодоление воздействующих факторов экстремального климата; б) формирование условий «выживания», включающих одежду, жилище, пищу; в) хозяйственную и психологическую адаптацию человека, становление новых традиций; г) формирование нового сознания у представителей старожильческого сообщества.

Мы отметили, что итогом данных процессов стало формирование сибирского старожильческого субэтноса. В 1860-х гг. литератор и этнограф Н.С. Щукин писал: «Опытный глаз *сразу отличит* сибиряка от русского». Данное высказывание касалось оценки не только внешнего образа, но и стереотипов поведения старожилов, отличительного образа жизни.

Образ жизни — это способ или характер жизнедеятельности личности, социальной группы или всего общества, обусловленной их

собственной этнической природой, естественно-географическими, экономическими и общественными условиями их жизни.

Образ жизни старожилов сформировался в процессе приспособления к суровым природно-климатическим и ландшафтным условиям, этнокультурному окружению местных народов. Новые правила жизни, нормы социальных отношений, обряды, праздники становились традицией; с каждым десятилетием образ жизни сибиряков более и более отличался от великорусского. В каждом новом поколении воспроизводились адаптированная культура и система ценностей мира старожилов. Процесс социализации проходил под руководством пожилых людей — носителей знаний, традиций и опыта предков.

В самосознании русских людей в Сибири постепенно изменилось отношение к понятиям «малая родина», «Русь-Россия», «российские люди».

Этноним (имя этноса) «русские» специфичен содержанием: «Русские принадлежат Руси, относятся к ней, ... производны от Руси», — отмечает историк И.В. Кондаков. Данные глубинные установки в славяно-русском сознании говорят *о принадлежности* этноса к земле (*русь*-ский человек). Россия — это прежде всего русская земля. «Мать-сыра земля» для россиянина была высшим судьей, кормилицей, «родительницей» народа.

В связи с перемещением части этноса в Сибирь потомки их во втором-четвертом поколениях «землей-матушкой» считали свою новую «малую родину». Поэтому термин «сибиряк» в этнониме нового субэтноса отражал и степень принадлежности к сибирской земле и, одновременно, степень приспособления к сибирским факторам. Когда сибиряки называли прибывших из-за Урала, из «Рассеи» «российскими людьми», то оценивали их с позиций принадлежности России, а не Сибири. Первым красноярцам «более всего были присущи мужество, стойкость, развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине», — отмечает красноярский историк Г.Ф. Быкона. Несомненно, это конкретный результат материальной, социальной и психологической адаптации.

Центральным компонентом этнического характера является менталитет. Он определяет «национальный» способ миропонимания и способов действий в окружающей среде.

Ментальность — это совокупность наиболее устойчивых представлений и стереотипов, исторически сложившихся у социальных субъектов под влиянием различных факторов и проявляющихся в виде особого способа мироощущения и мировосприятия, влияющего на его образ жизни и поведение.

Центральным компонентом ментальности людей является модель мира как комплекс традиций. В данном случае это традиции, адаптированные к сибирским условиям в ходе «освоения» края. Модель мира в сознании человека предоставляет возможность определить себя в мире и дать ему образ такой окружающей среды, в которой он мог бы свободно действовать. Процесс адаптации вырабатывал способности гибкой ориентации в любой ситуации. Традиции модели мира определяли значимые цели, которые формировали установки стереотипов поведения.

В системе ценностей ментальной модели мира в сознании старожильческого населения Приенисейского края одной из важнейших была ценность свободы. «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона... они порицают те нововведения..., что ограничивают свободы...», — отмечал историк А.П. Щапов. Князь П.Д. Горчаков, генерал-губернатор Сибири, писал: «Здешние поселяне, взросшие в полной **независимости**, мало знакомы с нуждой».

Важное место в ценностной картине мира занимала самооценка личности. Осознание себя полноправным членом сообщества предполагало наличие комплекса прав и обязанностей. Свидетельством высочайшего чувства достоинства и последовательной борьбы старожила за свои права служит «Дело о незаконном лишении прав крестьянина Алексея Степанова Коробейникова». Суть дела в том, что сельский сход с. Абаканского Абаканской волости лишил его в октябре 1887 г. права голоса на сходе сроком на три года «за распространение своим односельчанам клеветы на волостное начальство». А.С. Коробейников не смирился с тем, что его «устранили от всякого участия в общественных делах и совещаниях и нанесли безвинное оскорбление».

Он обратился с жалобой к Енисейскому губернатору, но из-за негативной характеристики волостного правления получил отказ. Тогда абаканский крестьянин написал обстоятельную жалобу в Санкт-Петербург, в Правительствующий Сенат: «Во всех делах, полезных обществу, волостное правление прибегало ко мне как к полезному члену своему, а не к таковому вредному, как охарактеризован я в приговоре по инициативе бывшего волостного старшины, ...который смотрел на подобных мне людей, охраняющих общественный интерес, как на камень при достижении своих эгоистических целей».

14 июля 1889 г. Правительствующий Сенат «постановляет решение Енисейского Губернского Совета отменить», виновных строго наказать и «считает подобную практику ...недопустимой».

В выраженном чувстве собственного достоинства в ментальности старожила нами выявлена двойственная позиция. Во-первых, современники XVIII – XIX вв. отмечают выраженную негативную реакцию на малейшее покушение на достоинство личности, многочисленные судебные разбирательства «за обиды, оскорблений».

Н.М. Ядринцев свидетельствовал: «Сибирский крестьянин... ведет себя непринужденно и развязно, ...чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол...». Рапорты сельских старшин непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным: «... о чем волостному правлению **честь имею** донести». «Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими».

Одновременно наблюдается странная позиция «униженности, угодливости, стремления откупиться». Постоянная настороженность к «чужим», стремление не допустить другого человека за некую черту сформировали в качестве защитных мер те, о которых идет речь. При этом унижение, хитрость перед «чужими» не считались у старожилов зазорными. В словаре сибирского говора первой половины XIX в. слово «ум» означает «хитрость». Отсюда обмануть, схитрить — значит спастись от «зла».

Н.Д. Фонвизина за долгие годы проживания в Сибири сумела выделить характерные черты в ментальности старожилов. Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в

рот — он без намерения, но откусит. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дастся в обман и, если можно, самому обмануть. Быть обманутым считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, — скрытость»; «Сибиряки весьма просмешливы. Все, что не согласно их умонастроению, понятиям, они непременно просмеивают. В сибирском обществе в высшей степени господствуют сплетни».

Постоянное соперничество в ведении домохозяйства, землепашестве, в достижении уровня жизни, в повседневном поведении было довольно близко характеру граждан США, что отмечали в записках декабристы. «Каждый живет особняком», коллективное начало «мало развито», в борьбе за выживание в условиях соревнования-соперничества в старожилах вырабатывались «удивительная выносливость и настойчивость,... необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях», — писали о сибиряках в XIX в. Сибиряк постоянно стремился выглядеть в глазах односельчан, окружающих радушным и хлебосольным хозяином, сострадающим «сирому и убогому». Отмечалось, что «нигде в России так не подают нищим, как в Сибири».

«Сибиряки... народ человеколюбивый и снисходительный, за всем тем, что они окруженные ссыльно-преступными. Нравы здешних жителей кротки, благонравны и гостеприимны: они каждого приезжающего принимают ласково, рады разделить с ними, что имеют последнее, и ладе кто из гостей в знак благодарности за такой прием будет благодарить деньгами, то сам навлечет хозяину на себя неудовольство, а деньги не примутся»*.

Наряду с милосердием, при выраженной соревновательности, элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль. Высокий уровень нравственности в общине зависел от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут», — записали в своем приговоре старожилы Анциферовской волости Канского уезда. В сибирском афоризме: «Что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи» — мы видим философское осмысление нравственных качеств личности, взаимосвязи материального и ду-

* Пестов Н. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. — М., 1833.

ховного в миропорядке старожильческого населения. Таким образом, в сознании сибиряка имелись установки действий, направленные на формирование способности старожила создавать свой «чистый мир». В понятия «нравственность», «честь», «достоинство» сибирский старожил вкладывал и честность: «Обманешь в игле, не поверишь и в рубле», «Честь чести и на слово верит».

Наряду со свободой, личными качествами человека важнейшее место в картине мира занимал свободный труд: «Мужику больше о чем думать, как не о пашне..., о работе. Да за добрые труды быть словутными», — подчеркивал А.П. Щапов. Жизненную необходимость напряженного труда в страдную пору выделял этнограф А.А. Макаренко: «Рабочий день сибирских крестьян продолжается от зари до зари... около 16 – 18 часов в сутки, при кратковременном отдыхе...». Труд становился в сознании и мерой оценки «праведного человека», имеющего пашню, домохозяйство. «Мертвый не без могилы, а живой не без подворья», — говорили сибиряки.

Собственность, в понимании старожила, предназначена приносить доход. Это определяло рыночный характер мышления и установок поведения сибиряка. Крестьянин-середняк с. Курагино Минусинского уезда Ф.Ф. Девятов подсчитал в 1870-х гг., что в среднем по волости при имеющихся 12 десятинах пашни на рынок идет урожай с 3 десятин ржи, 1 десятины овса, 1 десятины пшеницы.

Приоритеты личной и общественной собственности распределялись чаще всего в пользу прав личности при возникновении спорных ситуаций. В 1889 г. крестьянину И.Е.Е. из д. Займской в результате неточного наделения землей «была нанесена обида». Он подал иск в волостной суд на сельское общество (!) ввиду того, что его «обделили на 1/8 десятины. Ответчик (сельское общество) признал ошибку и просил суд вынести решение: «В будущем 1890 году выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак **«признания вины общества»**.

Рациональное крестьянское сознание расчетливо и скрупулезно учитывало и меру вложенного труда, и прибыль от аренды земли.

Так, истец М.П. из д. Пашенной Пинчугской волости Енисейского округа заявил в волостном суде, что «Н.Т. от него взял в арендное содержание расчищенную пахотную землю без срока с платою за землю 1 пуда хлеба, но не подтверждает этого обязательства». Суд решил «возвратить землю истцу, который обязан полу-

чить от ответчика 1 пуд хлеба и *отдать обратно* за удобрение той земли ответчиком».

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании отрицательное отношение к зажиточности меняется; богатство становится мерой «угодности Богу». Соответственно, в картине мира богатым представал тот, кто «сытой мужик, полномочный, живет словутно» (достойно); середняк, «средней руки крестьянин», тот, кто «можно живет, ладно, сытно и словутно». Положительная оценка зажиточности — «живет словутно» — отражала ментальную оценку основной массы старожильческого населения. Подобное место зажиточности в картине мира сибиряков еще в начале XIX в. определил губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, писавший, что хозяйства, в которых «до трех лошадей, — относят здесь к бедноте».

Стремление к зажиточности большинством современников часто воспринималось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе». Историк Л.М. Сабурова приводит высказывание ангарского старожила: «Я доможирничал, на прииска не ходил». Слово «жир» в словаре приенисейских сибиряков означало «довольство, богатство». «Жировать» — значить жить в довольстве, зажиточно. В данном случае «доможирничал» — приобретал высокие доходы *своим* хозяйством (домом) и, соответственно, жил в довольствии.

«Скуп, да в сале пуп!». В данной поговорке под понятием «скрость» скрывается слово «бережливость». Скрость не порицаемое качество, это залог зажиточности, не жадность. Жадного человека называли иным словом — «жила», «жилистый». Представления старожилов и переселенцев из Европейской России оказались в противоречии, поэтому вполне естественным выглядит диалог, отражающий взаимное непонимание целей жизни: «К чему ты, братан, бездну копил? Ведь ты своей скростью дьявола смешишь!» — говорит поселенец. «Я придерживаюсь батюшкой пословицы, которую в старину баил: «Скрость не глупость, жив и так», — отвечал старожил. Совершенно справедливо высказывание сибирского историка Е.А. Ерохиной о том, что «богатство, созданное преобразовательным трудом, — один из самых важных атрибутов социального престижа» русских крестьян-старожилов.

Отказавшись от «великорусского авось», сибиряк выполнял любое дело аккуратно, добротно, просчитывал результат. Во всем старался обеспечить «запас, на всякий случай». Старожилов отличали качества упорства, настойчивости, твердости духа и смелости, предприимчивости при одновременной диковатости, угрюмости, грубоватости. «На многие поступки, принципы и правила сибиряк смотрит гораздо свободнее, вольнее, смелее. Они жаждут новых впечатлений при монотонной замкнутости жизни. Часто можно видеть, как сибиряк, самый необразованный, расспрашивает о происхождении дождя, грома, землетрясения», — писал А.П. Щапов. Он отмечал, что мотивом познания для сибиряка часто выступало любопытство, стремление узнать все о непонятном объекте или явлении — «смелая пытливая любознательность».

Данное качество имело немаловажное значение в доскональном изучении окружающего мира в целях самосохранения в процессе адаптации. О рациональной организации и уме сибиряков высказывались декабристы, когда «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков». Рациональное сознание сибиряка формировало установки выдержки, спокойствия. В старожильческом «обществе» приветствовались «сурьезный человек», строгий (по-сибирски «свиrepый») внешний вид, спокойная речь, осуждались эмоциональная невыдержанность, быстрая речь («тараторка»), легкомысленная («взъендывающая») походка. Однако употребительным было слово не «идти», а «бежать» («Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри...»).

Во второй половине XIX в. публицист С. Турбин отмечал: «Если великороссийский крестьянин шумит, ругается, сердце сорвет... протестуя, то сибиряк несравненно последовательнее. Сибиряк — разве что плюнет. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перешибешь, он и не пытается...». «Рассудок сибиряка преобладает над чувствами. Сибиряк надеется более на себя, нежели на Бога», — отмечали современники.

Старожилов отличало рациональное мышление: они мыслили расчетливыми категориями, были практичны. Будучи прекрасным знатоком сибирского фольклора, этнограф А. Ровинский выделил в пословицах глубокий назидательный смысл. Например, говоря «не

мылися, бриться не будешь», сибиряк прямо намекает: «Не рассчитывай никогда на чужое».

Ради хозяйственной целесообразности жертвовали даже верой. Так, в 1858 г. Тобольской духовной консисторией рассматривалось дело «О пагубной привычке сельского населения Енисейской губернии работать в воскресные и праздничные дни». Основой сознания старожилов являлась опора на заветы и традиции предков. «Сибирский крестьянин набожен, но эта набожность особого свойства. Она в уважении обрядов, традиций нашей крестьянской истории. Чем древнее, тем подлиннее, тем истиннее», — писал крестьянин Т. Бондарев.

Сибирский характер проявлялся в труде, в быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных ситуациях.

О СИБИРСКОМ ХАРАКТЕРЕ

Смелость, сметливость, повадка
Рыскать по стране;
Чистоплотность, ум, приглядка
К новой стороне;
Горделивость, мысли здравость,
Юмор, жажда прав,
Добродушная лукавость,
Развеселый нрав;
Политичность дипломата
В речи при чужом,
Откровенность, вольность брата
С истым земляком;
Страсть отпетая к природе –
От степей и гор,
Дух, стремящийся к свободе,
Любящий простор;

Поиск дела, жажда света,
Юной жизни кровь,
Без предела и завета
К Родине любовь;
Страсть отстаивать родное,
Знать, за что? Да как?
Стойкость, сердце золотое —
Вот наш сибиряк!

Сибирский поэт И.Ф. Федоров-Омулевский (1836 – 1883 гг.)

* * *

Императрица Екатерина Великая: «Сибиряки более смуглы лицом, невысоки ростом. Заслуживает замечания факт, что сибирское население не отличается фанатичной привязанностью к бороде, какую обнаруживает великороссийский народ. Здесь несколько своеобразная народность, непохожая во всей полноте на родонаучальную славянскую расу. Сибиряки отличаются душевными особенностями: они умны, любознательны, предприимчивы».

* * *

Н.М. Ядринцев: «Население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитала решимость, отвагу, и … дала долю самоуверенности».

* * *

О планировании результатов урожая: Когда «возникла конфликтная ситуация — в 1889 г. в с. Рыбном Богучанской волости лошади А.Ф. потравили хлеб В.П.», хозяин потребовал компенсации из расчета «на $\frac{3}{4}$ дес. пашни в умолоте 12 пудов по общей оценке 7 руб. 20 коп. за потравленный хлеб. Во время судебного заседания ответчик А.Ф. произвел собственные расчеты и признал справедливым расчеты В.П.».

* * *

Об оценке нанесенного ущерба крестьянскому хозяйству: «Истец из д. Кежемской Пинчугской волости Е.К.Р. жаловался в

суд, что 11 собак задавили 3-х его овец. Оказалось, что владельцами данных одиннадцати собак были семь крестьян этой же деревни. Выборный волостной суд, оценив ущерб в 6 руб., решил взыскать с ответчиков по 54 ½ коп. с каждой собаки: соответственно — 1,09 руб., 1,09 руб., 1,09 руб, 54,5 коп, 54,5 коп, 1.09 руб, 54,5 коп.».

* * *

О рациональном сознании крестьян: «У Якова Понфилова потерялась кобыла — шерстью рыжая, грива на обе стороны, правое ухо пнем, левое порото, на левом боку белое пятно, лет 4-х».

* * *

О милосердии: «В 1890-х гг. в доме крестьянина с. Нахвальского Сухобузимской волости Фирса Григорьевича Зырянова много лет жил из милости ссыльный Галайко — 92-х лет, к труду неспособный».

* * *

Н. Пестов: «Сибиряки всегда удаляются ссор,... весьма редко впадают в преступления. Они весьма телосложением статны, видны, крепки, в лице всегдаший румянец, сие пописать должно тому, что они ведут жизнь спокойную и в совершенном довольствии. Хотя сибиряк имеет происхождение от России, но здешний крестьянин великую имеет разницу: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носит одеяние смотря по состоянию опрятно».

* * *

А.П. Щапов: «Сибиряк по большей части прост. У него преобладает наклонность к материалистическому умствованию. Оттого он менее религиозен, чем российский человек. Ум, по его понятию, есть главным образом «хитрость», «смышленость» в приобретении, в наживе; умственный человек на языке сибиряков значит расчетливый».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Сибирский характер.
2. Русский национальный характер в Сибири: воспроизведение или эволюция?
3. Встреча с нашими старожилами.
4. Круглый стол «Портрет сибиряка».

II. Термины и понятия:

самосознание, менталитет, стереотипы поведения.

III. Диалог

Как могут быть взаимосвязаны те или иные воздействующие факторы с определенными чертами национального характера? Как могут проявляться черты этнического характера в конкретных ситуациях? Какое место занимают в характере народа традиции предков? Способствовали дедушки и бабушки формированию в вас отдельных черт сибирского характера? Можем ли мы в настоящее время считать себя настоящими сибиряками? Что значит быть сибиряком? Считаете ли вы себя адаптированными к сибирским условиям? Какими чертами характера, образа жизни, по-вашему, отличаются ныне сибиряки от жителей Европейской России? Гордость за свой народ и национализм – в чем разница между этими понятиями?

IV. Исследования

Конкретизируйте на основе фактов краеведческого материала содержание понятий: *свобода, равноправие, веротерпимость, межэтническое согласие, самостоятельность, самоуважение, зажиточность, расчетливость, аккуратность и добротность, бережливость, хозяйственность, предпримчивость, настойчивость, честность, сострадание, любознательность, традиции, обряды, верования*.

V. Творчество

1. Творческая работа «Портрет сибирского старожила».
2. Сочинение-эссе «Я — сибиряк!».

3. Запись воспоминаний участников боевых событий «Сибиряк на войне».
4. Составление таблицы «Воздействующие факторы и черты сибирского характера».

VI. Музей

Составление картотек: «Наши старожилы», «История рода в истории села».

Стенд (альбом) «Сибирский характер».

ГЛАВА III. СИБИРСКИЕ «ОБЩЕСТВА»

§ 7. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

7.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ

В первое столетие сибирской истории особую роль выполняли крепости, называемые здесь острогами. Они служили опорными пунктами и административными центрами российского государства на новых землях. Остроги были деревянными: расположенные по периметру башни соединялись стенами. Внутри города располагались различные по назначению строения.

Основание Красноярска. «В 1623 году московский сын боярский Андрей Дубенский выбрал для строительства острога плоский высокий мыс между Качей и Енисеем. Красивое местоположение побудило Дубенского назвать это урочище Красным Яром. Москва доверила этому опытному потомственному воину основание новой крепости... С большими трудностями отряд казаков в 303 человека достиг назначенного места и заложил 6 августа 1628 г. (по новому стилю 16 августа) Красный, или Новокачинский, острог (так первоначально назывался Красноярск). Казаки возвели тыновую стену с 4 башнями, общей окружностью около 450 метров, окружили ее рвом и земляным валом, сделали перед рвом надолбы, а по дну поставили рогатки. Внутри укрепленного четырехугольника срубили воеводский двор, приказную избу, зеленые, хлебные амбары и 30 избенок из расчета одну на каждый десяток казаков»*.

Как в остроге, так и в возникавших вокруг посадах расселялись служивые люди, ремесленники, охотники-промышленники, крестья-

* Быкона Г.Ф. История Приенисейского края. — Красноярск, 1997.

не. Если первоначально большая часть русских в Сибири была связана с военным делом, то к началу XVIII в. — с ремеслом, сельским хозяйством, торговлей.

Довольно быстро вслед за острогами вокруг них начинают возникать сельские поселения. Даже во второй половине XIX в. сибирские города были относительно небольшими: в них проживало от 5 до 10% населения огромного края. Со строительством Великой Сибирской магистрали в начале XX в. наблюдается бурное городское строительство. Население многих городов выросло в 3 – 4 и даже 10 – 12 раз. Отметим, что по традиционному укладу жизни, по мировоззрению, по характеру культуры сибиряки-горожане мало отличались от крестьян-старожилов вплоть до последней четверти XIX в.

7.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

С процессами заселения и освоения края русскими людьми тесно связано возникновение и развитие поселений сельского типа на огромной территории за Уралом. Оно обусловило и возникновение постоянного потомственного старожильческого населения Сибири. В отличие от формирования городских поселений на основе сельских у славян Восточной Европы, в Сибири сначала возникают города-остроги, а затем их жители совместно с оседавшими вокруг них землепашцами основывали сельские поселения. В начале XVII – XVIII вв. осваивались, в основном, таежная зона и, частично, лесостепь. Это предопределяло крайне трудоемкий процесс заселения края русскими людьми.

Все же за первое столетие «русской Сибири» наиболее плотно были заселены Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Илимско-Забайкальский районы, где главным занятием стало земледелие. Именно это позволило с 1685 г. прекратить целевые поставки государством хлеба в Сибирь.

При основании сибирских городов документально засвидетельствованы в XVII в. наказы воеводам о приискании земель, пригодных для хлебопашства: «Город ставить ..., где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести»; «Тут место самое лучшее, угоднее для пашен, и скотинный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли — все близко». Встречались и такие случаи, когда

«...острожек поставлен не у места, потому что... пашенных мест и сенных покосов вблизи нет». Вначале жители острогов заводили в пригородных местах пашни и обрабатывали их наездом. Постепенно за пределами городских укреплений вырастали посады и слободы, жители которых также имели пашни.

Поселения крестьян основываются как «вольно», так и по «государеву решению». При этом политика государства строилась на том, чтобы «у ясачных людей (представителей местных народов) угодий не отнимать». В связи с изменившейся политической ситуацией XVIII – XIX вв. и установлением контроля до предгорий Алтая, Саян и р. Амур большинство селений основываются вольными переселенцами. Так, к середине XIX в. в Енисейской губернии 674 селения было основано «вольными» людьми, а 104 появились в результате правительственной деятельности.

Выбор места поселения осуществлялся очень тщательно. Особенно внимательно приглядывались в первый год жизни: не затопит ли место заселения, быстро ли сходит здесь снег, затишье или постоянно дуют ветра, нет ли постоянной сырости и т.д. Были случаи, когда «засельщики» меняли место, если оказывалось, что «земля хлеб худо родит». В ходе освоения южных районов Сибири многие крестьянские поселения перемещались сюда из более северных районов.

Чтобы основать селение, вначале подыскивали подходящую лесную поляну у реки или озера, по-сибирски — «елань». Затем ее расчищали от кустарника, расширяли, вырубив лес. Выкорчевывали пни; пустив «палы», выжигали старую траву и остатки кустарника. Затем готовили пашню, по 2 – 3 раза перепахивая землю. Сеяли вначале немного — «учиняли опыт».

В то же лето старались начинать рубить жилье, но часто не хватало ни времени, ни сил, поэтому в первую зиму на сибирской земле жили в землянках. По преданиям старожилов, в первый год в глиняных берегах рек копали углубления под печи и в них пекли хлеб. Так как часто дома рубили на месте леса, то ставили их на сосновые и лиственичные пни.

Осваивая новые земли, крестьяне уходили в совершенно глухие места, часто даже неподконтрольные властям. Еще в начале XVIII в. русские люди расселились в долине р. Бухтармы, в горах Алтая. Вольных поселенцев здесь называли «каменщиками». Воз-

никло более 50 «вольных» селений. Только в конце XVIII в. «каменщики» были приняты в русское подданство. Многие селения, не известные властям, «открывали» вплоть до XX в. Писатель Г.А. Мачтет отмечал в 1880-х годах: «И вдруг деревня оказывалась «открытой», точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!... Оказывалась открытой с домами, с обывателями, стадами и всеми прочими атрибутами деревни. В ней пекли и жарили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человеческое без денег, без паспортов, без «управ», без законных властей... Это было возмутительно и тем не менее несомненно!»

7.3. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Основным типом сельских поселений была *деревня*. Это сравнительно небольшое селение, не имевшее церкви. Для начала XVII в. характерны малодворные деревни-поселения в 1 – 3 двора, они составляли 91,8%, во второй половине века их было 42,1%. К началу XVIII в. стали преобладать деревни в 10 и более дворов. При заселении деревни родственниками ее именуют «однопородной». Так, документы свидетельствуют, что с. Абан Канского уезда основали 5 семей Туровых. Другой тип деревни — «разнопородная», здесь проживали семьи разных родов.

Так как «елани» были довольно редки, первые пашенные участки располагались в XVII – XVIII вв. на расстоянии до 75 – 125 верст от деревни. Позднее, в связи с высвобождением земли из-под леса, среднее расстояние до пашни сократилось до 10 – 50 верст. Поэтому в целях эффективной работы на пашне крестьянин был вынужден возводить на пашенном участке избушку, хозяйственные постройки. Данный вид поселения в Сибири называли «занимкой». Если пашня находилась недалеко, то хозяин обрабатывал ее «наездом», без строительства построек — эта пашня называлась «займищем». В условиях «захватного» принципа освоения пашни достаточно было опахать участок земли или проложить полосу пахоты («очертить»), чтобы земля считалась занятой. В лесу ограничивали деляну, окольцовывая деревья.

До сегодняшнего дня в ряде сибирских регионов сохранился обычай «первого закоса» на покосе. При этом небольшой прокос косой-литовкой на свободной поляне является знаком принадлеж-

ности по «захватному принципу». Если кто другой скосит траву на данном участке, то первый человек по традиции имеет право забрать себе весь стог сена. В старину в случае возникновения спора волостной суд мог решить вопрос о частичной компенсации за вложенный труд сеном или деньгами.

На заброшенном и вновь распаханном займище через много лет могло возникнуть новое поселение. Название заимки или займища по имени прежнего хозяина часто становилось топонимом деревни. Многие заимки дали начало новым деревням и селам. На заимку могла переселиться семья сына или сам домохозяин. За счет подселения новоприбывших переселенцев или односельчан и дополнительной разработки земли поселение разрасталось. Вокруг появлялись новые заимки, постепенно становившиеся деревнями. В таежной зоне многие селения обязаны своим возникновением охотничим заимкам.

Вновь созданное селение, которое в перспективе могло стать крупной деревней, обозначали термином **«починок»**. Таким образом, деревни, заимки, займища и починки своим возникновением обязаны возделываемой крестьянской пашне. Несколько иную функцию выполняло село.

Село — сравнительно крупное селение, в котором обязательно имелась церковь. Таким образом, село становилось центром церковного прихода. Село выполняло и административные функции: оно могло быть центром волости, включавшей от 15 до 30 малых населенных пунктов (деревень). Вначале их было немного: так, в Красноярском уезде в 1700 г. было три села. В самом крупном из них — Ясаулово — было тогда 73 двора, а в 1795 г. — уже 194 двора. Со временем в селах налаживались ремесленное производство и торговля, они часто становились местом проведения ярмарок.

Развитие населенных пунктов в начале XIX в. шло по пути как быстрого укрупнения имеющихся селений, так и увеличения количества новых. Декабрист Н. Бестужев писал: «Теперь едущий по Сибири увидит огромные деревни: я говорю “огромные” потому, что они действительно таковы; например, в Красноярской губернии (т.е. в Енисейской губернии) между прочими большими есть д. Бояроновка, которая тянулась еще в 1827 г. на 6 верст. Деревни изумляли бы любого русского огромностью и довольством». Можно отметить, что в начале XIX в. самым крупным селом всей Сиби-

ри от Урала до Тихого океана было село Боготольское, насчитывавшее 606 дворов.

Во второй половине XIX в. в отдельных местах начали ощущаться затруднения в землепользовании: в пределах общинного землевладения группа домохозяев одновременно переселялась на отдаленные угодья. Появившиеся таким образом селения назывались **«выселки»**.

Незначительным явлением для Сибири на рубеже XIX – XX вв. стало появление **хуторов-поселений** одной семьи с двором и прилегающими угодьями. Многие хутора в Енисейской губернии основывались переселенцами из Польши или Прибалтики.

В середине XVII – начале XIX вв. в освоении междуречных пространств немалую роль стали играть тракты. Через Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии прошел Большой Сибирский (Московский) тракт. С его прокладкой возникло множество селений, непосредственно обслуживающих его. Вдоль тракта принудительно селили переселенцев-крестьян, ссыльных-поселенцев. Здесь часто оседали на жительство не только крестьяне, но и беглые люди. Жители **трактовых селений** заготавливали сено, дрова для нужд дороги, выращивали на продажу овес, зерновые культуры, овощи. Многие жители данных деревень и сел зарабатывали на жизнь обслуживанием проезжавших путников, служили на тракте постоянными ямщиками.

Сибирский тракт обеспечивал перевозку товаров, перемещение воинских команд, административные сообщения между сибирскими губерниями и центром. Почтовым ведомством было налажено постоянное почтовое сообщение. Любой проезжавший по тракту во второй половине XIX в. мог насчитать в день от 1 до 2 тыс. встречных повозок, подвод.

Основными населенными пунктами на тракте были **станции (станки), полустанки и зимовья-станции**, расположенные в глухих местах. На каждой станции всегда были наготове повозки, лошади для смены, имелись постоянные дворы, «обогревные» избы. В домах, постоянных дворах, обогревных избах круглыми сутками кипели самовары: любой путник мог найти приют и обогреться, был накормлен.

Значительные пространства на водоразделах сибирских рек были освоены в сельскохозяйственном отношении благодаря прокладке сухопутных дорог, трактов местного значения,

7.4. ЗАСТРОЙКА СЕЛЕНИЙ

Типы застройки селений зависели от многих факторов: времени возникновения, ландшафтных особенностей, ветров, степени родства «засельщиков».

До начала XIX в. была более распространена *свободная застройка*. Данные деревни были раскинувшимися, разбросанными на расстоянии группами строений. Избы стояли как группами («кучковались по-родственному», «по артельности», по времени подселения), так и отдельно друг от друга. Так, в с. Имисском Минусинского уезда крестьяне из Симбирской губернии, переселившиеся сюда в 60-х годах XIX в., основали отдельную улицу в стороне от села. Впоследствии она соединилась с остальными улицами, но до сих пор называется ул. Симбирской. Зачастую при свободной застройке дома могли располагаться группами вдоль озера, реки, тракта и ориентировались фасадом на южную сторону.

Рядовая застройка — тип улицы из одного ряда домов с подворьями. Такое селение могло тянуться на несколько верст.

Уличная застройка — тип улицы из двух рядов домов с постройками, обращенными фасадами другу к другу. Данные селения более характерны для второй половины XIX – начала XX вв. Дома вдоль улицы стояли как на грани, так и в глубине дворов. Одна-две усадьбы разделялись прогонами для скота, а группы подворий по 4 – 6 разделялись переулками. Передняя линия «заплотов» с воротами была ровной. Палисадники перед домами в сибирских селениях появились только в первой трети XX в. Современники отмечали, что улицы старожильческих селений широкие, ровные, ухоженные.

Еще во второй половине XIX в. усадьба от усадьбы располагались на достаточном расстоянии, но разделы хозяйств, увеличение количества дворов, постоянные подселения переселенцев уплотняли застроенность селений. Даже в старожильческих селениях появилась скученность. Дома стали строиться в переулках, застройка при этом стала походить на *квартальную*.

Практически все сибирские селения имели еще одну особенность: даже при плотной уличной застройке они сохраняли обособленность на отдельные участки-коллективы по принципу родства, времени застройки, подселения, иногда по этническому признаку и пр. Назывались данные участки — «край», «гнездо», «кулига», «куток», «конец».

Наиболее высоким и красивым зданием села была церковь. Строили ее на возвышенном месте. Между храмом и домами обязательно сохраняли незастроенное пространство. На площади проходили ярмарки, но праздникам здесь разворачивалась торговля, проходили гулевания. Рядом с церковью обычно стояла церковно-приходская школа.

В сибирских селах было обычно несколько торговых «лавок». В начале XX в. частные торговцы быстро богатеют и строят свои дома и «лавки» из кирпича. Магазинами же в Сибири называли амбары-хранилища общественного зерна на случай неурожаев, стихийных бедствий и т.д. Из магазинов оказывалась помощь сиротам, инвалидам, выплачивалась хлебная «руга» священнослужителям.

Важнейшим административным зданием крупного села была «волость» — волостное правление. При «волости» имелось специальное помещение для содержания наказанных по решению общественного схода или волостного старшины — «кутузка», «холодная», «чижовка».

Каждое селение располагало пожарной службой: пожарным сараем с необходимым инвентарем и пожарной «каланчой» — вышкой. Кроме этого, каждый домохозяин обязывался по общему решению схода участвовать в тушении пожара в той или иной роли с определенным инвентарем. Пожары были нередки в сибирских селениях и приносили страшные последствия. Так, в мае 1849 г. дотла выгорело богатейшее село Енисейской губернии — Тасеево. Крестьянам удалось спасти весь скот и хлебные запасы. К ноябрю того же года все домохозяева успели выстроить новые жилища, некоторые хозяйствственные постройки, но прежнего благополучия и довольства после такого опустошительного пожара с. Тасеево уже не смогло достичь...

Сибирские старожильческие селения были чисты, ухожены, но общий вид и экологию портили груды навоза, вывозимые на определенное расстояние от строений. До последних десятилетий XIX в.

сибиряки землю не удобряли, а восстанавливали плодородие переложным способом.

Вокруг сел и деревень на много верст шла изгородь — поскотина (в «России» она называлась «околица») из 3 – 4 рядов жердей. Каждый домохозяин «присматривал» (ремонтировал, подновлял) за участком поскотины в 30 – 50 м. На дорогах в изгороди делали легкие ворота, оставлять их открытыми считалось серьезным проступком, т. к. за поскотиной расстилались пашенные и лесные угодья крестьян, членов общин.

§ 8. ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ

8.1. ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

Енисейская губерния была образована Высочайшим Указом Императора Александра I от 26 января 1822 г. До 1708 г. все города и сельские поселения Приенисейского края входили в состав Воеводства Сибирского во главе с главным Тобольским воеводой. В нее входили также Томская, Иркутская и Якутская области. В 1708 г. была образована Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. В 1721 г. губернию разделили на 5 провинций, они, в свою очередь, делились на дистракты.

В 1764 г. вся территория Сибири была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую. Затем произошел ряд новых переделов, не изменивших до 1822 г. судьбу земель Приенисейского края. Процветавшие в сибирском крае самодурство чиновников, казнокрадство, взяточничество и «кривосудие» заставили власти провести ревизию. В 1819 г. с этой целью сюда прибыл знаменитый реформатор М.М. Сперанский. По его предложению территория Приенисейского края была выделена в отдельную Енисейскую губернию. Первым губернатором Енисейской губернии стал умный, деятельный, справедливый человек прогрессивных взглядов — Александр Петрович Степанов.

Енисейская губерния была одной из самых обширных в Российской империи. Так, Московскую губернию она превосходила в 77 раз! А.П. Степанов отмечал: «Нет сомнения, что Енисейская губерния может поравняться пространством с целыми землями многих европейских владений... За всем тем и сей заселенный край гу-

бернии Енисейской не может еще, в сравнении с количеством земли, похвальиться своим народонаселением. Не кишит народ в полях необозримых...».

По данным 1863 г., на территории губернии в 2 883 009 кв. верст проживало 309 594 души обоего пола, из них сельское население составляло 285 445 душ (т.е. 92,2% населения). Проживали они в 136 селах, 594 деревнях, 53 станках и 40 зимовьях.

Распределение земель Енисейской губернии между владельцами в 60-х гг. XIX в. показано в табл. 3

Таблица 3

Крестьянские земли	73,7%	Казачьи земли	6,9%
Церковные и монастырские земли	0,8%	Городские земли	1,6%
Казенно-оборочные и заводские земли	14,3%	Помещичьи земли	2,7%

Примечание. Почти все помещичьи земли (97%) были владениями Самойлова в Рождественской волости Канского уезда. Всего к 1861 г. в губернии насчитывалось 519 крепостных крестьян.

8.2. УЕЗДЫ, ВОЛОСТИ, НАСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

После отмены крепостного права в России в 1861 г. в Енисейскую губернию до 1890 г. переселилось 54 366 человек. Основная часть их разместилась в старожильческих селениях, но одновременно старожилами и переселенцами было основано 27 новых селений.

С 1892 г. процесс переселения приобрел устойчивый возрастающий характер. С 1892 по 1905 гг. переселенцами было основано 358 селений, но из них только одно селение — в северной части Енисейской губернии. Переселенцев этого периода насчитывалось уже 190 тыс. человек.

В 1906 – 1916 гг. в связи с реформами П.А. Столыпина переселение приобрело массовый целенаправленный характер. За это десятилетие в Енисейской губернии возникло 671 новое селение и сюда переселилось 274 516 человек. Подавляющее число «столыпинских» деревень было основано в зоне тайги.

Население губернии быстро росло и за счет естественного прироста старожильческого населения: всего прирост старожилов с 1897 по 1917 гг. составил 367 тыс. человек. К 1917 г. сельское население Енисейской губернии составляло 931 814 душ мужского и женского пола.

Образованная по Указу Императора Александра I Енисейская губерния была одновременно разделена на 5 округов: Енисейский, Красноярский, Ачинский, Минусинский, Канский. Позднее из Енисейского округа был выделен Туруханский край, а на юге был образован новый Усинский пограничный округ. С 1898 г. округа стали называться уездами. Селения и население распределялись по округам к 1863 г. следующим образом (табл. 4):

Таблица 4

Округа Енисейской губернии	Селения	Население	%
Красноярский	сел — 23 деревень — 94	59 078 чел.	20,1
Канский	сел — 26 деревень — 105	50 429 чел.	17,1
Енисейский	сел — 26 деревень — 181	37 905 чел.	13,2
Ачинский	сел — 27 деревень — 94 улусов — 63	50 588 чел.	16,1
Минусинский	сел — 33 деревень — 120	89 891 чел.	30,9
Туруханский	сел — 6 станков — 53 зимовьев — 40	7 553 чел.	2,6

Таким образом, наиболее заселенным в середине XIX в. стал Минусинский округ. Первоначально большая часть переселенцев второй половины XIX в. селилась в Минусинском, Ачинском, Красноярском округах, но в начале XX в. наиболее быстро осваивается Канский уезд.

Уездные центры XIX – начала XX вв. именовавшиеся городами, быстро превращались в центры торговли, ремесла, но одновременно большая часть жителей занималась земледелием, обслу-

живанием трактов, промыслами. Быстро развивалась в городах и крупных селах губернии ярмарочная торговля.

В каждом округе было по 3 – 4 волости. Так, в 1831 г. в Минусинский округ входило 4 волости: Шушенская, Курагинская, Абаканская и Новоселовская. Образование новых селений и освоение новых земель потребовало выделения новых волостей. Состав волостей Енисейской губернии к 1917 г. (без Туруханского края) был следующим:

Енисейский уезд: Анциферовская, Бельская, Казачинская, Кежемская, Маклаковская, Пинчугская, Яланская волости.

Красноярский уезд: Александровская, Больше-Муртинская, Вознесенская, Еловская, Есаульская, Заледеевская, Кияйская, Межевская, Нахвальская, Петропавловская, Погорельская, Покровская, Сухобузимская, Тертекская, Частоостровская, Шалинская и Шилинская волости.

Ачинский уезд: Балахтинская, Балахтонская, Березовская, Бирюсская, Больше-Улуйская, Даурская, Козульская, Кольцовская, Корниловская, Кизильская инородческая, Мало-Имышенская, Назаровская, Никольская, Николаевская, Ново-Еловская (Зачулымская), Петровская, Подсосенская, Покровская, Солгонская, Тюльковская, Ужурская, Шарыповская волости.

Минусинский уезд: Абаканская, Аскизская инородческая, Бейская, Балыкская, Белоярская, Восточенская, Ермаковская, Знаменская, Идринская, Имисская, Иудинская, Каптыревская, Комская, Кнышинская, Кочергинская, Курагинская, Луговская, Моторская, Мало-Минусинская, Никольская, Новоселовская, Паначевская, Сагайская, Салбинская, Таштыпская, Тесинская, Тигрицкая, Усть-Абаканская инородческая, Шалаболинская, Шушенская волости.

Канский уезд: Абанская, Агинская, Александровская, Аманашенская, Анцирская, Вершино-Рыбинская, Выдриская, Долго-Мостовская, Ирбейская, Конторская, Кучеровская, Мало-Камалинская, Перовская, Переясловская, Рождественская, Рыбинская, Сретенская, Семеновская, Тальская, Тасеевская, Уярская, Фаначетская и Шелоевская волости.

Усинский пограничный округ: Усинская волость.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Освоение русскими территории Приенисейского края.
2. Сибирские поселения: типы, застройка.
3. Наш поселок (село, город) в прошлом и настоящем. Экскурсия по памятным местам.
4. Практикум. Выполнение плана-рисунка селения, поселка, городского района.

II. Термины и понятия

Деревня, село, поселок, елань, заимка, займище, починок, тракт, деревня «однородная» и «разнородная», застройка свободная, рядовая, уличная, квартальная, посёлка (околица).

III. Диалог

Разработайте логические цепочки возникновения и развития сибирских селений или схему-таблицу данных процессов. Сколько вариантов подобных процессов вы можете выделить? Как влияют на сельские поселения географические особенности и ландшафты? Какие особенности учли первооснователи вашего города, селения при основании и планировке вашего населенного пункта? Попробуйте начертить план в перспективе, через 50 – 100 лет. Обоснуйте ваш замысел.

IV. Исследования

1. Описать принцип формирования и развития улиц вашего населенного пункта. Какие обособленные участки («края», «кутки») имеются у вас?
2. Определите на местности место начала застройки вашего селения и обозначьте это место специально изготовленным памятным знаком.
3. Составить список первых жителей вашего селения. Кто из потомков первопоселенцев проживает сейчас?
4. Найти и сфотографировать (в целом и подетально) все самые старые здания вашего населенного пункта. Описать их.

V. Творчество

Сочинения «День на заимке», «Мой край» («куток» и т.д.).

Макет селения (города, острога) в период его возникновения.

VI. Музей

План-схема развития селения. Памятные места и здания.

Фотографии улиц. Фотопанорама селения. Общественные здания, торговые лавки старого села, школа, «волость».

Топонимика улиц, селения, окрестностей.

§ 9. СИБИРСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

9.1. «ОБЩЕСТВО»

На первоначальном этапе сельскохозяйственного освоения сибирского края, при подъеме пашни, обустройстве на новом месте возникали трудовые земельные сообщества, объединяющие в большинстве своем семейно-родственные коллективы или товарищества. По мере развития семейно-родственные коллективы оформились в общины. Тысячелетний опыт общинной жизни возродился здесь не только как традиция, но и как необходимость при регулировании отношений между индивидуальными ячейками-домохозяйствами. Одновременно шло возрождение черт общины докрепостнического периода.

Сибирская община имела ряд специфических функций.

Сибирская община представляла собой замкнутый мир полно-правных граждан «своего» сообщества — старожилов. Община коллективно противостояла внешнему миру государства и переселенцам. Община защищала интересы своих членов, но в то же время, как и «в России», отвечала на условиях круговой поруки за исполнение повинностей перед государством. Членам общины были присущи многие черты «полисного сознания».

Община выступала коллективным пользователем государственной земли, определяла порядок и наделяла землей крестьян-общинников, защищала границы земельных владений в споре с соседними общинаами. Но в Сибири не было передела общинных земель, «мир» не вмешивался в индивидуальную хозяйственную деятельность домохозяев. Высочайший статус личного труда, индивидуализма, чувство собственности и свободы породили в Сибири возможность продажи, аренды, наследования пашенных земель в

общине. Община осуществляла совместное пользование угодьями: пастбищами, покосами, лесом, кедровниками, рыболовными «местами».

«Благоразумные крестьяне, вырубая постепенно на свои нужды все древесные породы, оставляют кедр как плодовое дерево... Кедровые рощи в течение лета берегутся не только от пожаров, но от того, чтобы кто-нибудь из своих или чужих не испортил дерева... и существует сбор кедровых орехов на общинах началах»^{*}.

В общине были тесно увязаны права и обязанности крестьян: права порождали обязанности, и наоборот. Община здесь не только не препятствовала росту зажиточности на трудовой основе, новым «заимочным» запашкам, но и поддерживала немощных, убогих, сирот, помогала при пожарах, стихийных бедствиях, неурожаях.

Сибирская община стала ячейкой с характерными укладами отношений гражданского общества в условиях жесткой бюрократической системы Российской империи. Полноправие старожилов, самоуправление, верховенство норм обычного права в рамках своего «общества», высочайшая требовательность общины к человеку, а человека к себе, высокий статус женщины, высокая активность в делах сообщества, коллегиальное утверждение решений при высоком уровне самостоятельности индивида были и условием, и следствием особенностей крестьянского мира Сибири.

В русской общине, несмотря на внешнее единомыслие, постоянно тлел конфликт между личностью и коллективом. «У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции колlettivизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства», — справедливо отмечает современный российский историк А.В. Милов.

Община в Европейской России подавляла «бунт личного» и всячески закрепляла образ «Мы» через развитую «мирскую» систему социальной поддержки, самоуправления, пользования землей. При этом отдельные члены данного сообщества с ярко выраженным «образом Я», вступая в конфликт с «Мы», пытались обрести экономическую, духовную, правовую и политическую независи-

^{*} Из газеты «Восточное обозрение» за 1885 год.

мость. Отток крестьянского населения на восток стал основой формирующегося сибирского крестьянства.

Практически не отмечались случаи массового коллективного переселения всей общиной или селением. История освоения территории за Уралом доказывает, что подавляющей была индивидуально-семейная форма переселения в Сибирь. В 1886 г. в с. Комском Балахтинской волости из 178 мужчин, имевших право голоса на сходе, было: Ананыных — 60, Кирилловых — 40, Ростовцевых — 28, Черновых — 12, Сиротинных — 11, Спириных — 11, Юшковых — 9 человек; только 7 мужчин не входили в данные семейные «микрокорпорации». Нельзя забывать, что большинство семейств за многие десятилетия породнились на основе брачных связей.

Превалирование «образа Я» старожила закрепилось, прежде всего, в том, что ведущее место занял индивидуализм. Об этом писал А.П. Щапов: «Каждый живет особняком, ... коллективное начало мало развито». Превалирование индивидуализма стало основой выраженного соревнования — конкуренции между домохозяевами в труде, поведении, обустройстве усадьбы, во внешнем виде домочадцев. В борьбе за выживание в условиях соревнования-соперничества в сибиряках вырабатывались «удивительная выносливость и настойчивость, ... необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях». Сформировавшись как семейная, сибирская община в период ее становления четко определила приоритеты личного и «мирского» по всему кругу проблем.

Сибиряки делили мир на «своих» и «российских людей», на «своих» и чиновников. Крестьянский мир замыкался под давлением властей, и община становилась для крестьян своим обществом. Не случайно в Сибири община называлась крестьянами «обществом». Сибирское население представляло собой сообщества самоуправляющихся «обществ».

Общины по структуре были как простые — в границах отдельных деревень, так и сложные — из нескольких селений. Но и в сложной общине в каждой деревне было свое самоуправление, delegированное представителей в органы всей общины. Территориальное оформление земельных владений «обществ» относится в Приенисейском крае к концу XVIII в. Так как владения были весьма обширными, то вплоть до XX в. селения располагались в среднем не ближе чем в 5 – 15 верстах друг от друга.

«Общество» полноправно распоряжалось государственной землей в границах владений. Долгое время мир лишь констатировал размеры земельных владений домохозяев, которые зависели от трудовых возможностей семьи. В конце XIX в. государство определило надельную норму в 15 десятин на мужскую душу. Наделы на душу мужского пола полагались с 17 лет. Однако крестьянский двор имел и заимочные земли, пашни, поднятые трудом предков, арендованные и купленные земли. Земля в Сибири продавалась, но только земельная, — скорее, здесь продавался вложенный на ее освоение труд. Одновременно при продаже пашни к другому владельцу переходили обязанности по уплате повинностей, от этого не проигрывали ни государство, ни «общество». До конца XIX в. существовало беспередельное землепользование-владение. До нашего времени повсеместно поля, урочища, лесные угодья, лога так и называются по имени крестьян-общинников.

9.2. «ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ»

Сход членов общины — «общественное согласие» — был высшим органом «общества». На сходе все старожилы были равны в правах, но наибольшим авторитетом пользовались мудрые, высоконравственные, талантливые в землепашестве крестьяне. На сходах избирали должностных лиц, заслушивались отчеты «выборных» лиц, финансовые отчеты, утверждалось налоговое обложение домохозяев, разрешались споры и тяжбы между крестьянами. Здесь наказывали за нарушение нравственных норм, традиций, за мелкие преступления и т.д. Сельский сход обычно собирался 10 – 16 раз в год, чаще зимой, чем летом.

Выборными лицами «общества» являлись староста, окладчики, счетчики, члены различных комиссий, рассыльные, челобитчики, сотские, десятские и др. Из «Приговора» сельского общества д. Дрокиной Заледеевской волости Красноярского округа мы узнаем, что в 1819 г. «для смотренья чистоты и опрятности дворов и улиц... из женщин выбрали Анну Иванову Быкасову, которая поведения доброго»; в д. Емельяновой выбрали «Настасью Яковлеву Орешникову, поведения добропорядочного и означенную службу нести способна»; в д. Устиновой «выбрали в смотренье чистоты крестьянскую жену Василису Тимофееву Голощапову...».

Выбирая должностное лицо, сход давал характеристику, мотивирующую данный выбор, например: «...Поведения хорошего, в домашнем хозяйстве рачителен, в хлебопашестве искусный, штрафах и наказаниях не бывал и возложенную на него должность исправлять может»; «Поведения хорошего, имеет домообзаводство и землепашество, женат, в штрафах и наказаниях не был».

По окончании срока сход благодарил за честное и добросовестное исполнение обязанностей и выдавал аттестат:

«Вел себя добродорядочно, к подчиненным ему относился благопристойно, ласково и снисходительно. В разбирательстве соблюдал долг присяги. Представлял и сдавал деньги исправно. Пребодиженьев ни от кого не принимал и никому не чинил, и жалоб на него ни от кого не принесено, поэтому и заслужил себе справедливую от общества благодарность, которого впредь принимать в мирских светах за достойного в чести человека».

Выбирая доверенного от мира «челобитчика», сход выдавал доверенность: «Доверили утруждать... от лица крестьян нижеследующей покорной просьбой...». Всем крестьянам, выезжавшим по той или иной причине за пределы волости, общество выдавало «покормежные» паспорта.

9.3. ПОВИННОСТИ

В период расцвета сибирской общины, во второй половине XIX в., повинности крестьян-общинников делились на государственные, земские и «мирские-общественные», а по содержанию — на натуральные и денежные. Н.М. Ядринцев насчитал в конце XIX в. у крестьян Минусинского уезда около 20 денежных и 11 натуральных повинностей. В Енисейской губернии было принято при определении величины денежных повинностей считать казенные сборы за 100%, а земские за 80,1% от их суммы. Но в общем выражении наибольшей была сумма мирских сборов и стоимость натуральных повинностей в денежном выражении. К натуральным повинностям относились ямщицкие повинности, выделение лошадей и подвод, исправление дорог, общинные работы, отопление правлений.

* Аттестат был выдан в 1820 г. крестьянину Леонтию Фефелову.

Общество оплачивало «общественные» службы выборных лиц и за исполнение служб сторожам, караульным, смотрителям и т.д. Из мирских сборов осуществлялось содержание «немощных»; часто сход, не унизяя достоинства человека в случае инвалидности, сиротства, умственной неполноценности, назначал их на посильные им службы — посыльными, пастухами, сторожами, с соответствующей оплатой.

Налоговое обложение осуществлялось чаще всего по принципу учета трудовых возможностей хозяйства. Тягловые души делились на 3 – 4 разряда: «бойцы», «полубойцы», «неимущие». При этом «неимущие» по причине старости, болезни, одиночества освобождались полностью или частично от податей с перекладкой их доли на «бойцов». По подсчетам историка В.А. Степынина, на крестьянина-«бойца» Енисейской губернии в конце XIX в. приходилось в год денежных повинностей до 28 руб. 32 коп.

В сибирской общине права порождали обязанности. Если домохозяин желал иметь большие наделы, дополнительные покосы, лесные деляны, то получал их с условием увеличения повинностей. По свидетельству современников, крестьянин-старожил гордился званием «бойца» — полного налогоплательщика, т. к. это было выражением его самодостаточности, зажиточности, равенства и высокого статуса при решении мирских дел.

На мирские средства община строила церкви, школы, медпункты, закупала лекарства, оплачивала учителей, содержала детей крестьян в учебных заведениях.

9.4. ПРИЧИСЛЕНИЕ К «ОБЩЕСТВУ»

Новых членов община принимала на основании решения схода. Переселенец определенное время жил в селении, пользуясь за плату всеми общинными угодьями, «рыбными местами», ягодниками, лесными угодьями. Начиная обустраиваться и заниматься землепашеством, переселенец должен был проявить себя в труде и поведении с положительной стороны. Если «общество возжелало» причислить его в состав «своих», то составляло приговор.

Мирской приговор

Мы, нижеподписавшиеся, Енисейской губернии Ачинского уезда Ужурской волости деревни Соксинской крестьяне, не бывалые

под судом, будучи на мирской сходке, учинили сей приговор 1876 года марта 28 дня, о приеме Захара Васильева Власова 24 лет с женой Анной Филипповой 21 года и рожденными... Авдотьей 4 лет, Марией 1 ½ года и матерью Феедосьею Матвеевой Власовой 70 лет в среду нашего общества. Казенный крестьянин Захар Васильев Власов, проживая в нашей деревне, ведет себя прилично, под судом не был, завел себе домообзаводство... Приговорили: принять ... в среду нашего общества на всегдашнее жительство».

За причисление в «общество» крестьянин-переселенец платил:

1. За приемный договор	30 руб.
2. Угощение общества	7 руб.
3. Почтовые и гербовые расходы	3 руб.
4. Общественникам и старосте	3 руб.
5. Сельскому писарю за прошение	3 руб.
6. Волостному писарю	4 руб.
<i>Всего:</i>	<i>50 руб.</i>

В данном случае так обходилось причисление к «обществу» в деревне Иджа Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии. Община принимала новых переселенцев, прежде всего, в случае достаточного количества свободных земель. Но на рубеже XIX – XX вв. государство стало обязывать принимать в общину переселенцев принудительно, особенно если обнаруживались излишки земель сверх 15-десятинного надела на душу мужского пола.

9.5. ОТНОШЕНИЯ В «ОБЩЕСТВЕ»

Сибирская деревня жила в условиях устойчивой гармонии отношений, сосуществования личных и общих интересов. При вынесении решений по конкретным вопросам сход руководствовался более традиционными правилами, «неписаными законами» дедов, нормами совести, морали. Государственные законы и распоряжения воспринимались с недоверием, как попытка вторжения в права их мира. Очень красноречиво об этом свидетельствует документ — Приказ Минусинского земельного исправника Жербатскому сельскому старшине № 1447 от 11 апреля 1860 года. «*Мерзавец ты старшина! Если ты через сутки не доставишь ко мне предписанием моим от 8 числа января сего года за № 115 требуемой ведо-*

мости о постройке домов и прочем, то за истребованием ведомости послан будет нарочный за прогон на твой счет».

Общество сурово осуждало и наказывало тех, кто допускал правонарушения, ему разрешалось осуществлять определенные судебные функции. Это касалось разбирательств о мелких хищениях, потравах посевов, о разделе имущества, хулиганских выходках. При проведении расследования староста и понятые обращали особое внимание на доказательства: «Поличному нет отвода», — говорили в Сибири (личное — свидетель, вещь и прочее). Родственники обвиняемого не могли выступать свидетелями.

В системе наказаний особое место занимали штрафы. Наказывали также «мирским начетом», заключением в «кутузку» («чижовку») на хлеб и воду, а в качестве крайней меры отлучали от «общества». В решениях конкретных дел находим «предрассудительные поступки»: предерзость в миру, непристойность, поношения, пьянство, буйство, распутное поведение, похабство, тяжбы, а также отрицательные характеристики — «недельный человек», «кляузник на суседа», «не уважает общество».

Современники отмечали, что преступления в сибирских селениях были крайне редки. Чаще встречаются различные «тяжбы», однако сход старался примирить крестьян. Было принято примирение «запить совместно вином».

Общественное мнение сурово осуждало тех, кто дебоширил в семье, слыл лентяем, неуважительно относился к старшим. Сход наказывал и за порубки леса, за нарушение противопожарных мер, за унижение достоинства личности и оскорбление сообщинника.

Особо осуждалось нарушение общепринятых правил ведения хозяйства, затягивание сроков сельскохозяйственных работ и прежде всего затягивание жатвы хлебов. Порицали тех, чьи поля зарастали сорняками, тех, кто нерадиво относился к скоту, к порядку и чистоте в доме. Таких общинников ждали и порицание, и насмешки, и едкое прозвище. Традиционно не «в чести» были высокомерие, заносчивость, сквернословие, грубость и несдержанность, неряшливость в одежде.

За постоянное, циничное нарушение общепринятых норм и правил поведения «общество» вынуждало человека покинуть деревню. Впрочем, люди, стремящиеся к вседозволенности и «поиску шальных денег», оторвавшиеся от семьи и дома («вы-род-ки»), са-

ми с легкостью уходили на прииски мыть золото, на тракт или в город. Но подобное происходило крайне редко: крестьянский мир был достаточно мудр и терпелив в воспитании традиционных устоев в человеке с раннего детства. Мир коллективно учил уважать стариков, почитать их мудрость, воспринимать нормы поведения как осознанную необходимость, учил уважать другого человека и принимать его таким, каков он есть. «Общество» снисходительно относилось к «чудакам и чудачествам». Община сообща выступала на защиту «своего», если угроза или обида шли извне — от чиновника, от переселенца-лапотошника.

Общину сплачивали совместные праздники — «съезжие», «храмовые», «кануны». Все религиозные и мирские праздники отмечались сообща, обильными угощениями, совместными «гулеваниями». Многолюдными и веселыми были сельские свадьбы, масленичные катания на горках-«катушках» и катания на «тройках». «Общество» всем коллективом провожало в последний путь умершего человека, поддерживало родственников в трудный час. Посещение «могилок» в Родительский день выливалось в Сибирь в единение одной большой семьи...

Таким образом, сибирская община являлась величайшей ценностью культуры и общественной жизни.

* * *

Соотношение городского и сельского населения в Сибири: (1847 г.)

Тобольская губерния	1 : 14,3
Томская губерния	1 : 14,2
Енисейская губерния	1 : 12,6
Иркутская губерния	1 : 10,6

* * *

Положения Закона от 23 мая 1896 года:

— земля отводится в пользование обществам, а не отдельным домохозяевам;

— за отводимую землю крестьянин обязан вносить ежегодный платеж под названием государственной подати;

— за крестьянином закрепляются те земли, которыми он пользовался. Надел определяется в 15 десятин. Свободными землями наделяются по возможности;

— крестьянину отводится лесной надел в 3 десятины. Данный надел на душу мужского пола. За него вносится особый лесной налог.

* * *

Один исправник жаловался в письме к губернатору на «пагубный разврат» крестьян-общинников в селениях Минусинского уезда. Его поражало то, что здесь крестьянки носят «драповые кофточки последней парижской моды в 35 – 40 руб., башмаки рублей в 8, лакированные калоши, и просил принять меры...»

* * *

Земельные права и отношения в общине (Казачинская волость Енисейской губернии, 70-гг. XIX в.). «В данной местности пользуется землею и лугами каждое селение отдельно от другого; сельское общество состоит от 3 до 7 селений... Усадебная земля никогда не переделяется, всегда остается в потомственном владении. Раздела пахотной земли почти не происходит..., но при этом община занимается наделением пахотной землей новых «душ», достигших 17-летнего возраста. При выходе крестьянина из общины он теряет право на свою пашню... Каждый хозяин менять землю с однобоцнинником может... отдать в аренду на один год дозволяется, но если более, то нужно на это согласие общества... Названий собственности владений в народе нет, кроме расчищенной под покос или пашню земли, которая называется заимкою... Заимка для пашен в Восточной Сибири считается собственностью... Новые члены, приписанные к обществу по приемному договору, наделяются равномерно с прочими членами..., пользуются правом в лесе на постройку зданий... При выходе крестьян из общества земля остается в пользовании общества, которое и наделяет таковой вновь поступившие души...».

* * *

«1876 года я, крестьянин из поселенческих детей Енисейской губернии Балахтинской волости д. Игрышенской Павел Васильев

Вивчеренко, даю сию подписку в том, что я, будучи принят на воспитание крестьянской вдовой Лукерьей Даниловой Потылициной, желаю быть причислен к ея семейству, т.к. я, будучи в малолетстве после смерти родителей воспитан ею вместо родного сына, в том подписуюсь...».

* * *

Из жалобы: «Мы, Василий Прилепов, 20 лет, и Григорий Аржанов, 17 лет, в пьяном виде и по глупости обрезали хвосты у 14 лошадей крестьян нашей деревни Мойсеевой... Крестьяне... собрали народ до 150 домохозяев, повешали нам на шеи отрезанный конский волос и повели нас с барабанным боем по всей деревне... два раза туда и обратно, барабаня в ведра, останавливаясь у каждого дома и издеваясь над нами, а вся громадная толпа гоготала... Наше посрамление и насмешки... слишком обидны и оскорбительны... вместо отправления к приставу...».

* * *

1895 года августа 15 дня мы, Енисейской губернии Заледеевской волости д. Емельяновой, государственные крестьяне-домохозяева, быв сего числа на сходе... по суду приговорили крестьянина из ссыльных Петра Федорова Кунгурова 31 года... принимая во внимание: в деревне не имеет никакого домообзаводства, никаких определенных занятий, замеченный во множестве худых поступков, занимался исключительно кражами и мошенничествами, вел жизнь развратную, а потому не может быть терпим в среде Емельяновского общества, решили выслать из нашего общества...».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Сельская крестьянская община и ее функции.
2. Традиции сибирской общины.
3. Урок-практикум (деловая игра) «Мир сибирской общины».

II. Термины

«Общество», функции общины, повинности, сход, круговая порука.

III. Диалог

В основе сибирской общины (истоком ее) была семья. Как, по-вашему, шел процесс складывания общины? Каковы функции крестьянской общины в Сибири? Почему в начале XX века основную роль в жизни «общества» начинают играть вопросы о переделах пахотной земли? Степь, лесостепь, подтайга, тайга: в каких зонах начались переделы через определенное время? Проведя аналогию с жизнью современной деревни, определите, в чем могли состоять причины тяжб, разбирательств между членами «общества»? Однаково ли разрешались и разрешаются сейчас конфликты в деревне, между соседями? Как, по-вашему, избежать конфликтов внутри крестьянского мира?

IV. Дискуссия

Возможно ли сейчас возродить общину? Есть ли в этом необходимость? Если да, то каковы пути возрождения и функции «современной» общины?

V. Исследования

1. Определите тип общины вашего села в прошлом, ее функции.
2. Где размещалось волостное правление? Сохранилось ли здание?
3. Какие выборные должности исполняли предки учащихся класса?
4. Если ваши предки жили в селении в прошлом, то где находились ваши пашни, покосы, иные угодья?

VI. Творчество

Сочинения «Если бы главой администрации был я...», «Сельский сход» (от имени участника схода сельской общины).

VII. Музей

Схема-таблица «Структура крестьянской общины села...».

Фотографии крестьян, бывших до революции старостами, волостными старшинами, писарями и др.

Фотографии волостного правления.

Отметьте памятными знаками (памятными досками) здания дореволюционной школы, почты, волостного правления, медпункта.

ГЛАВА IV. МИР ПРИЕНИСЕЙСКИХ ОБЩИН

§ 10. МЫ — СТАРОЖИЛЫ!

Мир старожилов-сибиряков составляли сельские общины, сообщества потомственных старожилов сибирских городов, старожильческие консорции нескольких типов. Мир старожилов воспроизводил себя в последующих поколениях благодаря устоявшимся традициям, обычаям, системе воспитания детей, замкнутости жизни, крайней слабости миграционных процессов.

Кто же такие старожилы? Во-первых, истинными сибирскими старожилами считаются «чалдоны» (челдоны) — потомки первых засельщиков новых земель, первопроходцев. До настоящего времени идет спор о значении понятия «чалдон». Наиболее точным, видимо, можно считать следующее: в XIX в. в северной части Енисейской губернии этим словом определяли «люд неуемный, бродячий, без привычки к насиженному месту, промышлявший охотой, суровый и диковатый на вид». Вряд ли серьезным является бытующее объяснение, что «чалдоны» — выходцы с «Чала и Дона». Почти все первые «засельщики» были из северных областей России. Даже в период сравнительно широкого переселенческого движения второй половины XIX в. контингент государственных крестьян северных губерний составляет 64,7% всех переселенцев.

В исторической литературе старожилами часто называют тех, кто проживал в Сибири к 1861 г., к началу широкого добровольного переселения бывших крепостных крестьян Центральной России. Однако во второй половине XIX в. сибиряки считали старожилами тех, кто прожил здесь 25 и более лет. Селения, возникшие четверть века назад, также причисляли к старожильческим. Постараемся

объяснить это понимание. На наш взгляд, этому соответствует ряд причин: за четверть века переселенец «вживался в образ старожила», терял связь с родными краями, через детей «роднился» со старожилами, а дети его считали себя сибиряками и о родине отцов знали понаслышке. Хозяйство крестьянина за такой срок давно уже становилось средним или зажиточным. Но все же, по сибирским понятиям, наиболее важной была связь через кладбище, через «могилки»: за 25 – 30 лет родственники переселенца находили вечный приют на сибирской земле...

§ 11. САМОСОЗНАНИЕ СТАРОЖИЛОВ

В процессе психологической адаптации важное место занимает выработка позиции по отношению к факторам, которые могут негативно влиять на образ жизни людей. Самосознание потомственных сибиряков начинало по-новому оценивать изменившееся положение по отношению к новому «месторазвитию», государству и материнскому этносу. Основой самосознания является идентификация человека.

Идентификация — это прирожденное осознание принадлежности человека к определенному этносу, самопричисление личности к этносу или его отдельным этническим подгруппам. Идентификация отражает этническое сознание в оппозиции «мы — они».

К концу XVII в. дети и внуки основателей острога Красный Яр вполне осознанно считали Сибирь своей родиной, называя себя новым эндоэтнонимом. В «Послании митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г.» для нас крайне важна вставка из подлинных слов красноярцев: «Есть ли де... обидят **в Сибири** худо де, худо **сибиряки** так буде воеводу другого и третьего до смерти убили...». Это важнейшее свидетельство новой идентификации жителей Приенисейского края, оформленной в этнониме «сибиряки».

Доктор медицины Д.Г. Мессершмидт в период научной экспедиции в г. Красноярск в 1722 г. постоянно встречал в ходе поездки настороженность и скрытность местных жителей, но особенно поражали автора расчетливость, меркантильность, прагматичность сибиряков. В частности, все посещения человеком друзей и родст-

венников неизменно обставлялись «подарками», «гостинцами» по расчету или на условиях возвратного одаривания.

Ученый-путешественник И.Г. Гмелин описал своеобразие выделения различных групп сибиряков в «прозваниях» другими сибиряками: «сквозники», «язовики», «раскольники», «коловичи» и др. Он отмечал, что «красноярцев зовут «бунтовщиками», т.к. они часто бунтуют против своих воевод». Исследователи подробно описали свадебный обряд, бытовые привычки красноярцев, особенности празднования ими Рождества, Святок, Масленицы.

И.Г. Гмелина более всего поразило отсутствие экономического принуждения крестьян в земледелии, что, по его мнению, привело к «великой здешней ленности». Он писал: «Земля благословенна, а людей **не заставляют** работать... Выгоды получают за счет плодородия здешней почвы... Служивые живут с воеводой ...**по-панабратски**».

Идентификация «свой — чужой» у старожилов Приенисейского края во второй половине XVIII в. ярко выражена в негативном отношении к представителям власти. Так, в наказах енисейских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. основная вина за «наившее разорение» и «всеконечную нищету» ложится на «прикащиковых», «комиссаров», «за казнами всяких афицеров», на «Сибирскую губернскую и Енисейскую провинциальную канцелярию». Сибирские крестьяне высказывали пожелания, чтобы «из разных чинов, яко из дворян прикащики и управители, то однако ѿь, как довольно усмотрено, оные для неудопственных опстоятельств быть не надобны. А должности совсем могут исправлять, как довольно и без них бывало, выбранные из нашей собратий, переменяясь кацьгодно».

Управление в Сибири в XVII – XVIII вв., несмотря на многочисленные реорганизации, составляло длинную вереницу злоупотреблений, произвола, насилия и минимального контроля над местной администрацией. В ответ на самоуправство местных властей в 1695 – 1698 гг. жители Красноярска «отказали» трем воеводам и выбрали свое казачье самоуправление. Новый воевода П. Мусин-Пушкин вынужден был сделать вывод, что «красноярцы» единой силой выступили против «ссыльных воров, и которые были с воеводами» и «от воеводства отказали».

Наполнение содержания оппозиции «мы — они» выразилось в противостоянии мира старожилов и чиновников, на местах представлявших государство. Покушаясь на свободу, собственность, хозяйственную самостоятельность старожилов, чиновник представлял носителем агрессивного начала. Писатель С. Турбин писал в середине XIX в.: «По сибирским народным понятиям, род человеческий делится, главнейшим образом, на два разряда, именно: на людей и чиновников».

В этих условиях изменение положения общины в сознании старожилов выразилось в превращении его в инструмент коллективной оппозиции государству: «Здесь власти оставались с крестьянами один на один, обращаясь к ним... через крестьянскую общину...», и мир выступал в качестве коллективного защитника в противодействии «чужим».

Выработка адекватных механизмов защиты старожильческого социума предопределила форму «показного» подчинения общины государству. Жизнь в общине перед посторонними старательно маскировалась или скрывалась. В первую очередь, община замыкалась перед чиновниками, стараясь любыми средствами обмануть их. Современники приоткрывали завесу скрытности старожилов-крестьян: «Крестьяне... объявляют посев только в половину или немного более, а остальное скрывают *из опасения или по привычке*».

Скрываемая от чиновников внутрихозяйственная жизнь, естественно, требовала ведения «двойной бухгалтерии». И действительно, информаторы отмечали, что «у старожилов имеется обыкновенно *две книги* (приходно-расходные книги волостных и сельских обществ): официальная... и неофициальная...». От государства скрывались многие доходы. К посторонним расходам прежде всего относились «подарки» и «угощения» чиновникам, угощения по случаю приезда «начальства», на различные доплаты за службу на волостных и сельских должностях и т.д. Были факты распространенного «сокрытия» грамотности с целью «превращения» при столкновении с чиновниками «в простодушных безграмотных поселян».

Поступавшие от губернских властей распоряжения часто принимались формально на общинных сходах и с полным повторением слова в слово формулировки приказа отправлялись обратно. Приводим любопытные документы подобного рода.

В январе 1826 г. в с. Анциферовском Канского округа умер малолетний ребенок «вследствие испуга по пробуждении от сна из-за того, что двое крестьян... переодевались в виде журавлей». По данному происшествию Енисейский гражданский губернатор А.П. Степанов издал приказ. В нем строго уведомлялось, чтобы «*в отвращение на будущее время подобных нещастий... дабы они (крестьяне) ни под каким видом и ни в какое время не осмеливались одеваться чучелами в посмение людям и во вред младенцам, в чем и обязать их подписками; в противном же случае, если еще чуть подобное случится, то виновные подвергнутся приличному взысканию...*».

Через четыре дня последовал принятый на сходе ответный мирской приговор: «Мы, нижеподписавшиеся Енисейской губернии Красноярского уезда Заледеевской волости разных селений выборные крестьяне дали сию подписку во исполнение объявленного нам приказа... *дабы ни под каким видом и ни в какое время не осмеливались одеваться чучелами в посмение людям и во вред младенцам и дабы на будущее время чего боже сохрани какого подобного происшествия могло случиться, то подвергнемся приличному взысканию...*».

Несмотря на строгий приказ губернатора, и до него, и после всеми современниками по всем селениям Енисейской губернии отмечалось ежегодное массовое «машкарование» в «страшные» дни накануне Богоявления (Крещения).

Старожилы вкладывают понятие «мы» в идентификацию по отношению к населению Центральной России: мы сибиряки, а они — российские люди. Широкий круг разноплановых источников подтверждает этот вывод. Жена декабриста Н.Д. Фонвизина в 1829 г. писала: «Сибиряки имеют свой характер, ...отличный от Российских, наших». Она выделяет наблюдаемые привычки, стереотипы поведения сибиряков в различных ситуациях. По окончании ссылки в 1858 г. Наталья Дмитриевна уже соотносит себя с сибиряками, фактически причисляя себя на уровне самосознания к ним: «Не забываю радушной Сибири, я часто о ней говорю и еще чаще о ней думаю»; «Одна мысль, что все эти люди (ее крепостные) — моя собственность, из ума меня выбивает». «Дразню *«рас-сейских»* Сибирью и *«сибиряками»*. В самом деле, *здесь* чудесно

можно было бы жить, если бы меня не *принуждали быть* помешающей и госпожой».

Этнограф Н.А. Ровинский сделал следующий вывод: «Сибиряк, даже в чиновничьем мундире, остался верен своему народному типу... и сколько мне приходилось наблюдать, как между чиновниками, то и между священниками-сибиряками, стоят ближе к простому народу, чем к *так называемому* Российскому человеку».

Во второй половине XIX в. сибирский публицист Н.М. Ядринцев писал, подобно Н.А. Ровинскому, что «здесь природному, сибирско-русскому старожилу противостоит, как говорят в Сибири, *«российский человек»*. «Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком...». В качестве «российского человека» автор выделял, прежде всего, «великоросского» ссыльного поселенца или переселенца-крестьянина. «Сибиряки Европейскую Россию и русских принимают за чужеземщину или иностранцев». Говоря: «вы российский, ... этим он... хочет обозначить противоположность себе, как сибиряку».

Автор дает существенное замечание, что «путешественника (из России) сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом, в Европейской России». Взаимное неприятие сибирских старожилов и «российских людей» отмечается во многих свидетельствах. Так, некий автор в 1891 г. отмечал с высокомерием: «...Каждый сибиряк дорожит своей глупой самобытностью...».

Оппозиция «мы — они» в самосознании старожилов-крестьян обобщалась в образе «чужого злого человека». Одновременно выделение оппозиции шло и по пути углубления самовыделения в пределах старожильческого мира Сибири. Отмечалось, что ангарские крестьяне явно сторонились новоприбывших и путешественников, приписывая им «засуху, неурожай, скотские падежи». «Злое влияние» могло исходить даже от приезжавших из других округов Енисейской губернии.

Неудивительно, что в местностях, удаленных от губернского центра, противопоставление «мы — они» еще глубже. В XIX в. старожильческое население Туруханского края именовало себя «смешицы». Не только Европейскую Россию, но даже Южную Сибирь «смешицы» называли Русью. В ответ на приглашение переселиться в Минусинский уезд туруханские старожилы отвечали:

«Мало ли чего у вас там, в Руси, не по-нашему лучше. Нет, душе неохота, сердцу неугода». Процесс принятия новоприбывшего в с. Туруханское мог затянуться на многие десятилетия. Таким образом, в процессе адаптации к новой Родине — Сибири — у старожилов Приенисейского края, как и всей Сибири, сформировалось субэтническое самосознание.

§ 12. СТАРОЖИЛЫ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Особую область хозяйственной и общественной жизни сибирского края представляет процесс взаимодействия двух миров: мира старожилов и мира Европейской России, представленного переселенцами, служащими-чиновниками, ссыльными и иным «проезжим и приезжим» людом.

Попадая в мир старожилов, переселенцы расставались со своими «российскими» традициями, привычками, растворялись в условиях новых отношений, новой системы хозяйствования, технологии земледелия.

12.1. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

На первом этапе переселенческого движения выходцы из северных губерний составляли основную массу новых «засельщиков». По социальному положению данный этап характеризуется как середняцкий. Исследователь переселенческого движения И.А. Гурвич писал в 80-х гг. XIX в.: «Преобладающим элементом в современном переселенческом движении следует считать крестьян среднего достатка». Вплоть до конца XIX в. переселенцев именовали самоходами, т. к. до постройки железной дороги добирались сюда пешком или на лошадях.

Как крестьяне определяли район переселения? Исследования показали, что 61% крестьян засылали в Сибирь ходоков, которые выбирали место будущего заселения. По письмам определяло район переселения 19%, по рассказам — 17% крестьян. И лишь 3% переселенцев шли «наобум»: это говорит о том, что не так-то просто было решиться в то время на далекую дорогу в суровый край, сорвавшись с обжитого места.

Путь до Енисейской губернии пешком занимал от 3 до 7 месяцев. Иногда шли с остановками на зиму, чтобы подзаработать и двигаться дальше. Для семьи из 6 человек требовалось на дорогу около 200 рублей. Деньги набирали как за счет тайной продажи «своей» земли, дома, части скота и пр., так и за счет сбережений. Конечно, и подрабатывали, и «шли Христовым именем от города к городу». Только с 1893 г. правительство стало выдавать на обзаведение хозяйством ссуды до 100 рублей. Но этого было явно недостаточно: только на подъем одной десятины пашни в лесостепи требовалось от 100 до 300 рублей.

Переселенцы шли в сутки по 35 – 40 верст. Крупными партиями по 60 – 100 семей двигались до намеченной губернии, далее по уездам, затем расходились отдельными семьями по селениям.

Новопоселенцы старались устроиться на жительство в старожильских селениях. Здесь можно было до обзаведения домом найти квартиру у старожила, купить лошадь и инвентарь, выгодно продать свою рабочую силу. Работая на сезонной или постоянной работе, можно было заработать от одного до полутора пудов зерна в день. Годовому работнику (работнику «в сроку») в Енисейской губернии оплата деньгами и в натуральном исчислении составляла, в зависимости от уезда, от 70 до 160 рублей. Через 2 – 3 года переселенец мог обзавестись собственным хозяйством. В конце XIX в. для собственного домохозяйства требовалось:

<i>Продовольствие в течение 2-х лет</i>	— 100 – 150 руб.
<i>Возведение или покупка дома и построек</i>	— 110 – 150 руб.
<i>Покупка 2 лошадей</i>	— 80 – 100 руб.
" 1 коровы	— 17 – 30 руб.
" 2 саней и телеги	— 40 – 50 руб.
" упряжи на пару лошадей	— 20 руб.
" деревянного или железного плуга	— 10 – 37 руб.
" двух борон	— 3 – 5 руб.
<i>Стоимость утвари и хозяйственных принаследствостей</i>	— 30 – 40 руб.

Для причисления крестьянского хозяйства к «обществу» требовалось еще 30 – 50 рублей. Значительно облегчало положение переселенца освобождение от государственных повинностей в первые 3 года проживания в Сибири и сокращение на 50% еще на 3 года.

Однако мирские повинности они обязаны были выполнять полностью.

И.А. Гурвич приводит в качестве обычного примера историю одного крестьянина, переселившегося во второй половине XIX в. в Назаровскую волость Ачинского уезда. В Сибирь он пришел «Христовым именем» с семьей. Работал у старожила за 1 пуд ржи и 1/2 пуда пшеницы в день. За зиму купил лошадь, «ячменя и хлеба». Весной засеял десятину ячменем. Выращенный ячмень продал в городе и купил корову и небольшую избушку, за которую заплатил 11 рублей. Через 17 лет у него было 16 десятин пашни, дом-пятистенок, 4 лошади, жеребенок, 7 коров, овцы. Все эти годы он постоянно продавал хлеб на рынке в городе.

Но не следует забывать, что данная история была типичной для трудолюбивого, усердного крестьянина. Именно такие крестьяне быстро входили в старожильческий мир и через 25 лет числились старожилами.

В последней четверти XIX в. старожильческий мир начинает ограничивать прием переселенцев в «общества». Так, в 1894 г. по Ачинскому округу в Покровской волости из 8 обществ откали переселенцам 7, в Балахтинской — из 10 отказали 8, в Тюльковской — из 10 все 10 сельских обществ. Основной причиной стала, во-первых, наметившаяся тенденция к «утеснению» земельных владений общин; возникла угроза уменьшения наделов сыновьям старожилов, достигшим 17 лет. Во-вторых, во второй половине XIX в. около 59% всех «самоходов» составляли бывшие помещичьи крестьяне, резко отличающиеся по миропониманию от государственных крестьян северных губерний и сибиряков.

Старожилы справедливо отказывались делиться землями, разработанными их предками. Они возмущались жалобами переселенцев, что якобы «старожилы захватили лучшие близлежащие около селений земли и не желают передела их». В данном случае земли эти явно не были захвачены насилиственно и, по сибирским правилам, не переделивались, но психология бывших помещичьих крестьян воспринимала происходящее по-своему.

На рубеже XIX – XX вв. большая часть переселенцев была вынуждена основывать новые селения в подтаежной зоне — степи, и лесостепные области были практически освоены. Старая технология земледелия начинала изживать себя. Урожайность стала падать;

наступил период перехода к интенсивному земледелию. Многие селения возникали на месте бывших заимок, заброшенных росчинств, но большинство переселенцев были вынуждены втрое больше затрачивать сил, денег, времени на обустройство. Деревни новоселов стали существенно отличаться от старожильческих.

Еще более обострились отношения старожилов и переселенцев в первом десятилетии XX века. «Столыпинские» реформы насильственно разрушали общины Европейской России и предусматривали массовое переселение обезземеленных крестьян в Сибирь, на окраины страны. Во многом у этих переселенцев имелись негативные черты: лень и нежелание трудиться, отсутствие старательности, пьянство, низкие нравственные качества. И называли их в Сибири уже переселенцами-лапотниками, лапотошниками. Нередки были случаи «проживания» ссуд, преступлений, поиска случайных заработков, отходничества. Многие новоселы, с огромным трудом разработав в тайге 1 – 2 десятины земли, едва сводили концы с концами. Еще на долгое время «столыпинские» крестьяне оставались по мироощущению «великорусскими» крестьянами.

Вот описания жилищ, сделанные в конце XIX в.: «У старожилов дома большие и крепкие. У новоселов — слабые и серые. Постройки низкие. Крыши земляные и соломенные, пропитанные глиной. Много изб покривившихся, непокрытых, причем окна едва видны из-за наваленного для теплоты навоза».

Быт переселенцев начала XX в. разительно отличался от быта старожилов. В отчетах начала века приводятся многочисленные примеры голодовок в селениях переселенцев, сырости и холода в их жилищах, крайне бедной и ветхой одежды, тяжелых эпидемических заболеваний. Крайне высока была смертность новоприбывших, особенно среди детей. «Прибыль населения переселенческих поселков почти соответствует убыли», — писали енисейскому губернатору из Ачинского уезда в 1899 г.

Приведем и выдержку из отчета за 1911 г. о состоянии сельского хозяйства в Енисейском уезде, из главы о положении переселенцев: «Приходится констатировать, что хозяйства их (новоселов) производят впечатление какого-то развала, грязи (резко бьющей в глаза при сопоставлении с чистотой и порядком в доме и дворе сибиряка), нищеты, соседнего раздора и влияния водки».

Освоение неудобиц сопровождалось и такими картинками — «многие поселки находятся в обширной болотистой равнине, покрытой местами чахлым березовым лесом. Сообщение из-за топкой почвы плохое, а весной в эти Богом забытые места уже невозможно попасть... Загрязненность поселков огромная. В стенах домов видны щели. Отапливаются жилища железными печками, вследствие чего резко меняется температура, жара сменяется холдом. Во многих домах полы земляные, много грязи и насекомых. Питается население хлебом, картофелем и капустой, лишь изредка молоком и мясом».

«Летом почти все, а зимой очень многие ходят в лыковых или из сырой кожи лаптях; белье из грубого холста. Верхнее зимнее пальто есть далеко не у всех, не раз приходилось наблюдать, как вся семья ходит в одной и той же рваной шубе». Далее говорилось о нравах новоселов: «Молодежь в свободное время, заломив шапки набекрень, шляется по улицам, пьет, после чего скандалит и дерется».

Но все же, несмотря на вышеописанные недостатки, большинство переселенцев прибывали сюда для обустройства, чтобы начать новую жизнь. Сотни тысяч крестьян-переселенцев увеличили на несколько миллионов десятин площади посевов. Они привезли улучшенные навыки огородничества, трехполья, удобрения земель, льноводства, пчеловодства, новые ремесла. Особую роль «столыпинские» переселенцы сыграли в развитии животноводства в Сибири. Старожилы перенимали опыт содержания скота в теплых хлевах, в стайках стали заводить ясли для сена. Выросла продуктивность молочного животноводства, начало развиваться маслоделие.

Огромную роль в развитии переселенческого движения сыграло правительство. Увеличились до 200 – 400 руб. льготные ссуды, многие получили безвозмездную помощь, для желающих выехать в Сибирь ввели льготные железнодорожные тарифы, и переезд стал в 3 – 4 раза дешевле. Стоимость железнодорожного билета по переселенческому тарифу была следующей: от Одессы до Красноярска — 7,4 руб., от Ковеля — 7,35 руб., от Киева и Чернигова — 6,75 руб., от Харькова — 6,25 руб., от Воронежа — 5,7 руб.

В Енисейской губернии для переселенцев создавались бесплатные переселенческие столовые и больницы, оказывалась всесторонняя землеустроительная помощь. За счет средств Переселенче-

ского управления строились школы, церкви, больницы, дороги, соружались тысячи колодцев.

12.2. СИБИРСКОЕ ЕДИНЕНИЕ

«Сколько мы могли наблюдать, отношение старожилов к переселенцам является далеко не враждебным, скорее, они встречают участие в местном крестьянстве. Это обнаруживается следующими фактами: кто несет в настоящее время все расходы на колонизацию, кто поддерживает переселенца-новосела, дает приют, прокорм, подает ему помошь в пути, кто кормит милостыней переселенца и в минуты несчастья спасет его? Сибирский крестьянин, и он один...», — так описывал Н.М. Ядринцев отношение старожилов к «самоходам» в 70-е гг. XIX в.

Многие из новоселов приезжали в селения, где издавна проживали их родственники или односельчане и миряне одной обчины, знакомые. Поэтому им легче было найти «общий язык» при приеме в общину, при обустройстве и преодолении тягот в первые годы жизни в Сибири. Старожил, замолвив слово за переселенца, поручался за его поведение в обществе, выполнение обязанностей перед миром, обязывался поддерживать хозяйство новосела.

Сближение новоселов и старожилов обусловливалось, прежде всего, трезвым, практическим подходом к установлению взаимовыгодных экономических отношений. Старожилы помогали поднимать пашню, помогали посевным материалом, обучали технологии земледелия в новых условиях. Старожилы увеличили товарность своего хозяйства за счет рынка переселенческих деревень. Переселенцы привезли ряд нововведений; они более активно приобретали и популяризовали сельскохозяйственные машины и орудия труда. Взаимоотношения продолжали развиваться по пути поглощения переселенцев миром сибирских старожилов, пусть и замедленного, но восприятия ими традиций сибиряков.

Новосел, откуда бы он ни был, сразу же мог наблюдать разницу между «Рассейским краем» и Сибирью. Но различия преодолевались, как тонко было подмечено в конце XIX в., следующим способом: «Новосел подвергается непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами, как поступать на сибирской земле, как пахать землю, какие сделать уступки ея, на-

сколько и когда быть благосклонным к бродягам, а когда жестоким и, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтвержденных собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, а не далее как следующее поколение считает себя уже коренными сибиряками и на новоселов смотрит с усмешкою и иронией».

Несмотря на то что от 10 до 18% переселенцев «столыпинского» периода вернулись обратно в Европейскую Россию, большинство положительно восприняли преимущества новой жизни.

Чтобы проанализировать положение тех, кто переселился после 1906 г., обратимся к выводам статистических обследований переселенцев, проведенных в 1911 – 1912 гг. «В Сибири положение переселенцев во всех отношениях улучшилось, и благосостояние их поднялось вдвое, втрое и даже в 6 – 7 раз». Только в Енисейской губернии в 1906 – 1916 гг. было введено в строй 30 млн. десятин угодий. Если старожилы занимали до 60% посевных площадей, то переселенцы быстро освоили 30% земель (остальные 6% пашен принадлежали казакам и 4% — нерусским народностям Сибири, занимавшимся сельским хозяйством).

Переселенческое движение дало мощный импульс не только сельскому хозяйству, но и промышленному развитию Сибири. Многие новоселы и часть молодежи старожильческих селений пополнили ряды рабочего класса. Деревня более активно участвует в начале XX в. в развитии кооперативного движения, втягивается в торговлю, освоение новых месторождений полезных ископаемых и развитие лесной отрасли промышленности. Увеличивается население городов, железнодорожных станций, малонаселенных районов губерний Сибири и Дальнего Востока.

В связи с мощным экономическим подъемом в годы НЭПа сибирская экономика переживает новый взлет. Быстро шел процесс выравнивания благосостояния старожильческих и переселенческих хозяйств. Большинство переселенцев столыпинского времени стали крепкими середняками. Одновременно в середине 20-х гг. начался новый всплеск переселенческого движения, связанный с деятельностью Н.И. Бухарина. Старожилы и переселенцы становились единым миром на основе кратковременного возрождения старожильческих общин в 1921 – 1929 гг.

* * *

С.П. Турбин.: «Надобно сказать правду, что старые коренные сибиряки смотрят на этих новоселов не совсем дружелюбно; впрочем и на их дедов и прадедов смотрели так же».

«... — Ну и давно вы здесь?

— Дамно: годов никак 25. Теперь мы совсем здешними стали: и дом есть, и семья. В христиане прописаны... Ничего, здесь жить можно, сторона привольная!» (1872 г.).

* * *

«Крестьяне-старожилы — такие крестьяне, которые родились уже в Сибири в данной общине. При этом все равно, были ли их родители поселенцы, или тоже старожилы, были ли они новоселы...».

К старожильским причислялись новые деревни, «образовавшиеся более 25 лет». Старожилами числились «добрые переселенцы, прожившие здесь не менее 25 лет, а поселенцы — более 50 лет, имеющие внуков рабочего возраста. Для всех нужен совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их со старожилами»*.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Переселение крестьян в Сибирь в 1865 – 1916 гг.
2. Старожилы и переселенцы. Взаимоотношения и сравнительные характеристики.
3. В школе, имеющий «переселенческие» корни начала XX века, возможно проведение занятия по истории возникновения селения и первых переселенцев (пригласить старожилов).

* Из кн.: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. IV. — Иркутск, 1893.

II. Термины и понятия

Старожилы, чалдоны, самоходы, переселенцы-«лапотоны», приемный договор, аренда, годовой и сезонный работник.

III. Вопросы

1. Чем отличались «мир старожилов» и «мир переселенцев»?
2. Как переселенцы узнавали о будущем районе переселения?
3. Как крестьяне добирались до места заселения?
4. В чем состояли причины конфликтов между старожилами и переселенцами? Можно ли было их избежать?

IV. Исследования

1. На основе бесед со старейшими жителями села установите пути и способы их переселения в Сибирь.
2. Попробуйте определить местное толкование слова «чалдон». Каково было местное название переселенцев?
3. Есть ли в вашей местности в наше время разница между старожильческими и переселенческими селениями?
4. Проведите сравнительное обследование уровня жизни потомков старожилов и переселенцев. Есть ли разница?
5. Составьте хронологическую таблицу роста вашего селения, его улиц, отдельных «концов».

V. Творчество

1. Желающие могут рассчитать длительность труда по найму для обустройства и обзаведения хозяйством (дом, орудия труда, 2 лошади, 2 дес. пашни). Расчеты: за год работы 50 руб., присевок — 1 или 0,5 дес., жеребенок, одежда. Сезонный работник — в день по 1 пуду хлеба (50 — 75 коп.). Семья 5 чел. Поддержка государства — 100 руб.
2. Темы рефератов: «Переселение моих предков в Сибирь», «Проблема психологии поселенца в современной Сибири».

VI. Музей

Предметы и вещи, привезенные переселенцами из России. Документы и записи воспоминаний о переселении в Сибирь. Судьбы переселенцев через 30 — 50 лет.

§ 13. СТАРОЖИЛЫ И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ

Наряду с вольным переселением тех, кто стремился обрести в Сибири «землю и волю», значительное место занимали ссылка и каторга осужденных за различные преступления в городах и селениях Европейской России. Большинство из них отправлялись на жительство в специальные поселения ссыльных, многих размещали в старожильческих селениях.

Водворение на жительство лиц, принудительным образом высланных в Сибирь, формировало в сознании сибиряков несколько типов оценочных суждений о различных категориях ссыльных. По общей оценке современников, в первой половине XIX в. термин «несчастные» («нешастные») относился к общей массе ссыльных. Но от самого человека зависело, пойдет ли он здесь по пути нравственному или преступному.

Наиболее наглядно и правдиво охарактеризовал данный выбор декабрист Н.В. Басаргин: «Сибирь снисходительно принимала всех... Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, ...какое он сделал преступление... «несчастный» ...звали сосланных. От него требовалось только» быть положительной личностью. «В таком случае... его ждало довольство, но даже богатство и уважение людей».

Позднее, в 1871 г., об этом же писал публицист С.П. Турбин: «В Сибири существует повсеместно прекрасный обычай — не обращать внимания на прошлое... Будь ты хорош здесь, а что ты делал там (в России) — твое дело, а не наше... Но для нравственного перерождения личности преступника требовалось проживание в среде старожилов». Множество ссыльных из числа приписанных к старожильческим сибирским селениям «превращались в добропорядочных граждан». Повсеместно бытовала поговорка «Быль молодцу не укор».

Милосердие сибиряков выражалось в развитой практике «подаяний», идущих партиям ссыльных, оставления на ночь продуктов питания для бродяг и нищих на специальных полочках у ворот. Крестьяне старожильческих селений, вынужденные принимать на жительство ссыльных, старались положительно воздействовать на них своим примером, традициями и нормами «обычного права».

Однако не всегда ссыльные, размещенные на поселение в старожильческих селениях, стремились жить праведно. Дела о хищении и разбойных нападениях подтверждают стремление многих поселенцев к продолжению «порочной» жизни в условиях сибирской ссылки. Например, поселенец Иван Егоров, проживавший в д. Шадрино Подсосенской волости, в «сговоре с себе подобными» (всего 7 чел.) собрал у крестьян ряда селений «для выделки овчинные шкуры» на крупную сумму и перепродал их. В результате расследования виновные были найдены и наказаны, но и далее Егоров продолжал «заниматься хищениями и мошенничеством».

Отрицательно воспринимало сознание сибирского населения поведение ссыльных, не желавших встать на путь исправления. Старожилы называли таких людей «варнаками». В 1804 г. беглые с Боготольского завода колодники Иванов, Сандалов и Крывелев совершили вооруженное ограбление крестьянина д. Гуськовой Василия Михайлова. В том же 1804 г. четверо вооруженных ссыльных совершили нападение на домохозяйство зажиточного старожила с. Новоселово Михаила Яковлева Ярлыкова. Таких примеров можно привести достаточно много.

Граница «свой — чужой» в самосознании и картине мира старожилов-крестьян часто обобщалась в образ «злого человека», и прежде всего ссыльного-варнака. Своим поведением, нежеланием исправиться «варнаки» противопоставляли себя сибирякам, поэтому многие из них так и не смогли прижиться здесь и бежали обратно в Европейскую Россию.

Поселенцы с. Седельниково Сухобузимской волости, выбрав 1 октября 1862 г. на «будущий» 1863 г. «из среды себя поселенцев Семена Кочегарова, причисленного в 1851 году, и Степана Михайлова, причисленного в 1849 году, для несения службы» «десяцкими над поселенцами», вскоре вынуждены были переизбрать С. Кочегарова. Причиной послужило распоряжение волостного старшины от 10 ноября того же года: «Дать знать Седельниковскому старшине, что Кочегаров за явку к нему в пьяном виде и здравание грубостей выдержан при волостном правлении под арестом в течение трех суток... Предложить обществу пересмотреть приговор... кому по очереди следует как ранее поступивших на причисление...».

Документы показывают безнравственную подоплеку преступного поведения поселенцев. Иногда на милосердие и доброту кре-

стянян ссыльные отвечали преступлением. В данной ситуации вполне естественно среди старожилов Сибири бытовала поговорка: «Накормиша калачом — не бей в спину кирпичом».

Так, поселенец с. Сухобузимского Красноярского округа Щелкунов, переночевав в с. Казачинском Енисейского округа у крестьянки Х. Чигаревой, «выкрад во время сна из чулана 4 новые мужские рубахи, новую поддевку, плисовые шаровары, беличьих шкур 10 штук, меховой воротник» и другие вещи на общую сумму 48 руб. 75 коп.

В целях возврата имущества крестьян сразу объявлялся розыск пропавших вещей по всем селениям волости. Пропавшие у крестьянина д. Большебалчугской Сухобузимской волости М. Першина «две уздечки кожаных из пригона, снятые с лошадей... ночью», вскоре были найдены. Той же ночью на основании признания «тех уздечек» свидетелями ночных сельскими сторожами был задержан поселенец Д. Ларионов, пытавшийся заложить уздечки «в кабаке под вино».

В ментальности крестьян кражи, плохое поведение воспринимались как покушение на имущество, нажитое своим трудом, угроза миропорядку: «Преступное не может быть нравственным, нравственное не может быть преступным». Естественно, порочное поведение поселенцев неизбежно сохраняло грань в отношениях старожилов и ссыльных. В ментальности старожилов-сибиряков отношение к нравственности переселенцев выражалось в поговорке: «Поселенец, что младенец, — на что взглянет, то и стянет».

С другой стороны, крестьяне-сибиряки позитивно воздействовали на психологию поселенцев, которые «согласно» проживали в старожильских селениях, и добивались их полного «осибирячивания» во втором-третьем поколениях. Это подтверждает приговор сельского схода с. Петропавловского Балахтинской волости от 3 июня 1876 г.: «Дали сие одобрение поселенческому сыну Василию Штычкову в том, что он поведения хорошего, под судом не состоял и в никаких предосудительных поступках нами замечен не был...». Дети и внуки ссыльных через 50 – 70 лет становились старожилами.

§ 14. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРСКОЙ ОБЩИНЕ

Исследования советских историков по дореволюционной Сибири в значительной степени тенденциозно представляли социальный состав общины, степень расслоения крестьян на бедных и за-житочных и противостояние социальных групп. Классовый подход предопределил главенство аспектов классовой борьбы и вывод о складывании предреволюционной ситуации в начале XX в. Однако сохранилось множество свидетельств и оценок исследований современников о превалировании взаимосогласия, социального мира в среде старожилов. Особенно контрастно это выглядит в сравнении с действительным процессом нарастания социальной напряженности и раскола в общине Европейской России.

Крестьянские выступления в Сибири не отличались массовостью, обширностью и выраженными насилиственными действиями. Они были направлены на предотвращение попыток распространения на сибирские земли помещичьего землевладения, усиление самовластья чиновников. Особый протест вызывали действия властей по ущемлению основ хозяйственной самостоятельности, традиций «захватного» права на земельные угодья, ограничение размеров земельных владений общины. Сибиряки препятствовали насилиственному водворению переселенцев на возделанные трудом их предков, но превышающие официальные размеры наделов пашни, покосы, выпаса. Социальные конфликты поэтому происходили на рубежах: старожилы — переселенцы, старожильческая община — властные структуры.

На глазах старожилов во второй половине XIX в. шел быстрый процесс вторжения рыночных отношений в замкнутый, самодостаточный мир. На бытовом уровне это проявлялось в увеличении числа тунеядцев, пьяниц, разрушении нравственных устоев, ином отношении к «заветам предков». Это, естественно, связывалось с увеличивающимся наплывом переселенцев. Здесь справедливо полагали, что новоселы должны своим трудом обустроиться, утверждаться и добиться права на сытую благополучную жизнь. Старожилов возмущали действия властей по предоставлению льгот, безвоз-

мездных выплат, ссуд переселенцам при одновременном увеличении повинностей крестьян-общинников.

Масштабное переселение в начале XX в. еще более усилило раскол мира старожилов и новоселов. Одновременно зарождается мощное кооперативное движение, как форма защиты интересов крестьян от произвола торговцев, ростовщиков. Нормы традиций («обычного права») часто используются в целях защиты прав старожилов, для обоснования критики неправомерности действий властей и притязаний новоселов. Так, за недоимки по-прежнему, согласно традициям, нельзя было изъять засеянную пашню или законченный покос.

Таким образом, особенность конфликтности в Сибири можно четко выразить словами из документа Енисейского жандармского отделения о том, что крестьянские выступления выражались в «форме неплатежа податей и неповиновения властям, в основном... против изъятия земель при землеустройстве». Здесь не было «вины» одних социальных групп в бедности других, прежде всего в малоземелье. Даже в начале XX в. С.П. Шведов в журнале «Русское богатство» отмечал, что размеры пашни в Сибири «ограничиваются исключительно индивидуальными силами ее хозяина... Но разница не так давно была не особенно чувствительна, и в общем все жили более или менее зажиточно». Водораздел же между зажиточностью и бедностью проходил не внутри старожильческого мира, а более между старожилами и переселенцами.

14.1. ЗАЖИТОЧНЫЕ И «МАЙДАНЩИКИ»

Обычным для сибирского крестьянства был высокий уровень благосостояния и зажиточности основной массы сельского населения старожильческих селений. К 1910 г. около 40% дворов, включая и переселенческие поселки, засевали более 10 десятин посева. 50% дворов имели по 4 и более лошадей (в Европейской России только 10% дворов). Всего же на одно хозяйство в Сибири приходилось к 1917 г. в среднем по 16 – 18 голов скота (в Европейской России — 8 – 9 голов). Данные на 1909 г. (на 100 жителей) приведены в табл. 5.

Таблица 5

Страны	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи
Европейская Россия	18	26	34	10
Сибирь	55	70	74	16
Дания	21	87	28	56
Голландия	6	34	15	21
Франция	5	36	45	18
Канада	41	133	48	51
США	25	82	68	57

Как видим, Сибирь занимала первое место по количеству лошадей на 100 жителей, а по остальному скоту была на уровне ведущих стран мира. Но наиболее примечательной была высочайшая товарность крестьянского хозяйства сибиряков. Так, на совещании по вопросам хлебной торговли в 1907 г. отмечалось, что «лучше иметь конкурентом США, чем допустить в Россию сибирскую пшеницу». Нижегородский губернатор А. Хвостов так определил это решение: «Выход сибирского хлеба будет иметь своим последствием неминуемое разорение сельского хозяйства средней и южной России и всего Поволжья».

Зажиточность сибирского крестьянина-старожила обусловливалась, прежде всего, трудовыми возможностями его семьи. Здесь большая патриархальная семья могла поднять и обработать значительную по размерам пашню и, качественно обрабатывая землю, получить высокие урожаи. Соответственно этому семья могла содержать больше скота и обеспечивать высокий уровень жизни ее членов.

В качестве примера можно привести данные о зажиточных, крепких хозяйствах крестьян с. Тасеево Канского уезда (данные середины XIX в.).

Старожил П. Усачев. В хозяйстве 9 работников – взрослых членов семьи; разработано и засевается 32 десятины земли; на подворье 9 коров, 12 свиней, 50 овец.

Старожил А. Агафонов. В семье 18 человек, из них 10 работников; пашня — 36 десятин; на подворье 9 коров, 10 свиней, 50 овец.

Старожил Т. Малышев. В семье 20 человек, из них 9 работников; засевается 32 десятины пашни; в хозяйстве 10 коров, 10 сви-

ней, 60 овец. Когда во второй половине XIX в. в семье Малышевых произошел раздел и сын Емельян отделился, то на семейном совете новое хозяйство получило 6 десятин разработанной земли, 4 лошади, 2 бороны, соху, 2 теленка, 4 коровы, 3 свиньи, 15 овец и даже таежное охотничье «ухожье».

Зажиточная семья из 8 – 16 человек, ведя общее хозяйство, обычно имела на подворье 2 – 3 жилые избы. Однако встречались и хозяйства, члены которых были связаны не родством, а «побратимством», «товариществом» и пр.

По подсчетам С. Капустина, выполненным в конце XIX в. в Западной Сибири, зажиточный домохозяин получал годовой доход от 1 100 до 1 500 руб. Конечно, этот доход складывался из результатов труда не только членов семьи, но и наемных работников: годовых, сроковых, поденных. Огромную роль для таких домохозяев играли «помочи».

В отличие от крестьянской психологии «великороссов», основанной на неприятии богатства и идеализации уравнительности, сибиряки спокойно и уважительно относились к зажиточности. Здесь считали нормой уравнение в благополучии, зажиточности и довольствии. Сибиряк отрицательно относился к идее передела собственности. По словам курагинского старожила XIX в. Ф.Ф. Девятова, «зажиточный хозяин, держащий работников, продолжал быть всеми уважаемым человеком...» прежде всего потому, что наемный труд не был средством «бессовестного грабежа слабосильных». Труд работников оплачивался довольно высоко. Общепринятые традиции и общественное мнение «мира» сурово осуждало разрыв между трудовыми и нравственными началами в становлении зажиточности. Бывало так, что сын зажиточного крестьянина работал года два «в строку», чтобы самому заработать на становление домохозяйства, не «утруждая родителёв».

В сибирской деревне были и свои «кулаки-мироеды», но, в отличие от «великорусской» деревни, ими считались не зажиточные крестьяне-земледельцы, а деревенские лавочники, содержатели кабака, ростовщики. По словам Н.М. Ядринцева, здесь их называли «майданщиками» (слово заимствовано из острожного жаргона). Они брали хлеб и другие продукты крестьянского хозяйства и давали взамен водку, чай, сахар, другой товар, «ставя их по высокой цене». Бывали случаи, когда разбогатевший крестьянин, начиная

заниматься торговлей, в своей деревне торговал «по божеским» ценам, даже в убыток себе, компенсируя убытки в соседних селениях. Он не желал прослыть у себя «майданщиком» и уронить «нравственные начала» перед своими земляками.

14.2. СЕРЕДНЯКИ

К среднему слою относилась основная масса крестьян-старожилов. Обычная «середня» семья состояла из 4 – 6 человек при 3 взрослых работниках. Годовой доход такой семьи был в среднем от 550 до 900 руб. Это позволяло иметь до 150 пудов пшеничного и ржаного хлеба, до 50 – 100 пудов зерна скоту, мяса до 35 – 45 пудов. Здесь, в сибирской глубинке, крестьяне часто не имели возможности сбыть выращенный хлеб, поэтому большинство из них вплоть до начала XX в. сознательно ограничивали размеры хозяйства. Большая часть продукции шла на личное потребление, но середняки Сибири, продавая излишки урожая, активно приобретали в лавках или в городе такие товары, как зеркала, часы, керосиновые лампы, ткани, обувь, сахар, чай и пр.

Главным итогом года «середняк» считал стабильность экономических показателей своего хозяйства: сохранение размеров пашни, количества голов скота, сохранение урожайности хлебов, выплату податей «по старинке», покупку определенного набора продуктов, выполнение обязанностей перед «миром». Для среднего крестьянина наиболее важным было выглядеть в «обществе» не хуже других, иметь возможность принимать гостей на праздники, устраивать «гулянки» и обильно угощать приглашенных гостей, одеваться в «покупные» одежды и содержать выездных лошадей.

Рассмотрим на примере домохозяйства среднего крестьянина с. Курагино Минусинского округа Енисейской губернии уклад жизни представителей данной группы^{*}.

Состав семьи: отец, мать, хозяин, хозяйка, сын 12 – 16 лет, 2 дочери, 2 – 3 «малых детей», 1 постоянный работник или 1 – 2 сезонных или поденных работника. Всего — 10 – 13 человек.

^{*} По описанию крестьянина Ф. Ф. Девятова, корреспондента Российского Географического общества в 70 – 80 гг. XIX в.

В хозяйстве: посев 12 десятин, до 8 рабочих лошадей, жеребята, 3 – 5 коров, телята: всего около 15 голов. Овец до 20 – 30 голов, 4 – 5 свиней, гуси, утки, куры.

Посев: 6 десятин ржи, 3 десятины овса, 2 десятины пшеницы, 1 десятина ячменя, гречихи, проса, гороха, конопли. Отдельно на пашне высажены картофель, репа, бахчевые культуры.

На пашне одновременно работают на 3 – 6 лошадях, в 2 – 3 плуга или сохи, 3 – 5 борон. На покосе — 4 косаря, на жатве — 5 – 6 жнецов.

На домашнее потребление идет урожай с 3 десятин ржи, 2 десятин овса; с 1 десятины — пшеница, ячмень, гречиха, просо, горох, урожай конопли. На продажу — урожай с 3 десятин ржи, 1 десятины овса, 1 десятины пшеницы. Часть выращенного урожая идет в форме натуральной оплаты — мельнику за помол зерна, кузнецу за кузнечные работы, гончару за посуду.

В год на потребление членов семьи оставляют по 20 – 23 пуда хлеба на человека, мяса от 30 до 50 пудов на семью. Крестьяне не садились за стол без пшеничного и ржаного хлеба, без мяса — в «скоромные» дни, а без рыбы — в постные (сибиряки считали рыбу постной пищей).

Общие расходы составляли 200 – 240 рублей. Из них: на свадьбу — 10 – 25 рублей, на вино в праздники до 20 – 40 рублей, на по дати — по 25— 28 рублей на мужскую душу, на церковные нужды и посещение храма — до 10 – 15 рублей, на оплату труда работникам около — 50 – 70 рублей и т.д.

Цены этого времени в лавке были следующими:

соль (1 пуд) – 1,30 руб.	2 шали и 4 платка – 5 руб.
чай кирпичный – 1,30 руб.	1 шапка – 3 руб.
сахар (1 фунт) – 40 коп.	1 пара сапог – 5 руб.
рис (1 фунт) – 40 коп.	2 пары ботинок – 5 руб.
изюм (1 фунт) – 25 коп.	1 пара сошников – 3 руб.
мед (1 фунт) – 20 коп.	2 косы-литовки – 2 руб.
сукно (1 аришин) – 2 руб.	подпилок для сохи – 1 руб.
ситец (1 аришин) – 20 коп.	2 серпа рижских – 1 руб.
плис (1 аришин) – 40 коп.	бумага (1 фунт) – 50 коп.

Однако только достатком нельзя мерить степень благополучия зажиточных и средних крестьян. В сибирской общине не менее важным показателем был высокий социальный статус члена «обще-

ства», принадлежность к старожильческому «сословию». Это давало ощущение защищенности, устойчивости, надежности жизни сибиряка.

14.3. БЕДНЯКИ: ОТ НУЖДЫ К ДОСТАТКУ

В сибирской деревне, как и вообще в российской, были и неимущие, «слабосильные», бедные и даже нищие. Но, по всем данным, в процентном отношении их было значительно меньше, чем в Европейской России. Небольшую часть из них составляли старожилы. Только вследствие наложения многих причин — гибели кормильца, устойчивого неурожая, падежа рабочего скота, гибели посевов, стихийного бедствия — семья крестьянина могла попасть в разряд неимущих. К бедности община относилась по-разному. В данном случае старожилу оказывали помощь многочисленные родственники, и через какое-то время положение выправлялось. Но самое распространенное объяснение бедности — пьянство и лень в труде и домашнем хозяйстве. Однако подобные истоки бедности община презирала.

Лиц, не способных к труду — «убогих», больных и немощных, сирот, община могла освободить от несения повинностей, могла даже кормить за свой счет. Сирот содержали родственники, «крестные» родители, приемные родители и т.д. Община строго следила за тем, как опекуны воспитывают и содержат подопечных, оказывала им финансовую помощь.

Из общественного Приговора: «1865 года декабря 17 дня, мы, крестьяне д. Хлоптуновой Сухобузимской волости, имели на ми尔斯ком сходе рассуждение, что крестьянин Лазарь Харитонов Замареев волею божею в нынешнем... декабре помер. По смерти коего остались жена его Елена Замараева, и дети: сыновья Михайло 9 лет, Иван 1 году, дочери Александра 11 лет, Александра же 8-и, Мария 6-и, Настасья 4-х лет. Вследствии чего мы постановили... избрать опекуном родную мать, которая поведения хорошего и к этой обязанности способна и благонадежна...».

Еще в первой половине XIX в. П. Словцов в книге «Историческое обозрение Сибири» писал: «Беспомощные или хворые хозяева скудных семей разъезжали по деревням из дальних мест и останавливались у ворот зажиточных домов. Странник входил с незазор-

ной совестью и объявлял себя христославцем. Тотчас затепливалась перед образом восковая свеча, вся семья до велика становилась в молитвенном положении и со сладостью слушала песнопевца... Старший в семье отсыпал муку, крупу, грузил вместе с другими продуктами на воз христославца». В любом случае даже среди самого неимущего слоя сибирской деревни голода не было.

Бывало и так, что человек с физическими или умственными недостатками нанимался «в пастухи», в няньки, сторожем или работником; только в крайнем случае человек становился профессиональным нищим, собирая милостыню.

Сибирская деревня уважительно относилась, прежде всего, к «домохозяину», независимо от степени зажиточности. Поэтому трудолюбивый крестьянин старался любым способом скопить денег и выйти из нужды. В праздник даже самый последний бедняк-старожил желал выглядеть не хуже других: надеть не домотканую, а фабричную одежду, пригласить одного-двух гостей и угостить их от души. Бедняк-старожил имел значительно более высокий статус, чем переселенец и, тем более, ссыльнопоселенец.

Государство оценивало социальное положение крестьян, прежде всего, по возможностям уплаты налогов. Документы конца XIX в. свидетельствуют о «самых богатых», «достаточных», «посредственных» и «совершенно неимущих» крестьянах. Но даже если у крестьянина были многолетние недоимки, отобрать землю за это могли только незасеянную. «Совершенно неимущие» могли попасть в зависимость от «мироедов-ростовщиков», которые возмещали недоимки в счет «сроковой» работы. Общество иногда само принимало решение отдать «праздных» и ленивых недоимщиков без их согласия на работу на срок выплаты задолженностей.

Подавляющее большинство бедных были из переселенцев. Прибыв в Сибирь, они в первые 5 – 7 лет были вынуждены наниматься в работники. В Енисейской губернии найм на определенный срок назывался работой «в сроку». Во многих селениях, отмечали современники, встречались богатые крестьяне, которые в молодости по той или иной причине работали «в сроку», компенсировали долги, затраты на обзаведение хозяйством своим заработком и становились впоследствии на ноги.

Переселенец или неимущий из старожилов нанимался на поденную, сроковую или годовую работу. В летнюю пору работали и

на «помочах» за угощение. Все виды работ в сибирской деревне выполнялись за довольно высокую оплату, например, в летнюю пору поденная работа оценивалась в пуд-полтора хлеба. Годовому работнику платили от 50 до 75 руб. деньгами, одеждой, головой молодняка скота, урожаем «присевка» с 1 – 1,5 дес. пашни, засеянного хозяйственными семенами. Договор о найме строго соблюдался. По свидетельству современников, если год был неурожайным, расчет производился полностью «по договору».

Отношения между зажиточным хозяином и работником были сугубо патриархальными. «Сибиряки-хозяева, даже самые зажиточные, выполняют сельские работы совместно с их батраками. К этому побуждает их хозяйственный расчет. Здесь и желание собственным участием вызвать соревнование в своем работнике и повлиять на интенсивность его работы. Личные отношения между сибиряком-хозяином и работником носят семейный, обоюдно-фамильярный оттенок», — писали в конце XIX в. этнографы В. Арефьев, А. Макаренко. Да и «общество» сразу осудило бы того хозяина, который свысока относился к работнику, не кормил за общим столом вместе с членами семьи, отказывал в жилье или помощи его семье.

«Худого работника держать не стоит — от него, кроме убытка, ничего нет, а хороший работник долго жить в работниках не будет — ему достаточно прожить 4 – 5 лет, и он делается хозяином», — писал Ф. Ф. Девятов. Единичные бедняки, кто не желал заниматься землепашеством и, главное, не мирился с традиционными законами общины, уходили в поисках «шальных» денег и разгульной жизни на прииски или в город.

Слой «бедных» в сибирской деревне не был постоянным. Пробыв в данном состоянии 3 — 5 лет, усердно работая «в сроку», обзаведясь своим хозяйством, старожилы или переселенцы еще через 5 — 7 лет выходили в середняки, а их место занимали новоселы. В начале XX в. среди переселенцев 17% крестьян были зажиточными, 42% — середняками, 41% — бедняками, но положение бедняков было, по их мнению, «вдвое, втрое, и даже в 6 – 7 раз выше», чем в Европейской России.

Если в Центральной России безлошадных дворов было 33%, то в Енисейской губернии — 10,4%, в Томской — 7,2%, в Тобольской — 9,7%. О быстром процессе «осереднячивания» переселен-

цев столыпинского периода свидетельствует и то, что они имели к 1912 г. в Енисейской губернии 34% возделанной земли, 28,5% лошадей, 25,6% скота.

В годы Первой мировой войны, когда в Европейской России углубился кризис в сельском хозяйстве, в Сибири происходит подъем во всех отраслях. И это несмотря на то, что до 12% мужского населения было мобилизовано на фронт, постоянно проходили реквизиции лошадей. В эти годы в Енисейской губернии посевы выросли с 614 до 706,7 тыс. дес. Если в Европейской России с 1913 г. по 1917 г. валовой сбор зерна сократился на 22,4%, то в Сибири он вырос на 101%. Количество лошадей выросло здесь в 1,3, свиней — в 3, коров — в 1,7 раза. С целью вовлечения в рынок и противодействия «майданщикам» развивалось массовое кооперативное движение: 9 162 потребительских общества объединяли более 2 млн. крестьян-сибиряков.

Однако нельзя не отметить, что в связи с войной и массовыми мобилизациями крестьян к 1917 г. на селе росла социальная напряженность. Только к концу 20-х годов большая часть переселенцев-бедняков смогла выйти на уровень средних хозяйств и сибирская деревня стала более однородной в социальном отношении.

* * *

Из мирского приговора: «С. Балахинского государственные крестьяне приговорили к причислению нашего общества... Федора Полежаева с женой Ириной Ивановой, дочерью Авдотьей, так как он проживает в нашем селе, имеет домообзаводство и хлебопашество... поведения хорошего, веры православной, для наделения участком земли достаточно...».

* * *

О взысканиях: «Ссыльнопоселенец В. Котоврасов в нетрезвом виде стал кричать, ругаться сквернословными словами, нарушая тишину и спокойствие. Определить двое суток ареста».

* * *

Ф.Ф. Девятов, с. Курагино Минусинского уезда: «Здесь наибольшее количество земли разрабатывают не те семьи, которые имеют сэкономленный труд или капитал, а те, у которых больше рабочей силы. Таким образом, здесь наибольшую пользу получает не разбогатевший мироед, а лучший крестьянин-домохозяин... Хорошо и выгодно жить в большой семье. Здесь не выработался тип мироеда, и зажиточный крестьянин продолжает быть всеми уважаемым человеком».

* * *

Из жалобы крестьян-старожилов с. Ершовского: «Переселенцы участка Казанского нашей Назаровской волости самовольно захватили 20 десятин подготовленной нами для посева земли. Переселенческий участок несет нам значительные убытки в отношении распаханных полях; и не особенно нам приятно...».

Переселенцы д. Казанской: «...Просим прекратить самовольное владение не принадлежащих им земельных угодий... мы оказались обижены Ершовскими крестьянами...».

Из общественного приговора соединенного схода. 1891 г.: «Оба общества пришли к единому согласию по отношению к пользованию земельными угодьями до точного определения границ по-винуясь закону».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Социальный состав сибирской деревни. Социальные отношения.
2. Ролевая игра-диалог «Историки спорят».

II. Термины и понятия

«Самые богатые», «достаточные», «посредственные», «самые неимущие», недоимки.

III. Диалог

Диалог после ролевой игры. Урок-ролевая игра строится в форме диалога двух групп «историков». Одни анализируют события с позиций формационного, классового подхода, — другие с позиций цивилизационных ценностей общественного развития. (С классовых позиций — материалы в кн.: История Красноярского края. — Красноярск, 1966; История Красноярского края. — Красноярск, 1981; учебные пособия по краеведению для средней школы. Новые оценки — см.: Быкова Г.Ф. История Приенисейского края. XVII — первая половина XIX века: учебное пособие. — Красноярск 1997; Зверев В.А., Зуев А.С., Кузнецова Ф.С. История Сибири: учебное пособие для 8 — 10 кл. — Ч. 1 — 3. — Новосибирск, 1999.)

Обсуждение проблем:

1. Классовая борьба или социальный диалог — основа взаимоотношений различных групп сибирской деревни.
2. Старожилы и переселенцы: на чьей стороне справедливость? Каковы пути достижения справедливости?
3. Зажиточные и бедняки — кто они?
4. Современная деревня. Социальные группы и их взаимоотношения?

IV. Исследования

1. Исследуйте социальный состав вашего селения в дореволюционный период. Соберите материал о наиболее типичных представителях той или иной группы, исследуйте их судьбы в советское время. Сделайте выводы.
2. Кто занимался торговлей, ростовщичеством? Где размещались до революции магазины, лавки? Кто был их владельцем? Какова их дальнейшая судьба (в 1920 — 40-е гг. XX в.)?
3. Составьте поименный список всех раскулаченных и репрессированных крестьян вашего села (деревни). Кто из них был сослан, находился в лагерях ГУЛАГа или был расстрелян? Кто выжил?

V. Музей

Материалы: воспоминания, документы, фотографии о раскулачивании крестьян, о репрессиях 1930 — 50-х годов в вашем селе, районе, городе.

Оформление экспозиций. Личные вещи, документы, биографии жертв репрессий, судьбы потомков репрессированных.

§ 15. ЕНИСЕЙСКИЕ КАЗАКИ

История Сибири неразрывно связана с особой ролью казачества в деле присоединения к России и первоначального освоения. В Российской империи в конце XIX в. было 12 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, Приморское и Семиреченское. Одни из них насчитывали многовековую историю, другие формировались по мере расширения территории государства. На берега Енисея казаки пришли не только в числе первых «засельщиков», но послужили основной силой государства, обеспечившей присоединение сибирского края. Именно казаки явились основателями острога Красный Яр: «Велено в Сибири, в Тобольску и в иных сибирских городах для тое посылки в Качинскую землю на Красный Яр прибрати четыре человека атаманов, да ... казаков на том Красном Яру на реке на Енисее поставить острог, а послать тех новоприборных атаманов и казаков... в ту Качинскую землю, указал государь, с Андреем Дубенским».

В дальнейшем приенисейское казачество пополнялось выходцами из Донского края, с Волги, из северных русских городов Вычегды, Холмогор, Устюга, Вятки. В Енисейском и Красноярском острогах, в окруживших их деревнях были поселены и днепровские казаки — черкесы, которые попадали в Сибирь как пленные или ссыльные. Среди них наиболее видным был Василий Многогрешный, ссыльный черниговский полковник. Были и такие: «А есть, государь, в Красноярском, при прежних воеводах, поверстанные в казачью службу, многие из гулящих людей...».

В 1680 г. был издан Указ, закрепивший потомственное казачество в Приенисейском крае: «Которые люди верстаны из тяглых

людей в службу из пашенных крестьян и из посадских и из гуляющих людей и казачьи послуживцы», — все должны быть «от службы отставлены», а в их место «верстать казачьих детей, братьев и племянников родных». Так в течение многих поколений сложилась семейственная преемственность енисейских казаков Потылицыных, Суриковых, Торгашиных, Ковригиных, Терских, Кольцовых, Тюменцевых и др.

Енисейские казаки несли службу по защите населения возникающих в Сибири городов и деревень, брали под охрану ясачных людей. Они принимали участие в сборе ясака, сопровождали в Томск, Тобольск, Москву «соболиную казну». На долгие месяцы, а иногда и годы казаки вынуждены были «отъезжать в караулы» в другие сибирские города. Из-за скучного жалования многие занимались торговлей, ремеслами, промыслами, земледелием. До конца XIX в. войсковое правление енисейских казаков находилось в Красноярске. Наказным атаманом войск Енисейского и Забайкальского в XIX в. был иркутский генерал-губернатор.

Функционально казаки делились на конных и пеших, пограничных и городовых. Вначале у казаков были традиционные должностные звания — десятники, пятидесятники, сотники, казачьи атаманы, казачьи головы. Начиная с первой четверти XIX в. у российских казаков были введены единые чины хорунжих, есаулов, наказных атаманов, войсковых старшин.

К 1917 г. община енисейских казаков насчитывала, согласно данным «Казачьего словаря-справочника», 25 – 30 тыс. душ. Енисейское казачество должно было выставлять из своей среды в порядке очередности конвойный дивизион из 300 казаков, а также охранять дорожные тракты и участок границы с Монголией.

В Енисейской губернии казаки проживали в городах, станицах и селениях. Казаки относились к неподатным сословиям. В отличие от крестьян они наделялись по 30 дес. земли на мужскую душу.

Социальная дифференциация в среде казаков была выражена крайне слабо. Хозяйств, имевших до 30 дес., было 10%, от 40 до 100 дес. — 85%, свыше 100 дес. — не более 5%. Станица управлялась станичным собранием, станичным атаманом, действовал ста-

ничный суд. Казачьи станицы и селения выгодно отличались особым достатком, богатством домовладений, ухоженностью улиц и подворий, высоким уровнем нравственности и дисциплины жителей.

Войсковой атаман П.Н. Краснов о казаках: «Они изумляли своей бесстрашной джигитовкой. Они восхищали легкостью и красотою своего строя. Казаки приходили на службу на своих собственных, казачьих конях, со своими седлами, в своем обмундировании, со своими шашками. Казаки любили своего коня, как члена семьи, как связь с домом. Юношами-«малолетками» они обучались военному делу, жили в лагерях. В казачьей семье и отец, и дед, и прадед — все были воины; служили и старший, и младший брат, и оттого создавалась традиция службы и уважения к ней».

ГЛАВА V. СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

§ 17. СЕМЬЯ И РОДСТВЕННИКИ

Процессы освоения сибирских земель и этапы формирования постоянного населения тесно связаны с процессом складывания семейного уклада жизни у новоселов Сибири. На интенсивность, на складывание того или иного типа семьи влиял целый ряд причин: исторических, географических, этнографических, экономических.

Первоначально в сибирском крае не было условий для жизни устойчивой и обустроенной семейными отношениями. Быстрое продвижение на Восток небольших воинских формирований казаков и служилых людей, охотничьих артелей промысловиков, правительственные переводы и ссылка, миграции «гулящих» людей — все эти процессы представлены повсеместно мужчинами-одиночками. «Немирная» обстановка первых десятилетий не способствовала обзаведению семей. Так, в Нерчинском остроге первоначально все служилые люди были одинокими, за исключением воеводы Пашкова и его сына.

В данной связи любопытен документ — челобитная из Енисейска, направленная в Москву в 1630 г.: «Вели, государь, нам прислать гулящих женочек, на ком жениться, а без женишек, государь, нам быть никак не мочно». Вскоре последовал Указ царя Михаила Федоровича: «В которых городах объявятся гулящие женки и девки, тех отсылать в Енисейск».

По мере укрепления положения русских в Сибири они начали перевозить сюда своих «домочадцев», ездили в «Россию» за женами, вывозили родственников. В связи с нехваткой женщин часты были браки с представительницами местных народов — по согла-

сию, даже с купленными или с теми, кого «умыкнули». Подобные смешанные браки были более характерны для северных и восточных окраин страны.

Реальный и устойчивый процесс формирования семей у русских в Сибири был тесно связан с процессами земледельческого освоения сибирского края. Если в 1669 г. семейные крестьяне составляли в Енисейском уезде 56,6%, то в 1680 г. численность их возросла до 67,6%. Внутренняя миграция крестьянского населения совершилась в основном семьями, среди «промышленных» и служилых людей семейных было меньше. К середине XVIII в. соотношение мужчин и женщин стало равным, но непрочным. Постоянныесвысылки в Сибирь военнопленных, ссыльных, поселенцев, «штрафных нижних чинов» увеличивали количество мужчин. Только в первой половине XIX в. с 1816 по 1854 гг. сюда было переселено 119 тыс. мужчин.

Складывающиеся семьи сибиряков по форме первоначально были «малой семьей», состоящей из родителей с малолетними детьми или без детей. В конце 80-х гг. XVII в. в Енисейском уезде семьи составляли 63,3%. В этих семьях было от 1 до 3 лиц мужского пола, что крайне затрудняло разработку пашни и ведение хозяйства. Крестьяне начали привозить из «России» братьев с семьями, родителей своих и жены, дядей и племянников.

Постепенно формировались неразделенные семьи. Выросшие здесь дети и внуки, привезенные сюда родственники предпочитали вести общее хозяйство. Если в такой большой неразделенной семье главой был старший в роду дед или отец, то называлась семья «отцовская», если проживали вместе семьи братьев или родственников, то «братская» («брацкая»). К 20-м гг. XVIII в. в Енисейском уезде половину семей составляли неразделенные семьи, второе и третье поколение которых родилось и выросло здесь. Из них до 43,7% составляли семьи с 4 – 6, а 19% — с 7 – 10 мужчинами. Некоторые семьи имели численность до 30 человек! Неразделенность семей в значительной степени зависела и от повинностей, налагавшихся на семью в целом, например, государственной пашни, составлявшей до 1/5 части возделанной семьей земли.

Главой семьи был отец – «большак», в женской половине — мать («большуха»). Права, обязанности членов семьи были строго регламентированы согласно традициям. Так, например, в судебном

иске жителя Балахтинской волости Василия Евдокимова Бутенко говорится, что «много сварливости перенес за свою жизнь... от отца, но терпел потому, что он как родитель *имел на это право*». Мы видим здесь осознанно выраженное понимание, что патриархальные отношения допускали полную власть домохозяина над своими «домочадцами». Но в сознании крестьянских детей данная власть не воспринималась как насилие.

В 1760-е гг. государева пашня была отменена, сибирских крестьян перевели на повинности в денежной форме с лиц мужского пола. В то же время система рекрутских наборов заставляла общину выделять рекрутов из больших семей, да и обработка освоенных земель требовала к этому времени меньших затрат труда. Постепенно происходил раздел больших старожильческих семей на малые, но они уже были иными по численности, чем раньше.

При семейном разделе в Енисейской губернии присутствовал следующий древний ритуал. На столе размещали ковригу хлеба, солонку и свечу. Вся семья некоторое время сидела молча. Затем отец отрезал ломоть хлеба, который сын брал с собой в свой дом. В данном случае отрезанный ломоть хлеба выражал не только факт раздела домохозяйства, но и ритуальное обеспечение процесса раздела совместного имущества.

При разделе семьи сыновья получали равные доли. Но в источниках присутствует и прямая оценка личности человека по трудовым критериям, учитываемая в ходе разделов и наследования имущества. В судебном разбирательстве по наследственному делу в Богучанской волости выборные признали «наследовать имущество сыну К., т.к. он в труде заслужил право достойного домохозяина, а его братья М. и П. шлялись по разным селениям как бездомные».

Определенная доля выделялась дочерям. «Незаконнорожденные», приемные дети имели равные права со всеми. При разделах семейные связи не рвались. Однако все же неразделенные семьи в XIX в. не редкость для зажиточных семей в Енисейской губернии.

Наиболее верную оценку согласования интересов родителей и детей дал знаток сибирского быта этнограф Н.С. Щукин. Он писал в 1860-х гг.: «В деревне знают, за какой девкой ухаживает парень, а потому женят его на ком надобно». Большинство браков заключалось в пределах своей волости. Традиционными были «союзы» жителей двух-трех деревень, например, с. Тасеево — с. Абан в Кан-

ском уезде. Большинство старожильческих семей вели начало от одного предка или группы родственников, первых засельщиков края. Весьма распространены и сейчас такие фамилии старожилов, как Чащины, Потылицины, Патрушевы, Брюхановы, Черкашины, Литвиновы, Лалетины, Юшковы, Туровы, Привалихины и т.д.

Со временем изменялся и возраст лиц, вступавших в брак. Если в XVII – первой половине XVIII вв. большинство мужчин женились в возрасте около 35 лет, то впоследствии их брачный возраст снизился до 16 – 17 лет. Девушек старались отдать замуж как можно позже, например, в Приангарье часты были браки, в которых невесты были старше женихов. Определенным показателем трудолюбия невесты и зажиточности ее семьи считалось приданое. Так, по источникам, крестьянка д. Карабульской Кежемской волости А.Ф., выходя замуж в 1887 г., имела следующее: 4 ситцевых платья, 2 юбки, 2 шали, кокетку, 2 фартука, 2 рубахи, платок, серебряные серьги и кольцо, 3 лукошка, квашню, сетку и более 30 аршин насткенного полотна.

Как и везде в России, брак освящался в церкви по православному обряду. Но в Сибири были нередки и браки невенчанные, особенно у старообрядцев. Отмечалось, что разводы у сибиряков крайне редки. В новый брак могли вступать после смерти одного из супругов.

Для Сибири характерна была высокая рождаемость. По подсчетам В.В. Воробьева, она была значительно выше, чем в Европейской России: если там прирост составлял 7,6, то по Енисейской губернии – 15,9, а по г. Красноярску – 19,4! Здесь рождаемость была близка к естественному биологическому максимуму рождаемости. Дети и подростки составляли до 40% населения.

Довольно высока была численность лиц преклонного возраста. В Восточной Сибири численность русского населения в 1710 г. составляла 135 тыс. человек. Источники свидетельствуют, что здесь проживало 145 мужчин и 87 женщин от 90 до 100 лет. Старше 100 лет было, соответственно, 15 и 16 человек.

Брачная пара без детей не считалась полноценной и поэтому относилась к семьям, «обиженным Богом». В качестве психологической установки на количество детей можно привести поговорки: «Семеро по лавкам...», «Семья – семь я» и др. Поэтому наблюда-

лось повсеместно стремление взять на воспитание сироту или ребенка из многодетной семьи.

Из общественного приговора: «Крестьянин Григорий Скрипальщиков, не имея родных детей, взял на воспитание к себе у крестьянина одной с ним деревни Федора Артемьева сына... 3-х месяцев».

Исключительно важную роль в Сибири играли родственные отношения. Даже в третьем-пятом поколении потомки продолжали поддерживать тесные связи, помогать друг другу. Это обусловливалось традициями «помочей», совместного подъема пашни, общими праздниками. Родственники встречались в «съезжие праздники, на свадьбах, крестинах, «проводинах» в «рекруты», а впоследствии — при призывах в армию. Родственники собирались вместе провожать в последний путь усопшего...

Как и в России, данные связи были кровные, по родству и кумовству. Для обозначения родственных связей использовались традиционные термины (табл. 6).

Таблица 6

Термин	Категория родственных связей
1	2
Свекр и свекровь	Родители мужа, «большак» и «большуха» в доме
Тесть и теща	Родители жены
Сват, сватья	Родители супругов по отношению к друг другу
Сноха	Жена сына по отношению к свекру (для матери мужа она невестка)
Невестка	Жена сына для его матери или по отношению ко всем родственникам мужа
Зять	Муж дочери, сестры, золовки
Свояки	Мужья сестер по отношению друг к другу
Своячницы, сношеницы	Жены братьев по отношению друг к другу
Деверь	Брат мужа
Золовка	Сестра мужа
Шурин	Родной брат жены
Ятровъ (ятровица)	Сестра жены

1	2
Кум и кума	Крестные отец и мать по отношению к родителям окрещенного и по отношению друг к другу
Крестник	Крестный сын
Побратим	Названный брат
Сродные братья	В Сибири: братья двоюродные, троюродные и т.д.
Сводные братья	Родные дети мужа и жены, сведенные вместе при создании новой семьи
Единокровные братья	Родные сыновья одного отца и разных матерей
Единоутробные братья	Родные сыновья матери от разных отцов

§ 18. СИБИРЯЧКИ

Традиционное общество отличалось выраженной иерархичностью своих членов. Социальный статус отдельных категорий личности при этом мог зависеть от особенностей традиций, социальной значимости человека. В «кодексах поведения» данных сообществ особое место занимали традиционные установки принятия поведенческих решений по отношению к женщине. Источники свидетельствуют, что «сибирские женщины были менее зависимы» как в личном, так и в экономическом положении. Еще в первой половине XVIII в. ученый-путешественник Д.Г. Мессершмидт, описывая нравы жителей Красноярска, уважительно отметил, что в течение двух дней комендант Д. Шетnev в честь именин жены созывал большой званый обед «и велел приглашать всех хромых, кривых, слепых — всех, кто только хотел прийти».

Уважительное отношение жителей Енисейской губернии к сибирячкам в обыденном поведении великолепно описал губернатор А.П. Степанов: «У них женщины занимают первые места на пирушках, и ежели тесно помещение, то все мужчины стоят». Идентичное свидетельство о высочайшем статусе женщины в первой половине XIX в. и степени уважении к ней зафиксировано в путевых заметках П.И. Небольсина. Он писал, что в Сибири «в разговорах и общении выражения «баба» никогда не услышишь, разве только в бранном смысле».

Отношение к женщине в сибирском обществе закреплялось установками общественного сознания по принятию мер к тем, кто нарушает общепринятые нормы.

Так, красноярский купец Степан Семенов Худоногов из-за жестокого обращения с женой был принужден в 1784 г. к подписке и обязательству, чтобы «свою жену без всяких ее вин не бить и не увечить; и любить оную свою жену Веру Петрову, как закон велит». В 1855 г. в целях защиты чести и достоинства жены подобную же подписку перед «обществом» дал старожил-крестьянин д. Заледеевской Красноярского округа Дмитрий Васильев Горбачев: «...Я, Горбачев, обязуюсь жизнь вести благопристойную женатому человеку и жене своей Варваре напрасно обид никаких не причинять».

Общественная мораль предусматривала, чтобы честь женщины защищалась в первую очередь близкими людьми. Когда в д. Дербиной Балахтинской волости «поселенец Устин Марков ...неизвестно с какого поводу начал ругать скверными словами и обзывать... крестьянку Анну Черменову», то ее сын Семен Черменов заступился за мать и избил поселенца.

В своем поведении сибирская женщина руководствовалась установками традиций (обычного права), общественным мнением, собственными оценками допустимого поступка. Важное место занимало словесное оформление норм поведения. Дети с раннего возраста усваивали сотни выражений, слов, поговорок и присказок, правил поведения. Каждое действие четко было связано с определенными выражениями и афоризмами.

Лучшими женщинами считались трудолюбивые («усердные робить»), опрятные («обиходные»), быстрые («шустрые», «огневые») и в домашних делах чистоплотные («чистотки»). В семье мужа невестке требовалось «почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно...».

Наиболее порицаемым считалось нескромное, «разбитное» («размашистое»), грубое поведение. Такую женщину в Енисейской губернии называли «халдой». Не было принято, чтобы женщина громко и «бестолково» кричала («хайлала»), была «болтушкой» («балаболкой», «тараторкой»), бранилась («ляялась»), ворчала («бухтела»), была всегда всем недовольной («фырчала»).

Источники отмечают и высочайшую честность сибирячек. Крестьянка д. Мосиной Балахтинской волости Татьяна Григорьева «на берегу р. Чулым нашла бумаги, о которых, не утаив», сообщила в волостное правление. В связке были финансовые документы на 709 рублей, расписки, соглашения на поставки хлеба, квитанции губернского чиновника.

Крестьянская дочь с. Еловского Балахтинской волости «1873 года июня 8 дня... девица Ефросинья Метелкина» нашла на дороге золотой полуимпериал чеканки 1843 г. достоинством 5 руб. и отдала сельскому старшине. После «учиненного розыска неизвестно кому принадлежащего полуимпериала» владельца не нашлось. Волостное собрание приняло решение: «Означенные деньги выдать нашедшей их девице».

Данный случай одновременно позволяет выявить и высочайшую честность всего старожильческого сообщества Балахтинской волости в 1870-е гг. Архивное «Дело об отыскании хозяина золотого полуимпериала ...» включает 19 документов. В них представлена многомесячная история выявления хозяина монеты по всем деревням волости. Но ни один крестьянин при этом не заявил «бесчестно» своих прав на эти деньги.

* * *

«Из рапорта 1846 года марта 21 дня: Яков Филиппов и Авдотья Ивлева, жена с мужем, в дружелюбии жили, никогда в ссорах и драках не замечены».

* * *

Иностранные о сибиряках. «Прием был сделан самый радушный... Войдя в избу, встретили там старика, который показался образцом патриархов. Длинные седые волосы серебренного оттенка и такая же борода... почти покрывала всю грудь старика. Белый зипун перетянут был красным поясом, а голубого цвета шаровары заткнуты были в сапоги, доходившие до половины икр. Такою же чистенькою и опрятненькою показалась хозяйка, наблюдавшая такую же чистоплотность и порядок во всем домашнем быте. Костюм

ея состоял из красного пестрого платья и белого платка, которым
была повязана голова»*.

* * *

Ответы на программу сбора сведений по Казачинской волости Енисейской губернии (1897 г.):

[...] 2. Следы родового устройства в данной местности сохранились до 3-го колена, а затем уже дальше хотя и сохраняются, но не в такой уже силе...

25. Власть мужа над женой в той силе, что таковая исключительно должна исполнять возложенные на нее обязанности относительно работ в хозяйственном быту...

27. ... в случае дурной жизни мужа для обеспечения жены и детей выбирается обществом опекун из родственников или же из стариков.

28. ... по расторжении брака дети остаются на попечении отца, а жена получает содержание мужа, если расторжение последовало по его вине...

30. Отношения между родителями и детьми находятся в должном почтении, ...совершеннолетие считается с 20 лет...

31. ... между свекром и свекровью личные отношения находятся в почтении невесткою их, старшая невестка имеет предпочтение перед младшей, между тем они чередуются [в работе по хозяйству].

32. Обязанности родителей к детям следующие: пища, обувь, одежда, учить молитвы...; обязанности детей к родителям: повинование, пища и одежда во время старости и болезни, а также равны дети хоронить и поминать родителей...

46. Так как старший сын заведывает имуществом, то и жена его заведывает хозяйством в домашности.

* * *

Историк Сабурова Л.М.: «В с. Кежма Енисейского уезда в начале XX в. было 272 двора, 15 фамилий. Из них: 55 — Брюхановы, 43 — Кокорины, 19 — Лушниковы, 12 — Суздалевы и др. В д. Усольцево 58 дворов: 32 — Усольцевы, 19 — Привалихины, 4 — Верхотуровы и др.»

* Аткинсон Т.У. Путешествие по Сибири. — СПб., 1865.

«Ни один суд не принимал от сына жалобу на отца, а на сына — пожалуйста...». Глава семьи обдумывал все по расчету, на завтрашний и послезавтрашний день. Здесь нельзя было силком отдавать замуж: «Хуже нет не в любви жить».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Складывание семей и развитие семейно-родственных отношений.
2. Практикум. Родственные отношения в сибирской деревне (составление схемы-таблицы родственных отношений). Сибирская семья.
3. Моя родословная («Мир нашей семьи. Семейный альбом»).

II. Термины и понятия

Брак, семья, «отцовская» и «братская» семьи, «сродный» брат, сноха, свекор, невестка, свекровь, тесть, теща, деверь, золовка, ятровица, зять, сват, сватья, своячница, шурина, свояки, племянница, «крестные» родители.

III. Диалог

Как от неравенства в соотношении между мужчинами и женщинами Сибирь пришла к семье? Как малая и большая семьи связаны с процессами в хозяйственной жизни деревни? Почему в значительной степени крепость хозяйства определялась количеством работников? Как родственные связи помогали успешному ведению хозяйства? Приведите примеры существования родственных традиций в наше время.

IV. Исследования

1. Определить степень сохранения значения слов «большак» и «большуха» в современной неразделенной крестьянской семье.
2. Насчитайте наибольшее количество семей-однофамильцев.
3. Родственники ли они? Являются ли их предки основателями села?

4. Сохранились ли «помочи»? В каких видах сельского труда они продолжают существовать?
5. Исследования. «Мой семейный альбом».
6. С жителями каких населенных пунктов в вашей местности были наиболее прочные родственные связи?

V. Творчество

1. Сочинение-эссе «Счастливая семья — это...»
2. «Мой личный альбом». Начало создания учащимися своих личных альбомов фотографий, документов, памятных записей. Оформление титульного листа, начало оформления фотографий в хронологическом или тематическом порядке.

VI. Загадки

«Шли межою брат с сестрою, шурин с зятем, муж с женою.

Сколько всех шло?» (Тroe)

«Шурина племянник какая зятю родня?» (Родной сын)

§ 19. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

*К двадцати годам не умен, к тридцати не женат,
к сорока не богат — всю жизнь так.*
Сибирская поговорка

В ряду ценностных компонентов старожильческой Сибири далеко не последнее место занимает система воспитания подрастающего поколения. Народная педагогика была средством воспроизведения традиционного общества, его нравственных норм и носителей их. Воспитание ребенка включало в себя три основные составляющие: общественное воспитание, семейно-родственное воспитание и самовоспитание.

С первых минут жизни, с момента рождения, считалось обязательным дать нравственное напутствие. «Не будь крикливым, не будь ревливым, будь уемным, будь угомонным, не будь жадным, будь аушным», — приговаривала бабка-повитуха над ребенком. Немаловажная роль отводилась в первый год жизни физическому воспитанию, сохранению здоровья. Ребенку «вправляли» врожденные вывихи, «правили головку», «вправляли грыжу», с первых дней закаливали. М.Ф. Кривошапкин писал, что 3 – 5-летние ребя-

тишки «бахахтаются» даже в сильный мороз в снегу и, «выбегая босыми на снег, не простужаются». Особую роль в оздоровлении детей играла баня: «Сибиряки парятся так жарко, что, вышед из бани, падают в снег или идут в прорубь, невзирая на трескучий мороз».

Воспитанием в семье традиционно занимались дедушка и бабушка: они были менее других заняты крестьянским трудом. Одновременно считалось, что родители еще «не созрели для роли воспитателей». Все дети большой неразделенной семьи воспитывались вместе, старшие одновременно участвовали в воспитании младших. Важнейшее место занимало трудовое и нравственное воспитание. Именно трудовые и нравственные качества являлись главными достоинствами сибиряков.

На первых порах особое место занимало понятие «грех». Это религиозно-нравственное понятие ребенок, не осознавая еще норм запрета, усваивал из страха перед Богом. Он знал: согрешит — значит, произойдет несчастье, «умрут родители» или заболеют. Кроме этого, почти все игры, сказки, былички, поговорки, считалки детей младшего возраста имели «трудовую направленность». Так, в детской считалке, записанной в с. Казачинском в 1906 г., читаем:

*В понедельник — по комельник (по бревна),
Во вторник — по кокорник (по коряги, по сучья),
Во среду — по берегу,
В четверг — по ячмень,
В пятницу — по «ярицу»,
В субботу — на работу,
В воскресенье — на веселье.*

В системе воспитания важным было ровное, без унижения и оскорблений, отношение к детям. Часто малыша бабушка шутливо именовала по имени-отчеству, спрашивала совета, беседовала с ним на серьезные темы.

Подрастая, ребенок незаметно овладевал традиционным набором умений и навыков, соответствующих его возрасту, силам, здоровью. Так детям прививались серьезность, чувство ответственности.

Мальчики с 6 – 7 лет ухаживали за домашней птицей, вместе с дедушкой и бабушкой следили за порядком в доме и на подворье. В

этом возрасте мальчики и девочки воспитывались еще вместе, и не было различия в их занятиях и мелких поручениях.

С 9 лет мальчики стерегли лошадей, пригоняли с речки гусей, загоняли во двор возвращавшийся с пастбища скот. Им поручались и более серьезные работы на подворье. Они начинали принимать деятельное участие в работах отца, постигать азы мужских умений и навыков. Огромную роль в этом возрасте играло знакомство с лесом, тайгой: дети собирали ягоды, грибы, учились распознавать травы, ловить рыбу.

С 11 лет мальчики умели ездить верхом на лошади, работали на бороньбе во время сева. «Свой бороноволок дороже чужого работника», — с гордостью говорили родители о сыне, и ребенок чувствовал свою значимость для семьи. Мальчики перенимали плотничьи, сапожные, земледельческие навыки.

С 14 лет подростки («рошша» — называли ребят подросткового возраста на Ангаре) учились пахать, работали на покосе, самостоятельно водили лошадей в «луга», «ночное».

С 17 лет юноша выполнял все виды сельских работ: косил сено, ставил копны, пахал на пашне, полностью управлялся с конем, с упряжью. Он получал свой земельный надел — 15 десятин — и совместно с родственниками разрабатывал пашню. Он становился «женихом» и мог участвовать в сходах.

Только с 18 — 19 лет юношу допускали до самых тяжелых работ, но при этом берегли от «надсады». В этом возрасте он являлся полноценным работником в хозяйстве.

У девочек и девушек были свои знания, умения и навыки работы.

К 11 годам девочки должны были уметь обрабатывать пряжу, прядь на прядлке и самопрялке, выполнять все посильные виды женской работы по дому и на подворье.

К 14 годам девочки умели вышивать, вымачивать холсты, шить рубахи. Они уже доили коров, ухаживали за скотом. Участвовали с матерью и старшими сестрами в прополке, учились жать серпом и вязать снопы.

К 15 годам ткали на «краснах», начинали готовить приданое для будущей свадьбы.

С 16 лет девушки участвовали во всех работах на покосе, на жнитве, полностью обрабатывали лен, коноплю.

К 17 – 18 годам девушка становилась полноправной работницей в доме. Она выполняла все работы на поле, знала все сорта холста, шитье одежды. Но примечательно, что варить и печь в своем доме девушку старались не учить: она должна не нести традиции своего дома в дом мужа, а постигать их от будущей свекрови.

«Усердный робить» с детства, сибиряк оценивал человека по его нравственному облику. Поговорка-афоризм «Воровать — стыд и грех, и судить будут» на первое место ставит не юридические запреты, а нравственные — «стыд и грех». «Бери лошадь от природы, а невесту от дома, от роду», — внушалось мальчику с детства. И еще: «Гульба да игра не ведут до добра», а если «не послушался отца-матери, послушайся теперь барабанной шкуры; не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом». Иными словами, непослушание ведет к преступлению и каторге.

Воспитание и самовоспитание детей шло в процессе совместного времяпрепровождения, проживания детских традиций, обыгрывания многих сторон «взрослой» жизни. Здесь были свои запреты, ограничения. Чтобы не прослыть «неумехой», «бессовестной», «непутевым», «ябедой» или «хлюздой» и не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам. Десятки слов сибирского говора порицают тех, кто рос не «по заветам предков»:

зубатить — грубить;
изгаляться — делать неприятности;
хайлать — бесполково кричать;
ёрник — забияка;
корыстный — плохой, дрянной;
шильник — мелочник;
накостить — без спросу брать,
делать неприятности;

ляяться — браниться;
чмутить — сплетничать;
мухлевать — обманывать;
журба — сварливый;
ляться — браниться;
сдрейфить — струсить;
ераститься — браниться,
ворчать.

«Общество» зорко следило за поведением детей, подавало пример традиционного поведения и спрашивало за нарушения по всей строгости. Любой взрослый человек, а тем более пожилой, мог сделать замечание, пожурить за проступок; об этом сразу же становилось известно родителям. Семья, не желая падения своего авторитета в обществе, за проказы сына строго его наказывала — честь рода ставилась на первое место. «Не позорь рода-племени своего, предков своих», — внушалось с раннего детства.

Таким образом, воспитание было и средством сохранения традиций, и средством воспроизведения их в последующих поколениях. Человек продолжал воспитываться всю свою жизнь и только в преклонные годы обретал истинную мудрость: понятия «старость» и «мудрость» у сибиряков были синонимами. Круг жизни продолжался...

§ 20. ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

На начальном этапе освоения Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. просвещение переживало период становления. Система образования охватывала в основном города и крупные уездные центры. Существовали немногочисленные учебные заведения нескольких типов: монастырские школы, духовные семинарии, навигацкие школы, школы технические, цифирные, гарнизонные и градские (городские), но все они работали вне пределов Приенисейского края.

Только в начале XIX в. открылись уездные училища в Красноярске и Енисейске, приходское училище в Канске и ряд других, просуществовавших по несколько лет. Открыты они были благодаря инициативе М.М. Сперанского, выдающегося русского реформатора, посетившего Сибирь в первой четверти XIX в. Он сообщал, что, несмотря на слабость образования, «Иркутское училище — лучшее во всей Российской империи». Открывались школы и в сельской местности. Так, в 1846 г. было открыто Балахтинское приходское училище.

К 1848 г. в Иркутской и Енисейской губерниях было всего 10 трехклассных уездных училищ, среди которых весьма успешно работали Енисейское, Красноярское и Ачинское училище, открытое во второй четверти XIX в.

Только с 60-х годов XIX в., в связи с реформами Александра II, начинается бурное развитие государственной системы образования в Сибири. В Енисейском уезде в первое десятилетие 60-х гг. открылись 4 школы начального звена обучения, в Минусинском уезде к 1865 г. — 5 начальных школ, в Ачинском уезде — 4 школы. В городах губернии работали гимназии и прогимназии для мальчиков и

для девочек. К 1879 г. в Енисейской губернии было 72 учебных заведения, в которых обучалось 2 410 учащихся: 1886 мальчиков и 524 девочки.

20.1. СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

Грамотность, как и зажиточность, были весьма почитаемы иуважаемы сибирскими крестьянами. Однако следует заметить, что к государственному просвещению со стороны старожилов долгое время наблюдалось пассивно-негативное отношение, как и к властям и их политике. Неоднократно встречались также оценки: «...Там (т.е. в школе) ребята более балуют и ничему полезному не научаются»; «Научившиеся... читать и писать в виду нашем... все без изъятия не имеют уже усердствующей способности в упражнениях сельской работы, наиболее прикрепляются к снисканию легких упражнений, совсем не приносящих ни им самим, ни обществу пользы».

Многих крестьян особенно отвращало от государственной школы то, что окончившие ее ученики часто становились писарями «в волости или уезде» и характеризовались обществом как «вымогатели, пьяницы, мироеды, алчники»: «Отца родного продадут и деньги хоть с кого возьмут и на вине пропьют». Во-вторых, многие крестьяне, отдавая детей в школу, «не желали лишиться необходимой в домообзаводствах помощи».

Состоявшийся в 1863 г. учительский съезд школ Восточной Сибири вынес решение, в котором, в частности, говорилось: «Крестьянин опытом должен убедиться, что школа дает ему детей, не только умеющих писать, читать и считать, но могущих ремеслом, трудом рук своих и знаниями практически приносить ему пользу и в старости кормить его».

Крестьянские общества во второй половине XIX в. активно включаются в процесс просвещения, повсеместно принимаются решения сходов об открытии школ и содержании их за счет «мира», приобретении учебных пособий. Достаточно отметить, что в 80-е гг. 67,5% всех учащихся Енисейской губернии составляли лица крестьянского сословия, 12,3% — казачьего 4% — мещанского и т.д. Большая часть обучаемых учащихся имела возраст 8 – 11 лет.

Согласно Указам 1839 и 1884 гг. ведущими в сельской местности были определены церковно-приходские школы. Школы были как одно-, так и двухклассные. Двухклассных приходских школ (училищ) во второй половине XIX в. в Енисейской губернии было 2 — в Минусинске и Канске. В Минусинском училище обучалось 137, в Канском — 57 учащихся. В Минусинске работал учителем выдающийся просветитель Енисейской губернии Сайлотов. Наряду с предметами начального цикла учащиеся учили географию, историю.

В Положении об одноклассных церковно-приходских училищах говорилось: «Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные сведения». Программа обучения предусматривала следующие учебные предметы: молитвы, Ветхий и Новый Завет, история церкви, церковнославянский язык, духовное пение, чтение, письмо, счисление (арифметика). Таким образом, учащихся учили писать, читать, считать, петь молитвы, песнопения, начальным знаниям Закона Божьего. Данные школы частично содержались за счет местных обществ.

Разновидностью церковно-приходских одноклассных школ были школы грамотности. Обучение в них было краткосрочным, не более пяти или десяти учебных месяцев.

Вторым и все более превалирующим к началу XX в. типом школ являлись училища Министерства народного просвещения. Начальных училищ в Енисейской губернии с 1894 по 1910 гг. стало больше на 89,6%, т.е. количество их выросло с 193 до 366. Содержание их было государственное, с небольшими отчислениями из местных обществ. Дети учились выразительно читать, ясно пересказывать прочитанное, считать устно и решать задачи. В данных учебных заведениях учили также Закону Божьему, чистописанию, пению, а при условии открытия четвертого отделения вводились география и история. В двухклассных училищах дополнительно преподавались естествознание, география и история России, геометрия, физика.

Были в губернии школы, в которых обучали ремеслам — столярному, кузнечному, слесарному. Преобладающими являлись школы с трехлетним обучением. Таких школ (училищ) Министерства народного просвещения было 80%, остальные были училищами с четырех-, пяти- и шестигодичным курсом обучения.

В училищах Министерства просвещения обучались как мальчики, так и девочки (примерно 65% и 35% соответственно). Почти все школы данного типа открывались в старожильческих селениях. В начале XX в., в отличие от старожильческих, в переселенческих селениях школ почти не было. Вот выдержки из документов: «В Шалинской волости 7 переселенческих поселков. Ни в одном из таких поселков школ нет»; «В Сухобузимской волости 24 переселенческих поселка; школы в них нет».

Учителями в церковно-приходских школах и училищах Министерства просвещения работали, в основном, окончившие учительские и духовные семинарии. В Сибири учительские семинарии появились впервые в 70-е годы XIX в. В Восточной Сибири к концу века их насчитывалось 17. К 1911 г. в Восточной Сибири работало 2 565 учителей. Материальное положение учителя было следующим: средний годовой оклад учителя в Енисейской губернии составлял в начале XX в. 536 руб., учительницы — 509 рублей.

Исключительную роль в развитии народного просвещения в Сибири сыграли декабристы. Практически все они занимались обучением детей. Большинство ссыльных-поселенцев у себя на дому учили грамоте крестьян. На дому детей обучали чаще всего грамотные крестьяне, родители, родственники, отставные солдаты, нанятые в крестьянские семьи грамотные люди со стороны.

Бурное развитие народного образования в губернии выражлось и в том, что в школах появляется достаточно таблиц по ботанике, зоологии, геологии, коллекции по обработке льна, бумаги, конопли, шелка, стекла, дерева. Имелись географические карты 2 – 3 наименований, классные счеты, картины по библейской истории, картины по ботанике, истории и др. В начале XX в. в школах часто можно было встретить глобусы, некоторые физические приборы, компасы, «волшебные фонари» (современные эпидиаскопы), коллекции минералов. О развитии школ говорит и то, что в 67% всех школ Восточной Сибири имелись школьные библиотеки с 430 – 450 книгами в среднем, но в отдаленных школах было по 20 – 30 книг, учебников, находящихся на руках учеников. Всего было около 20 наименований учебников для учащихся.

Обучение начиналось с 1 декабря, в день пророка Наума, который считался «помощником умственных занятий». Существовала пословица «Один пророк Наум наводит на ум». В течение всего

XIX в. поведение и успеваемость учащихся учитывались посредством оценок «отлично», «очень хорошо», «хорошо», «изрядно», «средственно»; в конце века перешли к цифровым оценкам: «слабо» — 1, «посредственно» — 2, «удовлетворительно» — 3, «хорошо» — 4, «отлично» — 5. Поведение оценивалось как «дурное», «заслуживающее строгого порицания», «не заслуживающее строгого порицания», «хорошее», «отличное» и определялось в соответствующих цифровых оценках.

В условиях бурного развития экономики и общественной жизни в 1910 – 1914 гг. правительство приняло решение о переходе России ко всеобщему начальному образованию (в Сибири — с 1915 г.). В Енисейской губернии составили подробный план развития образования, рассчитанный на 10 лет — с 1919 по 1929 гг. Согласно данному плану, к этому времени переход к всеобщему начальному образованию в губернии должен быть завершен. План учитывал все нюансы финансирования, кадрового обеспечения, предусматривал строительство новых школ и др.

С целью реализации плана в Минусинске была открыта училищная семинария, а всего в губернии было открыто 12 новых училищных семинарий. В с. Каратузском при поддержке общества открылось городское училище. Ачинская, Канская и Минусинская гимназии для пополнения педагогических кадров открыли педагогические классы. Учащиеся училищных семинарий обучались по 17 предметам, овладевали «искусствами и ремеслами», учились играть на музыкальных инструментах.

Особенностью Сибири по сравнению с Европейской Россией был более высокий уровень грамотности крестьянского населения. Немаловажную, если не ведущую роль в этом играло обучение грамоте на дому. Так, в старообрядческих селениях в 80-е гг. XIX в. отмечали, что «почти все умеют читать и писать. На воспитание детей, на их образование обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной».

Развитие товарно-денежных отношений в Сибири было основным двигателем образования в начале XX в. Сибирский край стал, по выражению современников, «наиболее обучаемой территорией России».

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Традиционная система воспитания в старожильческой Сибири.
2. Грамотность и просвещение в Енисейской губернии.
3. Прошлое и настоящее нашей школы.
4. Школьные краеведческие чтения. «Просвещение в истории края».

II. Термины и понятия

Церковно-приходские школы, просвещение.

III. Тематика выступлений и сообщений на краеведческих чтениях

1. Становление просвещения в Сибири в XVIII – первой половине XIX вв.
2. Развитие просвещения в Енисейской губернии в период реформ Александра II.
3. Школа и воспитание в Енисейской губернии в начале XX в.
4. Образовательные учреждения XIX – начала XX вв. в нашем городе (уезде, селе).
5. Образовательные программы, учебные пособия и школьное оборудование в дореволюционной школе.
6. Состояние грамотности среди горожан и крестьян Енисейской губернии в XIX – начале XX вв.
7. Система оценки знаний и поведения учащихся в XVIII – начале XX вв.
8. Декабристы и развитие просвещения в Сибири.
9. Учительство Сибири в XIX – начале XX вв.
10. Этапы развития родной школы.
11. Педагогический коллектив нашей школы в истории школы.
12. Наши выпускники.

IV. Исследования

1. Соберите материалы об истории образования в вашем городе, районе, селении. Когда была открыта первая школа? Имена первых учителей школы? Каковы судьбы первых учеников школы? Как повлияло образование на их жизнь?

2. Какие типы школ были в вашем селении, волости? Сохранилось ли помещение первой школы?
3. Соберите сведения о внутренней планировке помещений школы, о характере школьной мебели, о наличии учебных пособий и приборов, карт. Какими учебниками пользовались в школе в начале XX века, сохранились ли они?
4. Составьте летопись школы. Соберите фотографии знаменитых учеников вашей школы, всех учителей прошлых лет. Запишите воспоминания о школе, об учителях.
5. Соберите сведения об уровне грамотности среди горожан и крестьян до революции. Как обучались грамоте, каково было отношение к учителю среди крестьян и горожан?
6. Выясните, выписывали ли ваши земляки газеты и журналы? Сохранились ли периодические издания того времени?
7. Участвовали ли ваши земляки в сельскохозяйственных выставках, использовали ли новые орудия, культуры?
8. Кто из выпускников вашей школы стал знаменит, достиг значительных успехов в различных областях науки, производства, в воинском деле, в спорте и искусстве, был награжден правительственные наградами?

V. Музей

Создайте в школьном музее раздел об истории своей школы. Оформите экспозиции с фотографиями зданий, учителей школы, документов об образовании, воспоминаниями. Представьте в экспозиции старинные парты, учебные приборы и пособия, школьные учебники, картины и муляжи. Разместите в витринах учебно-школьные принадлежности (чернильницы, пеналы, ручки, перочистки, карандаши, перья и др.), классные журналы, школьные отчеты и др.

Оформите стенд с материалами о знаменитых земляках, учениках и выпускниках школы, о первых учителях. Проследите связь школьных документов с развитием образования в стране.

Разместите выставку фотографий и вещественных источников о связи школы с предприятиями города, села. Оформите стелы о медалистах и лучших учениках школы различных лет.

Установите в музее мемориальную доску с именами воинов-выпускников школы, павших в годы войн и исполнявших воинский долг в мирное время.

ГЛАВА VI. МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

§ 21. ЖИЛИЩЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Крестьянские жилища сибиряков с момента начала освоения Сибири и до середины XIX в. претерпели значительные изменения. Русские переселенцы приносили с собой традиции тех мест, откуда были родом, и одновременно начинали существенно менять их по мере освоения края и постижения характера погоды, ветров, осадков, особенностей конкретной местности. Жилище зависело также от состава семьи, зажиточности хозяйства, особенностей хозяйственной деятельности и др.

Исходным типом жилища в XVII в. было традиционное деревянное однокамерное строение, представлявшее собой четырехугольный сруб под крышей — клеть. Клетью называлось, прежде всего, летнее неотапливаемое помещение, служившее как летним жильем, так и хозяйственной постройкой. Клеть с печью называлась избой. В старину на Руси избы топились «по-черному», дым выходил в небольшое «волоковое» окно во фронтальной части избы. Потолка тогда не было (потолок — «подволока»). Двери в избу и клеть открывались первоначально внутрь. По-видимому, это было связано с тем, что в условиях снежной зимы за ночь у дверей могло намести сугроб снега. И только когда в начале XVII в. появились сени («сенцы»), соответственно, и двери избы стали делать открывающимися наружу, в сени. Но в сенях по-прежнему двери открывались вовнутрь.

Таким образом, в строении жилища первоначально возникают двухкамерные связи: изба + сени или изба + клеть. В XVII в. появи-

лась и более сложная, трехкамерная связь — изба + сени + клеть. Строили подобные жилища таким образом, чтобы сени располагались между избой и клетью. Зимой семья жила в отапливаемой избе, а летом перебирались в клеть. Первоначально, в XVII в., «русские сибиряки» довольствовались небольшими по размеру постройками. В документах того времени мелькают названия «дворенки», «клетишки», «избенки». Но нужно заметить, что и в XX в. переселенец чаще всего возводил вначале небольшой домик-времянку, а затем, по мере обживания и накопления средств, строил дом.

В XVIII – XIX вв., с усложнением техники строительства, появляются избы-двойни (связь: изба + сени + изба) и изба-пятистенок. Пятистенок представлял собой большое помещение, разделенное внутри капитальной рубленой стеной. Одновременно усложнились типы связей, переходов, пристроек, сеней, кладовых, крылечек и пр.

В конце XVIII – начале XIX вв. в Сибири начинают возводиться наиболее приемлемые для местного климата жилища — «крестовые» дома. Крестовый дом, или «крестовик», представлял собой значительных размеров помещение, разделенное внутри крестообразно двумя капитальными стенами. Крестовый дом имел и другие существенные особенности, характеризующие его как вершину строительного искусства сибирских старожилов.

Изба могла располагаться на «подклете» («подклети»), в котором были подсобные помещения, кладовые, кухня и др. Жилище могло группироваться в сложный комплекс, включающий в себя несколько изб, соединенных переходами-навесами, пристройки, прирубы. В больших многосемейных хозяйствах на общем подворье могло находиться 2 – 4 жилища, в которых проживали родители, семьи детей, даже внуков.

В большинстве районов Сибири в условиях изобилия строительного материала дома строили из сосны, а также из пихты и лиственницы. Но чаще строили так: нижние ряды стен («венцы») складывали из лиственницы, пихты, жилую часть — из сосны, а отделку элементов дома — из кедра. В отдельных местах этнографы прошлого зафиксировали и целые дома из сибирского кедра.

В суровых сибирских условиях наиболее приемлемой была техника рубки избы «в угол», т.е. «в обло», «в чашу». При этом в бревнах выбирался полукруг, а концы бревен выступали за стены

сруба. При такой рубке «с остатком» углы дома не промерзали даже в самые сильные, «в хлящие», морозы. Были и другие виды рубок избы:

- а) в крюк с остатком — внешне похоже на рубку «в угол», но в бревне выбирается не полукруг, а четверть круга;
- б) в лапу — рубка без остатка в чистый угол. Бревна соединялись концами, затесанными с обеих сторон;
- в) без остатка «в ласточкин хвост», в простой замок, «в шпунт» («в зуб») и другие;
- г) «в охряпку» — простая рубка, при которой в каждом бревне выбирались углубления сверху и снизу. Применялась обычно при строительстве хозяйственных построек, часто без утепления.

Иногда при строительстве избы на заимке или охотничьей избушки применялась столбовая техника, основу которой составляли столбы с вертикальными выбранными пазами, вкопанные в землю по периметру строения. В промежутки между столбами укладывались на мох бревна.

При рубке дома в бревнах выбирались полукруглые пазы; бревна укладывались на мох, часто «в шип», «в шкант» (т.е. соединялись в стене между собой специальными деревянными штифтами). Щели между бревнами тщательно конопатились и позднее замазывались глиной. Внутренняя стена дома также тщательно вытесывалась сначала топором, затем рубанком («стругом»). Перед рубкой предварительно бревна «выводились», т.е. их после ошкурения протесывали, добиваясь одного диаметра от комля до верхней части бревна. Общая высота дома равнялась 13 – 20 рядам-венцам бревен. «Подклеть» дома из 8 – 11 рядов бревен могла быть хозяйственным помещением, кухней или кладовой.

Возведенный на «подклети» дом обязательно имел подполье. Сама «подклеть» из 3 – 5 венцов могла служить его верхней частью. Подполье сибирского дома было весьма обширное и глубокое, если позволяли почвенные воды. Часто оно обшивалось доской. Фундамент дома учитывал местные особенности: наличие мерзлоты, близость и наличие камня, уровень вод, характер грунта и пр. Под нижний ряд стены чаще всего прокладывалось несколько слоев бересты.

Если в европейской части России даже в XIX в. были повсеместно распространены земляные полы, то в Сибири полы обяза-

тельно делали дощатыми, подчас «двойными». Такие полы имелись даже у бедных крестьян. Полы настилали из расколотых повдоль бревен, протесанных и проструганных до 10 – 12 см досок-«тесаниц» («тесниц», «тесин»). Пиленый тес появился в Сибири лишь во второй четверти XIX в. с появлением здесь пилы.

Потолки («подволоки») изб до конца XIX в. настилали из тонких, тщательно подогнанных бревен. Если для потолка применялись тесаные или пиленые доски, они могли располагаться «встык», заподлицо или «в разбежку». Сени клети чаще всего строились без потолка. Потолок избы сверху тщательно утеплялся глиной или землей, т.к. от этой работы зависело, «загонит ли тепло» в свой дом хозяин.

Наиболее древним, традиционным общероссийским способом кровли дома была кровля на «посомах» (на «самцах»), т.е. на бревнах фронтонов, постепенно укорачивающихся кверху. Позднее посомы заменились дощатыми фронтонами. Бревна посомов плотно пригонялись друг к другу и скреплялись шипами. В верхние, короткие бревна посомов врубалось длинное бревно, которое называлось «князевой слегой». Ниже, паралельно будущей крыше, шли «решетины» («обрешетины») из толстых жердей.

Еще полтора-два столетия назад крыши крыли без единого гвоздя. Делалось это так. Сверху вдоль посомов по их скатам врубались «курицы» — тонкие бревна с крюком в нижней части. На крюки вдоль нижней кромки будущей крыши навешивали выдолбленные желобом бревна. На эти желоба опирались «тесины» кровли, уложенные на пласти бересты. «Тесаницы» были двойными, внахлестку. Сверху концы тесин над коньковой слегой закрывали (придавливали) выдолбленным желобом тяжелым коньковым бревном. На переднем конце бревна часто вытесывали голову коня; отсюда и название этой детали кровли. Конек скреплялся на клинья специальными стяжными деревянными штырями, пропущенными сквозь коньковую слегу. Кровля получалась монолитная, достаточно прочная, выдерживавшая даже шквальные порывы ветра или тяжелый снег.

В качестве кровельного материала наряду с тесинами применяли «драницы», «дрань» (в ряде мест — «желобник»). Для получения «драни» расколотые повдоль бревна хвойных пород, чаще всего «листвяжные», расщеплялись топором и клиньями на отдельные

пластины. Длина их доходила до двух метров. Топорный тес и дранцы были весьма устойчивыми к воздействию осадков, долговечными. Пиленая же поверхность современной доски легко пропитывается влагой и быстро разрушается. Крытые дранью кровли встречались в Сибири вплоть до второй половины XX в.

Вообще, крытые доской крыши домов — важнейший признак сибирского жилища. Соломенные кровли, повсеместно распространенные у великорусских крестьян даже среднего достатка, у сибиряков почти не встречались, разве что у переселенцев на первых порах или у самых последних лентяев-бедняков.

Более поздняя повсеместная конструкция кровли — стропильная. При этом стропила врубались как в верхние ряды бревен, так и на «связях». На верхние венцы укладывались бревна-подстропильники («переводины»), связанные иногда крестообразно над потолком (на «вышке»). При строительстве охотничьей избушки коньковая слега могла быть уложена на врытые в землю столбы с развилкой.

В начале XX в. у зажиточных крестьян и деревенских торговцев-«майданщиков» появляются крыши, крытые железом.

Крыши могли быть одно-, двух-, трех-, четырехскатными. Были крыши с «залобком», с «козырьком», двойные крыши и др. Для покрытия пятистенного и, особенно, крестового дома наиболее приемлема была четырехскатная, «шатровая», крыша. Она великолепно защищала дом от дождя, от снега, от ветра. Словно колпак, такая крыша удерживала тепло над потолком. Края такой крыши на метр и более выделялись за стены дома, что позволяло отводить в стороны дождевые струи. Кроме того, восходящие-нисходящие конвекционные потоки воздуха вдоль стен способствовали сохранению тепла в помещении.

К крестьянскому дому пристраивались рубленые сени с покатой кровлей. Но строили и дощатые сени. В сени и дом вел вход через высокое просторное крыльцо, часто стоявшее на бревенчатом подрубе. Столбы и перила крыльца украшались резьбой.

Окна крестьянских изб первоначально, в XVII в., были небольшими. Для выхода дыма от печей «по-черному» применялись «волоковые» окна — небольшие окна без рам, вырезанные в одном-двух смежных бревнах, закрывавшиеся задвижной доской («окна заволакивались»). Но довольно быстро сибиряки стали строить до-

ма с «колодными» и «косящатыми» окнами, в которые вставляли рамы.

В XVII – XVIII вв. для окон использовали слюду, брюшину животных или холст, пропитанный жиром или смолой-«живицей». Если в Европейской России вплоть до XX в. окна были небольшими, то в Сибири повсеместно уже с XVIII в. отмечаются большие окна, а их количество в доме доходит до 8 – 12. При этом простенки между окон были значительно уже, чем сами окна. Все исследователи отмечали повышенную «любовь сибиряка к солнцу, к свету».

В XIX в. по Сибири быстро стало распространяться стекло. Оно было доступно практически всем крестьянам: достаток позволял его приобрести. Но и тогда отмечалось, что старожилы на зиму вынимают «остекленные рамы, а взамен вставляют рамы с брюшиной или холстом», делая это «для предохранения от намерзания льда и во избежание мокроты». Встречались и рамы с двойными стеклами, но чаще — двойные рамы в окнах. Оконные рамы отличались изяществом работы. На зимних оконных рамах часто изготавливали специальные желобки для сбора талой воды. С середины XIX в. широкое распространение приобрели рамы с отворяющимися в летнее время створками.

Наряду с одиночными окнами при строительстве дома у зажиточных крестьян широко применялись сдвоенные, расположенные рядом окна («итальянские»).

Снаружи окна обрамлялись массивными наличниками. На них навешивали на шарнирах ставни, которые являлись важнейшим отличительным признаком сибирского дома. Первоначально они служили более для защиты окон от стрел и были массивными и одностворчатыми. Так, из записок А.К. Кузьмина узнаем, что «уничтожаются (в 1827 г.) и веревочки, привязанные к болтам ставней, чтобы можно было их отворять и затворять, не выходя из дома. Я прежде думал, что только одна сибирская лень сверлила и портила стены для пропуска веревок; но после уверился, что это остаток старины, защита при осаде, когда, не подвергаясь опасности, нельзя было выйти на улицу». Ставни служили и для украшения окон. «Окна без ставней, что человек без глаз», — говорил один старожил.

Наличники и ставни обильно украшались резьбой. Резьба была «пропильная», прорезная или накладная. При накладной резьбе вы-

пиленный узор набивался или наклеивался на основу. Дом украшали также резным карнизом, галереей с точеными «балясинами», балкончиками с резными перильцами, а на печную трубу сверху ставили ажурный металлический «дымник».

§ 22. ПЛОТНИЧЬИ СЕКРЕТЫ СИБИРСКИХ МАСТЕРОВ

Ко второй половине XIX в. плотничье искусство сибирских старожилов достигло наивысшего расцвета. До нашего времени стоят в селах и городах деревянные церкви и часовни, крестовые дома и дома-пятистенки, амбары. Несмотря на почтенный срок их жизни — многим строениям по 100 – 150 лет, — они поражают нас своей прочностью и красотой, гармоничностью конструкций и функциональной приспособленностью к особенностям данной местности. В отличие от Европейской России, где наиболее качественное строительство вели профессиональные плотники в составе отхожих артелей, в Сибири почти каждый крестьянин-старожил умел строить основательно, добротно и красиво. При строительстве дома старались учитывать множество, казалось бы, незначительных мелочей и факторов, поэтому и стоят те постройки многие десятилетия.

Место для строительства дома выбиралось часто так: на предполагаемом будущем подворье тут и там раскладывали на ночь кусочки коры или бересты (или деревянные). Утром смотрели, где наиболее сухая нижняя сторона. Или могли все это оставить на месте на несколько дней, чтобы затем узнать, кто поселился под корой или дощечкой: если муравьи или дождевые черви, то место вполне пригодно для строительства дома.

Дома строили из 80 – 100-летних деревьев хвойных пород, причем брали лишь их комлевую часть. Бревна выше комля, второго-третьего «порядка», шли на стропила, слеги или строительство хозяйственных построек. Комлевое бревно обязательно «выводили» под один диаметр. Лес для этого брали «кондовый», выросший на высоком склоне горы, с мелкими и плотными годовыми кольцами. Деревья, растущие на вершине горы или у подошвы, считались менее пригодными для качественного строительства. Особенно сто-

ронились деревьев, растущих в сырой, болотистой низине, пропитанных железистыми соединениями. Такие деревья называли «кремлевыми», они так тверды, что их почти не берут ни топор, ни пила.

Хвойный лес на строительство рубили поздней осенью или в начале зимы, с первыми морозами и первым снежком. Осину и березу заготавливали с весны до осени, сразу очищали от коры и бересты, затем сушили. Соблюдалось одно важнейшее правило: строевой лес рубили только на «старый месяц». Сохранилось множество поверий и обычаяев, связанных с рубкой леса и строительством. Так, нельзя было ни заготавливать лес, ни начинать рубить дом в понедельник. «Зависшие» деревья, т.е. зацепившиеся при падении за другие деревья, или деревья, упавшие на север, обязательно пускали на дрова: считалось, что они принесут несчастье жильцам дома.

Срубленные осенью сосну, лиственницу, ель очищали от веток, распиливали на бревна необходимой длины («крыжевали») и, не ошкуривая от коры, оставляли до весны в штабелях «вылеживаться». С наступлением весны отопревшие деревья легко ошкуривались и вывозились на подворья. Здесь их складывали в штабеля под крышу на 1 – 2 года для просушки. Для столярных работ бревна сушили не менее 4-х лет, особенно тщательно оберегая от прямых лучей солнца, чтобы не было трещин в древесине. Лишь затем деревья «выводили» и начинали рубить дом.

Хорошие плотники поступали и так: весной бревна сбрасывали в речку, располагая их по течению воды, сроком на 3 – 4 месяца. Вымоченные бревна летом поднимали из воды и сушили до морозов. Считалось, что древесина при этом будет более прочной, не будет давать трещин, долго не поддастся гниению. При рубке стен бревна укладывали по сторонам света: внутрь дома обращали южную, более рыхлую, но теплую сторону дерева, а наружу — северную, более плотную и «закаленную».

При строительстве дома под нижние венцы вкапывали «стулья» — лиственичные чурки. Их предварительно обмазывали горячей смолой, дегтем или обжигали на костре для предохранения от грибка. Деревянные стояки или камни обязательно отделяли от нижнего ряда несколькими слоями бересты. Насколько можно проследить по старинным строениям, под нижние бревна обязательно

набивали камень-плитняк или плотно загоняли лиственичные кряжи. Завалинки подсыпали с внутренней стороны дома, где всегда было сухо.

Стены дома протесывали топором с кривым топорищем и строгали стругом. Стены были ровные, а древесина — светлая и, как говорили, «дышала». Вплоть до конца XIX в. стены избы не оштукатуривались. Лишь пазы между бревнами заделывались жгутиками белой глины.

«Подушки» и косяки дверей и окон изготавливали из хорошо просушенной сосны или кедра. Они были несколько шире бревен стены, чтобы не затекала вода. В пазы косяков укладывали просушенный мох, обматывали все ниткой и ставили их на место. При этом мох не «сползал» во время установки косяков.

В целях предохранения от ржавчины металлические детали ворот, ставней, а также гвозди проходили специальную обработку. Для этого их нагревали в огне до красного каления и тут же опускали в чистое льняное масло. Однако при строительстве старались по возможности использовать не столько железные гвозди, сколько деревянные шканты, клинья.

Ни один уважающий себя плотник не начинал отделочные работы в доме, пока покрытое крышей строение не высыхало (не «выстоялось»). При этом сохранность дома обеспечивалась хорошей кровлей. Даже если по прошествии 25 – 30 лет крыша не протекала, тесовую кровлю обязательно перекрывали. Также, по воспоминаниям старожилов, один раз в полстолетия разбирали «окосычку» окон и дверей, при необходимости меняя оконные «подушки» и порог двери, заменяли бревна нижнего ряда стен.

§ 23. ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯНИНА-СТАРОЖИЛА

«Таких прекрасных, светлых, обширных изб, с такой изящной внутренней отделкой нигде в целой России нет. Бревна вытесаны и выструганы так гладко, пригнаны так хорошо, лес подобран так искусно, что в избе стены как бы сплошные, блестят и радуются от перелива древесных струй», — писал о жилищах сибиряков декабрист И. Завалишин. И сам дом, и его внутреннее убранство служат

лишним доказательством прочности и достатка хозяйства крестьян, рисуют совершенно иную, чем у великороссов, картину жизни сибирских старожилов.

Повседневная жизнь крестьян протекала в избе — передней половине дома, а парадная половина дома — горница — служила чаще для приема гостей, праздничных застолий. Особое место в избе отводилось русской печи — «кормилице» и хозяйственному центру дома. В конце XVIII в. начали исчезать печи «по-черному», но еще в течение длительного времени печи оставались «полубелыми», т.е. с трубой и заслонкой-задвижкой в верхней части трубы, на чердаке. Как и раньше, в начале XIX в. преобладали глинобитные печи. Печь ставилась справа или слева от входной двери. У печи было множество углублений — печурок — для хранения мелких предметов или посуды, щепы для растопки печи и пр. Под печью хранились ухваты, кочерга, метелки, деревянные лопаты для хлебов. Один-два раза в неделю печь обязательно подбеливалась.

Для спуска в подполье рядом с печью располагался «голбец» («голбчик») — ящик с крышкой. Голбец мог быть и за печью, у боковой стены избы; он представлял собой вертикальную дверь и ступени спуска в подполье. Значительно позднее для спуска в подполье стали использовать люк — «западню». Над входной дверью от печи до стены настилались полати: здесь спали младшие члены семьи, а также хранилась часть одежды. На полати входили по приступкам у печи. Верхним голбцом называлась деревянная площадка вокруг печи до задней стены. Печь служила спальным местом для пожилых людей.

Часть избы перед печью огораживалась загородкой из «тесниц» или матерчатой занавесью и называлась «куть» (ныне — кухня). Вдоль стены кути стоял ящик для посуды, «залаек». Наверху от печи тянулась широкая полка, также для посуды, — «грядка». В кути стоял и стол для хозяйственных нужд хозяйки. Во второй половине XIX в. нижний и подвесной ящики для посуды соединились в большой шкаф — буфет.

Углы в избе носили названия: кутной, покуть, сутки и «святой» (передний, красный). В переднем углу сходились широкие, до 9-ти вершков, лавки (около 40 см). Лавки были прикреплены к стене и застилались специальными ткаными половицами или холстами.

Здесь же стоял чисто выскобленный и вымытый стол. С внешней стороны стола стояли скамейки.

Вверху в передний угол была врезана полка — «божница» — с иконами, украшенными пихтой и полотенцами-рушниками. Перед иконами натягивались занавески и висела лампадка.

При наличии одной комнаты-избы вся семья жила в ней зимой, а летом все переходили спать в неотапливаемую клеть, на сеновал-поветь. Во второй половине XIX в. нежилые клети почти не встречались, быстро увеличивалась жилая площадь дома. В многокамерных домах сибиряков есть «прихожки», «горницы», «спаленки», «кладовки-казенки».

В горнице, как правило, была своя печь: «галанка» («голландка»), «механка», «контрамарка», «теремок» и др. У стены стояла деревянная кровать. На ней — пуховые перины, пуховые подушки, простыни из белого, а покрывала из цветного полотна. Кровати покрывали также коврами ручной сибирской работы.

Вдоль стен горницы были лавки, покрытые нарядными покрывалами, шкафы для праздничной посуды. В горницах стояли сундуки с праздничной одеждой и фабричными тканями. Сундуки были как собственной ручной работы, так и купленные на «ярманке», знаменитые сундуки из Западной Сибири «со звоном». Здесь же стоял резной деревянный диван ручной работы. В углу горницы во второй половине XIX в. стояла многоярусная полка, а в переднем углу или в центре комнаты — большой праздничный стол, часто круглой формы, с точеными ножками. Стол покрывался тканой «узорчатой» скатертью или ковром. На столе постоянно стояли самовар и набор фарфоровых чайных чашек.

В «святом» углу горницы была нарядная «божница» с более ценными иконами. Кстати, к наиболее ценным сибиряки относили иконы, привезенные предками из «России». В простенках окон висели зеркало, часы, иногда картины, «писаные красками». В начале XX в. на стенах сибирских домов появляются фотографии в застекленных рамках.

Стены горницы выстругивались особенно тщательно, углы закруглялись. И, по воспоминаниям старожилов, струганные стены даже натирались воском (вошлились) для красоты и блеска. В конце XIX в. у зажиточных крестьян стены стали оклеивать бумажными

обоями («шпалерами») или холстом, а мебель окрашивать синей или красной масляной краской.

Полы в избе и горнице многократно скоблились и мылись с «дресвой», прокаленным песком. Затем их застилали сшитым в единое полотно холстом, прибитым по краям мелкими гвоздями. Сверху на холст стелили в несколько слоев домотканые половики: они служили одновременно показателем достатка, зажиточности и благополучия в доме. У богатых крестьян на полу можно было встретить ковры.

Потолки в горнице настилали особенно аккуратно, покрывали резьбой или расписывали красками. Важнейшим духовно-нравственным элементом дома была «матица», потолочная балка. «Матица дом дёржит», — говорили сибиряки. На матицу в избе подвешивалась на гибкой жерди — «очепе» — кроватка для младенца («зыбка», «люлька», «качка»).

Сибирский дом отличался чистотой, ухоженностью, порядком. Во многих местах, особенно у старообрядцев, дом раз в год мыли снаружи от фундамента до конька крыши.

§ 24. ПОДВОРЬЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Жилые постройки сибирского крестьянина были лишь частью комплекса построек подворья, по-сибирски — «ограды». Подворье — домохозяйство — подразумевало собой все хозяйство, включая постройки, дворы, огороды, загоны. Сюда включались и скот, домашняя птица, орудия труда, инвентарь, и запасы-припасы для поддержания жизни членов домохозяйства. В данном случае речь пойдет об узком понимании подворья — как о комплексе сооружений, возведенном «в ограде» или принадлежащем домохозяевам.

Необходимо отметить, что в сибирских условиях сформировался замкнутый по периметру тип подворья. Высокая степень индивидуализации жизни сформировала замкнутый мир семьи как «мины-общества», со своими традициями-правилами, своей собственностью и правом полного распоряжения результатами труда. Данный «мир» имел четко выраженные границы с крепкими высокими ограждениями. *Забор* — по-сибирски «заплот» — представлял со-

бой, чаще всего, ряд столбов с выбранными вертикальными пазами, забранными толстыми плахами-тесницами или тонкими слегка протесанными бревнами. Огороды, пригоны для скота могли огораживаться изгородью из жердей.

В комплексе строений важнейшее место занимали главные, парадные *ворота усадьбы*. Будучи олицетворением благополучия и достатка на подворье, ворота часто были краше и аккуратнее дома. Основной тип ворот в Енисейской губернии — высокие, с двухстворчатыми полотнами для прохода людей и въезда конных экипажей. Ворота часто сверху крылись двухскатной крышей. Столбы ворот тщательно острогивались, иногда украшались резьбой. Полотна ворот могли быть из вертикальных тесин или забраны в «елочку». На столбе ворот обязательно крепилось кованое кольцо на металлической фигурной пластине-«жуковине». Ворота в скотский пригон или на «скотский двор» были ниже и проще.

Все подворье делилось на функциональные зоны: «чистый» двор, «скотский» двор, загоны, огород и др. Устройство дворов могло варьироваться в зависимости от природно-климатических условий региона Сибири, особенностей хозяйственной деятельности старожилов. Первоначально многие элементы усадьбы напоминали дворы Русского Севера, но впоследствии видоизменялись. Так, в монастырских документах XVII в. отмечалось, что в 25 дворах крестьян насчитывалось более 50 различных помещений, связанных с содержанием скота: «избы скотские», хлевы, стаи «конские», сенники, сараи, повети и др. (Монастырь на р. Тасеева, притоке Ангары). Но еще не было разделения подворья на отдельные части.

К XIX в. центром усадьбы становится «чистый» двор. Он чаще всего располагался с солнечной стороны дома, у парадных ворот. На этом дворе располагались дом, амбары, погреб, завозня и пр. На «скотском» (скотном) дворе размещались хлева, «стаи» для скота, конюшни, сенники и др. Сено могло храниться и на втором ярусе высокого навеса, на «повети», но чаще всего его наметывали на хлева и «стаи». Во многих районах сибирского края весь двор на зиму сверху крыли жердинами-слегами, опирающимися на вертикальные столбы с развиликами, а сверху накрывали сеном и соломой. Таким образом, весь двор полностью был закрыт от непогоды.

«Сено намётыают на сей помост, а других сенников не имеется», — писалось в одной из корреспонденций из Сибири.

Строения как «чистого», так и «скотского» дворов располагались чаще всего по периметру усадьбы, непрерывно друг за другом. Тыльные стены строений чередовались со звеньями заплата. В качестве строений подворья выступали и многочисленные кладовые, пристройки-прирубы к дому, «стаям», амбару, различные навесы для инвентаря, тесин и бревен и пр. Так, с тыльной стороны крестового дома прорубался вход-спуск в отдельное подполье-погребок под домом, служившее для хранения картофеля в летнее время. Рядом к дому прирубалось небольшое помещение для домашней птицы. Тепла от стены дома было достаточно, чтобы куры и гуси легко переносили любые морозы.

Амбары (по-сибирски — «анбары») были нескольких типов. Они могли ставиться на камни и иметь земляные завалины, или возвышались на небольших вертикальных столбах, с «продувом» снизу. Такие амбары отличались сухостью и защищенностью от мышей. Амбары были одно- и двухэтажные, с галереей вдоль второго яруса, но в любом случае для амбара характерна значительно выступающая часть крыши со стороны двери. Вход при этом всегда делался с боковой стороны амбара. Амбар служил помещением для хранения хлебных и фуражных припасов, а также посевного зерна. Поэтому амбары рубились особенно тщательно, без малейших щелей, без утепления мхом. Особое внимание уделялось прочности и надежности крыши: ее часто делали двойной. Зерно хранилось в специальных отсеках (сусеках) специальной сибирской конструкции. В документах отмечается, что крестьяне могли годами «не видеть дна своих сусеков», так как урожай были отменные и с расчетом на «запас» в неблагоприятный год. Здесь же в амбара стояли лари для муки и круп, деревянные кадки, мешки с льносеменем, хранились выделанные кожи, холсты, запасная одежда и пр.

Завозней называли помещение для хранения саней, телег, лошадиной упряжи. Завозня имела чаще всего широкие двустворчатые ворота и широкий помост-настил для въезда в нее.

Практически на каждом подворье сибиряка стояла «летняя куты» (летняя кухня, «времянка») для приготовления пищи, нагрева большого количества воды и «пойла» для скота, варки «скотского хлебова» и пр.

У многих крестьян-старожилов на усадьбе стояло теплое специально рубленое *помещение для столярно-ремесленных* работ (столярная, сапожная, пимокатная или бондарная мастерская). Над погребом надстраивали небольшое помещение, *погребницу*.

Дом и амбар строили из качественного «кондового» леса, т.е. из смолистых, прямослойных, с плотной древесиной бревен. Хозяйственные и вспомогательные помещения могли возводиться и из «мендача», т.е. менее качественного леса. При этом «стай», хлевы, конюшни были как рубленные «в угол», так и «набранные» из горизонтальных бревен в столбы с пазами. Многие исследователи отмечали, что в Сибири было принято повсеместное содержание скота на открытом воздухе, под навесом и за стенами-ограждениями со стороны господствующих ветров. На навес наметывалось сено, которое сбрасывалось прямо под ноги коровам. Ясли-кормушки появились на рубеже XIX – XX вв. под влиянием переселенцев. В средних и зажиточных хозяйствах не только помещения для скота, но и весь «скотский» двор застипался тесанными бревнами или плахами. Также застилали на «чистом» дворе плахами проходы-дорожки от ворот до крыльца дома и от дома до амбара.

Завершали вид крестьянского подворья *поленница дров*, но рачительный хозяин строил для них специальный навес. Дров требовалось много, благо, лес вокруг. Заготавливали по 15 – 25 кубических метров, притом топором. Пила появилась в Сибири лишь в XIX в., а в ангарских деревнях — только во второй половине века, в 1860 – 70-е гг. Дрова обязательно готовили «с запасом», на два-три года вперед.

Индивидуализация жизни и сознания сибиряка часто вызывала конфликты из-за занимаемой подворьями земли. Отмечались тяжбы по причине перестановки столба на территорию соседа или из-за крыши строения, выступающего на соседский двор.

Особое значение для сибиряка имела *баня*. Строили ее как срубную, так и в виде землянки. Примечательно, что в XVII – XVIII вв. баню-землянку считали более «паркой». Ее вырывали на берегу реки, затем обшивали «тесинами» и накатывали потолок из нетолстых бревен. Как землянки, так и срубные бани часто имели земляную крышу. Топились бани «по-черному». Складывали печь-каменку, а над ней вешали котел. Воду грели также раскаленными камнями, в бочках. Банная утварь считалась «нечистой» и в других

случаях не употреблялась. Чаще всего бани выносились за деревню — к реке, озеру.

На дальнем конце усадьбы находилось *гумно*, застланное тесанными плахами, и стоял *овин*. В овине внизу делалась печка из камня или круглая площадка, обложенная камнем. Над топкой располагался настил второго яруса: здесь сушили снопы хлеба. Рачительные хозяева имели на подворье гуменник, в нем хранилась после обмолота мякина для скота. Гумно и овин чаще всего были общими для 3 – 5 хозяйств. В 1930-е гг., в связи с коллективизацией, гумна и овины исчезают из крестьянских хозяйств, размеры подворий резко уменьшаются. При этом значительно увеличиваются приусадебные огороды, т.к. овощи, картофель стали сажать не на пашне, а у дома. На усадьбах исчезают конюшни, а большие «стай», в которых содержались до десятка и более голов скота, превращаются в современные «стайки»...

В крестьянском хозяйстве имелись постройки и вне пределов деревни. На дальней пашне возводились «пашенные» избушки, здесь же строили амбар, загон, конюшню. Часто заемки и пашенные избушки давали начало новой деревне. На покосах по две-три недели жили в шалашах (в ряде мест их называют «балаганы») или даже в легких избушках из тонких бревен или толстых жердей.

Повсеместно на промысловых участках ставили зимовья, «станки», охотничьи избушки. Жили там недолго, в период охотничьего сезона, но в Сибири повсеместно народная этика предусматривала необходимость оставлять в избушке запас дров, немного продуктов, кресало и др. — вдруг сюда забредет заблудившийся в лесу человек...

Таким образом, специфика строительства, строений подворья идеально соответствовала особенностям природы, хозяйства, всего уклада жизни сибиряков. Еще раз подчеркнем исключительный порядок, чистоту, ухоженность и достаток сибирских построек.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Жилище сибиряка-старожила. Типы жилища.
2. Техника строительства и интерьер жилища.

3. Подворье и хозяйственныe постройки.
4. Урок-экскурсия «Посещение старинного сибирского подворья».
5. Урок-конференция «Сообщения об этнографических исследованиях жилищ и строений нашего села (поселка)».

II. Термины и понятия

Клеть, изба, типы связей, изба-двойня, пятистенок, крестовик, подклеть, рубка: «в обло», «в лапу», драницы, тесины, горница, куть, печи: черная, белая, голбец, божница, воронец, верхний голбец, полати, кондовый лес, мендач, подворье, дворы на подворье, заплот, стая, завозня, амбар, гумно, овин, гуменник, погребница, балаган, зимовье, заимка.

III. Диалог

В чем выражаются особенности строительного искусства в Западной Европе? Европейской России? В Сибири? Какими были жилища кочевых народов Великой Степи? Чем, по вашему, определяется тип жилища? Как это связано с традициями жизни и быта людей? Объясните процесс совершенствования жилищ в Сибири. Какие постройки и элементы подворья характерны для вашего края? Опишите интерьер крестьянского дома «российского» крестьянина и сибиряка. Почему, по вашему, сибирский дом отличался особой чистотой, ухоженностью?

IV. Исследования

1. Попробуйте освоить технику датировки деревянных строений по годовым кольцам и определите год постройки одного из старейших домов, строений вашего селения.
2. Познакомьтесь на практике с техникой рубки дома, работой плотничьим инструментом. Сравните современное деревянное строительство с техникой рубки дома, бытовавшей в старину. Что изменилось, а что осталось неизменным?
3. Составьте подробное описание типов строений вашего селения, как старинных, так и современных.
4. Сфотографируйте или зарисуйте ставни, наличники окон, украшения домов и построек.

5. Попробуйте самостоятельно разобраться во внутреннем строении русской печи, расположении и строении дымоходов, трубы, задвижек.

V. Музей

Экспозиция: макет крестьянского дома, подворья.

Интерьер дома, типы строений.

Украшения зданий.

Фотографии построек.

§ 25. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА

Ярко выраженный практицизм сибирских крестьян, приобретенные ими в сибирских условиях трудовые умения и навыки повлияли на характеристики используемых орудий труда. Сибиряки использовали старорусские орудия, но значительно изменяли или даже переделывали их в соответствии с условиями тайги или лесостепи, степи или предгорий, болотистых или каменистых почв. Поэтому обвинения в консерватизме и нежелании использовать «прогрессивные» технологии и орудия труда по отношению к сибирским крестьянам поверхностны. Данные характеристики давались в XIX – начале XX вв. людьми, пытавшимися судить о сельском хозяйстве Сибири с позиций Великороссии. Н.М. Ядринцев вполне справедливо высказался об этом: *«...в Сибири надобно всегда обращать внимание на те сельскохозяйственные условия..., которые поглощают громадное количество времени и труда. Те мерки, которыми мы привыкли мерить в Западной Европе или в России, здесь неприемлемы. И многое, что разумно и пригодно там, будет нерационально и вредно здесь».*

25.1. ВСПАШКА ЗЕМЛИ

Если на первых порах хозяйственного освоения сибирского края в документах упоминается старорусская соха-рогалюха (посибирски — «рукопашка»), то в XIX в. наблюдается ярко выраженное многообразие ее вариантов и видоизменений. Соха по-прежнему используется более в таежной зоне, где глинисто-песчаная почва и обилие корней заставляли пользоваться легким и поворот-

ливым орудием. В соху запрягали одну лошадь. Однако по мере перехода от «росчисти» к «перелогу» крестьяне усовершенствовали сохи и изменили их конструкцию.

Наиболее распространенными к середине XIX в. становятся тяжелые колесные сохи. В различных районах они назывались по-разному: «ааранка», «сабан», «сабань», «колесуха», «колесянка».

В Енисейской губернии под понятием «сабан» подразумевали двухколесную пароконную соху, «сабань» — одноколесную пароконную соху для пахоты на горных склонах. Но в любом случае устройство «сабана» или «колесухи» более напоминало деревянный плуг. Технология пахоты при этом не походила на пахоту ни с помощью сохи, ни с помощью плуга. На примере «сабана» рассмотрим мудрое отношение сибиряков к земле и их изобретательность.

Как и большинство сибирских орудий труда, *сабан* изготавливается из дерева, с отдельными металлическими деталями. Основой сабана была «разсоха», т.е. часть ствола длиной около 45 – 50 см с толстой веткой, «ножкой разсохи». На конце стволов раздваивали, на концы их надевались сошники. Ветка березы отходила от ствола под углом 135 – 140 градусов. Диаметр ее составлял 12 – 14 см, а длина около 1 м. К верхнему концу разсохи крепился поперечный брускок-рогаль, служивший ручками пахарю. Сквозь ветку-разсоху сверлилось отверстие для полутора-двухметровой стрелы — деревянного бруса диаметром 8 – 10 см. Стрела служила корпусом и одновременно тягой для разсохи с сошниками. Она прочно закреплялась в отверстии разсохи, а другим концом связывалась ременным «гужиком» с осью, на концы которой надевались деревянные колеса от телеги без металлических шин. Общая длина оси достигала 40 см. Вместо чек колеса закреплялись стоявшими вертикально деревянными прутьями, верхние концы которых скреплялись горизонтальным поперечным прутом. На него укладывались во время пахоты вожжи.

Правая оглобля надевалась на конец оси между колесом и чекой, а левая крепилась посередине между колесом и местом скрепления оси со стрелой. На раздвоенную ножку разсохи надевались железные сошники, иногда с наваренными в кузнице стальными лезвиями по краям. Сошник имел форму прямоугольного треугольника. Насаженные рядом лезвия имели длину около 45 – 50 см, а длина сошников по высоте треугольника достигала 40 см. Длина

трубок сошников равнялась 12 см. Правый сошник сибиряки называли «женкой»: он был плоским. Левое перо сошника, называвшееся «мужичком», было несколько загнуто кверху и служило отрезом, заменившим плужный нож. Сошники устанавливали строго в одной плоскости. На ножке разсохи слева от левого пера сошника под углом 130 – 140 укреплялся деревянный отвал — «шабала» — из плоской доски длиной до аршина (аршин — 71,12 см).

Для регулирования глубины вспашки через ножку разсохи и стрелу проходил железный стержень до аршина длиной. Глубину вспашки регулировали специальной гайкой с наваренной ручкой: чем круче сошники, тем глубже вспашка, и наоборот.

В некоторых местах употреблялся для пахоты сабан с одним сошником, более массивным и широким.

При пахоте сабаном корни трав вырывались, при бороньбе эти корни сгребались, таким образом, пашня постоянно очищалась. Плуг же не вырывал корни, а только подрезал их, оставляя в земле. Поэтому понятна мудрость сибирских крестьян-старожилов, так долго сопротивлявшихся «нововведению» — железному плугу. Важнейшие особенности пахоты состояли в том, что соха рыхлит землю, плуг переворачивает полностью, закапывая стерню, а сабан полупереворачивал пласт, «ставил» на ребро, поэтому при пахоте стерня и корни не только выдирались сошниками, а и остатки их сгребались бороной.

Посеянное зерно легко попадало в промежутки между полувертикальными пластами и при прохождении бороны 1 – 2 раза засыпалось землей. Оно хорошо прорастало во влажной почве на необходимой глубине и не выкlevывалось птицами. Сабаном («сабанью») в сибирских селениях пахали землю вплоть до колхозных времен, пока личный интерес крестьянина не уступил место администрации.

Сошники были чаще всего покупные. Особо ценились уральские сошники, менее — Абаканского железноделательного завода. Средняя цена покупного сошника составляла 1,5 рубля, сабан же можно было купить за 7,5 – 8,5 рублей.

Обычно в «сабан», «колесуху», «сабань» впрягали по 2 лошади: одну в оглобли, другую в пристяжку. Если сабан тщательно отрегулирован и сделан по правилам, то конь-коренник шел легко и не уставал, а пахота была посильна даже 14-летнему подростку.

В конце XIX в. сибиряки по-прежнему использовали соху-рукопашку и для пахоты, и для посадки и окучивания картофеля. Кое-где пахали «лемехом», т.е. тяжелым передковым украинским деревянным плугом. Широкое распространение железного заводского плуга было связано с массовым столыпинским переселенческим движением.

25.2. БОРОНЬБА

На бороньбе большей частью пользовались деревянными боронами с железными зубьями. Бороны с деревянными зубьями были только в самых бедных хозяйствах. Борона представляла собой деревянную раму с продольными и поперечными перекладинами. В точках пересечения вколячивались железные зубья. Обычно их было 16 шт. Длина зуба бороны в среднем составляла 26 – 27 см. Стоил такой зуб 8 – 12 копеек. Таким образом, стоимость бороны доходила до 2 – 3 рублей.

Борона в 16 зубьев была одноконной, а двойные тяжелые бороны в 32 зуба запрягались парой лошадей.

25.3. ЖАТВА (ЖНИТВО) ХЛЕБОВ

Рожь, пшеницу, ячмень жали серпом или косой-литовкой с приделанными к ним специальными граблями. В некоторых глухих местах еще в начале XX в. сохранялась древнейшая разновидность косы — коса-горбуша. Ею можно было косить как в одну, так и в другую сторону.

В Енисейской губернии особо ценились привозные серпы, называвшиеся здесь «аглицкими». Они стоили до 1,5 руб. Серпы местного производства стоили до 60 копеек. Цена «литовки» колебалась от 70 копеек до 2 рублей. Коса-литовка насаживалась на ручку с помощью кольца и клина.

Так как срезаемый пучок ржи захватывался левой рукой, то трудно было встретить сибирячку, у которой не были бы покалечены серпом пальцы левой руки (мизинец и безымянный)...

25.4. МОЛОТЬБА РУЧНАЯ

Высущенные снопы молотили в основном вручную. Кстати, посевное зерно старались смолотить без просушки в овине, «сыромолотом». Молотили снопы цепами: к длинной (до 1,5 м) ручке через специальное воронкообразное отверстие продевали и привязывали сыромятным ремешком короткий обрубок жерди, около 0,5 м.

Однако во второй половине XIX в. в Сибири появились специальные орудия труда для молотьбы — «молотяги». Устроены они были следующим образом: внутри деревянной рамы вращался массивный деревянный вал, изготовленный из толстого ствола дерева. На вал набивались выступы-«кулачки». В постремки молотяги впряженная лошадь. Чтобы молотягу постоянно не разворачивать, на раме сверху дугообразно крепилась гибкая жердь. По данной жерди перемещалось железное кольцо, за которое и крепился кожаный ремень.

Снопы расстилались ровной дорожкой, колосьями внутрь, друг на друга. По колосьям конь вез молотягу: вал с кулачками при этом обмолачивал зерно. Молотягой за день можно было обмолотить до 200 – 300 снопов. Более производительны были тяжелые, двухвалковые молотяги. В них впряженные две лошади.

25.5. МАШИНЫ И МЕХАНИЗМЫ

В начале XX в. сибирские крестьяне, всегда отличавшиеся расчетливостью, любознательностью и практической хваткой, начали широко применять в хозяйствах различные машины и механизмы на конной тяге и даже с паровыми двигателями, локомобили. К 1910 г. уровень технической обеспеченности сельского хозяйства Сибири превзошел общероссийский. На одно сибирское хозяйство приходилось в среднем в 2 раза больше различных земледельческих орудий, чем в Европейской России. Особо ценились здесь немецкие плуги, жнейки и сеялки из США, английские локомобили. Охотно приобретались сложные машины — паровые молотилки, жнейки-сноповязалки, жнейки-самосбросы, сепараторы для переработки молока и т.д. Из всех губерний Сибири наиболее высоким уровнем применения машин отличались Енисейская и Амурская. Сравним, сколько крестьянских хозяйств, приходилось на одну машину (табл. 7).

Таблица 7

	Европейская Россия	Сибирь в целом	Енисейская губерния
Сеялки	67	362	202
Жатвенные машины	25	19	5
Молотилки	32	24	5
Веялки	8	12	2
Сенокосилки	18	32	47

Жатва и молотьба были особо трудоемки и выполнялись в кратчайшие сроки. Механизация необходима была и для сенокошения. Приобретению сеялок не придавалось особого значения.

Приведем данные о стоимости сельскохозяйственных машин в начале XX в.:

Дисковая сеялка — 140 – 200 руб. Жатка-самосброска — 200 руб. Сенокосилка — 130 – 165 руб. Сноповязалка — до 400 руб.

§ 26. ИНВЕНТАРЬ ПОДВОРЬЯ

В ходе выполнения всего цикла работ крестьянин пользовался, прежде всего, тягловой силой лошади: пахал, сеял, окучивал, косил, сгребал сено, впряженя лошадь в различные орудия труда. Как основное средство передвижения лошадь была незаменима на бескрайних просторах сибирского края.

В зимнее время основной повозкой были *древни*. На них перевозили грузы: сено, дрова, строевой лес, снопы из кладей, навоз для удобрения пашни и многое другое. Древни — это широкие, устойчивые, вместительные и грузоподъемные сани. При перевозке бревен на древни клались специальные колодки, а под вершинки бревен — сани-подсанки, соединенные с древнями веревками.

Для перевозки более легкого груза и для езды использовались *сани-розвальни*. Изготавливались они таким образом. Из ровной, срубленной на возвышенности весной березы вытесывали брусья, отесывали с трех сторон, тщательно распаривали и выгибали на специальном приспособлении полозья. После высыхания в полозья врубались стойки-копылья и подкопыльники. Затем установленные

параллельно полозья стягивались через копылья сырьими березовыми жердочками-вязками. Концы вязков стягивались ивовым прутом. На копылья и подкопыльники сверху врубалась нахлестка. Так же вязками стягивались передние выгнутые концы полозьев. С боков к саням крепились слегка согнутые «отводины». Завершала процесс изготовления саней-розвальней установка оглоблей и высокой спинки на задке саней.

Возок или выездные сани часто делали с облучком, с расписными спинками. Из тонких ивовых прутьев сплетали кошеву (кошевку). Непременным атрибутом саней и возков были «даха» («доха») и «полость» — специальный мешок из медвежьих или волчьих шкур для ног седока.

Летом коня запрягали в *телегу*. Одноколая телега — это двухколесная повозка, а двуколая — четырехколесная. У многих сибирских крестьян были дороги и тарантасы. Для перевозки летом длинных жердей и слег использовали передки телег или специальные «волоки». Копны на покосе свозили к «зароду» на волокушах или прямо по земле обвязанными веревками.

Конская упряжь включала в себя хомут, седелку с подпругой, чересседельник, шлею, подбрюшник, вожжи и узду с удилами. Хомут — основная деталь упряжи — собирался из двух деревянных половинок — клещевин — и соломенного «калача», обшитых кожей. Клещевины внизу стягивались сыромятным кожаным ремешком — супонью. К упряжи относились также седло и дуга.

Обычно сибиряк-старожил имел для всех лошадей и рабочую упряжь, и праздничную — для «выезда», богато украшенную отделкой из кожи и металла, колокольцами. Крайне необходимы были в суровых сибирских условиях попоны и покрывала для «убереженья» лошади.

Конский инвентарь, телеги, повозки, сани и упряжь хранили в завозне. Используемая упряжь висела у конского стойла, а новая — в амбаре или «казенке». В хозяйстве был инвентарь для ухода за лошадьми и инструменты. Определенных расходов требовала ежегодная перековка их в кузнице.

Особенностью хозяйствования настоящего крестьянина было наличие всего комплекса необходимого инвентаря для всех без исключения видов работ как в поле, так и во дворе. Практически все орудия и инвентарь изготавливались из дерева. Это и деревянные

трехрежковые вилы (ручники, полустоговые и стоговые вилы), и грабли, лопаты нескольких видов, подавалки для снопов, совки, деревянные клещи в бане, лестницы, мялки для конопли и льна, трепала и многое другое.

На подворье стояло несколько корыт и бадей для скота. Были и специальные зимние лопаты для очистки снега, и инструменты для сбрасывания снега с крыши дома. В разных местах, на гумне, в «стаях», в амбаре, под навесом, в конюшне, на «чистом» и «скотском» дворах, обязательно хранились «свои» метлы. Инвентарь содержался на подворье в раз и навсегда отведенных для этого местах («знал свое место»). Строгий порядок, чистота и аккуратность в изготовлении и хранении всего необходимого были отличительной чертой истинного, хозяйственного старожила-сибиряка.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Сельскохозяйственные орудия и хозяйственный инвентарь.
2. Предметы быта и утварь крестьянского дома.

II. Исследования

1. Какие орудия труда применяли крестьяне в вашей местности на пахоте, сенокоше, уборке урожая, молотьбе, при очистке зерна и т.д.? Как были связаны между собой почвенно-климатические особенности местности с комплексом сельскохозяйственных орудий? Учитываются ли в настоящее время эти особенности при обработке почвы?
2. Какие традиционные орудия труда и инвентарь продолжают применяться в селении на сенокоше? в хозяйстве? быту?
3. Зарисуйте и подробно опишите конскую упряжь. Попробуйте описать технологию изготовления хомута, телеги, конных саней, деревянных колес. Какие типы конных повозок существовали и применяются доныне жителями селения?
4. Составьте классификацию старинной посуды по устным источникам и сохранившимся образцам: посуда глиняная, медная, оловянная и чугунная, деревянная, стеклянная, фаянсовая и фарфоровая. Попробуйте описать и определить назначение

следующих сосудов: ендова, ставец, горшок, котел, братина, тарель, солоница, сулея, корчага.

5. Напишите мини-исследование об освещении крестьянского дома в вашем селении до появления электричества. Зарисуйте типы кресал, самодельных свечей, ламп и др.

III. Творческие работы

1. Изготовьте модели сельскохозяйственных орудий труда, бытовавшие в вашей местности.
2. Вылепите из глины по образцам или по описанию несколько типов сосудов для музея. Попробуйте изготовить деревянную ложку, выточить деревянную чашку.

IV. Музей

Создайте экспозицию крестьянских орудий труда и инвентаря (желательно из подлинных предметов, или изготовьте копии).

Представьте сохранившуюся праздничную конскую упряжь.

Оформите стенд с зарисовками типов саней, телег и др.

Оформите экспозицию предметов и утвари сибирского дома.

ГЛАВА VII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН

§ 27. РОЛЬ ТРУДА В ЖИЗНИ СИБИРЯКА

Богатство, созданное преобразовательным трудом — один из самых важных атрибутов социального престижа русских крестьян-старожилов.

Сибирский историк Е.А. Ерохина

Преобразование пространства означало воссоздание пригодной для русского человека среды жизни и трудовой деятельности. Возникновение городов и селений, формирование развитой сети сухопутных путей сообщения, создание производящего хозяйства потребовало от сибиряков огромных усилий. Освоение края связано и с процессом творчества: для земледельца — отказ от слепого воспроизводства привычной системы земледелия в новых краях.

Труд приобретал в сознании двойное значение: с одной стороны, был инструментом преобразования природной среды, с другой — сам стал объектом преобразования в ходе адаптации. Труд был условием благополучия и достатка в мире старожилов. Труд обеспечивал право на увеселения, праздники, занимал ведущие позиции как мера оценки личности в старожильческом социуме. «Зарывной», успешный труд есть условие добной славы... Мужику об чем больше думать, как не о пашне, не о работе, а робить, а пашню пахать, чтобы быть сытым со всем своим семейством», — писал А.П. Щапов об ангарских крестьянах.

Зафиксированные в источниках «захватное» землевладение, купля-продажа пашенной земли, споры о правах на «очерченные»

участки показывают наличие в сознании старожилов ценности индивидуальной собственности и труда. Неудивительно, что в сибирских условиях и «захватная» возделанная пашня, и расчищенная покосная земля сдавались в аренду, продавались своим или чужим людям, передавались по наследству.

Современники отмечали в середине XIX в.: «Каждый крестьянин *считает* землю своей собственностью и продает ее другому». При этом ограничения в размерах, по данным этнографа А.А. Савельева, в таежных районах не было вплоть до начала XX в. В Приангарье говорили при этом: «Скуль надо (земли), стуль можешь разчертить».

Спор о праве «первенства» касался не только земли и мог дойти до курьеза. Был случай, что «крестьянин д. Бузыкановой М.Ф. заметил вблизи деревни лисицу, и пока собирался ее убить, ответчик И.К. убил зверя». Вследствие чего истец М.Ф. просил суд взыскать с И.К. половину стоимости шкуры. Шкура лисицы была продана за 3 рубля 40 копеек, и, руководствуясь *местным обычаем*, суд взыскал в пользу истца третью часть ее стоимости.

В мирских характеристиках выборных лиц в качестве важного условия соответствия должности следуют формулировки «усердный робить», «в хлебопашестве искусный», хлебопашеством занимается успешно». При этом даже качества животных крестьянское сознание оценивало по их «трудовым возможностям». Например, по иску ангарского крестьянина А.М. к Ф.Р. по факту убийства ответчиком бесприязвной охотничьей собаки вместо требуемых истцом 5 рублей волостным судом было взыскано 1 рубль 50 копеек согласно мотивировке: «Собака была не из удачных (то есть не из добычливых на охоте)». В оценке по другому судебному делу стоимость погибшей лошади вместо требуемых истцом 10 рублей была волостным судом оценена в 8 рублей, так как «она была ленива в работе».

Характер труда зависел от природно-географических условий проживания людей, сезонного характера занятий. У старожилов притрактовых селений можно выделить первостепенную роль профессиональной «ямщины». Охота и рыбная ловля для ангарских крестьян имели настолько значимую ценность, что с наступлением сезона осенней охоты или ловли рыбы в «ямах» они все уходили на «промысел». Но заниматься этим в летнюю пору не позволял себе

ни один землепашец. Поэтому круг хозяйственной жизни сопровождался выходом на ведущие позиции одного из видов труда, в зависимости от времени года.

Для сибиряков было характерно преимущество труда в личном домохозяйстве перед трудом общественным. Волостные старшины постоянно обращались к енисейскому губернатору с просьбой об отпуске в период уборки урожая. Старшина Исаи Григорьев Ермоловаев так мотивировал свою просьбу: «... Дабы направить и не уронить хозяйство, я имею честь просить отпуск с августа по 15 октября» (1879 г.).

При этом даже едва наметившаяся угроза домохозяйству заставляла крестьянина отказываться от общественной должности.

«Кандидат волостного старшины Ключинской деревни Балахтинской волости... по наставшему одиночеству и расстраивающему хозяйству, которое может прийти в совершенный упадок», был поддержан в просьбе односельчанами и переизбран. Новый кандидат был выбран с условием, что «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства».

«Кандидат сельского старшины Иннокентий Сешнев просил нас избрать вместо его... по случаю болезни и взятия его брата в военную службу, дабы требует хозяйство его поддержки и не пришло в крайнее разорение».

В Балахтинской волости в 1872 г. по распоряжению волостного правления по всем селениям волости составлялись списки крестьян, «наиболее отличившихся в занятии хлебопашеством». В списки включались хозяйства с пашней более 10 десятин. Так, в с. Балахтинском отмечено 64 подобных домохозяйства с числом хлебопашцев 157 человек, обрабатывавших 1074 дес. пашни, что составляло в среднем по 6,84 дес. на одного крестьянина и по 16,78 дес. на одно хозяйство. При этом в хозяйствах с одним хлебопашцем обрабатывалось от 12 до 17 дес. пашни, с двумя — от 11 до 20 дес., с тремя — от 12 до 25 дес. Четверо хлебопашцев в семье обрабатывали по 22 — 26 дес. пашни, а большие семьи с пятью хлебопашцами — до 50 дес.

В с. Игрышевском на 18 душ м.п. четырех домохозяйств отличившихся хлебопашцев приходилось 97 дес. пашни, то есть в среднем приходилось по 5,38 дес. на одного крестьянина и по 24 дес. пашенной земли на одно хозяйство.

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании негативное отношение к зажиточности меняется, и даже богатство становится мерой «угодности Богу». Будучи одним из основ ментальности, стремление к зажиточности большинством современников часто рисовалось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе».

В начале XX в. резко углубляется выраженная противоположность в характере социального идеала старожилов и переселенцев. Массовый поток «столыпинских» переселенцев сформировал иное качественное поле ментальности великорусской общины на территории Сибири в переселенческих поселках. В отличие от своих предшественников XIX в. — середняков-«самоходов», стремившихся влиться в старожильческое сообщество по правилам сибиряков, новоселы-«лапотошники» часто пытались навязать старожилам свои традиции и миропорядок.

Вот типичное проявление ментальности бедняков Европейской России. В 1910 г. переселенцы участка Богомолово Покровского сельского общества обратились с жалобой на старожилов с. Устьянского, не желающих поделиться с ними пашенными землями. Переселенцы писали в границах своей «уравнительной ментальности»: «Старожилов с. Устьянского все дети мужского пола без различия возраста, даже мальчики, родившиеся в 1910 г., получили земельные наделы, а наши мальчики возраста по 9 и 12 лет остаются бобылями». Они просили наделить их землей за счет «общего уравнения» всех крестьян двух общин.

О выраженном «несибирском» образе труда и жизни говорят в корреспонденции из переселенческих поселков: «В любой переселенческой избе нечистота, зловоние, тараканы, клопы. Точно на короткий срок и в чужое жилье попал в свою лачугу «новосел». И нет у него ни времени, ни возможности навести порядок». Мы добавим, что главной причиной было сохранение типичного образа избы в картине мира переселенца. О подобной «традиции» писал еще В.О. Ключевский: «Крестьянские поселки по Волге и... других местах... доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят... впечатление временных...».

Основным инструментом формирования данного социального идеала явился труд. Объяснить это можно словами высокопрофессионального аналитика сибирской жизни С.П. Капустина: «*Переселенец из России, приходя сюда, остается доволен, хвалит новое место и пишет своим, чтоб ехали в эту благодатную страну. Но это не значит, что, придя сюда, добыл средства к жизни без напряженного труда. Это значит только то, что здесь есть возможность приложить привычный труд, притом труд действительно на самого себя, труд, дающий хорошие результаты*».

Трудовой процесс был одновременно частью широкого круга ритуально-обрядовых действий, отступить от которых было равнозначно отказу от веры, традиций.

§ 28. КРУГЛЫЙ ГОД: ЦИКЛ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАБОТ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ

28.1. ВЕСНА

Ярко начинало пригревать солнце, начинало капать с крыш, и приходили весенние заботы сибирского крестьянина. Пока не растаял снег, вывозились последние запасы сена. Ремонтировался хозяйствственный инвентарь, телеги, плуги, бороны, проверялась и чинилась лошадиная сбруя. Из погреба и ямы выносился картофель, перебирался для посадки и расстипался в помещении для проращивания. На берегу конопатились и смолились лодки. В крестьянских хозяйствах завершался отел коров. Завершали и обмолот хлеба. Причем во многих селениях Енисейской губернии устраивали праздник окончания молотьбы — «имянины овина». Оставив снопов 100 необмолоченными, крестьянин приглашал гостей и, совместно закончив работу, устраивал праздничную «гулянку» с обильным угощением и катанием на конях с колокольчиками. Женщины по потемневшему насту белили холсты.

В приангарских селениях была распространена в это время охота на лося «по насту». Твердая корка весеннего снега выдерживала человека и собаку, а сохатый проваливался, раня ноги. Преследование продолжалось по 50 – 70 верст, пока охотник на лыжах

и собака не загоняли лося. Способ, конечно, был хищническим, вследствие чего к концу XIX в. дичи и зверя в тайге стало заметно меньше.

Едва сходил снег, во многих местах начинали заготавливать дрова на следующую зиму. Крестьянин с сыновьями уезжали на несколько дней на лесную делянку и жили в шалаше, топором, вручную, заготавливая при этом десятка три кубических аршина дров. «Зимнее тепло» доставалось большим напряжением сил и здоровья.

Под яровые посевы землю пахали в конце апреля, а сев обычно начинали с 1 мая по старому стилю (с 13 мая в XIX в., по новому стилю) — в день Еремея Запрягальника. День выезда на пашню определялся по десяткам примет. «Сев хлеба — не простое дело, а об нем вся молитва Богу», — говорили сибиряки. Накануне мужчины обязательно мылись в бане, надевали чистую одежду. Утром вся семья собиралась за столом. Ставили хлеб с солью, зажигали перед иконой восковую свечу и молились. Затем старший в семье, «большак», благословлял всех отправляющихся на сев. Поцеловавшись, отправлялись на пашню. Землю в Сибири было принято готовить тщательно: пахали поле дважды и даже трижды. Она была 1 – 2 раза вспахана осенью. Сейчас первым делом проводили ритуальную борозду — зачин. Сеяли рожь и пшеницу, затем овес и ячмень. Считалось обязательным выжигание старой травы и стерни перед пахотой — это называлось «пускать палы». Часто выжигали и покосы.

Еще в XVIII в. с «палами» пытались бороться. Вот строки из документа: «Понеже ныне около боров и прочих лесов по степям снега уже сошли, и по обыкновенном здешнего народа вертопрашестве от запаления пашен и покосов подлежит немалая опасность... Следить, чтобы покосов сенных и пашен без необходимой надобности не опаливать».

На одной лошади можно было вспахать до полдесятны мягкой пашни. Для вспашки 12 – 16 дес. пашни требовалось не менее 5 – 6 лошадей при трех-четырех работниках. Сеяли вручную, как под плуг, так и под борону. На одну десятину разбрасывали по 12 – 15 пудов зерна. На заделку семян уходило от 1 до 2 дней на одну десятину. На бороньбе в день на одной лошади обрабатывали до 1 десятины пашни. За день можно было засеять на одной лошади

3 осьмины овса, 2,5 осьмины ячменя или 2 осьмины пшеницы (2 осьмины — полдесятины пашни).

После сева обязательно мылись в бане. «Мужик отпаривается, а конь отстаивается», — говорили сибиряки.

Женщины примерно в то же время высевали семена овощей в рассадники, которые загодя сложили мужчины. Рассадниками в Сибири называли парники — сложенные из навоза грядки с высокими бортами, закрывавшиеся на ночь тряпками или старыми шубами. Все работы в огороде выполнялись женщинами. Сибиряки считали, что все посаженное руками мужчины на огороде не уродится.

Картофель в Енисейской губернии сажали на пашне под «сабань», руками, на свежей отдохнувшей пашне. В среднем хозяин сажал до 3-х загонов на пашне. Один загон — участок 5 на 40 сажен. На загон уходило по 5 – 6 ведер картофеля. Посадочный материал брали крупный и делили его, разрезая на 2 – 5 частей с ростками. Урожай «сам – 10–12» считался плохим, средним — урожай «сам – 20», а хорошим «сам – 40–45».

В конце апреля — начале мая на Ангаре и Енисее наступал период охоты на водоплавающую дичь. На этот «несерьезный» промысел выходила молодежь. Цены 1900 – 1901 гг. на дичь в Енисейской губернии были следующие: гусь — 30 копеек, глухарь — 25–30 копеек, тетерев — 12–15 копеек, рябчик — 5–6 копеек.

Вскоре после ледохода продолжался недолгий период рыбной ловли неводами или «мордами». Одновременно важнейшим весенним занятием сибиряков был сбор черемши — первого средства от цинги. Собирали ее главным образом в праздничный день, когда было грех выполнять иную работу, набирали мешками: ее квасили, солили, употребляли свежей. В это же время в лесу собирали лиственничную серу.

Еще не сошел снег, а на первую траву выгоняли скот. Пастуха обычно нанимали сообща, «краем» или улицей. Вокруг селения весной подновляли поскотину. А в конце мая начинался период, весьма неприятный для скотины, — массовый лет гнуса. Каких только ухищрений не придумали сибиряки в разных районах своих для предохранения скота от мошки, овода и слепня! Себя сибиряки от гнуса спасали, как писали современники, так: «Из конского волоса ткут личины... от мошки, комара, шьют комарники» — рубахи

без нагрудного разреза, «мажутся» дегтем. Именно весна являлась временем смолокурения, выгонки дегтя из бересты в специальных ямах. Бересты немало заготавливали и для изготовления туесов, на коробицы, на крыши строений.

Быстро и незаметно в трудах и заботах весна плавно переходила в лето. Только, казалось, самое трудное позади — сев, как тут же нужно запрягать лошадей и выезжать на перепашку прошлогодней «жнивы». И, главное, поднимать «залоги» и «залежи». В условиях залежно-паровой системы земледелия пашня давала неплохой урожай в течение 4 – 7 лет. При простом севообороте чередовали: *пар — яровая пшеница — рожь — пар — овес* и т.д., при сложном — *пар — рожь — пар — рожь — яровая пшеница — пар*. Далее пашня не обрабатывалась в течение 18 – 20 лет. Признаками «отдохнувшей» пашни были деревца толщиной с «человеческую руку», цветение лютиков и др. Затем следовал «первый подъем» — залог: верхний слой перепаханной земли в первый год сгнивал. На второй год пашня могла «родить», но считалось, что земля еще «кислая» и посевы больше дадут солому, чем зерно. На третий год сеяли пшеницу, овес, на четвертый — рожь и т.д. Постоянная смена пашенных земель не требовала удобрения навозом, и вплоть до начала XX в. агротехнические приемы мало изменились.

28.2. ЛЕТО

Лето в Сибири непродолжительное, но это самое напряженное время во всем цикле работ земледельца. Пашня зеленеет не только всходами, но и сорной травой. Женщины выходили на прополку хлебов. Для прополки одной десятины посевов двум женщинам нужно было 4 дня работы. Мужчины продолжали готовить землю под будущие посевы.

Своих забот сибиряку предостаточно, а тут еще в это время губернские и уездные власти ежегодно организовывали «выгонки на мосты и дороги, на тракты», на ремонтные работы в порядке отработки повинностей.

Подходила пора сенокоса, и сибиряки в «охотку» выезжали на покосы. Накануне во всех селениях стоял стук-перестук молоточков: отбивались косы. Одновременно крестьяне на сходах окончательно определялись с сенокосными угодьями. В разных районах

сибирского края по-разному устанавливалась система сенокошения. Во многих и многих селениях покосы были семейные, переходящие по наследству. Совместно расчищались не только пашни, но и покосы, а чаще через несколько лет начинали выкашивать использованные пашни. Это же могло быть с земочными землями и землями землями. Подобные покосы чаще всего были разбросаны клочками по лесу, иногда в 5 – 6 местах.

В других общинах было принято ежегодно переделять покосные земли долями с учетом нескольких показателей для крестьянских хозяйств. Одновременно община выделяла часть покосной земли для занятия их на сезон желающими: так, в Западной Сибири в определенный день «на равных основаниях» устраивался состязательный «бег на гриву». И в первом, и во втором случаях исконно существовало и существует доныне правило «первого закоса». Если на занятой поляне или выделенном покосе хозяин делал лишь небольшой прокос, то в случае занятия покоса другим человеком и выкашивания его сметанные стога забирал истинный хозяин.

На покос домохозяин с сыновьями уезжал обычно на неделю-две: жили здесь в «балагане» — шалаше, косили, «пока роса» — в утреннее время и от полдника до ночи. В жаркие дневные часы или отдыхали, или, между делом, «сочили» березник, готовили на зиму веники для бани и пр. По мере подсыхания валков сена к общему труду подключались женщины и подростки: переворачивали валки, сушили сено, сгребали и ставили в копны. Впрочем, в различных районах Сибири заготавливали сено по-разному, в зависимости от климатических и ландшафтных условий. Крестьянская мудрость тонко учитывала степень трудовых усилий, возможность вывоза сена на подворье, климат.

В северных селениях сено сушили на «вешалах» и сразу вывозили по поветям, а в центральных и южных — ставили «зароды» («зарот», «зарод») в десятки копен или стога в 12 – 15 копен со стожарами — березовыми жердями по центру стога. Метка сена всегда была артельным делом. Трудились весело, с азартом, одеваясь, как писали, «по-праздничному». Такой совместный труд был особенно приятен сельской молодежи. Было бы только «вёдро» (жаркий солнечный день). В период сенокоса часто устраивали помочи, нанимали поденных работников.

Косили сена помногу; так, А.А. Макаренко писал, что на Ангаре ставили от 100 до 800 копен сена, накашивали от 400 до 3200 пудов. Но, несмотря на это, крестьяне жаловались, что «сена едва хватает на зимнее прокормление скота».

Начиная с июля (по старому стилю) сибиряки также продолжали делать «рошисти» (рочисти), «двоили» и «троили» пары (т.е. перепахивали на второй и третий раз пашню), пасынковали табак. Летняя пора приносila с собой столько забот, что рабочий день продолжался по 16 – 18 часов в сутки, и это в невыносимой жаре, задыхаясь под головной сеткой, защищающей лицо от укусов мошки, комара, в условиях значительной отдаленности пашен и покосов от дома.

Почти одновременно или сразу вслед за сенокосом начиналась жатва озимых хлебов. Сначала жали ячмень, затем овес, но главной культурой была рожь. Впрочем, уже в XIX в. сибирские крестьяне стали отказываться от преимущественного посева озимых хлебов и переходить на яровые, которые реже давали неурожай из-за климатических условий.

Убирали хлеб серпом или косою. Женщины жали серпом в день по 50 – 70 снопов хлебов средней урожайности. Одну десятину ржи можно было сжать вдвоем за 8 дней. Косой мужчина мог выкосить 1 десятину за 2 дня. Сжатый хлеб вязали в снопы, затем девять снопов ставили колосьями вверх, вплотную друг к другу, а десятый сноп надевался сверху колосьями вниз. Этот «шалаш» назывался суслоном. Из каждого суслона в среднем намолачивали до пуда и более зерна. Рожь дозревала в суслонах, а затем снопы складывали в стога-клади здесь же на поле. Конечно, даже в мыслях крестьяне не могли себе представить, чтобы хлеб мог быть кем-либо похищен. В ряде районов Сибири сжатую рожь вывозили сразу и складывали в клади на гумне. За один день двое работников-крестьян могли на двух лошадях за 3 – 4 версты вывезти и сложить до 300 снопов ржи.

Рабочий день в летнюю пору начинался в 3 – 4 часа утра: отец, глава семьи 70 – 80 лет, будил свою «артель». Женщины начинали варить завтрак, доить коров. Тут же готовились к выезду на работу: наливали квас в лагуны, кислое молоко в туески, в турсуки и битки накладывали шаньги, пироги. В холщовые мешки складывали иную снедь. Молодежь ловила лошадей (по-сибирски — «кимала»), их за-

прягали, укладывали в телеги серпы, косы, вилы, грабли, обеденные припасы. Сам старик на пашню или покос обычно уже не ехал, но придирчиво проверял, как запрягли телеги, все ли взяли, давал последние наставления и т. п. Вдвойне хлопот и работы в доме было при организации помочи: чем обильнее и лучше «угощали» помочан, тем уважительнее отзывались о хозяине, тем лучше она удавалась.

Для посева ржи на следующий год уже была приготовлена озимая пашня. Время торопило, посеять нужно было в 3 – 4 дня. Считалось, что лучшее время для сева озимых хлебов — краткий период «лета крылатых муравьев» (муравьев).

Не менее значимым для сибирячек было теребление и выстилка льна и конопли на поле. До поздней осени «посконь» мокла под утренними росами и слегка подсыхала днем под нежаркими лучами осеннего солнца. Но нужно отметить, что во всей Сибири преимущественно ростили коноплю.

В летнюю и раннюю осеннюю пору собирали грибы («губы»). Грибами считались грузди, белые, рыжики, маслята, лисички. В отдельных местах под грибами подразумевались только грузди, более ничего на зиму не заготавливали. Повсеместно собирали традиционные для данной местности ягоды. Кроме этих работ, за лето нужно было вырастить молодняк скота, всей домашней «живности», сделать ремонт дома и построек, ремонт печи, подготовить к зиме погреб, просушить одежду, сундуки, наготовить топленого масла и многое другое.

В качестве специфических летних забот приведем серьезную проблему приангарских и енисейских деревень. В каждом хозяйстве было до десятка и более охотничьих собак. В летнюю пору повсеместно случались происшествия, когда собаки загрызали десятки овец. Поэтому в 20-х числах апреля ежегодно сходы принимали строгое решение о привязи собак на все лето. Но часто собаки срывались с цепи и тогда...

Из приговоров по Пинчугской волости за 1891 г.: «... 23 овцы заедены собаками. Всякую вольную собаку стрелять. А с виновных взыскать по 1 рублю за овцу». Или: «Взыскать 33 рубля с ответчиков за 33 овцы, потравленных собаками несмотря на приговор о собаках в летнее время».

Жатва пшеницы и ржи яровой и озимой затягивалась, бывало, до самого праздника Покрова (14 октября по новому стилю). Забот и работ летом было невпроворот, но все делалось быстро, аккуратно, основательно. Таков был сибирский крестьянин.

28.3. ОСЕНЬ

По старому стилю осень начиналась несколько позднее (13 сентября в XIX в.). Во многих более северных районах в конце лета — начале осени шел интенсивный сбор черники и брусники. На общественные брусничники выезжали согласно общей договоренности, так же, как и на клюквенные болота. Несомненно, сибиряк не мог представить зиму и без кедрового ореха. Кедровники защищались традициями и общинным правом — в них запрещалась рубка деревьев, запрещалась заготовка ореха посторонними. День выезда в кедровники определялся заранее, оговаривалось количество сборщиков от семьи, количество заготавливаемого ореха.

Продолжалась жатва хлебов. Одновременно копали картофель, убирали овощи. Еще до окончания жатвы во многих местах, в частности в Приангарье, наступал сезон рыбной ловли. На реке старики и молодежь устраивали переметы и самоловы. Жили здесь же, в шалаших. «Лучили» темными ночами острогой рыбу. Массовый лов шел в «ямах» на Ангаре, примерно в десяти местах. Здесь собирались рыбаки из разных деревень, иногда по 700 лодок в одну «яму».

В промысловых районах со дня Покрова начиналась пора охоты. Селения пустели после праздника, почти все мужчины уходили в лес. У крестьян были в лесу свои «ухожья» (угодья), все — за 40 — 150 верст от селения. Переходили «ухожья» в семьях из поколения в поколение. Охотиться на чужом участке не позволялось. Припасы для охоты брали в лавках в кредит. Порох, дробь и иные припасы, продукты везли в лес на лошадях. Груз достигал веса в 5 — 7 пудов. На промысел провожали торжественно: пили чай, затем, помолчав, вставали, молились с поклонами, старшие в семье благословляли охотника. С поцелуями и плачем провожали за деревню, ведь охотник мог и не вернуться живым с промысла...

На охотничьем участке («ухожье») стояла избушка с нарами и «каменкой» (печью), топившейся по-черному. В избушке жили по

2 – 5 человек. Варили чай, готовили ужин по очереди. Питались вместе, «артельно». Одевались в теплую, удобную, приспособленную для охоты одежду. Например, к шапке сзади пришивали холщовую тряпку — лузан, чтобы снег не попадал за воротник.

В конце XIX – начале XX вв. порох стоил примерно 60 – 70 копеек за фунт, свинец — 15 копеек за фунт, пистоны — 15 копеек за сотню, винтовка стоила около 6 – 9 рублей, дробовое ружье — от 5 до 9 рублей.

Сибиряки добывали различную дичь: соболей, белок, медведей, хорьков, горностаев, росомах, волков, лисиц, лосей, оленей, маралов. Кроме ружейной охоты, использовались ловушки, петли, ловчие ямы и пр.

Возвращались охотники в ноябре, уставшие и «закопченные», но с добычей. Пушнину сдавали как в лавку, так и приезжему скупщику, часто себе в убыток. По нескольку дней в честь возвращения с охоты в деревнях Приангарья продолжались «гулянки».

С началом первых серьезных заморозков рубили капусту совместно всей семьей или устраивая помочи — «капустники»; женщины совместно чистили ее, шинковали, солили. Заканчивали вспашку зяби. Поднимали на просушку и вывозили коноплю и лен. Далее лен сушили, трепали, мяли и чесали, затем из «поскони» пряли пряжу на «вечерках» и «беседах» («моты мотали — дни кротали»).

Если подсчитать общие затраты труда на сельскохозяйственные работы, то в среднем они были следующими для членов семьи:

мужской труд — 48 ½ дней на одного мужчину;

женский труд — 13 ½ дней на одну женщину;

детский труд — 9 ½ дней на одного подростка.

Необходимо отметить, что в начале XX в. все большее распространение начинает приобретать удобрение пашни навозом. Связано это с «утеснением» земельного владения и резким ограничением в «перелоге» пашни. Поэтому крестьяне вынуждены были переходить на трехполье с удобрением пара. Несмотря на унавоживание земли урожай стали стремительно падать. Для получения навоза на одну десятину требовалось, чтобы в хозяйстве было две лошади, три коровы, три овцы. На десятину пашни необходимо было вывезти не менее 120 – 200 телег-двуколок. За день на поле, расположен-

ное за 3 – 4 версты, делали в среднем по восемь ездок. Отсюда, для удобрения одной десятины требовалось до 20 человекодней.

Заканчивалась осень, и после дня Покрова начинался период осенне-зимних праздников, спадало трудовое напряжение. Поэтому сибиряк с особым удовольствием ждал приближения зимы...

28.4. ЗИМА

Зима начиналась с выпадения первого постоянного снега. Обычно после дня Покрова погода становилась неустойчивой. «Покров землю кроет», — говорили сибиряки. Это и начало зимы, и начало расчета пастухов, сезонных работников, начало молодежных «вечерок» и, конечно, череды свадеб как в селах, так и в городах.

Сибирские реки быстро покрывались сплошным месивом мелкого льда и снега — «шугой» (в ряде мест, по-сибирски, — «салом»). С замерзанием льда и поверхности земли начиналась пора молотьбы. В Сибири хлеб молотили даже в лютые морозы, часто на выровненном льду. Обмолоченный хлеб сдавали в счет податей, засыпали в общественный «магазин», заполняли сусеки своих амбаров, везли на продажу в город или продавали скупщикам для вывоза на прииски.

С первыми морозами и снегом крестьяне начинали повсеместно вывозить с заимок и займищ снопы из хлебных кладей, высохшие за лето в лесных делянах дрова, сено из зародов. В среднем за один раз на санях вывозилось по три копны (три копны — один «воз»).

В конце октября, с устойчивыми морозами, начинали резать скот. Многочисленные данные свидетельствуют о высоких требованиях к человеку, к его умениям и навыкам, но никогда в Сибири не осуждали за неумение «резать скотину»; в каждом селении были свои «профессионалы» этого дела, которые по приглашению помогали хозяину.

В это же время «общества» начинали отряжать крестьян с лошадьми на «гоньбу» — отработку ямщицкой повинности на тракт. Крестьянин основательно собирался на 3 – 4 недели: брал с собой собачью «доху», медвежью или волчью «полость» в кошеву, смену теплой одежды, маленькую дорожную икону святого Николая, теп-

лую попону-накидку для лошади и мешок овса, и, конечно, мешок замороженных пельменей.

Долгими зимними днями и вечерами крестьянин столярничал, занимался посильным ремеслом, ремонтировал орудия труда и инвентарь, выполнял текущие работы на подворье. После напряженного летнего труда продолжительный отдых был необходим как человеку, так и лошадям.

Зима — время праздников, «гулеваний» и «гулянок», молодежных «вечерок» и «посидёнок» взрослых людей, учебы крестьянских детей в школе. В это время повсеместно устраивались съезды праздники, ярмарки («ярманки»), по деревням ездили мелкие торговцы, устраивая меновую торговлю. Крестьяне запасались всем необходимым, от гвоздей до модной праздничной одежды и обуви.

Идет зима, крестьянин работает на подворье, готовится к новому циклу сельскохозяйственных работ, веселится на свадьбах и праздничных застольях. Жизнь продолжается...

Весенняя рубка дров. Дроворуб — та же страда. Не нарубишь до пахоты — так зиму-то сырником и будешь топить. Те, что постарше да посильнее, отправлялись рубить дрова подальше от слободы, на начеву, т.е. ночи на три — на четыре, а то и на неделю. Ребята порубят дровишек где-нибудь недалеко: «Всё же хоть на осень истопить пригодятся». Дрова рубить весело. В лесу даром что ни зеленой травы, ни цветков нет, а полакомиться можно: берёзовка [березовый сок] побежала. Возьмешь туясок, подставишь под березку — в день-то, глядишь, полон туяс накаплет. Из маленьких березок березовка несладкая, да и мало; надо березовку цедить из больших берез. Мама нам много березовки пить не давала: говорит — «нездорово».

На посеве льна. Посев льна — самый для нас интересный. Кормить семью — дело мужичье, а одевать мужиков — дело бабье. Поэтому при посеве льна вошло в обычай задабривать мужиков тем, что в льняные семена кладут вареных яиц. Поэтому мы и любим сеять лен. Отец высыпает в лукошко семена, а с семенами яйца за яйцом вылетают: «Робята, берите». Прямо взять да и съесть яич-

ко нельзя, нужно его сначала подбросить кверху да сказать: «Вырасти лен выше лесу стоячего».

Говорят еще, чтобы лен хорошо родился, нужно сеять его на гишиом, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить-то все говорят, а разденься, так на смех поднимут»*.

* * *

А.П. Щапов: «... В самый разгар жнитва я не только во всех речах, но и во всех неустанно-деятельных хлопотах и в самих лицах крестьян замечал полнейшую, вседушевнейшую озабоченность полевыми работами».

* * *

Г.Н. Потанин (Алтай, 1850-е гг.): «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облекался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям: он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчас было отличить по красоте конических суслонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего суслону крышей; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, суслон выйдет большеголовый, если слишком близко — наоборот. Петр Петрович удачно избегал обоих недостатков. И шейки всех суслонов приходились у него на одной высоте».

* * *

Девятов Ф.Ф. (1870 – 80-е гг.) «Средняя крестьянская семья в Минусинском округе «обыкновенно состоит из домохозяина-работника, его [жены], отца-старика и старухи-матери, сына-подростка от 12 до 16 лет, двух дочерей малолетних и, наконец, маленького ребенка. Семья эта круглый год занята работой. Такая семья, имея 8 рабочих коней, 2 сохи, 5 – 6 борон, может засевать 12 десятин. На покос она выпускает 4 косы, на жнитво 5 серпов. При таком хозяй-»

* Зобнин Ф.К. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа) // Живая старина. — 1894. Вып. 1. — С. 40 – 54.

стве представляется возможным содержать до 20 голов рогатого скота, коней, кобыл и молодняжнины-подростков, всего 15 голов; овец до 20 – 30 голов и свиней 5. Гуси, утки, куры — это неотъемлемая принадлежность такого хозяйства.

Засевается 6 десятин рожью и ярицей, 3 десятины овсом, 2 десятины пшеницею; а ячменем, гречею, просом, горохом, коноплею, всем вместе — 1 десятина. Картофель и репа сеются в особых местах. В годы среднего урожая весь сбор с 3 десятин ржи, с 2 десятин овса, с 1 десятины пшеницы идет на домашнее потребление. В продажу идет хлеб с 3 десятин ржи, с 1 десятины овса и с 1 десятины пшеницы. Все другие произведения хозяйства, как-то: скотское и баранье мясо, свинина, птица, молоко, масло, шерсть, перья и прочее — всё это идет на собственное потребление в форме пищи или одежды... В лавках крестьяне забирают разные товары по счету и платят продуктами хозяйства, хлебом, скотом. Телеги, сани, дуги, сохи, бороны и все нужные орудия сельского хозяйства крестьяне делают сами. Стол, кровать, простой диван и стулья делаются многими у себя дома — своими руками.

...Этим выражается почти весь годовой кругооборот трудовой крестьянской жизни. Источником ее является рабочая сила. Прибывает в семье рабочая сила, прибывает и увеличивается разработка земли; увеличивается посев хлеба, скотоводство^{*}.

* * *

Зобнин Ф.К. (Западная Сибирь): «Рано утром после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвой. С этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бывают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затепливают свечки. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а потом уж вставать и молиться. После молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения. Прежде чем выехать за ворота, часто посыпают посмотреть, нет ли где бабы на улице. Дурною приметою считается, когда при таком важном

* Девятов Ф.Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. Приложение к газете «Восточное обозрение». — СПб., 1885. — С. 310 – 315.

выезде баба пересечет дорогу. После такой беды хоть назад воротиться...».

* * *

Кривошапкин М.Ф. (Енисейская губерния): «Пришло время сеять. Задумали завтра отправиться в поле. Начинаются приготовления. Прежде всего идут непременно в баню и надевают чистое белье; да мало того, что чистое, — более нравственные мужчины надевают белье даже совершенно новое, с иголочки, потому что «сев хлеба — не простое дело, а об нем вся и молитва Богу!». С утра приглашается священник и служится молебствие. Потом расстилают на столе белую скатерть и кладут ковригу с солонкою, что припрятаны с Пасхи; затепливают перед образом свечи, молятся Богу; прощаются с домашними; а если отец не сам едет, то благословляет детей, поклонившихся ему в ноги.

По приезду в поле закладывают лошадей; а старший хозяин насыпает зерно в торбу (т.е. плетушку из бересты или каких-нибудь прутиков) и оставляет ее у крыльца зимовья. Потом, как обыкновенно, все приседают рядом; встают; молятся на все четыре стороны; старший отправляется разбрасывать жито, а другие вспахивают. Сделав этот, по их выражению, начин (начало), возвращаются все домой, где приготовлен уже обед и собраны все родные. Остается, если близко, послать за священником, который должен благословить и хлеб, и вино и выпить с хозяином по первой рюмке. Обед кончен. Младшие члены семьи или работники отправляются пахать как следует; а старейший провожает гостей, насыпает в мешки зерно и выезжает сеять»*.

* * *

Старинный способ уборки сена в сибирских условиях

Скошенную траву в условиях постоянного ненастия или непостоянства погоды можно эффективно высушить следующим способом. Всю скошенную за день траву вечером складывают в небольшие «копицы». За ночь они согреваются, сено в них распаривается. Днем сено необходимо разбросать для просушки. Даже если день

* Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. — СПб., 1865. Т. 1. — С. 38.

выдался пасмурным, то при небольшом ветерке влага выпаривается. К ночи подсущенное сено опять складывают в «копички», но уже побольше, в которых сено может выстаиваться два-три дня без подревания. Затем достаточно еще раз взрыхлить на ветру или в промежуток солнечной погоды. Напоследок высушенное таким способом сено складывается в стога со «стожаром» — толстым вертикальным шестом.

Считалось, что при данном способе сушки парообразная вода быстро испаряется всего за несколько часов. Стебли сена в «волглом» состоянии размягчались, и после суточного согревания в «копице» вода быстро улетучивалась, а сами стебли сохранялись мягкими. За два-три дня высушенное сено оставалось совершенно зеленым по цвету, не крошилось и не прело до зимы, полностью поедалось скотом.

По воспоминаниям старожилов и сохранившимся описаниям в журналах «Русское сельское хозяйство», «Общеполезный календарь» за 1895 г.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Весна, лето: земледельческие и хозяйственные работы.
2. Осень и зима: земледельческие и хозяйственные работы.
3. Практикум. «Экономическое бытие сибирской деревни».
4. Круглый год. «Особенности жизни и труда в нашем районе» (северные, центральные или южные районы края).

II. Вопросы

1. Перечислить весенние работы в сибирском селе в прошлом.
2. Перечислить летние работы, осенние работы, зимние работы.
3. В чем вы видите большую, чем в Европейской России, взаимосвязь природных факторов и занятий крестьян?
4. В чем вы видите гармонию труда и досуга, трудовых будней и праздников в старой деревне? Что изменилось в этом плане и что сохраняется сейчас?

5. Что изменилось и что сохранилось неизменным в технологиях земледельческих и хозяйственных работ, занятиях людей в вашей местности?
6. Какие временные циклы вы выделите в жизни старой деревни? Как они взаимосвязаны?
7. Какие виды разделения труда по возрастным, половым, профессиональным особенностям можно выделить в жизни деревни в прошлом? Что сохранилось, а что изменилось сейчас?

III. Исследования

1. Составьте календарь работ в вашей местности в течение года.
2. Запишите местные народные приметы явлений природы.
3. Какие промыслы были развиты в вашей местности в прошлом?

IV. Творческие работы

1. Сочинение «День на покосе» (или описать участие в других работах).
2. Конкурс (о сельском труде).

V. Дискуссия

Может ли сельский труд доставлять радость и удовлетворение? В чем состоит поэзия сельской жизни и сельского труда? (Использовать стихи поэтов: И. Никитина, А. Кольцова, Н. Рубцова, С. Есенина и др.).

VI. Музей

Экспозиция «Круглый год: цикл земледельческих и хозяйственных работ».

§ 29. ЖЕНСКИЙ ТРУД И ЖЕНСКАЯ СУДЬБА

Совместный общеполезный труд членов старожильческой семьи был основой благополучия крестьянского хозяйства. Глава семьи — мужчина — прежде всего обеспечивал экономическое благополучие и «крепость» подворья, полные закрома хлеба в амбаре, корма и уход за домашней живностью. Мужской труд считался издревле основным и наиболее трудоемким. Но для благополучия семьи нужно было постоянно готовить пищу, стирать одежду, ткать холсты и шить, прядь и вязать «носильные» вещи, домовничать и

доить коров, ухаживать за посадками в огороде и обихаживать ребятишек, выполнять десятки иных дел. Поэтому женский труд, во-первых, органично сопоставим с мужским, и во-вторых, необходим для жизни и продолжения рода. В старой деревне только вдовий мужчина мог выйти с подойником к корове, а женщина брала топор и рубила «стаюшку» только от безысходности положения. Разделение труда с сохранением гармонии его — это, прежде всего, нравственная сторона крестьянского хозяйства.

Судьба сибирячки, ее жизненный путь определялись, главным образом, природоопределенной функцией работницы. Не зря традиционно считалось: жениться — значит взять в дом новую пару рабочих рук. Высокая самоценность работницы и вклад в «достаточность» хозяйства наделяли женщину высоким экономическим статусом. Поэтому статус женщины-работницы тесно переплетался со статусом женщины как личности. Подчеркнем, что нигде, как отмечали, женщина не пользовалась таким высоким положением в «миру», как сибирячка в сообществе «своих» общинников-старожилов. Хотя в целом, от природы, женщина занимала ведомое за мужчиной место, ее положение компенсировалось социальными правами: правом выбора, традициями обычного права, определенной свободой. Сибирячки обладали правом собственности: женщины имели право содержать на подворье личный мелкий скот или птицу для последующей продажи, сами расходовали деньги, заработанные на поденных работах.

Женский труд и трудовые взаимоотношения были основаны на системе иерархии. В «женской половине» дома главой была жена главы дома: старшая женщина, бабушка, мать. Однако по мере обзаведения сыновей своими семьями функции главы женской половины — «большухи» — переходили к жене старшего сына. В случае продолжительной отлучки хозяина дома «большуха» имела полную дееспособность на продаваемый скот, на распределение доходов. Она могла даже участвовать в сходах.

Все без исключения женщины в доме имели неприкосновенное личное имущество, деньги на мелкие повседневные расходы (на покупку украшения, нарядов и пр.). В большинстве сибирских селений было принято делить труд на отдельные составляющие и чередовать тяжелый и легкий труд. Одна из невесток варила и стряпала, другая варила мыло и изготавливала сальные свечи или выде-

ливала спички-«серянки», третья могла в это время пекать хлебы, четвертая ухаживала за скотом и т.д.

В неразделенных семьях из 8 – 16 человек практическое и сподручнее было варить пищу в одной из изб на общем подворье в больших котлах, питаться вместе или разносить пищу по домам. Занятия менялись по договоренности, чаще всего через неделю. Так, в с. Тасеево, по описаниям середины XIX в., чередование легкого и тяжелого труда было следующим: выпечка хлеба — уход за скотом — «домовничание» — варка пищи — доение коров и т.д. Заметим, что «домовничание», т.е. мелкие повседневные заботы по поддержанию чистоты и порядка в доме, считалось отдыхом от других работ. Свекровь-бабушка при этом обычно ухаживала за детьми. Если она уже была в годах, то этим занималась одна из невесток.

Обычным явлением в Приенисейском крае было «примачество», когда за неимением сыновей в дом принимали зятьев — мужей дочерей. При разделе хозяйства в Енисейской губернии было принято, что не только сыновья, но и вдовы и даже бездетные вдовы имели право на определенный пай, зависевший от того, сколько лет женщина прожила в семье мужа.

Суровые условия сибирской жизни предусматривали и совместные работы, когда не было деления труда на мужской и женский. Это, прежде всего, относилось к полевым работам, покосу. Женщина-сибирячка не хуже мужчины могла косить косой и работать вилами или управляться с лошадью. Но истинно женскими и традиционными занятиями были выращивание и обработка льна или конопли («поскони»). Эти технические культуры требовали не менее 15 отдельных операций и работ, прежде чем будет выткано полотно. Причем большинство их были не только трудоемкими, но и выполнялись в летнюю жару или, наоборот, в период осенних заморозков.

С наступлением зимы женщины трудились не меньше, чем летом. С осени начиналась пора заготовки овощей впрок. Долгими осенне-зимними вечерами на «вечерках» или «посиденках» девушки и женщины пряли пряжу. С началом Великого поста наступало «ткацкое» время. Ручное тканье было сопряжено с художественным мастерством. Тонкая пряжа шла на холсты для белья, рубашек, полотенец. Из более грубой пряжи ткали рядна на рукавицы, портян-

ки, мешки. Ткали не просто полотно, но каждая женщина демонстрировала свое мастерство: при необходимости любая из них могла выткать «узорницу», «строчи» или «продольницу», т.е. ткани со сложным узором.

Каждая женщина не только должна была «обрядить» себя, мужа и членов семьи, но и наткать определенное количество холста на общие нужды. Холст шел на мешки для зерна и муки, для оплаты труда кузнеца или мельника, для покупки посуды у гончара, купли-обмена в деревенской лавке. Самым несерьезным видом ткачества считалось тканье половиков и «дорожек» для горницы. Необходимо отметить, что сибирячки любили ткать цветное полотно. Для этого предварительно окрашивали пряжу природными красителями. Ткали в «клеточку», в «полосочку», в «узор». Особого творчества требовало тканье цветных украшений для мужских и женских рубах, поясов и кушаков. На свадьбу девушка готовила для жениха узорчатый пояс с выткаными словами-пожеланиями и именем «суженого».

Сибирячки отличались и умениями вышивать полотенца, рубахи, платки, кисеты, накидки, холщовые штаны-«чембары» и др. С малых лет девочку обучали умению шить, вязать, ткать и вышивать. Многие сибирские мастерицы умели крючком вязать кружева для украшения скатерей, полотенец, накидок. Из овечьей, собачьей и коровьей шерсти вязались на спицах рукавицы, носки, чулки, шали, платки. Многие вещи в Сибири вязали из конского волоса.

С самого раннего возраста девочке внушалось, что женская судьба неразрывно связана с естественными для любой женщины умениями и работами. Все эти работы воспринимались не как бесыходность и «каторга», а как естественное течение жизни.

Особенно примечательно то, что девочку в семье учили всем премудростям женского труда: ткать, прядь, доить корову, шить, выполнять иную работу «по-хозяйству», но мать никогда не учила приготовлению пищи, выпечке хлеба, не допускала ее до замужества для работы «в кути». Специфика выпечки хлебов, приготовления пищи, варки различных блюд, выпечка пирогов считались основными традициями данного дома. Поэтому будущая невеста не должна была «традициёв своего дома нести в дом мужа». После свадьбы «молодуху» в первый год ее жизни в доме мужа не «обряжали» на общие работы. Свекровь ставила ее рядом с собой в «ку-

ти» и учила всем премудростям — традициям дома. Спустя 20 лет бывшая «молодуха», теперь уже свекровь, сама была хранительницей традиций своего дома и учила всему жену своего сына...

В преддверии старости, готовясь к «смертному часу», сибирячки сами выполняли последнюю, наиважнейшую работу — ткали и шили себе «смертное», одежду в последний путь.

Таким образом, весь круг работ женщины, цикличность, постоянное чередование легких и тяжелых, зимних и летних работ, труда и отдыха являлись основой ее нелегкой, но по-своему счастливой судьбы.

* * *

*Ответы на программу сбора сведений..., составленные
Казачинским волостным правлением
Енисейской губернии (1897 г.)*

[...] 7. При заключении браков имеются соображения, иногда недостаток работниц, дородство невесты, здоровье, способность к работе... в женихедается преимущество трудолюбие, имущественный достаток, трезвость и состав семьи...

21. Приданного в Сибири за невестой никакого не бывает, кроме употребляемого платья, а иногда... отец невесты награждает лошадью или коровой. Скотом и платьем заведывает жена... иногда скот продается... с общего согласия жены и мужа...

23. По имуществу супругов, в Сибири вообще нераздельному и общему... доходом с хозяйственных произведений пользуется жена... вырученные деньги употребляет на покупку носимого платья...; ведется обычай, что мужчины для жен и сестер запахивают пары по $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ десятины, засевая хлебом, отдают их в полную собственность...

24. Обязанности между мужем и женой по народной пословице: «Муж за гуж, жена за другой», жену муж обязан содержать... Богатства в крестьянском быту между мужем и женой бывают одинаковы, работы для жены следующие: напоить и подоить коров, приготовить пищу и белье, в страдное время жена с мужем косит траву и кладет в кладь хлеб, иногда производит умолот, производит

домашний обиход... в стряпне, мытье полов, прядении льна. На девушке... все обязанности, кроме стряпни...

§ 30. МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА...

Сибирская деревня славилась землепашцами. Именно их свободный, заинтересованный труд был основой благополучия и достатка, обустроенной жизни. Однако крестьянин одновременно выполнял в своем доме, на подворье, на земле и пашне десятки других дел. Построить избу, огородить усадьбу, смастерить стол, согнуть дугу, починить сбрую, подшить валенки, свить веревки, сплести из тальника «морду» мог практически каждый хозяйственный крестьянин. Этим умениям учились с детства, непринужденно перенимая их от отца и деда, от мастерового родственника или соседа: ведь жить в деревне и постоянно обращаться по пустякам за помощью к друзьям и соседям не только не было принято, но и вызывало насмешки и неуважение односельчан.

В той или иной мере все владели различными ремеслами, но в любой деревне, в любом селе были истинные мастера своего дела, соединившие ремесло с искусством, постигнувшие все тонкости и секреты. Данный талант шел от природы, от умения постичь душу дерева, металла, глины, от трудолюбия и увлеченности. Многие из этих людей, оставив за собой небольшую запашку, огород, немного скота, добывали «хлеб насущный» ремеслом.

30.1. КУЗНЕЦЫ

Были практически в каждой старожильческой деревне или селе. Во многих крупных селах встречалось 2 – 3 кузницы. Кузница располагалась чаще всего за деревней. Это было довольно просторное рубленое здание с черными от копоти стенами. В кузнице размещались сложенный из кирпича или камня горн, толстый чурбан с наковальней, чан с водой для закалки поковок, кожаные мехи для нагнетания воздуха, емкость для древесного угля, небольшой столик и топчан. Здесь же аккуратно развесивались-вкладывались инструменты: клемши, ручники, кувалда, зубилья, молотки разных размеров, кочерга, железная лопатка и др.

Главное для кузнеца — чтобы было, из чего ковать: в те далекие времена абсолютно невозможно было встретить валяющийся на дороге гвоздь или «железку» — все подбиралось и шло в дело. Кузнечное ремесло было окружено многими тайными секретами и чаще всего передавалось от отца к сыну. Впрочем, исследователи отмечали, что во многих селениях кузнецами были ссыльные поселенцы, переселенцы из-за Урала.

Получая за труд чаще всего натуральные продукты крестьянского хозяйства, кузнецы чинили оружие, наваривали сошники, делали к боронам зубья, ковали ножи, серпы, ухваты, светцы, дверные пробои, гвозди и многое другое. Хороший кузнец мог выковать топор, долото, деталь для ружья не хуже заводского.

Однако у кузнеца было и более существенное дело — он подковывал лошадей. Для этого около кузницы обязательно делали станок: четыре столба с боковыми перекладинами и засовами.

Кузнец также «надевал» на колеса телег железные шины, «насекал» серпы (нарезал насечку). Круглый год не прекращался стук-перестук молота в кузнице, но особенно горячая пора наступала весной: задолго до сева и сенокоса крестьянин приводил в порядок орудия труда и инвентарь. По данным Н.М. Ядринцева, в среднем крестьянская семья расходовала на оплату тех или иных кузнечных работ до 10 руб. в год в денежном выражении.

30.2. ПЕЧНИК

Был одним из самых нужных и уважаемых мастеров старой деревни, ибо без печи нет избы, без печи нет жизни в доме. Если переставала вдруг у кого из крестьян топиться печь, не видно было утром дыма из трубы, соседи тут же спешили к человеку — что случилось? Вдруг несчастье?

Если икона была духовным центром дома, «матица» связывала семью и под ней решались важнейшие вопросы и заключались сделки, то печь была источником тепла и жизни.

Первоначально печи «били», т.е. на деревянный опечек устанавливали короб по периметру (современное слово — «опалубка»), частично плотно набивали густой, хорошо промешанной глиной, а затем устанавливали деревянный разборный свод — «свинью», вокруг и поверх которого также утрамбовывали глину: для прочности

в нее добавляли при замеске соль. Затем выводили трубу — короб на чердаке. Вынимали по частям «свинью», затем, просушив печь, ее слегка начинали подтапливать слабым огнем, чтобы она не потрескалась. Печи получались монолитными, очень прочными. Рассказывают, что, бывало, в старину разбирали ветхий дом, а затем строили новый вокруг печи.

В XIX в. печи начали класть из кирпича. Тогда и появились настоящие, творчески работающие печники, потому что в каждой избе они по-своему складывали печь. Печь должна была соответствовать площади дома, ее высота зависела от роста хозяйки, вход в избу и планировка определяли ее местоположение и т.д. Хорошая печь не дымила в избу, «тяга» должна быть такой, чтобы выходил дым и в то же время не выдувало все тепло. Печь не должна быть угарной, но должна быть жаркой и в то же время «экономной» в отношении дров. Кроме того, на печи делалась достаточно обширная лежанка для старииков и детей. И, конечно, хороший мастер клал красивую печь: чтобы была аккуратна, украшена «печурками», карнизами, с гладкой обмазкой. Сибирские печи повсеместно дважды в неделю подбеливали, иногда расписывали узорами и орнаментом.

Хороший печник работал неторопливо, степенно, аккуратно. Основными инструментами были мастерок и кельма. У такого мастера руки во время работы были чистыми. Хозяин от души кормил печника, оплату производил по договоренности. Конечно, в каждой деревне мог быть не один печник, но хороший мастер обычно славился на всю волость.

30.3. ГОНЧАР

Обычно снабжал своей посудой волость или целую округу. Для работы ему требовалась хорошая глина и печь для обжига посуды. Технология изготовления глиняных изделий хорошо известна, но каждый мастер по-особому лепил горшок или кринку. Посуда могла быть «обливной» или «необливной», с узорами или без них. Изготовив достаточно большую партию товара, гончар развозил его по деревням. Оплата производилась зерном или деньгами.

Из глины делали корчаги, большие сосуды с узким горлышком, кринки, горшки разных размеров для варки пищи, кубышки, став-

цы, поставцы, рыльники, ладки. Гончары лепили из глины также игрушки, свистульки.

30.4. СКОРНЯКИ И САПОЖНИКИ

Жили практически в каждой деревне. Десятки изделий из кожи были необходимы крестьянской семье в повседневной жизни: обувь повседневная, рабочая и праздничная, сбруя для лошади, зимняя, теплая одежда из выделанных и обработанных кож и шкур. Скорняжное (кожевенное) дело — очень сложное и трудоемкое. Ему сопутствуют тяжелый неприятный запах, грязные условия работы, разлагающиеся отходы. Многое в этом ремесле — качество выделки кожи, внешний вид, прочность и долговечность будущего изделия — зависело от секретов мастерства.

Если кожа плохо выделана, то и сапоги из нее будут ссыхаться, тереть ноги, поэтому хороший сапожник, прежде чем взять у заказчика материал, придирчиво изучал качество работы скорняка. Как и многие другие ремесла, сапожное — очень сложное, кропотливое. Спешка в работе могла испортить кожу, внешний вид изделия или доставлять постоянный дискомфорт человеку: небрежно выполненной шов или складка будут причинами потертостей и мозолей.

Для шитья обуви требовалось 2 – 3 вида кожи, специальные инструменты: шилья, шпандырь, набор сапожных ножей, клещи, плоскогубцы сапожные, молотки, разгонки, рашили. Заранее готовилась дратва; для этого через крюк в стене протягивались четыре или шесть нитей, попарно сучились, а затем скручивались вместе. Нить натиралась «варом» и с усилием заглаживалась куском кожи. Сапожники в старину не пользовались металлическими иглами, а всегда в концы нити вкручивали свиные щетинки. Низкий складной стул и кожаный передник дополняли оснащение рабочего места сапожника.

Конечно, сапоги шили в основном долгими зимними вечерами, но в Сибири встречались и профессиональные сапожники, ходившие из деревни в деревню и шившие обувь на дому заказчика. Деревенская молодежь считала особым шиком сапоги «со скрипом», для этого в подошву между слоями кожи сапожник вшивал пару пластиночек бересты.

В конце XIX в. деревенские мастера оценивали сапоги в 3 рубля, выделка одной овчины стоила 10 копеек, кожи крупного рогатого скота — от 50 копеек до 1 рубля. Шитье полушибка портными обходилось в 2 – 3 рубля.

30.5. ШОРНИКИ

По характеру ремесла были сродни скорнякам и сапожникам, но изготавливали они конскую упряжь: хомуты, седелки, уздечки, шлеи, вожжи. Шорник должен был обладать художественными способностями, так как упряжь часто украшалась тиснением, кожаными кистями, медными бляшками и прочими «атрибутами».

30.6. МЕЛЬНИКИ

В сибирских деревнях были одними из самых зажиточных людей. Их мастерство и общественная необходимость оплачивались соответственно. Мельницы строились водяные, а в степной и лесостепной зонах — ветряные. Последних было меньше.

Водяные мельницы, в свою очередь, подразделялись на верхнебойные («наливные») и нижнебойные («пижающие»), колесные и мутовчатые. К началу XX в. на речках у деревень стояло по 10 – 20 мельниц. Наряду с частными много было артельных, коллективных мельниц.

Под постоянное, мерное шуршание жерновов мельник вел такие же неторопливые беседы с хозяином зерна. Но он одновременно внимательно следил за процессом помола. Одного его взгляда или ощущения ладони, подставленной под теплую мучную струю, было достаточно, чтобы определить качество муки. Мельники — философы по натуре, люди, тесно связанные с природой, — были, по воспоминаниям стариков, предсказателями погоды, знатоками примет.

В 80 – 90-е годы XIX в. за помол 500 пудов зерна в год крестьянская семья платила мельнику от 8 до 10 руб. или деньгами, или зерном.

ПОВИТУХИ и ЗНАХАРИ, КОЛЕСНИКИ и ЛОЖКАРИ, БОНДАРИ и ПИМОКАТЫ, ОХОТНИКИ и ДЕГТЯРИ, СМОЛОКУРЫ и УГЛЕЖОГИ, КОНОВАЛЫ и СТОЛЯРЫ, ЛОДОЧНИКИ и ПОРТНЫЕ — это далеко не полный перечень профессий деревенских мастеров и умельцев. Они

могли заниматься своим ремеслом как одновременно с земледелием, так и специализируясь на определенном занятии. Главное, чтобы мастерство приносило пользу и удовлетворение от работы как самому мастеру, так и людям.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Мастера своего дела.
2. Урок-экскурсия (посещение кузницы, мастера-кустаря и др.).

II. Исследования

1. Какие ремесла были распространены в вашем селении в прошлом? Имена каких мастеров старой деревни сохранились в памяти людей? Какова их судьба в советское время? Соберите примеры перехода мастерства по наследству.
2. Сфотографируйте образцы сохранившегося мастерства ремесленников прошлого: здания, лавки торговцев, кузницы, мельницу. Сфотографируйте мастеров-ремесленников за их работой.
3. Существовало ли в селении предприятие по изготовлению кирпича? (Для справки: старинный кирпич нестандартный, по необходимости фигурный, чаще всего с клеймом мастера.)
4. Попробуйте восстановить технологии изготовления бочек, колес для телег, саней, пимокатного дела, кладки печей, шитья сапог, изготовления лодки, выгонки дегтя, смолокурения, выжига извести, изготовления сбруи и др. Опишите технологии.
5. Были ли в селении профессиональные копатели колодцев? Исследуйте технологию копки колодца, установки сруба. Как определяли место будущего колодца?
6. Посетите кузницу и изучите процесс ковки и закалки изделия из металла, технологию подковывания лошадей.

III. Творческие работы

Сочинения:

«Дело мастера боится»; «День в мастерской...»; «В гостях у деревенского кузнеца»; «На мельнице».

Изготовьте макеты (по выбору): деревянной кадки, лодки, мельницы, кузницы, деревянных конных саней, телеги и др.

IV. Музей

Экспозиция «Мастера своего дела» (по отдельным ремеслам). Представьте в музее инструменты ремесленников, их изделия, фотографии изделий. Опишите технологию изготовления. Установите макет-модель действующей мельницы (в разрезе) с демонстрацией помола муки, макет кузницы или кирпичного «завода», станок-кросна, самопряху и др.

Представьте изделия кузнеца: сошники, подковы, гвозди.

§ 32. КРУГЛЫЙ ГОД: КАЛЕНДАРЬ СИБИРСКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

Божье посещение ...от бывшего в реке Енисее великои вешии воды, ...скотину водою разнесло и довольно в анбара и на поле посевного хлеба потопило.

1766 г.

Цикличность уклада жизни сибиряка-землепашца, круг его работ и забот базировались на ежегодной повторяемости природных явлений. При этом периодичность и своевременность принимаемых решений во многом зависели от умения предугадывать изменения в природе, от прогнозирования возможного урожая или неурожая. За два-три столетия жизни на сибирской земле путем кропотливых эмпирических наблюдений и систематизации знаний, трудом многих поколений сибиряков был собран богатейший метеорологический материал. Уникальность народного календаря состоит в сообразности природно-климатическим условиям края, его резко-континентальному климату.

Несмотря на то что многие приметы воспринимаются ныне несерьезно, их цивилизационная ценность несомненна. Многие из них, несмотря на глобальные изменения климата, могут помочь сибиряку и в наше время, кроме этого, собранные по крупицам и систематизированные приметы народного календаря лишний раз свидетельствуют о любознательности, уме, сообразительности, наблю-

дательности, расчетливости и просчитанности уклада жизни старожилов.

Даты сибирского календаря народных примет

(приводятся по новому стилю)

Васильева (Новогодняя) ночь (с 13 на 14 января в ХХ – XXI вв.) звездиста — к урожаю ягод.

На Новый год (14 января) кить (мягкий снег) падет — то к урожаю.

На Новый год тепло и снег — то лето теплое, дождливое.

На Новый год тепло и без снега — то к неурожаю и к болезням.

На Новый год приготовишь на стол много перемен блюд вкусных — то сытно будешь есть весь год.

На Рождество иней — к урожаю хлебов. Темная ночь — коровы будут молочными, светлые — в году куры будут ноские.

Если Богоявление (Крещенье) приходится на полный месяц (Богоявление — 19 января) — к большому разливу.

На Григория (23 января) иней на стогах — к мокрому лету.

На Ефимия (2 февраля) в полдень солнце — то к ранней весне.

На Полузимицу (7 февраля) ведро — весна будет красна.

На Трифона (14 февраля) звездиста ночь — к поздней весне.

На Сретенье (15 февраля) утром снег — к урожаю ранних хлебов; в полдень снег — к урожаю средних хлебов; к вечеру — к урожаю поздних хлебов.

Какова Авдотья (14 марта), таково и лето. Если тепло и каплет с крыш — лето будет теплое.

На Василия Теплого (4 апреля) солнце в кругах — к урожаю.

На Благовещенье (7 апреля) вывешивают мокре полотенце. Если к утру полотенце «заколеет» (замерзнет) — лето дождливое будет; если будет «волглое» (сырое) — лето будет среднее; если полотенце высохнет к утру — лето будет хорошее.

На Благовещенье взвешивали три первых куриных яйца. Если первое самое тяжелое — то к хорошему урожаю, если третье — то к плохому.

На Якова (13 мая) ясный восход солнца — будет «вёдреное» лето.

На Иова (19 мая) большая роса — к урожаю огурцов.

На Николу (22 мая) дождь — это благодать божья на весь год.

В мае кукушка закукует на «голый» лес — к неурожаю.

На Мокея (24 мая) будет мокро — лето будет мокрое; если на Мокея сухо — то лето будет сухое; туман на Мокея — к мокрому лету.

На Луку (13 июня) южный ветер — к урожаю, северо-западный ветер — к сырому лету.

На Ивана Купалу (7 июля) будет небо звездисто — много грибов будет.

На Ивана обильная роса — к урожаю огурцов.

На Самсона (10 июля) будет дождь, — до бабьего лета будет сыро, дождливо.

Коли на Петров день (12 июля) дождь — сенокос будет мокрый.

На Афанасия (18 июля) месяц на восходе «играет» — к урожаю.

До Успенья (28 июля) пахать — лишнюю копну нажать...

Коли на Серафиму-Макрину (1 августа) мокро — страда ненастная.

Макрина суха — осень сухая будет;

До Ильина (2 августа) и под кустом сохнет, а после Ильи и на кусте не сохнет.

На Анну (7 августа) утренник холодный — зима будет холодная.

На Исакия (16 августа) вихри — к крутой зиме.

Каков Средний Спас (19 августа) — таков будет и Покров (14 октября).

На Лаврентия (23 августа) смотрят в полдень на воду: коли вода тиха, то и осень будет тихая, а зима без выог.

11 сентября: коли журавли на юг полетели — к ранней весне.

На Семенов день (14 сентября) ясно — бабье лето теплое простоит. Лист с деревьев валится — рыба по реке тянется.

На Евстафия и Михайлу (2 октября) примечают ветры: северный — к стуже, южный — к теплой зиме, западный — к мокрой зиме, а восточный — к ясной и холодной зиме.

Октябрь ни колеса, ни полоза не любит.

На Покров нет снега (14 октября) — до Митрия (9 ноября) земля «наголе» будет.

С Матрены Зимней (22 ноября) зима встает на ноги. Иней на деревьях — к морозам.

Туман на Матрену — к частым оттепелям.

Каков Платон (1 декабря), такова и зима будет, мягкая или студеная.

На Андрея Первозванного (13 декабря) «наслушивают» воду: тихая вода — то зима хорошая будет, шумная вода подо льдом — то будут бури, метели.

Каков день на Миколу Зимнего (19 декабря), таков и на Миколу Вешнего (22 мая) — ясный или хмурый, дождливый или теплый...

На Анну Зимнюю (22 декабря) иней на деревьях — к урожаю.

На Рождество (7 января) метель — пчелы хорошо роиться будут.

Сопоставление погоды:

«ноябрь отвечает маю»;	снег — к сырости;
«декабрь отвечает июню»;	мороз — к жаре;
«январь отвечает июлю»;	метель — к затяжному ненастью.
«февраль отвечает августу».	

Общие приметы

Снега глубоки — воды больши будут.

Студена зима — к жаркому лету.

У забоев (снежных сугробов) гребни закруглены — к урожаю.

В какой день Масленицы будет тепло (понедельник, вторник, среду и т.д.), то в тот день сеять пшеницу — урожай будет.

На Масленицу, в Прощеный день снег — к урожаю.

Если в Христову Пасху «поспихать» клюкой куриц с насеста, то они рано начнут нестись.

Обильный орех и рябина в тайге — к студеной зиме.

Если свинья осенью стаскивает в «гнездо» прутья и солому, то зима холодной будет.

Если у «забитой» скотины селезенка увеличена, то это к студеной зиме.

Если лист осенью падает с деревьев более с вершины, то к холодной зиме; если беспорядочно — то к мягкой зиме.

Если осенью ливни (лужи) замерзают чистым темным зеркалом, то зима мягкая будет. Если лед застывает «тарелками» (белыми пятнами) — то к холодной зиме.

Если снег падает на сухую землю — зима будет спокойной, морозной и ясной. Если снег ложится на мокрую землю — зима будет метельная, слякотная и сырая.

Ранние морозы — то обязательно к студеной зиме.

Морозы в Сибири приходят трижды. Если Пасха ранняя, то третий пик морозов приходится на середину Великого поста.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Исследования

1. На основе бесед с пожилыми людьми, со старожилами и собственных наблюдений погоды положите начало ведению календаря народных примет: долгосрочных, сезонных и частных явлений природы.
2. Исследуйте степень совпадаемости примет народного календаря, общих для Европейской России и Сибири. При использовании народных примет и прогнозировании погоды учтите, что все прогнозы составляются по 5 – 10 и более приметам одновременно, в комплексе. При использовании одной-двух примет крайне велика вероятность ошибки.

II. Творчество

Изготовьте старинный народный «барометр» для прогнозирования краткосрочных изменений в природе — ясной или дождливой погоды в течение 2 – 4 ближайших дней. Для этого отпишите от ели отрезок ствола длиной 20 – 30 см с одной длинной веткой (лучше от новогодней елки). Очистите от коры и прикрепите к стене в естественном положении за ствол так, чтобы ветка слегка прилегала к стене.

«Барометр» устанавливается в тени, на стене балкона, дачного домика, на крыльце. Движение ветки вверх предскажет наступление «вёдра» (солнечной погоды), отклонение вниз — дождливой. Проградуируйте на стене по ходу ветки ваш «барометр».

ГЛАВА VIII.

КУЛЬТУРА СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

§ 33. СИБИРЯК: ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ

Жизнь и труд сибирских старожилов имели ряд существенных особенностей, которые предопределили формирование особой шкалы ценностей и складывание местных традиций. Мозаичность и переплетение поморских, центрально- и южнорусских, украинско-белорусских и иных культурных традиций шли по линии углубления и взаимослияния культур. Многие традиции, исчезнувшие к XIX в. в Европейской России, здесь не только «законсервировались», но и возродились.

Сибирь удивительным образом смогла соединить традиционную систему ценностей с прогрессивной. Обусловлено это было свободным трудом сибиряка на своей земле, где центром мира выступила личность собственника, живущего по нормам обычного права «общества». Многие ценностные компоненты сибирской народной культуры, имевшие в России отрицательную оценку, здесь стали положительными. Так произошло с социальным идеалом неприятия богатства крестьянами Европейской России.

Гармония прав и обязанностей старожила, активное участие в общественном самоуправлении, верховенство «законов»-традиций, своеобразное разделение властей в общине — все это позволяет сделать вывод о существовании ячеек — обществ, живущих по принципам гражданского общества. Одновременно сознание сибиряков-старожилов удивительным образом напоминало «полисное» сознание греков. Здесь также проходила грань между «гражданином»-старожилом и переселенцем. Особенностью является и самоизоляция сибиряков от государства.

На первом месте в системе ценностей стоял труд человека. Крестьянская семья и мир в целом с раннего детства воспитывали трудолюбие. Высшей оценкой человека было — «зарывной, усердный робить». Это означало одновременно высоконравственный, порядочный, честный человек. Оценка трудолюбия подкреплялась оценкой состояния подворья, дома, пашни, запасливости и бережливости. Мотовство и расточительность осуждались. Детям постоянно внушали: «Пить до дна — не видать добра», «Не вздумай вино пить и табачище курить».

Бесчестием считалось покушение на чужую собственность. «Вор ворует не для прибыли, а для своей погибели», — говорили в Сибири. Честность и уважение к собственности — вот черты, присущие, по мнению старожила, сибиряку. А вот к переселенцам, ссыльным относились с недоверием, говорили при этом: «Поселенец, что младенец, — на что взглянет, то и стянет».

Особо в Сибири ценили гостеприимство и радушие, щедрость и почитание гостя. Нормами «гостевания» было следующее. Во-первых, о гостебе договаривались заранее, иногда круг гостей определялся на всю зиму, что свидетельствует о просчитанности и упорядоченности жизни во времени. Во-вторых, существовал определенный церемониал приема гостей. Особо почетных гостей встречали на улице, перед воротами или у крыльца. Гость, подойдя к дому, обязан был кольцом жуковины на воротах дать знак хозяину. Все кланялись друг другу. Мужчины снимали шапки, пожимали руки, раскланивались с женщинами, приглашали: «Милости просим, побеседуйте...». Гостю полагалось быть умеренным в еде и питье, не быть спесивым, благодарить за угощенье. Было принято, чтобы гости приходили с «гостинцами» детям, гостей нужно было обязательно одаривать ответными подарками — «гостинцами». Дареную вещь не обсуждали.

Деньги в долг всегда давали под честное слово. В наиболее ответственных случаях даже именитые сибирские купцы договаривались «рукобитием», без письменных расписок. Отмечали, что сибиряки «расчет делают всегда в срок, честно и добросовестно». В случае обмана веры человеку больше не было. «Изверишься в рубле, не поверишь и в игле», — говорили по такому случаю сибиряки.

Ярко выраженный индивидуализм и практичность старожилов предопределили отношения, построенные на видимости купли-

продажи. Так, до нашего времени сохранилось поверье, что за любую вещь, принесенную в дар, необходимо символически рассчитываться «копеечкой».

Индивидуализм и свобода предопределили уважение к личности: мужчине-домохозяину, женщине, ребенку. Уважение исходило, прежде всего, из оценки нравственности, совестливости человека. Плохой человек в глазах сибиряка — это черт, душегубец, варнак, христопродаец, вор, пьяница, «алырник» (мелочник), брехун (лжец) и др.

Все без исключения правила и ценностные характеристики оформились в народной культуре в афоризмы. Именно так можно определить сущность сибирских пословиц и поговорок. Многие выражения подобного рода применялись как естественные и повторяющиеся в письмах, наказах, просьбах. *«Почитайте свою родительницу... отчivo будете от Бога прославлены и от людей похвaledены, и живите с соседями добropорядочно, и чиво себе неугодно, тово и людям не творите»*; *«Надо бы жить Богу не во гнев, а добрым людям не на смех»*.

Человека оценивали, прежде всего, по личным и трудовым качествам. В течение многих лет сохранялись в сибирском обществе неизменные критерии «добропорядочного» человека. Проведем выборку ценностных черт из «мирских» приговоров различных селений в последовательности текста источников за 100 лет:

- 1) Усольской вотчины, Троицкого Туруханского монастыря (1767 г.). «Избрали поверенного... ис крестьян... дом и землю имеющий, женатый и детей имеющий, в наказаниях, подозрениях, ябедах и пороках не бывалого, но доброго и незазорного поведения, старше 30 лет...»;
- 2) д. Устинова Заледеевской волости (1819 г.). «Волостной старшина Е. Поспелов: поведения доброго и серьезного, имеет домохозяйство, скотоводство и хлебопашество»;
- 3) д. Рыбная Богучанской волости (1839 г.). «Староста М. Скурихин: отец 3 детей, поведение хорошее, состояние добropорядочное, под судом и штрафах не был, примерное хозяйство»;
- 4) д. Воробино Сухобузимской волости (1862 г.). «Десятник А. Григорьев: поведение хорошее, под судом не был, имеет до-мообзаводство, веры православной»;

5) с. Курбатское Балахтинской волости (1868 г.). «Рассыльный О. Третьяков: поведения хорошего, имеет семейство, домохозяйство, скотоводство и хлебопашество. В штрафах, под следствием и судом не был».

Любое явление сельской жизни в условиях патриархальной замкнутости сопровождалось соответствующими «меткими» выражениями, часто нравоучительного характера. Воспроизведимые вновь и вновь в подобных ситуациях, выражения становились отточенными афористическими, стереотипными. «Фразы, однажды сказанные, не теряются», — писал Г.Н. Потанин. Как же метки, мудры, глубокомысленны и назидательны они — хранители традиций:

Послушливый человек бысть паче потимка.

(Потимок — шалун, насмешник.)

С первого мая и самая ленивая соха в ход идет.

Пот да труд все перетрут.

Гульба да игра не ведут до добра.

Красна пава перъем, красна жена мужем.

Выбирай лошадь от природы, а человека от дому.

Хоть худонька, да голубонька.

Не приданым жить, а богоданным.

Учи жену без детей, а детей без людей.

С сыном бранись, на печь гребись, с зятем бранись — за скобу держись.

Добрая слава лежит, а худая летит.

Из избы в избу сор не носят.

Скуп, да в сале пуп.

Общество не осиновый кол, его скоро не сломишь.

Жизнь вести — не вожжой трясти.

Страшна Сибирь слухом, а люди лучше всех живут.

Традиции сибиряков держались на «заветах предков», на постоянном обращении к правилам, по которым жили отцы. «Старики не велели», «Старики говорили...» — это слова-обращения к правилам предков. Традиции выражались и в четко очерченном круге ритуалов, обрядов.

Комплекс неписанных правил, норм поведения, моральных принципов закреплялся с раннего возраста хранителями тради-

ций — стариками, «всевидящим оком» общественного мнения и общественного воспитания. Традиции старожилов воспринимались переселенцами. Ценностные этические нормы консолидировали общину. Особенно ярко влияние традиции на нравственность личности и уровень высоконравственных отношений в «обществе» проявилось в помочах.

§ 34. ПОМОЧИ

Помочами назывались разнообразные виды работ, выполнить которые крестьянин в одиночку не мог или стремился сделать это в кратчайшие сроки. Помочи известны в России с древности, но если в центральных губерниях помочи часто собирались с участием общины и были выражением коллективного менталитета крестьян, то в Сибири они имели существенные особенности.

Во-первых, помочи, по решению схода, были единичными. Так, в «России» работы по оказанию помощи погорельцам, «нуждающимся», в случае внезапной болезни, вдовам, сиротам устраивались как безвозмездные или только за счет «угощения». В Сибири же подобные работы оплачивались из общинной казны, общественно-го «магазина» (амбара), а чаще всего «отрабатывались» на помочах домохозяев — участников работы. Во-вторых, помочи являлись своеобразным мерилом трудолюбия, нравственности человека: если крестьянина-сибиряка переставали приглашать на помочи — это было сигналом о падении его авторитета в «обществе».

В-третьих, сибиряки считали помочи «богоугодным делом». В сознании старожила помочи — «принесение трудовой жертвы» Богу, добровольный труд без оплаты в натуральной либо денежной форме. Зато после принесения «трудового подарка» Богу устраивался праздник-угощенье, поэтому помочи устраивались, как правило, в воскресные или праздничные дни, когда иные формы работы исключались по православным обычаям. В-четвертых, помочи в Сибири ни в коем случае нельзя считать «благотворительностью», как писал об этом великолепный знаток сибирской жизни А. Макаренко. Практичный сибиряк получал в различной форме — отработкой, угощением или «нравственной оценки» — компенсацию за потерянное для своего хозяйства рабочее время.

В сибирских селениях было принято, чтобы хозяин, устраивавший «помочь», «самолично» обходил всех и, приглашая, оговорил все условия труда. Передавать приглашение через других лиц не было принято. Обещавший первому домохозяину участие в помочи, другому пригласившему должен быть отказать. Во время работы хозяин кормил помочан, поил лучшим квасом, молоком досыта. Но брать с собой на покос или на жнивьё водку или «медовуху» было предосудительно. Хозяин обязан был утром предложить помочанам позавтракать и 1 – 2 раза накормить во время работы. Поэтому организация помочи требовала серьезных запасов продуктов, но рабочие руки в страдное время и экономия самого времени оправдывали любые расходы.

Во время работы хозяин не имел права торопить помочан, «подгонять» отстающих, указывать, как работать: хозяин должен был собственным примером воодушевлять всех, вызывать помочан на соревнование. Помочи превращались в своеобразный коллективный трудовой праздник, веселый, с шутками-прибаутками, для молодежи — связанный с мимолетными играми. На помочах молодые люди ближе узнавали друг друга; кто как умеет работать, быстро, ловко и заразительно. Поэтому на помочи молодежь старалась и одеться по-праздничному.

Как и на обычных полевых работах, было принято устраивать передышку или послеобеденный отдых. Но, как свидетельствуют ныне пожилые люди, команду ни в коем случае не должен был давать хозяин, обычно делал это старший по возрасту помочанин.

Вечером хозяин развозил по домам тех, кто по договору прибыл без лошади. Разъехавшись по домам, люди умывались, переодевались и, немного отдохнув, собирались в доме устроителя помочи. Наступала вторая фаза — праздничная «гулянка». Чем обильнее хозяин угостит работавших односельчан, тем лучше, считалось, удалась помочь. Обычно праздничное гуляние затягивалось до рассвета. Во многих местах было принято катать молодежь ночью на лошадях. И долгими зимними вечерами крестьяне долго вспоминали помочи, особо удивившиеся в прошедшее лето!

По сибирским правилам помочь обязательно нужно было «отхаживать», т.е. если хозяин собрал помочан, он обязан был к каждому из них при необходимости прийти на помочи. На помочах, естественно, работа взрослых не оплачивалась, а вот труд детей, под-

ростков и незамужних девушек оплачивался деньгами, которые расходовались по усмотрению самих заработавших. Во время работы, случалось, кто-то мог показать леность. Такого человека представляли приглашать, и нужно было затратить немало усилий, чтобы вернуть положительное отношение односельчан. Этические нормы и традиции сибиряков, воплотившиеся в помочах, выражали как форму взаимопомощи крестьян, так и высокую оценку труда и выраженный индивидуализм сибиряков.

Если в трудовых делах «благотворительность была не в чести», то в тех дела, что не считались работой, а относились к повседневным заботам — помочь больному, сироте, немощному, погорельцу или просто «соседу», — она была абсолютно бескорыстной. Бескорыстная помощь человеку сочеталась с «помочью» по решению схода.

Таким образом, нравственные и трудовые ценности крестьян-общинников, подкрепленные православными понятиями «святость», «грех», цементировали «общество», служили основой воспроизводства устоявшегося уклада жизни в последующих поколениях старожилов-сибиряков.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерное планирование занятий

1. Ценности и традиции сибирского общества.
2. Урок-обсуждение «Ценности и традиции современной Сибири».

II. Термины и понятия

Традиции, ценности, добродетели, свобода, права, обязанности, гражданин, закон, мораль, совесть, гуманизм.

III. Исследования

1. Какие старинные и новые традиции характерны для вашего села, поселка, деревни? Как поддерживаются старинные традиции, кто является носителем их?
2. Какие национальные традиции сохраняются у жителей вашего селения? Опишите их.

3. Как, по-вашему, соотносятся ценностные ориентации жителей вашего селения в прошлом и настоящем?
4. Каково влияние христианской православной религии на уровень нравственности жителей селения, молодежи?
5. Исследуйте негативные привычки и традиции ваших односельчан. Определите их источники. Какие социальные группы в селе являются носителями отрицательных явлений?
6. Соберите комплексы документов, материалов, воспоминаний и размышлений о крестьянской жизни ваших земляков, ныне олицетворяющих истинных крестьян — землепашцев прошлого.

IV. Обсуждение

Какие ценности, традиции, жизненные установки принесли с собой в Сибирь русские переселенцы? Что из них было забыто и отвергнуто, что видоизменилось? Какие сибирские ценности и традиции зародились здесь?

В каких жизненных ситуациях черты характера сибиряков, традиции, добродетели проявлялись особенно обостренно?

Каковы трудовые традиции и трудовые ценности у нынешних сибиряков?

Сравните: крестьянин-единоличник и крестьянин-колхозник. Как связать воедино понятия «заинтересованность в труде» и «результат в условиях коллективного хозяйства»?

Какие жизненные ценности, традиции, добродетели являются основой жизни сибиряков в наши дни?

V. Музей

Экспозиция «Традиции и ценности сибирского села».

Материалы, раскрывающие на примерах лучшие черты сибирских крестьян.

ГЛАВА IX. СИБИРСКАЯ ДУХОВНОСТЬ

§ 35. ПРАВОСЛАВИЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ

*Все в Православном храме символично,
все имеет духовный смысл.
«Премудрость создала себе дом и утвердила
столпов семь» (Притч. 9,1) .*

*Семь столпов — это Таинства Крещения, Миропомазания,
Причащения, Покаяния, Священства,
Брака, Елеосвящения.*

Русские люди принесли с собою в Сибирь традиционные занятия, уклад жизни, семейно-родственные отношения, общинную организацию жизни и, конечно, православную веру. Наряду с личным мужеством, стойкостью, предприимчивостью и трудолюбием в сибиряке во многом именно православием закладывались такие черты, как духовность, сострадание, терпение, нравственные заповеди. Все это помогало выстоять в борьбе с трудностями. Вера была олицетворением нравственного идеала старожила. «Нехристъ», — говорили о человеке нравственно ущербном, совершающем дурные поступки. «Вот это по-божески», — оценивали в «обществе» благородный поступок.

Несмотря на то что старожильческая Сибирь была менее религиозна, особенно в выполнении повседневной обрядности, менее усердна в посещении церкви, все же каждый человек был в душе верующим. Практичность, реалистичность и опора на свои силы придавали человеку уверенность в жизни, но непредсказуемость природных явлений, болезни и несчастные случаи говорили ему, что «все мы ходим под Богом». Вера помогла воспитанию мудрого

отношения к вопросам жизни и смерти, освящала нравственные традиции предков. Жизнь человека была связана с православным календарем праздников, обрядов, постов и мясоедов.

Освоение сибирского края и возникновение населенных пунктов потребовало строительства храмов и организационного оформления православия в Сибири. Созданная в начале XVII в. Сибирская Тобольская епархия вобрала в себя с 1620 г. и Приенисейский край. С 1832 г. приходы Енисейской губернии вошли в состав Томской и Иркутской епархий, а в 1861 г. была образована самостоятельная Енисейская епархия. К 1916 г. в Енисейскую епархию входило 8 приходов и 2 собора в г. Красноярске, 43 прихода в Красноярском уезде, 83 прихода в Канском, 69 — в Ачинском, 82 — в Минусинском, 33 — в Енисейском уезде и 6 приходов в Туруханском крае.

Сельский приход включал в себя определенную территорию, на которой располагалось 10 – 15, а иногда и более деревень. Центром прихода было село с церковью. Приход часто совпадал в границах с волостью.

Открытие многих приходов и строительство храмов в сельской местности относится к XVII – XVIII вв. Так, в с. Сухобузимском церковь была построена в первой половине XVIII в.; в 1760 г. был открыт Ирбейский Спасский приход; во второй половине XVIII в. был построен Балахтинский Введенский храм; в 1778 г. основан Назаровский Троицкий приход. Основание Амонашевского Николаевского прихода относится к 1790 г.

Храм посвящался имени Святого или определенному событию, поведанному Священным Писанием. Главным праздником прихода был Храмовый праздник. Храмы долгое время были центрами грамотности: при церкви открывались библиотеки, церковно-приходские школы. Здание храма строилось в основном на мирские средства и всем миром. Но отмечены случаи, когда церковь строилась в дар приходу на средства зажиточных крестьян, купцов. При этом «общество» давало разрешение на «сие богоугодное дело» только честному, высоконравственному человеку.

Вначале крестьяне составляли прошение в адрес духовной консистории и Синода, утверждая его на общем сходе. В прошении обязательно указывалось стремление общины «заботиться о религиозности и нравственности» членов «общества».

Лишь получив разрешение, строили здание храма. Происходило это так, как вспоминал, по рассказам стариков, Л.Ф. Журавлев, бывший учитель и старейший житель с. Имисского Минусинского уезда:

На общинном сходе крестьяне приняли решение обязать каждого домохозяина спилить, вывезти и приготовить к рубке по одному бревну. Предварительно по будущей лесосеке прошла группа стариков и с помощью веревочек-мерок выбрала лучшие деревья одного диаметра. Эти сосны метились зарубками в виде креста. Из ошкуренных от коры и отесанных бревен всего за одно лето была срублена нанятой «миром» плотничьей артелью приходская церковь. В 1867 г. церковь была освящена, и, выделенный из Курагинского прихода, образован Имисский Казанский приход.

Персонал храма состоял обычно из священника и псаломщика, а в некоторых церквях были и дьяконы. От казны священнику полагалось жалованье 300 – 400 руб. в год, псаломщику — 150 – 200 руб. Причт обеспечивался квартирами, землей, покосами. По решению схода мир выделял из общественного «магазина» священнослужителям и «хлебную ругу», в приходе оставалась и часть собранных кружечных доходов. Во многих приходах сан священника переходил от отца к сыну и далее кнуку. Например, в Юксеевской Покровской церкви с 1744 по 1892 гг. служил род священнослужителей Тыжновых!

Как и во всей России, церковь в сибирском селе сочетала законным браком молодоженов, крестила младенцев, поддерживала духовно слабых и немощных, помогала поддерживать мир и согласие в общине, семье, отпевала усопших. Приход помогал единению крестьян многих деревень.

Верующие посещали церковь в основном в воскресные дни, чаще зимой, чем летом. Отмечалось, что в летнюю пору крестьяне в церковь почти не ходили, особенно из отдаленных деревень. Для посещения церкви сибиряки надевали лучшие одежды, в храме вели себя «чинно, благопристойно, степенно». Женщины относились к вере ревностнее, чем мужчины.

Естественными для верующего были молитвы утром и перед сном, перед едой и после принятия пищи, перед началом любой работы и по завершении ее. В наиболее торжественных случаях молились всей семьей перед иконой при зажженной лампадке.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА

Славословие Пресвятой Троице: *Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.*

Молитва Господня: *Отче наш, сущий на небесах! Да святымется имя Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам грехи наши, как и мы прощаем грехи наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твое есть царство и сила, и слава во веки. Аминь.*

Молитва перед учением: *Преблагай Господи! Пошли нам Благодать Духа Твоего Святого, которая дарует и укрепляет наши душевые силы, чтобы, слушая внимательно учение, преподаваемое нам, возросли мы для прославления Тебя, нашего Творца, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу.*

Молитва после учения: *Благодарим тебя, Создатель, что удостоил нас Своей благости, чтобы мы охотно учились, благослови наших родителей, учителей, указывающих нам путь к добру, и даруй нам здоровье и бодрость продолжать учение.*

Молитва за родителей: *Спаси, Господи, и помилуй родителей моих, братьев и сестер, родных моих и всех близких к роду моему, и даруй им всякое земное благополучие и небесное спасение.*

Духовным центром крестьянского дома была икона в переднем углу. Приобретая икону, крестьяне называли это не покупкой, а «меной», хотя и выменивали икону на деньги. Понятие о купле-продаже и иконе не совмещалось в уме людей. Икону сибиряки называли «Богом», а полку под нее в переднем, святом углу — «божницею».

Здесь же, на божнице, находились «Священная верба», пучки «Троицкой березки», небольшой сосуд со «святой водой», а также книги.

Купленную на базаре икону сначала несли в церковь для освящения. Новую икону преподносили в дар новобрачным. Переходя из старого дома в новый, прежде всего переносили икону.

В сибирских домах чаще всего можно было встретить изображения Христа Спасителя, Богоматери, Святого Георгия, Святого Василия Мангазейского, Святого Иннокентия Иркутского, Святого

Власия, Святых Зосимы и Савватея, Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя, Параскевы и особенно часто – Николая Чудотворца.

Устаревшую икону никогда не выбрасывали: ее пускали на воду или закапывали в землю.

Сохранились и народные приметы, связанные с иконами. Даст трещину икона или упадет на пол — в доме будет беда: покойник или несчастье с кем-нибудь из домашних. Во время пожара икону выносили из огня. Но одновременно сибиряки верили, что икона Пресвятой Богородицы Неопалимой Кутины охраняет дом от пожара, особенно от молнии. Верили здесь и в Чудотворные образа: вдруг ни с того ни с сего потемневшая икона становится как новая, с чистым лицом, или начинает «плакать». Считалось, что такой водой, смывшей икону, можно вылечить больного. В «святом углу» стоял стол. На самом почетном месте под иконой усаживали гостя, здесь садился глава семьи. Головой в «передний» угол клали покойника. Даже постели спящих на пристенных лавках были обязательно обращены изголовьем в этот угол — «грешно» было ложиться ногами к иконе.

Во многих сибирских селениях было принято во время развлечений, праздников-пиршеств, игрищ молодежи в доме обязательно завешивать икону занавеской.

Как и икона, почитался крест. Это считалось действенным оружием против «нечистой силы». В день Крещенского сочельника было принято выжигать свечой крест на дверях строений и хлевов или рисовать крест углем. Женщины покрывали кринки с молоком и сметаной крестообразно лучинками — «Крест на крест, чтоб черт не влез!». Без нательного креста невозможно представить православного сибиряка, без креста нельзя было ни работать, ни спать, ни купаться, ни, тем более, посещать церковь. У сибиряков также было принято вывешивать небольшой образок над воротами усадьбы для благополучия на подворье.

§ 36. «ВЕРА ПРЕДКОВ»

Будет совершенно неверным, говоря о сибиряках, считать их сугубо православными людьми. Как и на всей Руси, сибирское мировоззрение было основано на двоеверии. Оно сформировалось в

первые века русской истории в результате взаимодействия народного язычества и христианства, их слияния и дальнейшего совместного развития. Языческие обряды, представления, ритуалы жертвенного характера существенно «окультурились» и сохраняются в сознании людей по сей день. Христианство византийского толка обогатились на Руси жизнелюбием, духовностью. В свою очередь, древнее язычество утратило кровавый характер пожертвований, обрело терпимость. Двоеверие признавалось в форме «сохранения обычаев и поверий отцов», но для Сибири языческий элемент играл в жизни человека во многом ведущую роль.

Народный календарь в сочетании с церковным определял круг праздников, обрядов, примет и поверий. Например, «двойными» — церковным и языческими — были верования Ильина дня, Ивана Купалы, «високосного дня Касьяна — зловещего дня» или дня Власа — «скотьего праздника».

Совмещение дней недели яснее видно на примере четверга. Традиционно это день Зевса — Юпитера — Перуна. Но в день Великого четверга накануне Пасхи при совмещении его с «четвергом Перуна» творились, по воззрениям сибиряков, чудеса. Ружье, положенное на ночь на стол перед иконой, «было зверя против сердца», игральные карты начинали выигрывать. В эту же ночь готовили и «четвергову соль». Для этого горсть соли клади в мешочек и оставляли на загнетке печи. Утром топили печь и к обеду вынимали полуспекшийся комок соли. Затем по мере надобности от него отщипывали по кусочку соли и использовали для лечения животных, «от порчи», «от сглазу» и пр.

Двоеверие проявлялось во всем, в том числе в вере в «нечистую силу» и «шишкунов», «в домового» и магию. Но все действия в условиях веры в Бога и языческих верований совершались комплексно. Читалась молитва, и тут же следовал «обряд предков». Перед пахотой в первый день страстно молились всей семьей перед иконой, но, прибыв на пашню, в первую борозду запахивали по «древней вере» кусочек хлеба. Практически вся народная медицина совмещала лечение болезни православной молитвой с древними заговорами. При этом текст «заговора» привязывался с молитвой к «тельному» кресту. «Заговоры» при этом, чтобы не теряли силу, держались в секрете от посторонних.

В дни перед Крещением сибиряки любили «машкароваться» — надевать различные маски, рядиться «медведем», «шаманом», «чертом», «смертью» и предаваться розыгрышам. Но в день Крещения (Богоявления) для очищения от «нечистой силы», «чертовщины» умывались «святой водой» из освященной проруби или даже купались в ней.

Двоеверие наблюдалось в каждом обряде, во всех праздничных действиях и обычаях.

В свадебной обрядности сваха становилась у дома жениха на первую ступеньку крыльца только правой ногой с «заговором» и садилась в доме на скамью «вдоль материцы»; совместная молитва отцов «молодых» завершалась рукобитием под «матицей»; необходимым считался древний обряд перекрещивания углов платка; на свадьбе провозглашался тост за домового — «хозяина». И даже в церкви во время венчания невеста сжимала в ладони кусочек хлеба «на счастье и довольствие».

Свистеть в доме — грех вдвойне: грех перед Богом, и можно высвистеть домового. Подворье защищает образок над воротами, но нужно еще для надежности обтянуть двор ниточкой из савана покойника — тогда ни «нечистая сила», ни вор не будут страшны. Молитвой «заговаривали» золу и рассыпали на грядке, защищали от вредителей.

В похоронном обряде буквально каждый элемент насыщен двоеверием. Даже в наши дни многие старожилы верят, что умершему ранее можно «передать» что-нибудь с «новоумершим» человеком, положив эту вещь ему в «домовину».

Во многих случаях налицо было у сибиряков превалирование языческого начала. Так, по отношению к Иисусу Христу в Енисейской губернии допускалось поверье, характерное для умерших людей. Говорили: «На Пасху Христову нельзя ничего за окно выбрасывать и воду лить, ибо в этот день Христос под окном ходит».

Сибиряки могли даже работать в праздничные дни, особенно при устройстве «помочей». Не каждый выдерживал строгий пост, обычно это делали только пожилые люди, а большинство постились в первую и последнюю недели постов. Священники жаловались, что сибиряки крайне редко исповедуются в церкви. Важно отметить, что и сами сибирские священники по образу жизни мало отличались от крестьян.

Особое место в обрядности крестьян Минусинского уезда занимал обряд «нового огня». Этнографы свидетельствуют, что его истоки уходят в первобытные времена. Дня за два перед днем Ивана Купалы (Ивановым днем) в деревнях гасили все огни и не зажигали их. Затем в Иванову ночь «древними средствами» добывали «новый огонь» и вносили в дом.

С началом ледохода на Ангаре и других реках Енисейской губернии женщины бросали в реку раскрошенные без ножа куски хлеба, «чтобы ее, матушку-Ангару, легко пронесло», т.е. лед быстрее прошел.

Без ритуальных каш из цельных зерен ржи или пшеницы не обходился ни один существенный обряд или событие, даже строительство дома.

Особое место в системе верований занимал домовой — «Хозяин», «Суседко». В каждом доме рассказывались былички о том, что видели его, общались с ним. Говорили, что домового можно увидеть «из-под бороны в ночь на Великий четверг».

Домовой-«Хозяин» следил за благополучием и здоровьем членов семьи, он был хранителем дома и хозяйства, поил и обиживал скот, кормил его. Считалось, что тем или иным способом «Хозяин» старается предупредить «домочадцев» о грозящих несчастьях. С вопросом: «К худу ли, к добру ли?» — обращались к домовому. Считалось, что домовому нравится определенная масть кошки, коня или коровы: тогда «Хозяин» будет ухаживать за ними и лелеять их.

Сибиряки не только верили в существование «Хозяина», но и выполняли ряд действий, чтобы «уважить» его. «Хлебный» подарок с солью клали для «Хозяина» и «Хозяйки» в укромном месте во дворе. Два «хлебца» клали в подполье, под балку, в специальную выемку. Обращались со словами: «Матушка, Суседушка, батюшка Домовой, примите мои хлеб-соль! Я вас люблю, и вы меня любите, и деток моих любите». Далее следовали поклоны во все углы. С домовым постоянно «делились» прикусами, «хворостом», красшенными яйцами, блинами — раскладывали все по две штуки во дворе и в подполье. Но, памятуя о православных обычаях, говоря о домовом, добавляли: «Только креститься при обращении к Хозяину, ни Боже мой, не надо». При переходе в новый купленный дом обязательно обращались к домовому: «Дед-Сусед, пусти нас не

ночь ночевать, а век вековать». При этом своего домового из старого дома нельзя было «приглашать» с собой — «драться оне будут промеж собой».

Из рассказа сибирячки (1912 г.): «Вот что я сама видела. Стариk мой приехал и пошел кони выпрягать; а он вовсе в кабак пошел. Слушаю, ходит по снегу около саней. Открою дверь, посмотрю — убирает из саней рогожи, свертывает... Жду, все нет. Опять дверь открыла, смотрю — рукавички снял, кряхтить. Опять жду. Уже петухи поют. Взглянула — взял охапку сена, пошел ко дворишку... А это он, **Хозяин**-то и был. Как есть — стариk, и рукавички, и шубенка, так же покашливает. А мой стариk-то ужо перед утром пришел...».

Даже беглое рассмотрение двоеверия у старожилов Енисейской губернии позволяет говорить о четкой тяге сибиряков к «старине», к «заветам отцов и дедов». Но все же многие исследователи отмечали, что сибиряков отличало более рациональное начало, чем иррациональное: рассудок преобладал над чувствами. Сибиряк был более практичен, рассудочен, расчетлив, более «уповает на свои силы, чем на Бога, на судьбу».

При этом двоеверие по сути своей было признаком свободы, права выбора в осуществлении обрядности и обращении к сверхъестественным силам. Нравственные начала как христианства, так и языческих поверьй о победе сил Добра над силами Зла помогали в сохранении оптимизма в жизни. Двоеверие было не просто религиозным мировоззрением, а нравственно-этическим базисом совестливости, основой бытия сибирского старожила.

Зобнин Ф.К. о Пасхальной неделе (Западная Сибирь)

Великий четверг: «Нам с братом еще накануне говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто в Великий четверг встанет до солнышка да обуётся — тот в году много утиных гнезд будет находить.

Утром в четверг только что встанем — видим, что на божнице, около икон, стоит коврига хлеба и большая резная деревянная солонка: это четверёжный хлеб и четверёжная соль. Таков обычай, искони веков заведенный. После обедни за столом четверёжный

хлеб с солью едят, но не весь: часть его идет домашнему скоту — лошадушкам, коровушкам да овечушкам. С этого хлеба Бог лучше хранит на целый год и скот, и людей».

Великая суббота: «Утром в этот день яйца красили и делили. Нам, ребятам, досталось столько же, сколько и всем. Но это только сначала. Скоро того и гляди мать или отец из своего пая добавит. После дележки всяк уносит свой пай до завтра, а завтра может расходовать, как кому вздумается. Нам, полным и бесконтрольным хозяевам своих паев, конечно, и в мысль не входило воспользоваться ими накануне: семья недель постился и несколько часов не додюжил — вот уж постыдно.

Перед Пасхой мы с братом из церкви неходим. В церкви хорошо, и всё напоминает нам, что праздников праздник недалеко: чистят подсвечники, наливают плошки, вставляют новые свечи, взят ельник да пыхтовник для церкви — все это только к Пасхе и делают. Всё это восторгает наши юные сердца, всему мы радуемся и ликуем»^{*}.

* * *

Этнограф М.В. Красноженова (с. Новоселово, 1872 г.): «Когда переходят в новый дом, то кланяются в старом доме на все четыре стороны и говорят: «Хозяйнушка-домовой, пойдем в новый дом на житье, на бытие, на богачество» — и идут в новый дом, где проделывают то же». Новоселье в Енисейской губернии называлось «влазины». В новый дом нужно переходить только на «полный» месяц.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерное планирование занятий

1. Храм и Вера. Двоеверие.
2. Посещение православного храма.

* Зобнин Ф.К. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа) // Живая старина. — 1894. Вып. 1. — С. 40 – 54.

II. Исследования

1. Восстановите изображение храма в вашем селении или приходе, опишите его и нарисуйте. Когда был построен храм? Когда закрыт или разрушен? Сохранилось ли здание бывшей церкви?
2. Запишите воспоминания о храмовом празднике в вашей волости. По имени какой иконы или святого назывался приход? Когда в селе проходил главный съезжий праздник, совмещался ли он с храмовым приходским праздником?
3. Нарисуйте план храма и определите расположение следующих его частей: алтарь, притвор, иконостас, престол, жертвенник, горное место, ризница, солея, амвон, клиросы.

III. Термины и понятия

Иконы, «божница», церковь, приход, «грех», крестное знамение, купель, православные праздники, двоеверие, язычество.

IV. Вопросы

1. Какие православные праздники вы знаете? Как они отмечаются верующими людьми?
2. Как взаимосвязаны православные, нравственно-этические и традиционные сибирские ценности?
3. Как, по-вашему, возникли верования: «Кидать хлеб на пол — грех»; «Есть в шапке хлеб — грех»; «Садиться на стол — грех»; «Хлеб творить нужно с молитвою»? Какие другие верования распространены в вашей местности? Каковы особенности двоеверия?

V. Музей

Экспозиция «Храм и Вера». Фотография или рисунок церкви прихода, ее план; история прихода, деревни прихода, причты. Храмовый праздник. Икона или изображение Храмовой иконы. Экспозиция «Святой» («красный») угол крестьянского дома». Божница, икона, книги, лампадка и др. Укращение «святого» угла.

Создание альбома о роли православия в жизни крестьянского мира, прихода, селения. Макет храма вашего села. (См.: Краткое описание приходов Енисейской епархии. — Красноярск, 1916).

Экспозиция или альбом о наличии двоеверия в мировоззрении старожилов вашей местности.

§ 37. КРУГЛЫЙ ГОД: ДОСУГ И ПРАЗДНИКИ СИБИРЯКОВ

37.1. ТРУД И ПРАЗДНИК

Сибиряк-историк А.П. Щапов дает нам понимание специфики труда и праздника: «Труд... есть условие права ... на увеселение пиром, беседой в праздник».

Важнейшим итогом «зарывного» труда становились отдых и увеселения. Поэтому в картине мира противоположность «труд — праздник» совмещалась с оппозицией «лето — зима». Естественно, увидеть в Приангарских селениях «праздного или пьяного во время летней страды невозможно», — отмечал этнограф А.А. Макаренко. Это сразу вызывало высказываемое общественное порицание.

В рапорте старшины Заледеевской волости Красноярского округа «О поселенцах худого поведения за 1843 г.» в качестве негативных черт выделяются не только их «худые поступки, ... всякие кражи и мошенничества, поведения предосудительные», но и отсутствие «усердных занятиев в страдные времена».

Время «зарывного» труда было так важно, что «в летнюю пору сибиряки робят и по воскресеньям, даже в дни Великих праздников на «помочах». В зимнее время приходило заслуженное право на отдых и праздник в «гулевые дни». Праздновали, чтобы показать результаты летнего труда: «Милости просим к нашему убожеству хлеба-соли кушать!» — в «соревновательном бауальстве» с гордостью приглашались гости к столу.

Праздники выполняли и функцию единения членов старожильческой общины: «В праздничную пору у сибиряков нет различия между бедными и богатыми» в одежде, поведении, приеме гостей, — отмечал алтайский крестьянин П. Школдин. Историк Н.А. Миненко, проанализировав сотни свидетельств, сделала вывод, что в селение «... свободно могли являться местные служилые, мещане, священники, ссыльные поселенцы, случайные проезжие, коренные нерусские жители — всех их ожидало соответствующее

возможностям хозяина дома угощение. Сказывалась в данном случае и специфика взаимоотношений разных социальных групп в Сибири – отсутствие резких границ между ними и сила идущих из прошлого обычаев».

Но мы не можем пройти мимо проблемы сибирских «гулянок» и всеобщего пьянства. Она волновала современников: общественных деятелей, публицистов, этнографов. Рассматривали ее ученые-исследователи культуры и быта старожильческой Сибири. Еще С.П. Крашенинников в XVIII в. осуждал привычку сибиряков-красноярцев, что они «по гостям... ходят и чересчур упиваться любят, потому что иные из них в один день почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан вина урвет... и хотя уже в такое состояние придет, что на ногах ходить не может... ползком ползет во двор, чтоб еще напиться».

Данные Ф.Ф. Девятова и С.П. Капустина середины XIX в. свидетельствуют о значительных расходах на вино. В течение года пили на праздниках, именинах, после «помочи», отмечали «приход с рыбалки и охоты», встречали дальних гостей, устраивали иные «помочи», делали настойки на водке, выпивали «с устатку». Всего в среднем старожильческая семья в селениях Минусинского уезда за год расходовала на алкогольную продукцию 41 рублей 50 копеек.

Неприглядная картина сибирских «гулянок» объясняется не нуждой и безысходностью, как в «российской» деревне. Истоки их связаны с высоким уровнем жизни старожилов: в установках сознания формировалась заповедь «веселого сезона» после изнурительного короткого летнего труда. Одновременно «гульба» воспринималась «даром божьим» за усердие в труде и формой «залога» на будущий год. Если итог жизни воспринимался как итог труда, то примечательны слова старого сибиряка: «Мне можно пить, у меня уже внуки работники».

В картине мира великорусского этноса труд был Божьим наказанием, «страданием» (отсюда слово — страда). Таким образом, праздник и отдых в Европейской России были не столько передышкой от работы, сколько временем обращения к душе, к Богу. Естественно, православная мораль устанавливала полный запрет на труд в праздничный день. В Сибири, наоборот, праздник — это, прежде всего, обращение к увеселению тела, а труд — обращение к Богу, к душе, средство нравственного воспитания.

Если в анализе старожильческой ментальности мы исходим из древнейших представлений, что «создание космоса произошло через укрощение хаоса», то труд действительно становился инструментом формирования оккультуренного мира. Труд для сибиряка был наполнен древнейшими ритуалами. Труд служил целям возвышения души. Нравственный человек — в первую очередь трудолюбивый человек. Труд выполнял важнейшую функцию формирования положительной личности, облагораживал душу. Поэтому в сакральном выражении труда присутствовали все праздничные атрибуты, праздничная обрядность. Рациональное мышление сибиряка придавало труду высшую ценность — существование «мира». Труд был главным инструментом преодоления «зла», труд становился благом, а не страданием.

Праздник становился временем обращения к физической сущности человека, к результатам труда. Отсюда праздник предполагал иную обрядность, несозидающего характера. Праздник допускал общение с силами «хаоса», «зла», с рациональными целями гадания, магии. В обрядово-игровой ситуации проигрывались сакральная борьба сил в оппозиции и победа «добра».

Череда труда и праздника на уровне глубинных этнических представлений в сибирском сознании выразилась в циклах воспроизводства смены «хаоса» и «космоса». Поэтому в сознании старожилов вино не только веселило, но и выражало явления сил зла, хаоса, дьявольщины.

Таким образом, воссоздавалась в реальности ситуация мнимого торжества «зла» и временного «освобождения» от жестких норм общинной жизни. Однако сила человека в том, что он может противостоять злу, победить зло и хаос винопития в себе. Поэтому современники писали, что в Сибири индивидуальное пьянство, пьянство в страдную пору, полная потеря контроля на длительный срок сурово порицались. Об этом свидетельствуют десятки слов, негативно выражающих отношение к данному явлению. Хорошему, «дальному человеку» не полагалось сверх меры «бузыгать», «буркалы заливать», «выдулить», ежедневно «зюзить» и «зенки заливать», без причины «хлобыстать», «быть на развезях посмешищем на людях», бесконтрольно «окосеть» и т.д.

Праздник являлся заслуженным правом трудолюбивого человека, итогом адаптации к экстремальным условиям Сибири, отра-

жением победы над силами «хаоса» без боязни «погрузиться временно в хаос». После праздничных радостей и «грехов» шло очищение трудом. Жизнь сибиряка представляется чередой установок на психологическое соревнование со «злом винопития» и победу его последующим трудом.

37.2. «ВЕСЕЛЫЙ СЕЗОН»

Годичный цикл труда и отдыха в прошлом определялся циклами народного и церковного календарей. Экстремальные условия существования, сверхнапряженный «зарывной» труд в течение четырех-пяти месяцев требовали продолжительного отдыха, нервной и физической разрядки. Многочисленные народные и православные праздники приходились, прежде всего, на осенне-зимний период, который сибиряки называли «веселым сезоном». Начинался он во второй половине сентября по старому стилю. Постепенно заканчивалось «жнитво», освобождалась от основных работ молодежь, и начинались «вечерки» — совместные увеселения девушек-сибирячек с работой, шитьем, прядением, иногда с вязанием.

В день «вечерки» девушки собирались в доме одной из участниц или специально нанятым или откупленном у какой-либо старушки за плату либо на условиях помощи хозяйке. Сибирские вечерки, в отличие от общероссийских, проходили и в праздничные дни, и даже в дни постов. Не обходились они без юношей; девушки при этом работали, показывая свое мастерство, а парни поддерживали веселое настроение, заводили игры, песни. Песни в Сибири пели более грустные, нежели веселые; отмечалось, что они не отличались мелодичностью. Многие песни сопровождались поцелуями, подобными были и игры. Но все без исключения современники отмечали целомудренность отношений между юношами и девушками, отношений открытых, шутливых, но без разврата. Отношения дружеского общения на вечерках чаще всего заканчивались свадьбой.

Всего за весь «веселый сезон» устраивалось от 5 – 7 до 10 и более «вечерок», в зависимости от местных традиций. В первой половине октября, после праздника Покрова, на посиделки (посибирски — «посиденки») начинали собираться замужние женщины. Посиделки и «беседы» часто представляли собой женские по-

мочи. Для совместного труда по рубке и квашению капусты устраивали «капустки»; для первичной обработки льна или поскони — «копотухи»; «субрядки» устраивали как помочь в прядении льна или совместную работу с прядением. Помочи заканчивались угощением собравшихся, но в любом случае «посиденки», «беседы» совмещались с работой. Если собирались в праздничные дни, то на столы выставлялись обильные яства, медовуха, пиво. Крепкие напитки среди сибирячек порицались.

Все увеселения активно продолжались до середины ноября, до начала Филиппова поста. Затем, с 20-х чисел декабря и до окончания Масленицы (до конца февраля — начала марта), происходил наивысший всплеск «веселого сезона». Завершались увеселения, посиделки и «вечерки» ко дню Святой Троицы. Летом же увидеть праздно гуляющего или пьяного человека было практически невозможно. Человек, любящий гульнуть (пьяница, по-сибирски — «зюзя»), навлекал на себя всеобщее осуждение и смех.

С осени и до весны сибиряки любили гостевать. Собирались друг у друга «по родству», «по свойству», «по соседству», «по товариществу». В сибирском словаре зимний вечер во многих местах так и назывался — «сидня». На подобные сидни-беседы собирались вместе семьями, отдельными «кумпаниями» пожилые люди. На беседах обсуждались радости и беды, новости и горести, делились планами и надеждами на будущий трудовой год. И, конечно, господствовали здесь сплетни и суждения. Как важно было жить, соблюдая общепринятые традиции, иначе жди пересудов... А.П. Щапов писал: «В сибирском обществе господствуют в высшей степени сплетни...», а енисейский губернатор А. Степанов уточняет: «...Сибиряки любят сплетни... так, для потехи ума, для увеселения сердца». Да, индивидуализм в Сибири расцвел в условиях постоянного соперничества и соревнования, но в рамках жестких «заветов предков», традиций общепринятых норм общежития.

В каждой компании желанными людьми были сказочники, рассказчики различных побасенок и быличек. Даже сейчас, спустя столетие, можно еще услышать от старожилов сказание о народе «чудь», жившем в Сибири до прихода русских и заживо захоронившем себя в подкурганных землянках в страхе перед приходом «Белого Царя». А черные березы, изредка встречающиеся как реликтовые, — рассказывают те сказания, — побелели от горя и ста-

ли навсегда белыми березами. «Бывалые» люди, по той или иной надобности выезжавшие в «Рассею», бывавшие постоянно на «ямщине», могли по несколько раз пересказывать одни и те же истории, превращавшиеся с мифологическими «добавами» в былички. В условиях замкнутости сибирской жизни желанными были гости «со стороны» — носители информации не из своего селения. Известно, что для сибирских крестьян была характерна и более высокая грамотность, чем в целом для России. Старожилы вспоминали, что их деды во второй половине XIX в. зимними вечерами собирались по 10 – 12 человек для коллективного чтения книг и газет и обсуждения прочитанного.

§ 38. ПРАЗДНИКИ И ПОЛУПРАЗДНИКИ

38.1. «ГУЛЕВЫЕ ДНИ»

Может сложиться впечатление, что жизнь сибирских крестьян в прошлом практически была чередой непрерывных рабочих дней. Однако в исследованиях этнографов XIX в. дается развернутая картина чередования периодов труда и отдыха. В народном сибирском календаре можно насчитать до 130 – 140 дней отдыха — «гулевых дней», что составляло более трети календарного года. Из них праздничным был 41 день, воскресными днями без праздников — 45 дней, а далее шли иные годовые, местные праздники, полу-праздники, общественные, возрастные и праздники по половому и «профессиональному» признакам.

Глубоко почитая все православные праздники, сибиряки особо выделяли Великие праздники с воздержанием в эти дни от работ. Это Рождество, Богоявление (Крещение), Трех Святителей, Благовещенье, Пасха, «Вешний Егорий», «Никола вешний», Троица, Петров день, Ильин день, Третий Спас, Покров, Казанской Божьей матери, Никола зимний.

К женским праздникам традиционно относились в Енисейской губернии День иконы «Утоли мои печали», Сретенье, Сорока Святых, Кирики-Улиты, Рождество Богородицы, Параскевы Мученицы, Варвары и ряд других. Женщины почитали и ряд так называемых «обетных» дней — праздников, когда давали обет-обещание на исполнение желания. Так, у бездетных, желающих детей, «обет-

ным» был день Анны — 9 декабря, а «обет» на благополучное рождение ребенка давали в день Варвары — 4 декабря.

Охотники, рыболовы, кузнецы, плотники, пчеловоды, ямщики — все имели свои «профессиональные» праздники, дни Святых — покровителей их занятий. Так, крестьяне особо почитали день Еремея-запрягальника — 1 мая по старому стилю (ныне 14 мая), с праздничным семейным обедом, общей молитвой и выездом на пашню «для почина». Народные лекари и знатоки трав священными считали дни Аграфены-купальницы и Ивана-купальника. В качестве примера можно привести и день Фрола и Лавра — праздник, устраиваемый в честь рабочих лошадей, а день Касьяна — 29 февраля — наоборот, для скота был зловещим. Сибиряки говорили: «Касьян на что взглянет, то и вянет». Скот в этот день прятали в конюшнях и стайках.

К празднично-воскресным дням «веселого сезона» добавлялись дни многочисленных свадеб, Святоточные дни, Масленичная неделя, Пасхальная неделя и др. В летние дни «гуляли» и веселились после устраиваемых помочей. Так, в чередовании дней труда и отдыха, сезонов летних земледельческих тягот и «веселого сезона», проходила насыщенная разнообразием жизнь сибиряков-старожилов.

38.2. ВЫДАЮЩИЕСЯ СИБИРСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Именно так назвал известный исследователь народного календаря Енисейской губернии А.А. Макаренко два сибирских праздника — День Сибири, отмечавшийся 26 октября, и день Святого Иннокентия Иркутского — 26 ноября.

«26 октября 1581 года Ермак, отпев молебен, торжественно вступил в Искер, или город Сибирь...», — так, выражаясь словами историка И. М. Карамзина, начиналась история сибирского края в составе Российского государства. День «Ермакова пришествия» приходился на день Дмитрия Солунского по церковному календарю, именно в этот день со второй половины XIX в., в условиях роста местного самосознания и патриотизма, окончательно утверждается общесибирский праздник. В этот день проходили повсеместно крестные ходы с молебнами в честь Ермака и его товарищей, в честь основателей острогов и первопроходцев. Ставились свечи в

память предков, первыми пришедших в этот край. В городах Европейской России сибирские землячества собирались на общие празднества. Сибирские губернаторы устраивали приемы, балы и банкеты. Посыпались поздравительные адреса. Особо отмечалась благотворительность и милосердие купцов и зажиточных крестьян. Старожилы за праздничным столом вспоминали свои «сибирские корни» и «благодарили Сибирь за ея изобилия и удобства».

38.3. СЪЕЗЖИЕ ПРАЗДНИКИ И КАНУНЫ

К наиболее значимым праздникам местного значения в Енисейской губернии относились *престольные* и *храмовые* — праздники, устраиваемые в честь имени своего храма. Это был праздник всего прихода, объединявшего до 15 – 20 деревень.

Например, 23 ноября, в день св. Митрофана, был престольный праздник в с. Тигрицком Минусинского уезда; 8 ноября, в Михайлов день, — престольные праздники в сс. Большая Мурта, Чернореченское, Сонское и др. В день Рождества устраивали престольные праздники в с. Таштып, г. Енисейске (с 1758 г.), с. Усть-Питском Енисейского уезда; на Вознесенье — престольный праздник в с. Рождественском Канского уезда; в Ильин день — в Пирровском, Чащино Енисейского уезда; в день иконы Казанской Божьей Матери — в сс. Ужур Ачинского уезда и Имисском Минусинского уезда и др.

В дни престольных праздников было принято устраивать в волостных селах *«съезжие» праздники*. Проходили они очень своеобразно: село принимало в гости крестьян всех окрестных деревень, а затем эти селения по очереди встречали гостей у себя. И так, «по кругу», гостевали весь год.

Съезжались обычно по 100 – 300 мужчин и женщин в нарядных одеждах, с гостинцами-подарками, как родственники, так друзья и знакомые. Отмечалось, что в эти дни стирались различия между зажиточными и «слабыми» — все одевались в «фабричные» одежды, а женщины — так, «как в России женщины благородного сословия». Гостей приглашали в дом «по возможности» — кто по 15 – 30, а кто по 1 – 2 человека. Но всех старались угостить «от души». Часто приглашали первых встречных, прямо из толпы на улице, и вели в дом.

Священник Т. Попов писал об этом так: «*Приготовляясь к празднику, каждая хозяйка за неделю и более начинает варить пиво, настрыпывает различных кушаньев. Гостей встречают во дворе. После приветствия и спроса о здоровье вся толпа входила в горницу, при этом хозяева шли позади всех. Самовар уже готов, тарелки расставлены. Непременно здесь шанежки с клубникой и смородиной, разные пирожки, калачи, мед, постное и скромное масло. Чем исправнее крестьянин, тем более стол усложнен*».

Гости старались побывать во всех домах; часто вышедшие из-за стола, закусив порядочно в одном доме, отправлялись в другой. Молодежь собиралась вместе, ходила по домам и улицам, вечером шла в один из домов на «вечерку». Часто знакомства молодых людей в съезжий праздник заканчивались браком. Встречались в съезжие праздники родственники из соседних селений, «кумовались», принимали гостей «городских» сословий в любой дом. Часто съезжие праздники в больших и богатых волостных селениях сопровождались ярмарками («ярманками»).

Еще на рубеже XIX – XX вв. во многих таежных глухих селениях по Ангаре и Енисею отмечались «кануны» — совместные трапезы членов общины, устроенные в складчину. Кануны-братчины неоднократно запрещались властями и церковью. Истоки их уходили в глубокую древность, в языческие времена. Кануны относились к числу «заветных» праздников, традиционных для данного селения, в честь святого или особого события. Они имели в основе и «избавление от бедствия или чудесное знамение».

На собранные «общественные» деньги варили в специальном кotle пиво для «кануна». Это пиво носило одноименное название. В складчину готовили праздничный обед. В день кануна проводили торжественный молебен в честь святого, устраивался Крестный ход вокруг селения или на поля. Затем все шли в специально откупленную для празднования избу, где за общим столом трапезничали. Примечательно, что во многих селениях пиво пили из больших чаш-братин. Следовательно, это был праздник единения членов общины. Как кануны, так и съезжие праздники сплачивали жителей селений и волостей в единое сообщество старожилов сибирского края.

38.4. СВЯТОЧНЫЕ ВЕЧЕРА

Святочными сибиряки называли дни от Рождества до Крещенья (Богоявления). Они делились на собственно Святочные дни, от Рождества до Нового года, и «страшные» вечера, продолжавшиеся с Рождества до Крещенского Сочельника.

В Предрождественский Сочельник готовили лучшие кушанья, варили пиво с травами и ягодой, пекли различные «прикуски», особо тщательно делали уборку в доме и обязательно мылись в бане. На Рождество было принято всем «гостеваться». «Сосед к соседу — ходят на беседу», — говорили сибиряки. Гостевания чаще всего шли постоянными многолетними «кумпаниями». В Святочные дни дети, подростки, а местами и взрослые люди ходили по домам со святочной «звездой», кое-где с «вертепами», славили Христа и пели святочные песни, подобные этой:

*Славитё, славитё,
Сами про то знаетё...
Я по булочку пришел,
По калачику пришел,
И по шанежжу пришел.*

*...А хозяин во дому,
Што Адам во раю;
А хозяйка во дому,
Што аладья во меду...*

Славельщиков одаривали деньгами, угощениями. Бывало, что крестьянин-старожил попадал в полосу неудач и «разорения в домохозяйстве», в «худое состояние». Для поддержания семьи он мог объявить себя «христославцем». Снарядив кошеву, он обезжал окрестные зажиточные селения, славя Христа. Согласно общепринятым правилам «христославцы» щедро одаривались зерном, другими продуктами и, благодаря сочувствию и помощи, благополучно выходили из безнадежной ситуации.

В Новогодние ночи дети и подростки ходили по домам односельчан, «посевали» зерном и пели:

*Сею-сею, посеваю,
С Новым годом поздравляю,
Со скотом, с животом,
С малым детушкам...*

Как и славельщиков, посевальщиков щедро одаривали. Современники отмечали, что за 2 – 3 вечера иной подросток мог «заработать» до 5 – 10 руб.

С Новогоднего вечера, накануне Васильева дня (ныне — с 13 на 14 января), сибиряки верили — на божий свет выходит «нечистая» сила. Повсеместно принимались меры-обереги против «волхитства»: на дверях амбаров, конюшен, стаек, на воротах усадеб рисовали углем или выжигали Рождественской свечой кресты. В Новогодний вечер старались надеть лучшие одежды, ибо «как будешь хорошо одет на Новый год, так и будешь одет круглый год»; «Если приготовишь много перемен блюд и вкусных яств, то сытно будешь есть весь год». По поверьям, старались не давать в долг деньги — недостаток будет, но получать деньги от других — к прибыли.

Молодежь вечерами собиралась на «вечерки» с «игришшами», но только до первых петухов — иначе «набежит нечистая сила, шишкуны». Веселились и «машкированием», ряжением в разные одежды и маски. Вот как описывал Н.А. Костров эти увеселения: *«К святкам здешний (минусинский) крестьянин успел окончить все свои важные дела; теперь ему можно отдохнуть от трудов, можно и повеселиться»*. Далее следует подробное описание святочных вечеров. Происходило это примерно так:

...В каждом селении в эти дни устраиваются посиделки пожилых людей: старики и старухи чинно сидят в доме своего сверстника, говорят о своих делах, пьют чай, вино, пиво, но понемногу; на столе — тарелки с пряниками, изюмом, кедровым орехом, обязательно рыбный пирог, различные «приуски»...

На улице раздается шум, говор — кто-то подъехал с колокольцами и бубенчиками к воротам. Двери распахиваются, и входят «машкированные». Это молодежь, человек 15 — 20. Играют на балалайке, гармонии. Старики и старухи стараются узнать, кто под той или иной маской — «личиной». Узнают конечно — все свои. Гости садятся за стол, лакомятся угощениями, поют и отправляются дальше, в другой дом. Ряженые изменяли походку, голос, манеры, старались насмешить хозяев и остаться неузнаваемым».

М.Ф. Кривошапкин описывал некоторые из масок: «бука» — лицо в саже, на голове рога, на ушах лохмотья; «черт» — с рогами и хвостом; «шаман» — в маске, в тунгусском платье, с бубном и обвязан колокольцами; «смерть» — в белой маске, нос из свеклы, с клыками из репы, в белых одеждах; «медведь» — человек в медвежьей шкуре, становящийся то на четвереньки, то «на задние лапы».

В «страшные вечера» сибирячки любили гадать: на судьбу, на замужество, на здоровье — болезни, на суженого и даже на жизнь — смерть. Форм гаданий в каждом селении было множество: гадали на проруби, на гумне или в бане, с белым конем на «розстанье» дорог, ворожили со свечами и зеркалами, кольцами и водой и др. Накануне же Крещенья в Сочельник девушки и женщины могли поворожить «на жизнь»: ложку с водой на ночь клади в сенях к порогу. Если замерзала та вода «бугром», то жить, а если «с логом» — помереть. Но далеко не каждая рисковала решиться на подобное гадание...

В Крещенский вечер вся семья садилась вокруг ведра с водой. Заволнуется вода — все бегут на улицу — «открываются небеса»! Просили, что пожелается, считали, что все пожелания исполняются, а счастливому человеку Бог пошлет особую милость.

В день Крещенья (Богоявления) ходили молиться на «ярдань» — прорубь, украшенную еловыми веточками, освященную священником. Набирали воду на весь год — она считалась «святой», умывались ею, а те, кто «машкаровался» и, тем более, надевал маску черта, обязательно старались искупаться в проруби. На заре в Крещенье заканчивалось «испытание судьбы», завершались последние гадания. После Крещенья начинался новый период — свадьбы, веселые игрища и вечерки.

Макаренко А.А. Первое января в ангарских селениях (по новому ст. 14 января). «Новой гот» (год), он же «Васильев день».

Накануне, 31 декабря вечером, сибирская деревенская молодежь обоего пола ... бывает занята ворожбой на излюбленные темы — кто и куда выйдет замуж, кто женится, какую возьмет жену и т.п. В Пинчугской волости ... ворожба «на Новой гот» сопровождается пением «подблюдных» песен при участии девушек и «холостяжника» (парней), которые собираются для этого в одну из подходящих жилых изб. В этом случае пинчужане поддерживают обычай жителей великорусских губерний Российской Федерации.

За один стол более десяти человек (девиц и парней) не садится, чтобы на каждого человека пришлось бы по одной песне. Стол покрывают белой скатертью; каждый из участников, взяв кусок хлеба, кладет его под скатерть перед собою; на поданную тарелку складывают десять колец (требуется хорошо знать свои кольца или класть на них «приметки»). Тарелку закрывают «натуго» платком; тогда

поют песню; перед окончанием ее кто-нибудь из не участвующих в игре ... встряхнув тарелку, вынимает сквозь щелочку в платке первое попавшееся кольцо: чьим оно окажется, тот и «завечает» на себя (загадывает). По этой песне узнается, кто выйдет замуж или женится.

Окончив «подблюдные» песни, приступают к ворожбе. Здесь я отмечу наиболее характерные формы сибирской ворожбы... Надев на безымянный палец правой ноги кольцо, эту голую ногу купают в «пролуби» (проруби). Одну палку гадальщица, допустим, кладет поперек проруби, другую — «замыкат» прорубь; поэтому одна палка обозначает «замок», другая — «ключ»; этим ключом повертывают в проруби три раза «против солнца» и уносят домой; замок остается на месте. С проруби возвращаются «взапетки», приговаривая: «Суженой-ряженой, приходи ко мне просить ключ от проруби, коня поить, кольцо просить!». Какой молодец придет во сне по ключ, тот и женихом будет. Так же ворожат парни себе невест.

Девушки одни ходят на гумно или в баню, чтобы «гумённый» или «банной» погладил подставленную нарочно для этого голую часть тела: мохнатой рукой погладит — к богатому замужеству, и наоборот. Девицы и парни, собравшись в один кружок, воруют на время «белу кобылу» или коня, выводят на «расстаньё» дорог, завязывают ей глаза мешком; а когда на нее сядет девица или парень, до трех раз кружат и отпускают на свободу: в какую сторону пойдет лошадь, туда девушка выйдет замуж, а парень оттуда возьмет жену.

В Новый год, на заре, «челядь» (дети) бегает по избам в одиночку или группами и «посеват» овсом, как это совершается и в России. Зерна бросают в «передней» или «красной угол» (где образа — «Бога»), а сами поют. Маленьких «сеятелей», в которых видят предвестников будущего урожая «хлебушка» и нового счастья для людей, одаривают, чем только могут. Вечером лица обоего пола, от мала до велика, «машкаруютца», т.е. маскируются, кто во что горазд, и посещают избы или «бегают нарятчикам» с целью потешить хозяев. В «откупных» (нанятых) избах затеваются «вечёрки» или «вечереньки», с «игришшам», т.е. пением, пляской и разными играми. Но в Васильев день (1 января) на Ангаре «вечереньки» стараются окончить до полночи (первых петухов), чтобы избежать посещения так называемых шиликунов (нечистая сила).

Было однажды, по поверью пинчужан ... что на вечерку, затянувшуюся далеко за полночь, прибежали черти в виде маленьких людей на конских ногах, в «голых парках» (тунгусская одежда), с острыми головами и разогнали вечеринку. В последующие затем дни производятся обычные работы; но вечерки и маскарады продолжаются с необыкновенным оживлением вплоть до Крещения.

38.5. МАСЛЕНИЦА

Последняя неделя накануне Великого поста отмечалась как праздник Масленицы. Праздник этот был «не в числе», устанавливался в зависимости от Пасхи, за семь недель до нее. Каждый день масленичной недели традиционно отмечался по-своему. Так, обязательно в каждом селении и городе, часто в каждом «кутке», «краю» селения устраивали свою горку, по-сибирски — «катушку». Катушка была обязательно пролита водой и заморожена. С первого дня Масленицы начиналось на ней катание людей всех возрастов на санях и санках, а чаще — на коровьих шкурах. Парни катались, держа девушек на коленях. Царило всеобщее веселье, шутки, смех.

Затем происходили, как и в дни святок, массовые катания по улицам на разряженных лошадях в кошевах, мальчики катались на жеребятах-лончаках. В эти же дни, со среды, начинались всеобщие «гостевания» — пирования с обильными кушаньями. Ездили в гости к «теще на блины», «на посиделки к золовкам». Непременными масленичными кушаньями на столах были разнообразные блины. Современники писали, что блины в Сибири можно отнести к самым любимым блюдам. Разнообразие их поразительно!

В дни Масленицы, особенно в субботу, по улицам ездили на разряженных «худыми» рогожами и лохмолями санях и возили «Масленку» на бревне с колесом. В сани садились ряженые, музыканты, разыгрывались шуточные представления. Не менее веселой была игра «Взятие снежного городка». Ее достоверно изобразил на своей картине В.И. Суриков.

В последний день Масленицы было «Прощеное воскресенье». Ближе к вечеру все начинали просить друг у друга прощенье за все обиды, слова и поступки, со слезами каялись «за помышления и ябеды». Один из современников писал, что в Сибири в отдельных местах «плач и прощания» стояли, как в День Страшного Суда.

Прощали все обиды, говорили: «Бог простит» — и целовались троекратно.

Со следующего дня начинался самый значимый, Великий пост. В первый понедельник после Масленицы — сибиряки называли его «чистым понедельником — мылись в банях — «очищались от грехов масленичных». В этот день, по словам этнографа М.В. Красноженовой, было принято запряженную лошадь покрывать рыболовной сетью: значит, настал Великий пост и нужно есть рыбу, а не мясо. С началом поста затухало ненадолго веселье в сибирских селениях...

38.6. ОТ ПАСХИ ДО ТРОИЦЫ

Последняя неделя накануне Пасхи называлась страстной. У сибиряков особо чтимым был четверг. Называли его «чистым», и не только потому, что фанатично любящие чистоту старожилы промывали все углы и закоулки в доме, но и потому, что день был важным для священномучеников.

Традиционно готовили в ночь на четверг «четвергову соль»: клади на ночь на загнеток печи соль в мешочке. Наутро она опаливалась огнем и, почитаемая как чудодейственная и лечебная, использовалась для лечения, от порчи. Пасха в Сибири, по воспоминаниям, отмечалась более скромно, чем в Европейской России. Традиционно «гулевали» всем селом — праздновали «на природе», в лучших нарядах, на просохших полянках. Обязательно обменивались выкрашенными накануне яйцами с первым встречным, считалось, что оно, положенное на «божничку», не испортится и спасет от «нечистова». При встрече обязательно «христосовались» и троекратно целовались. Во многих селениях было принято стрелять из ружей, устраивать «гостыбу».

В день Пасхи крестьяне устанавливали иконы в зерновые хлеба, насыпанные в сито. Важнейшим был запрет бросать что-либо за окно и лить туда воду — говорили, что в этот день «Христос под окном ходит».

На второй день Пасхи все от мала до велика выходили качаться на «качули». В каждом селении их было несколько, разных размеров, для детей и взрослых. Бывали случаи, что разбивались на «качелях» насмерть — тех было принято хоронить на месте гибели. Со

второго дня Пасхи и вплоть до Троицы повсеместно молодежь водила хороводы, устраивали игры и игрища. Особенно веселым был праздник Вознесенья: на горках варили и красили яйца, стреляли из ружей — «Христа провожали на небо». На четверг перед днем Троицы, на Семик, «заплетали» (украшали) березки, делали это обязательно девушки в лучших нарядах, с бусами в косах.

Конечно, с весной «веселый сезон» заканчивался, начинались дни сева, но праздник Святой Троицы, как передышку перед летними работами, отмечали очень широко и весело. С «заплетенной» березкой, «гостейкой», ходили с песнями по улицам, на полянах заводили массовые игры, хороводы. Особенное волнение испытывали девушки: в «заветном месте» осматривали заплетенные накануне ветви березы. Если расплелась «березовая коса», то девушке суждено было выйти в этом году замуж, если завяли ветки, не к добру это...

На Троицу свивали из березовых веток и цветов венки и пускали на воду: поплывет — к долголетию и счастью, закружится на месте — к тревоге, утонет — к несчастью. На праздничные столы в день Троицы было принято ставить «еишню на молоке» (ныне — омлет). В день Святой Троицы в Сибири возродилось старинное древнерусское правило, забытое в Европейской России к XVII — XVIII вв., — посещение могилок предков на кладбище.

На следующий день после Троицы, в Духов день, заканчивались последние молодежные увеселения, «вечерки», игры и развлечения «веселого сезона». Как говорится, «Делу — время, потехе — час».

§ 39. ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Праздники и досуг сибиряков, как и везде в России, не обходились без игр, хороводов, песен, танцев. На «вечерках» молодежь любила играть в жмурки — «имальцы». При этом водящему не только завязывали глаза платком, все присутствующие «жгутовали» его — били жгутами, свитыми из платков. Играли в «фанты».

Одна из игр подобного рода была следующей. Жгли лучину и под пение песни «Жил-был курилка» передавали лучину из рук в руки по кругу. В чьих руках лучина потухнет — с того и фант. Играли в «рублики»: монету передавали по кругу из рук в руки, водя-

щий, стоя, угадывал, в чьих руках монета. До сих пор известна подобная игра — «Кольцо»: по кругу пускали кольцо на шнурке. Детскими и молодежными играми были «Щука», «Медведь», «Чародей», «Академия», «Золото хоронить», «Соседи», «Иголка» и др.

После Пасхи начинались «улошные» игры на свежем воздухе. Играли в «прятки». При этом в Сибири, писали, принято было водить и прятаться попарно, юноше и девушке. Любимым развлечением были «скакули». Еще в середине XVII в. приезжавшие отмечали, что «в Сибири жонки и девки на досках скачут». Играли в подвижные игры: «Чур, не догонишь», в «разлуку», в лапту. При этом, демонстрируя смелость и силу, подвижность и ловкость, играли как юноши, так и девушки.

Современники описывали, что, играя в лапту, девицы «били по мячу так, что он исчезал из виду». Из игр в мяч любили «Мяч об стенку», «Мяч об землю». Молодые мужчины и подростки любили играть в «бабки», «чехарду», в «свайку», в «городки» — чуги. Впрочем, Н.М. Ядринцев писал, что и девушки-сибирячки повсеместно «играют в чехарду, предварительно подчебарившись», т.е. надев штаны — порты.

Очень популярны были хороводы с песнями, многие из них, кроме того, были связаны с игрой. Так, водили хоровод и пели:

*Молодица, молодичка,
Ты же молодая!
Подушка, подушечка,
Ты же пуховая!
Кого любишь, кого любишь,
Того поцелуешь,
Пухову подушку
Тому подаруешь...*

В центре хоровода «водила» девушка с платком и при последних словах отдавала платок парню по выбору и целовала его.

На Троицу и другие весенние праздники молодые мужчины и юноши занимались гимнастическими «забавами»: перетягивались на палках, боролись попарно друг с другом или «край на край», иногда состязались с другой деревней. Для победы нужно было уронить противника три раза.

В начале XX в. наряду с борьбой распространяются в Сибири и кулачные бои. Бились обычно «край на край» — часто старожилы и

переселенцы или молодежь старожильческих сел и переселенческих. При этом существовали жесткие правила: нельзя было быть «лежачего», ни в коем случае не били ногами, нельзя было быть со спины, сзади, присевшего. Строжайше запрещалось использовать посторонние предметы — в кулаке ничего не должно было быть. Нарушителей традиционных правил била своя же команда. Но все же более распространенными были игры состязательного характера.

С детства в играх «проигрывалась» взрослая жизнь. И столетие назад дети играли в «дом», в «куклы», в «стряпчие», в «пятнашки», в лапту. Многие игры учили навыкам труда, готовили к взрослой жизни с ее заботами и обязанностями. Большинство игрушек представляли собой уменьшенные копии орудий труда, предметов быта, а сами игры способствовали физическому развитию, совершенствованию навыков и умений, глазомера, быстроты, ловкости, взаимовыручки. Важно было понимать друг друга, соблюдать общепринятые правила, «не хлюздить» и не обижаться в случае проигрыша. Игры способствовали гармоничному развитию тела и духа.

В отличие от непрерывного, напряженного летнего труда в течение 3 – 4-х месяцев по 14 – 17 часов в сутки с кратковременными передышками, зимний период был для крестьян непрерывной сменой форм отдыха, чередованием более легких зимних работ и забот с увеселениями и праздниками, череды обильных застолий — с днями постов. Сибиряк в прошлом с нетерпением ожидал дней зимнего «веселого сезона». Причем не будем забывать, что веселье и праздники были заслуженной наградой за усердный летний труд. Праздники проходили по традиционным «народным сценариям», веселили и развлекали себя сами, скуки не было. И, конечно, народные праздники, «посиденки» и «беседы», игры и «гулевания» сплачивали и объединяли сообщества старожилов-сибиряков. Традиционная народная культура старой Сибири по-своему поучительна, высокохудожественна и ценна для потомков.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Казак. «Всехъ играющих должно быть нечетное число, встают все парами, держась за руки, одна пара позади другой. Впереди всех, спиной к парам, стоит «казак», который произносит: «Раз... два... три!». При последнем слове задняя пара бежит мимо казака.

Казак гонится за ними, намереваясь кого-нибудь поймать. Бегущие стараются соединиться вместе; если им это удается, то «казак» опять встает на свое место. Кого «казак» поймает, тот должен стать «казаком»».

Царь. «Мальчики и девочки выбирают одного и сажают подаль от себя. Сами обсуждают — что бы такого не отгадал царь. Придумав, подходят к «царю» и говорят: «Здравствуй, царь-государь!» — «Здравствуйте, дети мои, где вы были?» Играющие показывают неопределенно: «Там и там». — «Што вы делали?» На этот вопрос играющие начинают молча показывать, что они делали. Царь старается узнать... Это продолжается до тех пор, пока царь не отгадает. Когда он угадает, все убегают. Кто будет пойман, тот становится царем».

* * *

Святая Троица (Западная Сибирь). Вечером в Троицын день молодые люди обоих полов собираются на полянку — так называется праздничное сборище, происходящее на берегу реки Ницы. На полянке девицы и молодцы, взявшись за руки и составивши несколько рядов, ходят один ряд за другим, распевая песни. Это называется ходить в кругу.

На полянке же играют караулом. Играющие делятся на пары и становятся одна пара за другой. Один или одна из играющих становятся на караул. Игра состоит в том, что пары поочередно выбегают вперед, а стоящий на карауле во время бега старается поймать их. Если это ему удается, то он вместе с пойманым игроком составляет пару, а оставшийся становится на караул.

Одну из самых необходимых принадлежностей полянки составляет борьба. Обыкновенно борцы из верхнего конца [селения] борются поочередно с борцами из нижнего конца. Борьбу ведут только двое, остальные же в качестве любопытных окружают место борьбы толстым живым кольцом.

Борьбу всегда открывают маленькие борцы. Каждый борец, выходя в круг, должен быть повязан через одно плечо и вокруг себя опояской. Цель борьбы заключается в том, чтобы уронить противника на землю три раза. Кто успеет это сделать раньше другого, тот

считается победителем. Во время борьбы опускаться руками от опояски строго воспрещается.

От маленьких борьба постепенно переходит к большим. В конце концов остается самый искусный борец, которого никто не мог победить, и он, как говорят, уносит круг. Унести круг — это значит одержать такую победу, которая служит предметом гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, к которым он принадлежит^{*}.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерное планирование

1. Праздники, развлечения, игры в сибирской деревне.
2. «Вечерка». Игровое занятие во внеурочное вечернее время.

II. Термины и понятия

Храмовый престольный праздник, съезжие праздники, вечерки, супрядки, посиделки, беседы, святки, ряженые.

III. «Вечерка»

Соберите местный этнографический материал об отдыхе и развлечениях, об играх в вашем селении в прошлом. Запишите воспоминания о «вечерках», «беседах».

Разработайте сценарий игрового занятия. Определите дом, где состоится «вечерка», время, занятия участников (шитье, вышивка, прядение и др.), одежду участников, порядок небольшого чаепития и др. На основе собранного этнографического материала, дополнительной литературы подберите игры для занятия, песни, загадки, скороговорки, шутки и др.

Пригласите 2 – 3 пожилых людей, помнящих старинные посиделки, праздники, игры и развлечения молодежи в прошлом. Они помогут вам лучше «сыграть» роли участников, подскажут соответствующую обстановку (скамьи, лампы, одежда участников и др.).

* Зобнин Ф.К. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа) // Живая старина. — 1894. Вып. 1. — С. 40 – 54.

Постарайтесь не превратить «вечерку» в театрализованное представление: цель занятия — совместное общение, отдых, игры и развлечения с элементами «старого» труда, постижение духа старой Сибири.

IV. Исследования

1. Провести исследования о храмовом престольном празднике села, о съезжих праздниках в вашей местности, о праздничных обычаях. Сохранились ли традиции старых праздников?
2. Записать сохранившиеся в селении старинные песни, поговорки, детские считалки, старинные частушки и др. Записать воспоминания о святках и ряженых. Описать сохранившиеся старинные детские игры, развлечения, игрушки.

V. Музей

Экспозиция, раскрывающая характер проведения досуга в вашей местности. Собрать старинную одежду, украшения, праздничную сбрую, колокольчики и др. Оформить альбом «Старинные народные игры и развлечения».

§ 40. СТАРИННЫЕ СИБИРСКИЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

40.1. СВАДЬБА

В условиях монотонности, упорядоченности крестьянской жизни и отдаленности от центральных районов свадьба, как и подобные события, превращалась в яркое театрализованное представление, драматизированный обряд, венчающий важнейший выбор в жизни молодых людей. Обряд российской свадьбы, родившийся в глубокой древности, был принесен в Сибирь, но, сохраняя главные сюжетные и структурные компоненты, претерпел определенные изменения.

Молодежь в Сибири, более свободная по духу и нравам, имела возможность свободного выбора спутника жизни. Важнейшим условием создания семьи являлась хозяйственная целесообразность. Исследователи отмечали, что, по документам XVIII – начала

XIX вв., невесты часто были старше женихов: семья старалась «заполучить» в дом прежде всего работницу.

В Енисейской губернии в ряде мест был распространен обычай формального похищения невесты. М.Ф. Кривошапкин, описывая этот обычай, замечает, что, договорившись по согласию, жених «похищал» невесту. Мать невесты вопрошала при этом: «Как в глаза людям смотреть? В чужой дом, поди, дочь отдаю. Своими руками отдать, что-ли? У нас ей хуже живется?» После «похищения», правда, невеста возвращалась (обряд соблюден), а затем начинался ритуал сватовства.

Сватунья от имени жениха шла сватать невесту. На первой ступеньке крыльца она говорила: «Как твердо и крепко стоит нога моя, так будет крепко и твердо слово мое. Чтоб что я думаю, то и исполнилось». Становились на ступеньку только правой ногой. Сватать мог и сватовщик. Пройдя в избу, сватунья садилась под матицу, на скамью. «Под матицу не сядешь — в новой семье связи не будет», — говорили в Сибири. Матица дом вяжет, и скамья при этом должна быть продольная, а не поперечная матице, иначе жизнь поперек пойдет!

Сватунья сначала заводила разговор «ни о чем», а потом сообщала: «Я к вам пришла не пировать, не столовать, а с добрым делом, со сватаньем!

У вас невеста, а у меня — жених. Станемте-ка родство заводить!» Отец отправлял мать за загородку, в куть к невесте — дело то девичье. Невеста в Сибири была вольна выбирать, могла и отказать. Отец в таком случае говорил: «Молода ведь, хочет побывать в девках, отцу-матери поработать, ума-разума накопить». Или мог сказать: «Ждите до проку (т.е. через год)». В случае согласия сватунье передавался платок невесты. Все «переговоры» вел отец невесты.

Затем назначался особый день рукобития. В этот день отец, мать жениха и сватунья шли в дом невесты. «Удостоверялись», что невеста именно та, что нужна их сыну, и скрепляли рукобитием важное событие. Это был старинный обычай народной «скрепы» серьезного дела. Отцы били по рукам. «Господи, благослови, в добный час». Молились. Отец благословлял невесту. Затем пили по рюмочке «разъездной», а невеста с подругами проводила ночь «в

рыданиях и причитаниях» — пели песни «с упреками и слезами», за то что «отдают в чужой дом».

На смотренье, через сутки, встречались «впервые» невеста с женихом. Здесь были родные, крестные родители, приглашали: «Беседовать просим». На столе вино, лакомства. «Вот, смотрите нашего жениха, а нам кажите-ка невесту свою», — говорила крестная мать. Невеста и жених становились на одну половицу под руку, ближе к образам жених, а к двери — невеста, затем происходило обручение с поцелуем, обмен кольцами. Важен был обряд с платком, когда невеста, жених, отцы их брались за четыре угла платка, а затем невеста и жених переплетались углами и целовались. После этого все садились за столы; угощениями и лакомствами обносили всем — взамен гости клали деньги. Жених на тарелке дарил подарок невесте, та принимала с поцелуем.

Невеста провожала жениха на крыльце дома. Все уезжали. Молодежь оставалась у невесты, затем жених возвращался один, и начиналось веселье: песни, игры, угощения. Песни в этот раз пели более веселые. В них — примирение с новой жизнью, описание будущей жизни невесты в доме жениха и др. Веселье продолжалось допоздна.

Следующим этапом была вечеринка, или «девичник». В этот день невеста с подругами шла в баню, ей расплетали косу. Возобновлялись слезы. В бане невесту накрывали платком, затем наряжали, вели в дом. На украшенном возке приезжал разряженный жених с целой свитой друзей. Он торжествует! Один из родственников невесты, «зватай», приглашает всех в дом. Входят сватуны, затем жених, потом все остальные. После приглашения садятся за столы: допоздна поют песни, угощаются, общаются, ведут разговоры о свадьбе...

После рукобития и до свадьбы назначались должностные лица свадьбы. Обряд предполагал следующих: для жениха и невесты — благословленные отец и мать (крестные родители), со стороны невесты — две свахи, одна постельница (чаще всего ею была повитуха), один продавец косы, один «заобразник» (мальчик с иконой-«образом») и двое бояр. Со стороны жениха — один тысяцкий, один дружка (знаток всех обрядов, управитель свадьбы), одна подружка, две свахи, четыре боярина.

Завершает ритуал бракосочетания день свадьбы. Действие продолжается в этот день с восхода солнца и до «за- полночи». Дружка жениха разряжен: через плечо у него полотенце празднично вышитое, пояс нарядный с висящими на нем платочками, в руках — плеть. Он ранним утром навещает невесту. «Как спалось? Как здоровье?» — справляется от имени жениха. Вторым приездом дружка везет подарки от жениха. «Повелел князь наш передать», — говорит. Дарили обычно платки цветные, шубу соболью, наряд подвенечный, зеркало подставное и др. «Приглашать ли князя ко красну крыльцу?» — спрашивал дружка, и разговор шел о дальнейших действиях в этот день. Младший брат невесты везет приданое: перину, подушки, одеяло, полог, различное шитое и натканное в сундуке. Едет он с образом и со свечой. С ним на санях сидит «приданка», повитуха-постельница. Она едет готовить в подклети или другом месте брачную постель. Следуют угощения, взаимные одаривания платочками.

А в доме невесты праздничное оживление. Готовят невесту к венцу; она одевается перед зеркалом с рыданиями, «прощается» с подругами. Затем все садятся за стол. Рядом с невестой ее младший брат — продавец косы. Жених уже уведомлен о готовности в доме невесты.

Проехав по всем улицам деревни, к дому невесты подкатывает свадебный поезд — процессия. Традиционны возгласы: «А тот ли это дом?», «Открывайте ворота!» Но это только за откуп: нужно выложить «гривну золотую» за ключ от ворот. Въезжают во двор. Здесь свахи обмениваются пивом и далее следует ритуал ввода «во дом, во палаты». Младшему брату невесты нужно «золоту гривну на поднос выложить — русу косу невестину выкупить». Ударяет плетью — «Мало!», требует еще денег. Наконец, «косник» доволен полученной суммой. Сваха слегка расплетает косу невесте. Все вместе садятся за стол. На нем всевозможные кушанья. Жених и невеста не имеют права пить на свадьбе: слегка пригубливают вино. Следуют три перемены блюд. Перед родителями невесты ставят гуся, которого по обряду они должны съесть вдвоем. Гусь символизировал нравственную чистоту и непорочность невесты.

Идет взаимное одаривание подарками с прибаутками и тостами за молодых. Наконец собираются ехать в церковь. Родители невесты благословляют молодых. Следуют три глубоких поклона. Все

рассаживаются в сани. Впереди поезда мальчик-«заобразник» держит в руках Образ Благословенный. Дружка держит его за руку и с «приговором» три раза обводит поезд, процессия трогается к храму. Веселье, песни, прибаутки! По традиции у всех головы не прикрыты шапками. Лошади и дуги саней украшены лентами, колокольчиками, шаркунчиками. Кругом стреляют из ружей. Встречные поздравляют молодых.

В церкви «тайство освещения брака и молитва за благополучие ея» по православному обряду дополнялись чисто сибирским обычаем, когда на полу храма расстилался платок и молодые становились на него, жених правой ногой, а невеста — левой. При этом считалось счастливым поверью, если невеста во время венчания сжимает в левой руке корку хлеба — значит, жизнь пройдет в довольствии.

Далее свадьба перемещается в дом жениха. Подъезжают к дому, а дружка громко объявляет: «Прибыл наш князь новобрачный, с молодой княгиней и со всем полком, честным поездом на широкий двор. Приказал объявить, что он под злат венец встал и Закон Божий на голову получил! Извольте встречать с радостью!».

Встречают хлебом-солью, молятся, садятся за стол. Начинается свадебный пир. Первая чарка вина наливается жениху, — он передает ее отцу. «Ну, сынок, с законным браком», — поздравляет отец. Для жениха и невесты ставится одна тарелка на двоих. Гости едят, выпивают, молодых поздравляют, непрерывно подаются угощения, лучшие кушанья. Блеснуть поварским искусством считалось делом чести. После третьей перемены блюд молодых выводили из-за стола. Далее следовал ритуал переплетения косы. Невесту накрывали платком, и свахи невесты и жениха, с песнями расплетая девичью косу, заплетали ее в две, укладывали их на голове в новом виде, затем надевали на голову кокошник или повойничек. Все присутствующие гости подхватывали песню о косе. Родителям наливались полные чарки, и те еще раз поздравляли «дитятей с законным браком» и благословляли на «подклеть».

Повитуха-постельница торжественно отмыкала помещение, первым входил «заобразник» с иконой, следом свахи, молодые. Молодых оставляли, дружка уходил последним, унося свечи. А в светлице продолжался «пир горой» с шутками-прибаутками, песнями...

Утром в дом молодого мужа собирался весь вчерашний поезд, все гости. Молодых отправляли в баню, затем обряжали, и далее шло представление родителям. Невеста показывала свое шитье родителям мужа, свекровь придирчиво оценивала мастерство. Потом молодые ехали в дом тестя и тещи — приглашали на пир. К обеду, наконец, все гости были в сборе. Все рассаживались по своим местам. На почетном месте сидели ее и его родители, крестные, родственники, а молодая угождала им, ухаживала, накрывала и подавала на столы, старалась показать, какая она проворная хозяйка. Часто проходили и шуточные «испытания» жениха на мастерство, например, вытесать клин на камне или насадить топор на топорище.

Пир продолжался до ночи, часто он длился не один день. Продолжался уже без особой обрядности. Но дружка, друзья молодых вносили импровизированные дополнения, розыгрыши, шутки: не зря свадьба считалась целым представлением. Веселись, народ!

Свадьбы часто накладывались одна на другую, шли чередом, и вся деревня практически значительную часть зимнего времени, отдохшая от трудов праведных, становилась участницей свадебного обряда, яркого самодеятельного народного действия.

40.2. РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА

По описаниям, в Сибири было принято рождение младенца сопровождать определенными обрядами. Когда новорожденного мыли, то в воду клали серебряные деньги, которые брала потом себе бабка-повитуха. В отличие от «российских» обычая («беречь дитя от зглазу»), о рождении извещали всех родственников, родителей, близких друзей: они приходили и приезжали навестить родительницу, при этом каждый одаривал новорожденного серебряными деньгами, которые клали под подушку матери ребенка или новорожденного.

Родительницу непременно, если позволяло здоровье, водили в баню через день. Сибиряки говорили: «Банька — вторая мать». После бани поили взваром из ягод, из слабого пива с изюмом, черноксивом, имбирем. Кормили родительницу кашей из цельного пшена с изюмом.

Этнографы отмечали, что в Сибири редко когда младенцев долго кормили молоком матери, чаще через 3 – 4 месяца начинали

кормить коровьим молоком. Молоко давали младенцу, вливая его в рожок. Малыш подрастал, качаясь в колыбели — «зыбке», сплетенной из сосновых дранок на черемуховой дужке. Зыбка подвешивалась на кожаном ремешке к гибкому «очепу» — березовой жерди, прорезанной в потолочное кольцо. Зыбка сверху накрывалась специальной накидкой — «шатром». Она была тем «малым миром», из которого младенец шагал в жизнь...

40.3. ОБРЯД РАЗМЫВАНИЯ РУК И КРЕСТИНЫ

Древний языческий обряд исполняли на девятый день рождения ребенка по всей России. В Сибири он был таким: приносили кружку чистой воды, в которую предварительно на ночь клади серебряные деньги. Родительница поливала три раза бабке-повитухе воду на руки, а та ей обратно. Потом повитуху одаривали 15–20 руб. денег, несколькими фунтами хорошего масла и фунтом чая и несколькими аршинами полотна или холста.

Данный обряд должен был символизировать передачу ответственности за дальнейшую жизнь младенца от повитухи к матери. Одновременно вода выполняла очистительную функцию и символизировала промежуточный этап прихода младенца в этот мир.

Великое таинство крещения было для русского человека важнейшим условием приобщения к Богу, к Царству Божию. «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. ...должно вам родиться свыше». Согласно христианской традиции при крещении ребенок нарекался именем какого-либо святого, который становился его небесным заступником и покровителем. Крещение ребенка совершалось по вере воспреемников, становившихся духовными родителями крещаемого.

На крестины собирались родственники, близкие друзья семьи, обязательно — «названные родители» (кум и кума), бабка-повитуха. Стол обязательно застипался белой скатертью, на нее ставили хлеб-соль. На лавку под иконы стелили шубу мехом вверх и укладывали младенца. Затем повитуха брала его и передавала куме, затем все шли в церковь для выполнения обряда крещения.

По окончании общепринятого в России православного обряда крещения ритуал с шубой повторялся. Крестная мать брала ребенка

с шубы и передавала родной матери со словами: «Зовут вот (имя). С днем ангела тебя (имя), с новым счастьем. Дай Господь доброго здоровья на многие лета, а вас с сыном (дочерью) с радостью теперича». После общей молитвы родители приглашали «угощаться». Все поздравляли друг друга: отца — с «наследником», кума и куму — с «крестником», дядю — с «племянником», родителей — с сыном, бабушку — с внуком.

На «крестины» готовили кашу из «сарочинского» пшена, сваренную на молоке, а в постные дни — на воде. Кашу посыпали сверху сахаром. Всем собравшимся на крестины подносили вино, а затем кашу. По этому случаю в Сибири бытова поговорка: «Я у него на крестинах кашу ел».

Повивальной бабке, которая считалась особо почетной гостьей, на кашу клали немного серебряных денег. Куму и куме дарили полотенца, полотно. Если ребенок был в семье первым («первородным»), то часто, подшучивая над отцом малыша, старались подсунуть ему ложку каши с солью и перцем. При этом говорили, что отец должен разделить страдания матери. Бывало и так, что бабушка специально обливала свой фартук вином — по поверью, внук быстрее начнет ходить.

40.4. ПОХОРОНЫ

Жизненный путь человека завершается смертью... Сибиряки относились к ней уважительно, мудро и спокойно. Достойно умереть в глубокой старости означало то же, что и жизнь прожить «в чести» общества. Величайшим благом было умереть, не намаявшись самому и не доставив маеты и страданий родным и близким. Обычно, вступая в преклонные годы, люди заранее готовили материал для домовины-гроба, считалось вполне естественным, если крестьянин сам любовно и аккуратно мастерил себе домовину. И стояла она потом на амбаре или под крышей саля «до востребования» многие годы.

Как и везде на Руси, умершего человека — «грешно тело» — обмывали и одевали в чистые, желательно новые одежды. Омовение умершего рассматривалось как очистительный обряд. Омовение ни в коем случае не должны были совершать родственники. В Сибири было принято, чтобы «смертное» шилось только из хол-

ста и не было покупным. Домовину с покойником ставили в горнице, в переднем углу, на лавку или стол, украшенный полотном, кисеей или ковром. Покойник обязательно должен был лежать головой к «божнице». Пол устилали еловыми или, чаще, пихтовыми «лапками»-веточками. У тела непременно сидели дети, внуки, близкие усопшего. Обряд обмывания, прощания сопровождался причетами, причитаниями, рыданиями, плачем, приговорами. Если в семье покойника были девушки, они распускали по плечам волосы и повязывали голову черным платком.

В традиционной похоронной обрядности старой Сибири важное место занимали старинные причеты. Печальная песня-плач служила средством психологической разрядки в страшном горе. Долгие длинные причитания безутешных вдов, матерей, родных складывались с древности в прощальные песнопения: горестные, торжественные и строгие, берущие за душу. Услышанный однажды плач запоминается на всю жизнь...

Плач матери по умершей дочери

Ой, да ты моя доченька!
Ой, да ты моя милая!
Где ты моя красавица?
Куда ты делась, пташечка?
Да за што же ты на меня обиделась?
Да за што же ты рассердилась?
Ой, да зачем ты меня покинула,
Сироту-то меня горе-горькую.
К кому я теперь пойду?
Кому печаль мою расскажу?
Ой, да ты моя доченька...

Из плача по умершему мужу

На кого же ты нас оставил, сокол ты наш ясный?
Отлетаешь ты от нас в дальнюю сторонушку,
ничего ты не ведаешь,
не чувствуешь, как мы здесь, горькие,
в слезах убиваемся!
Не воротишься ты к нам к горе-горьким, не поглядишь
ты больше
на нашу жизнь несчастную.
Не придешь-то ты больше на пиры и беседушки,

не взглянешь-то ты больше на свои поля-на колосыньки,
на свою на скотинку на сиротскую,
не войдешь-то ты больше в свою избу теплую...
Избрал-то ты себе холодное гнездышко...
...Соберутся-то у нас сейчас гости званые,
гости званые-приглашенные,
не на радость-то они соберутся к нам,
а на слезы-то, да на сетованья, все родны наши, все
знакомые...^{*}

В Енисейской губернии был еще ряд общепринятых обрядовых действий на похоронах. Многие старушки завещали похоронить себя в венчальных платьях. Обувь покойника называлась «калишки», «босовики» и шилась из 2 – 3 слоев плотного белого холста. Покойника хоронили опоясанного поясом. К внешнему углу дома умершего сразу после смерти прикрепляли маленький лоскуток из белой ткани, чтобы «душа могла в 40 дней прилетать к дому и вытираять слезы». У покойника ни в коем случае нельзя было стричь ногти и волосы. После похорон одежда усопшего раздавалась друзьям и близким. Покупались также новые платья и дарились для поминовения.

К усопшему ходили все, знакомые, чужие, обязательно съезжались из окрестных селений даже дальние родственники. Все выражали чувство сострадания, соболезнования близким, соблюдали традиционное приличие. Современники отмечали, что в Сибири прощаться приходит множество чужих, посторонних людей, приходят, чтобы «посмотреть, как одет, какою парчою покрыт, плачут ли родные». Всякому входящему в дом подавали рюмку водки или стакан чаю. Все трое суток, пока покойник лежал дома, ворота обязательно оставляли открытыми. Несколько человек обслуживали приходящих, помогали раздеться, подавали с утра до вечера чай, грели самовар, а один из них подавал милостыню нищим.

Икону в Сибири было принято ставить не на грудь усопшему, а в голове. Покойника прикрывали полотном, парчою. На столик или полку в изголовье обязательно ставили чашку с водой: «Чтобы ду-

* Плачи-причеты записаны М.В. Красноженовой в начале XX в.

ша смогла умыться», — говорили знающие люди. Свечку ставили в сосуд с зерном. В гроб стелили кудель и веничные листья.

Хоронили покойника на третий день. «Вязки» от рук и ног покойника клали в гроб с левой стороны. Из дома гроб выносили на руках, а особо чтимого несли на руках до «могилок». После выноса тела тут же переворачивали скамью, а в передний угол, где лежал усопший, клали камень — «серовик», верили — «покойника в этом доме больше в ближайшее время не будет». Камень лежал 6 недель. Сразу после выноса тела в доме мыли полы, а ворота дома сразу закрывались.

Шествие на «могилки» строилось определенным образом: впереди шел человек с иконой, за ним священник, потом несли крышку, покрытую ковром, затем гроб, обшитый бархатом или атласом (красной тканью). Если позволяло состояние, гроб накрывали парчой. Нужно отметить, что в Европейской России, в отличие от Сибири, гроб обычно не обшивался тканью. Умершего отпевали в церкви, а затем несли на кладбище. В могилу гроб опускали на холсте, который затем делился пришедшим нищим. По старинному полуязыческому обряду в Сибири священник-батюшка первым бросал на крышку гроба горсть земли, затем все пришедшие на кладбище бросали по три горсти: «Царствия Небесного; пусть земля будет пухом». На крест по обычай повязывали холщевое полотенце. По завершении обряда погребения служили панихиду, раздавали милостыню нищим, одаривали всех платочками или полотенцами и возвращались домой.

Далее в доме покойного проходил обряд поминок, «горячий обед». Сюда мог прийти любой, никому не отказывали. А все, кто был на кладбище во время похорон, обязаны был прийти. Величайшим «грехом» сибиряки считали говорить об умершем «худое». Поминать начинали с кутьи или меда. Потом подавались кушанья «во множестве». Перемен блюд было много, но обязательны были блины. Если покойника хоронили в «постный день», то подавали холодную рыбу, рыбный студень, похлебку, пряженники, каши и разные кисели. В «скромные дни» подавали на столы холодное мясо, студень мясной, студень рыбный, разнообразные каши и кисели, молоко. Поминки обязательно сопровождались разнообразием подаваемых каш. Перед каждой переменой блюд молились Богу

и желали усопшему «Царства Божьего». Подача на стол киселя, часто со сливками, означала завершение «горячего обеда».

Этнографами отмечается, что нигде более в России не существовало обряда посещения кладбища на второй день. Сибиряки же на второй день обязательно шли на «могилки», причем только близкие родственники. «Ничто, самое удивительное, не удержит их от поездки на могилу: ни проливной дождь, ни метель, ни сильный мороз». Данный обряд сохраняется и поныне...

По православному обряду лишились церковного отпевания и даже погребения на общем кладбище лица, сознательно лишившие себя жизни — самоубийцы. Это считалось величайшим грехом. К таковым относили и погибших участников «разбойного нападения» — преступников.

Те, кто был на «горячем обеде», в течение шести недель по 1 – 2 раза в день били поклоны покойнику. В домах многих зажиточных крестьян в течение 40 дней после похорон родного человека кормили всех приходящих нищих. На 9-й день поминали умершего только близкие родственники, а на 40-й день устраивался «званый обед». Во многих селениях на Ангаре было принято поминать в 6, 9, 20, 40-й дни. Повсеместно в Сибири поминали в день именин и в годовщину смерти. В течение года близкие родственники носили траур.

В годовщину смерти также подавались традиционные перемены блюд: холодная рыба, рыбный студень, кутья пшеничная, кутья черемуховая, пирог рыбный, блины, пряженка, кисель. Все ритуальные каши и в дни поминок и по иному поводу готовились из цельных немолотых зерен.

40.5. «ИХНА РОДИТЕЛЬСКА ПАСКА...»

Следующая после Пасхальной недели Фомина неделя была для сибирских старожилов одной из наиболее важных в обрядово-ритуальном цикле. Во вторник на Фоминой неделе отмечали Родительский день. Сибиряки называли его «Ихна родительска Паска».

Накануне «родительской пасхи» все обязательно мылись в бане, несмотря на то что был понедельник. Вечером, после того как все члены семьи помоются, в баню приносили определенный набор белья, вещей, мыло для умерших предков. Ставили шайку, налива-

ли туда воду, раскладывали на скамьях вещи и уходили, оставив слегка приоткрытой дверь. Никто из живых не имел права после этого идти туда, это считалось величайшим грехом. А чтобы души предков помылись в своих банях, вечером в понедельник открывали ворота кладбища (в остальные дни они оставались закрытыми).

В Родительский день вставали до рассвета. Родня, члены семьи шли с кутьей в церковь, где служилась панихида и поминались умершие, другие оставались дома и готовили обильный обед.

После службы в церкви сибиряки посещали «могилки». В нарядных одеждах все жители селения сходились вместе, поминали умерших кутьей, яйцами, блинами, прикусками. «На могилках старожилы в этот день «христосуются» с родителями: ставят кутью, раскрашенные яйца, поминают вином, затем приглашают помянуть встретившихся близких, соседей, односельчан. «Многие берут на могилки самовар. Степенно посидят, помянут и уходят», — писал об этом обряде в конце XIX в. этнограф В.С. Арефьев.

По возвращении с кладбища крестьяне накрывали дома столы, выставляли обильные кушанья, в несколько рюмок наливали вино и накрывали их кусочками хлеба. Затем открывалось окно, через подоконник на улицу свешивалось полотенце — «дорожка» для душ умерших предков. Все родственники и приглашенные покидали комнату и выходили в переднюю избу или во двор, предварительно помолившись с поклонами в переднем углу перед иконой. Старожилы верили, что души умерших предков в это время пируют, общаются за накрытым столом. Считалось, что обильно накрытые столы доставляют им радость и показывают степень уважения и почитания их живущими.

По прошествии некоторого времени все возвращались за столы и с молитвой приступали к поминальному обеду.

Не только в «Родительскую Пасху», но и повседневно старожил обращался к предкам за советом, мысленно разговаривал с ними о делах и проблемах, в сознании предки оставались частью этого мира..

ГЛАВА X. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

§ 41. ОДЕЖДА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

41.1. ОДЕЖДА КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ

Русское старожилое население Сибири, включавшее потомков переселенцев различных районов и субэтнических групп Европейской России, принесло с собой традиционную одежду. Она определялась как общерусскими формами, так и особенностями видов и элементов одежды исходного района переселения. Исходными для сибиряков необходимо считать и национальные виды одежды представителей различных этнических групп, принявших участие в становлении старожильческого субэтноса. Многое сохранялось неизменным как в целом, так и в виде включений отдельных элементов и частей в сибирскую одежду.

Одежда во все времена была важнейшим адаптивным элементом, наиболее успешно помогавшим осваиваться в новых условиях. В силу специфических условий природы, климата, истории, контактов групп «засельщиков» между собой и с местным населением в Сибири образовались этнографически сложные комплексы одежды, обуви, головных уборов. Определенное влияние на данный процесс оказала территориальная удаленность, замкнутость и взаимосвязь с сопредельными с Россией государствами. Важно отметить, что из воздействующих факторов на первое место необходимо поставить природно-климатический.

Требования к одежде, обуви и головному убору в Сибири были довольно высоки. Суровость климата предопределяла выбор теплой и при этом легкой одежды, не стеснявшей движений. Одежда должна была хорошо защищать человека от ветра, попадания снега

за ворот, но при этом не вызывать усиленного потоотделения. Особое внимание сибиряки обращали на обувь и рукавицы. Очень рано у русских сибиряков появляется зимняя шапка с вислыми «ушами». Многообразие в одежде дополняется различными ее видами, связанными с профессиональной деятельностью сибиряков, например «даха» («доха») — у ямщиков, «лузаны» — у охотников.

Высокий уровень жизни сибиряков, будь то горожане или крестьяне, свобода и самостоятельность определили рождение нового, необычного для рядового жителя Европейской России внешнего вида старожилов. В основе его были опрятность, чистота, достаток, обязательное наличие праздничной «покупной» одежды у каждого человека. Особенно это касалось сибирячек. Они позволяли себе носить то, что обычно было достоянием «высоких» сословий горожанок Европейской России.

Будучи по сути консервативным элементом национальной культуры, одежда в Сибири во многом сохранила названия, технологию пошива и украшений, но многое со временем изменялось, заменялось на более рациональное. Так, при характеристике субэтноса казаков обращается особое внимание на их одежду, воинскую амуницию и выправку как на внешний отличительный признак. И сибирская одежда не менее влияла на облик, поведение, походку, самодостаточность старожила. В частности, применительно к зимней одежде сибиряки говорили: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто умеет мороза хорониться».

41.2. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Обычно состояла из рубахи и штанов-портов. В отдельных местах штаны назывались «чембары». *Рубахи* были длинными, до колен, и подвязывались поясом. При шитье рубахи бралось прямое полотнище, перегибалось пополам, вырезался ворот. Затем по прямой кромке вшивались рукава, а от рукава до подола вшивалась прямая вставка. Боковая вставка делалась потому, что ширина «самотканого» полотна была недостаточна для рубахи на взрослого человека. Рубахи позднего времени уже шились без вставок.

Вырезные вороты были округлыми или прямоугольными; воротники появились только в последней четверти XIX в. Более ранними считаются вырезы ворота по середине груди, более позд-

ними — сбоку. Ворот соединялся тесемками или металлическими застежками — «схватцами». Значительно позднее вошли в употребление бронзовые, медные, костяные пуговицы с «воздушными» петлями.

В верхней части рубахи с изнанки для прочности подшивали ткань — «подоплеку». С этой же целью под рукава подшивали «ластовицы».

По подолам, рукавам и вороту рубахи украшались вышивками. Это было не только украшением, но и магическим «оберегом» от зла, болезней, «нечистой силы». Украшения обычно располагались там, где открывался свободный доступ к телу. Наряду с вышивкой сибиряки применяли для обшивания повседневной одежды цветную кайму.

Мужские «порты» шились на поясе — «гашнике», неширокие, из белого грубого полотна или, чаще, из «кращенины» — полосатой пестряди. Зимние штаны шились из сукна, стеженного ветошью полотна, а иногда даже из овчины.

Порты заправлялись в сапоги. По документам, в XVII – XIX вв. сапоги делили на телятинные, конинные, бараньи, сафьяновые. Были еще коты телятинные, конинные; башмаки телятинные, ичетоги кожаные, ступни и пр. Если для крестьян Европейской России основной обувью были лапти из лыка, конопли или бересты, то сибиряки носили кожаную обувь. Видов ее было множество: *неговани*, *бродни*, *чижи*, *бутылы*, *чарки* (*чирки*), *бахилы*, *торбоза* (*торбаса*), *поршни* и пр. Самыми простыми по изготовлению и наиболее распространенными видами как мужской, так и женской обуви были чирки и поршни. Изготавливались они из цельного куска кожи, по верхней кромке был продет стяжной сыромятный ремешок.

В зависимости от времени года и характера работ на рубаху сверху надевали одежду из холста, сукна, овчины и т.д. В летнее время сибиряки носили «однорядки», т.е. одежду из сермяжного сукна без подкладки — в один ряд. Кроме этого, перечислим: «охабень» — длинная, широкая, распашная и слегка раскошенная, с глубоким запахом, носимая с опояской одежда; «азям» — шился из верблюжьего сукна; «армяк» — верхняя одежда из толстого холста, понитчины; «ферязь» — в отличие от перечисленных видов одежды имела застежку, шилась из шерсти, сукна, хлопчатой ткани.

Во время летних работ в прохладную погоду или в ночное время мужчины чаще всего носили *шабуры*, *камарники*, *зипуны*, *серымаги*, *полукафтаны* и пр. Они были как из холста, так и из сукна, укороченные и более удобные в движении. При наступлении первых холодов надевали *шойданики*, *теплушки*, *чекмени*, *куртачки* («*куртачок*», «*куртак*» — от этого слова пошли ныне куртки) и др. Они шились из более толстого, часто домашнего сукна или сукна, крытого холстом. Повсеместно были распространены *балахоны* — одежда широкая, часто большого размера, надевавшаяся поверх всего в сырую и дождливую погоду. Шились балахоны из самого грубого плотного холста — «*хряща*».

С наступлением зимы мужчины носили разнообразную одежду из овчины, телятины, толстого сукна. *Кафтаны*, *шубы*, *полушубки*, *тулупы* были как «*нагольные*», так и «*крытые*». «*Нагольными*» называли шубы и кафтаны, не покрытые материалом. Кафтан, в отличие от других одежд, плотно прилегал к телу и имел расширяющийся подол. Зимние виды одежды имели большой ворот и большую длину. Многие носили в морозы «*снизку*» — сшитые вместе две верхние одежды.

Но все же наиболее оригинальной и теплой была «*даха*» (*доха*). Шилась она чаще всего из шкур собак или диких коз, длиной до пят и более, с объемным воротом, длинными рукавами и широким запахом. По документам XVIII – XIX вв., отмечены довольно редкие случаи гибели сибиряков от морозов в дороге, во время «*ямщины*», в лесу. Это объясняется, естественно, тем, что старожилы-сибиряки тепло одевались, заранее просчитывали свои возможности в пути, думали о дополнительных гарантиях выживания в самых суровых условиях.

Головные уборы сибиряков были также многообразны и рассчитаны как на «*свою*» погоду, время года, так и на определенные занятия людей. Летом носили *картузы*, *катанушки* — шерстяные шляпы, *малахи* из сукна, *самокатки* — катаные из шерсти шляпы, татарки — четырехклиновые тканевые шляпы, суконные *фуражки* и др. Зимой носили меховые головные уборы — *барловы*, *бобровые шапки*, *малахи* из меха, «*монгольские*» меховые шапки, *папахи*, *татарки*, *прошитые мехом*, *треухи меховые*, *чебаны с меховой опушкой*, *шапки «стяжные»* и *«верверетовые»*.

Особенным видом головных уборов мужчин-сибиряков были *колпак из оленьего меха, лесовица (лесовушка), накухтарница, нашейник*. Данные уборы были более промысловыми, изготавливались из сукна, самокатаной шерсти, меха. Для защиты от снега сзади часто пришивали холщовую лопасть. Летом во время сенокоса мужчины повязывали головы платками или куском холста. Важнейшим элементом головного убора в Приенисейском крае были *личинки* (из холста и конского волоса), *сетошники* (сетки), служившие для защиты от мошки и комаров.

41.3. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Женщины носили длинную рубаху. *Рубаха* повседневная была более простой, без лишних элементов, украшений и отделки. По вырезу горловины и по обшлагам рукавов рубаху украшали вышивкой.

Поверх рубахи надевали *сарафан* (термин «сарафан» появился на Руси в XIV в.). Были сарафаны двух типов: застегивающиеся сверху вниз спереди и сшитые с длинной полоской — украшением. Сарафаны украшались лентами, вышивкой, поясом, пуговицами. Иногда их шили из полотна различных цветов. Часто верхняя часть рубахи и сарафана шилась из тонкого привозного полотна, а нижняя — из домотканого, более грубого и дешевого.

Поверх рубахи сибирячки надевали *поневу* — своеобразную юбку, состоящую из двух-трех полотен, не сшитых, а укрепленных на поясе. Общераспространенной были *телогрея* — длинная, распашная, с широкими косыми клиньями в подоле верхняя одежда. Телогрея имела длинные рукава и множество оловянных или медных пуговиц и, по всей видимости, произошла от распашного варианта стариинного сарафана. Из-за довольно прохладного климата женщины носили поверх рубахи «*душегрею*» — короткую одежду на лямках, раскошенную, со складками. Вариантов кроя и цвета душегрей было великое множество.

На голову сибирячки чаще всего повязывали *платки*. При этом платки были как треугольные, так и четырехугольные: *косынки* из шелка или ситца, *кокетки* — шелковые шейные платки. Множество видов платков вязали из шерсти: *файшонка* — вязаная косынка, *подшалок* — платок из «*гарусной шерсти*», *шаль шейная шерстяная*.

ная, шаль, шаленка и др. В зависимости от сезона шали и шаленки носили шерстяные, ситцевые, шелковые, холщовые. Платок часто повязывали, складывая его полосой: такие уборы назывались *безументом* или *подвязальником*.

Существовало и множество других уборов: *капор* — шелковый убор на меху, *красота* — полоса шелка на каркасе, *кругляши, малахай* — повседневная меховая шапка, *наколка* — убор из шелка на каркасе, *чебак* — парчовая шапочка на меху и др. Некоторые головные уборы вязались из нитей ажурной вязкой: *колпак «белевый»*, *сетка* — убор из цветных ниток, *назатыльник* и др. По свидетельству Е.А. Авдеевой, многие сибирячки покрывали голову *«наметкой»* — куском полотна из дорогой завозной ткани, украшенной цветным шитьем. Девушки во многих местах носили праздничное украшение — *«ленты»*, этот убор состоял из пучка 20 – 30 разноцветных лент.

Конечно, женщины в Сибири, придерживаясь традиций, принесенных в Сибирь, изредка носили и русские старинные головные уборы — *кички, кокошники, повойники*. Кички и кокошники надевались более на свадебные торжества, иногда по праздникам. Часто упоминаемые в документах XVIII – XVIII вв., к середине XIX в. они выходят *«из моды»*. Сохраниются повсеместно в повседневной носке только повойники — своеобразные чепцы из холста и шелка. Праздничные повойники шились из дорогой ткани и богато украшались.

Нельзя забывать, что женщина заплетала волосы в две косы и укладывала их на затылке. Невозможно было представить себе женщину без головного убора, с непокрытыми волосами — это считалось позором и верхом неприличия (*«распущенные волосы — распутная женщина»*).

Как женщины, так и мужчины носили *чулки суконные, шерстяные, сермяжные*. В зимнее время не обходились без меховых чулок: *«кулемишки»* — чулки из собачьей шкуры, *«лосинки»* — промысловые лосиные чулки, *«пупыри»* — чулки из телячьей или овечьей шкуры.

В суровых условиях человек, конечно, не мог обойтись без *рукавиц*. Их было множество видов: *вареги, верхницы, верхоньки, волосянки, вязанки, высподки, голицы, исподки, лохматей, шубенки*. Шились и вязались рукавицы из шерсти, шкур лося, собаки, изюбря, конской

кожи, овчины и т.д. Меховые рукавицы делались как мехом внутрь, так и наружу. Сибирские мастерицы искусно вязали из льняной, шерстяной и хлопчатой пряжи «перстяtkи», «персияtkи».

На комплекс сибирской одежды оказали влияние заимствования из одежды местных народностей. На Севере русские носили одежду «гусь», подобную «малице»; на Колыме — «кухлянку» из меха оленя. Общераспространенными у сибиряков стали различные виды меховой обуви — «торбоза», «унты», тяжи, кожаные и меховые штаны, меховые шапки местного покроя. Охотники носили «лузаны», «камлеи», «камлейки». Все сибирское население без исключения — взрослые и дети, мужчины и женщины — носило *валенки*, по-сибирски — «пимы», «катанки».

Со второй половины XIX в. сибиряки-мужчины начинают носить *рубахи-косоворотки*, *пиджаки*, а в конце века женщины — «парочки» — юбки с кофтой, модные «калоши». А.П. Щапов писал: «*Мода всецело господствует в Сибири и покоряет население. Пиджаки, жилеты, фуражки составляют принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей, и сапоги для него — постоянная обувь. У женщин сарафан — рабочий костюм. А носят блузы и шерстяные платья, чулки, ботинки. Особый шик — лакированные галоши!*».

Все без исключения современники отмечали, что в Сибири по-всеместно употребляют для шитья одежды различные привозные ткани и покупают привозные одежды. Что же означали те или иные названия этих тканей?

Кумач — хлопчатобумажная восточная гладкоокрашеная ткань красного цвета;

киндык — подобная же ткань, но синего, лимонного, кирпично-го, зеленого цветов;

камка — шелковая однотонная легкая ткань из Персии или Италии;

объять — плотная шелковая узорно тканая ткань;

атлас — шелковая глянцевитая ткань, однотонная или с узором;

бархат — шелковая ткань, ворсистая с лицевой стороны;

бархат рытый — подобная же ткань, но с вытесненным узором по ворсу;

тафта — мягкая шелковая или полушелковая ткань.

Хлопчатобумажные ткани: бязь, бумазея, кисея, миткаль.

Крестьянские ткани — холсты различной выработки: понитчина, сукно, шиптуха, яренга, пестрядь и др.

Привозные ткани были из Бухары, Китая, Персии, из городов Европейской России. Еще в XVII в. в Тобольск завозили товары из 55 городов России! Наряду с тканями и готовой одеждой в Сибирь поступали и различные **украшения**.

Важное место в анализе одежды сибиряков занимает отношение к одежде рабочей и праздничной. Труд как начало, **«творящее мир»**, подкреплялось традиционными правилами ношения специальной рабочей одежды, в большинстве случаев **«домодельной»**. Изготовленная из своего сырья, своими руками, одежда была частью ритуальности, обеспечивающей достижение высоких результатов в труде. **«Священность»** домотканой одежды подтверждается традицией старожилов Приенисейского края одевать в XIX в. умершего человека в **«смертную»** одежду только изо льна и конопли (**«поскони»**).

Праздничная одежда, наоборот, отражала степень пользования результатами труда, наличие средств на приобретение **«покупных»** вещей. Это выражалось в приобретении дорогостоящей и оригинальной одежды. Для изготовления выходной одежды, головных уборов, поясов сибиряками употреблялись в основном ткани фабричного производства.

41.4. ПЕРЕЧЕНЬ ОДЕЖДЫ СТАРОЖИЛОВ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ XVII – XIX вв.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА (ИЗ ТКАНИ)

Азям — праздничная мужская одежда из белого верблюжьего сукна; азям из крестьянского полусукна служил повседневной одеждой.

Бекеша — праздничная мужская одежда из плиса или сукна.

Гостёва — праздничная мужская и женская одежда из сукна (XIX в.).

Душегрейка — женская праздничная и повседневная одежда из сукна, нанки, шелка, стеженная ветошью.

Епанча — праздничная мужская одежда из сукна.

Епанечка — праздничная женская одежда из плиса или шерсти.

Жакетка плюсова — праздничная женская одежда из стеженого плиса.

Жилет — праздничная мужская одежда из нанки, плиса, шерсти.

Запон — женский фартук с нагрудкой.

Зипун — праздничная и повседневная мужская одежда из фабричного сукна или сукна крестьянского, катаного.

Каботка — мужская и женская одежда из крашеного холста.

Казакин — праздничная мужская одежда из фабричного сукна.

Курма — праздничная и повседневная мужская и женская одежда из понитчины, китайки, плиса, стеженная ветошью.

Куртачок — повседневная мужская и женская одежда из сукна на холщовой подкладке.

Лабашка — праздничная мужская одежда из понитчины или верблюжьего сукна.

Одевашка — повседневная одежда из холста.

Салоп — праздничная женская одежда из атласа, канфы, стеженная ветошью.

Тальма — праздничная мужская одежда из сукна, распространенная в Приангарье.

Телогрейка — повседневная женская одежда из ткани на подкладке, стеженная ветошью или шерстью.

Халат — распространенная повсеместно в Сибири мужская одежда из холста; праздничный халат из кашемира, нанки, шелка, сукна.

Шугай — повседневная женская одежда из крестьянского сукна.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА (МЕХОВАЯ)

Кафтан нагольный — т.е. не крытый холстом, дабой; мужская повседневная одежда.

Кафтан крытый — праздничная мужская одежда; крыт дабой, холстом.

Полушубок — нагольный и крытый.

Тулуп — нагольный и крытый дабой или фабричным сукном.

Безрукавка — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытого штофом, плисом.

Доха (даха) — повседневная и праздничная мужская одежда из шкур собак, диких коз.

Дошка — повседневная и праздничная женская одежда из шкур собак, диких коз.

Душегрейка — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытая штофом.

Епанча — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытая шелком.

Курма — женская одежда из беличьего меха, крытая шелком.

Яга — повседневная или праздничная мужская одежда из козьего или оленевого меха.

ОБУВЬ КОЖАНАЯ

Аларчики (алачики) — мужские и женские праздничные мягкие сапоги с вышивкой.

Башмаки козловые — женская повседневная обувь.

Башмаки сафьяновые — мужская и женская праздничная обувь в XVII – XVIII вв.

Башмаки телятинные — повседневная мужская обувь.

Бахилы — мужские повседневные мягкие сапоги.

Ботинки — женская праздничная обувь (с середины XIX в.).

Бродни — мужские повседневные мягкие сапоги.

Вельверетки — праздничная женская короткая обувь.

Ичиги, ичетоги — повседневные и праздничные мужские и женские мягкие сапоги из кожи и сафьяна с вышивкой.

Калиппики — праздничные женские сапоги из юфти, сафьяна с вышивкой.

Коты — мужская и женская праздничная обувь из красной юфти.

Коты конинные, телятинные — повседневная мужская и женская обувь.

Лабуты — мужская повседневная обувь из лосиной замши.

Лакомей — мужские и женские повседневные и праздничные мягкие сапоги из оленьей кожи.

Обутки — мужская и женская повседневная короткая обувь; в Сибири — нарицательное название всякой повседневной короткой обуви.

Сагоры — повседневные мужские мягкие сапоги.

Сапоги-бизоны — мужские праздничные хромовые сапоги.

Скуты — мужские повседневные сапоги с холщовыми голяшками.

Ступни — мужская и женская повседневная короткая обувь.

Уледи — мужские и женские мягкие сапоги для хождения на лыжах.

Чибрики — женская повседневная короткая мягкая обувь.

Чирки, черки — женская повседневная юфтовая короткая обувь.

ОБУВЬ МЕХОВАЯ

Бокари — мужские и женские мягкие сапоги из оленых камусов с кожаной подошвой.

Волосяники — мужские промысловые сапоги из конского волоса.

Дышики — мужские промысловые длинные, до паха, сапоги из козьего меха.

Камысы — мужские промысловые сапоги из оленых, гураньих камусов.

Камчуры — мужские и женские промысловые короткие сапоги из камусов.

Качутки — мужские и женские промысловые сапоги из лосиных, козьих, оленых камусов, распространенные в Приангарье.

Кысы — мужская и женская домашняя обувь из оленых камусов.

Пимы — домашняя обувь из оленьего меха.

Торбаса, торбасы — мужские домашние мягкие сапоги из оленых шкур, украшены вышивкой.

Унты — мужские повседневные и праздничные сапоги из собачьих шкур или камусов.

Чижи — мужские и женские праздничные сапоги из меха с шелковым вышитым верхом.

ОБУВЬ КАТАНАЯ, ПЛЕТЕНАЯ, ВЯЗАННАЯ. ЧУЛКИ ВЯЗАННЫЕ И МЕХОВЫЕ

Катанки, пимы — мужская и женская повседневная и праздничная обувь, катаная из овечьей шерсти.

Кошомные чулки — повседневные шерстяные овечьи, мужские и женские.

Чуни — мужская и женская рабочая летняя короткая обувь. Плетена из конопляных веревок. У переселенцев часто была повседневной обувью.

Бакари — мужские промысловые суконные чулки.

Вязанки — носки из шерсти.

Голяшки — женские повседневные холщовые чулки

Карпетки — мужские повседневные пеньковые носки.

Носки — мужские промысловые из конского волоса.

Паголенки — женские летние повседневные чулки из холста.

Трипотки — мужские повседневные вязаные чулки.

Чулки русские — суконные, мужские и женские, повседневные и праздничные.

Чулки пряжные — женские, вязанные из конопляных ниток.

Букули — мужские и женские домашние носки из собачьей шерсти, а чаще из собачьей шкуры. Распространены в Приангарье.

Накочутки — мужские и женские повседневные носки из собачьего меха или овчины.

Пупыри — мужские и женские повседневные чулки из телячьей или овечьей шкуры.

Лосинки — мужские и женские промысловые лосиные чулки.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ЖЕНСКИЕ И ДЕВИЧЬИ

Безумент — праздничные женский убор — сложенный платок.

Капор — праздничный шелковый убор на меху.

Кичка — женский повседневный и праздничный головной убор из холста с твердым каркасом (XVII – XVIII вв.).

Кокетка — праздничный шелковый шейный платок; в XIX в. — девичья праздничная вышитая ситцевая косынка.

Колпак белёвый — убор девичий праздничный, вязанный из льняных ниток.

Косник — убор вязаный девичий праздничный.

Красота — девичья обрядовая полоса шелка на каркасе, украшена бисером, позументом.

Кругляши — женский повседневный и праздничный головной убор из шелка и ситца.

Накосник — женский праздничный и повседневный головной убор из шелка на каркасе.

Повязка — девичий убор: полоса ткани на каркасе, украшена бисером.

Пвойник — женский повседневный или праздничный убор из ситца и шелка.

Назатыльник, подзатыльник — женский праздничный головной убор, шитый золотом и украшен жемчугом.

Подобрусник — убор из холста, ситца, атласа, шелка, украшен одякуем.

Подшалок — из гарусной шерсти, женский и девичий.

Сборник — женский повседневный и праздничный убор из холста, ситца, шелка.

Сетка — девичий повседневный головной убор, вязанный из цветных ниток.

Сетка — от мошки, вязана из конского волоса.

Чебак — женская повседневная и праздничная парчовая шапочка на меху.

Шаль — из ситца, шелка, шерсти, праздничная и повседневная.

Шапка — праздничная атласная или шелковая, шита золотом с бобровой опушкой.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ МУЖСКИЕ

Барлова — меховой повседневный убор.

Шапка бобровая — из сукна и меха, праздничная.

Гречевник — праздничный убор из катаной шерсти.

Картуз — праздничный убор из сукна.

Катанушка — повседневная и праздничная шерстяная шляпа.

Кухтарница — промысловая шляпа, шапка катаная, с холщовой лопастью сзади.

Папаха — праздничный меховой убор.

Самокатка — катаная праздничная и повседневная шляпа.

Татарка — «4-клиника» тканевая, праздничная, подбита мехом, овчиной.

Треух — повседневная шапка из сукна.

Фуражка с кондырем — фуражка праздничная суконная, с козырьком.

Чебан — повседневный и праздничный убор из сукна с меховой опушкой.

РУКАВИЦЫ, ПЕРЧАТКИ

Вареги — из шерсти, вязаные.

Верхницы — из шерсти, вязаные.

Верхоньки — из бараньих, лосиных, собачьих, изюбрых шкур мехом наружу.

Волосянки — вязаные, из конского волоса.

Голицы — кожаные рукавицы.

Исподки — вязаные рукавицы, надевались под кожанки.

Коколды — рукавицы мехом внутрь.

Лохматки — рукавицы из шкур мехом наружу.

Персиятки — перчатки, вязанные из пряжи льняной, хлопчатобумажной, из овечьей шерсти.

Рукавицы вятские — вязанные из шерсти.

Шубенки — рукавицы овчинные, мехом внутрь.

КРОСНА — ДОМАШНИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СТАНОК ДЛЯ ТКАНЬЯ ХОЛСТА

Ставы — рамка кросен — два деревянных бруса с двумя ножками и вертикальными стойками-брюсками. Впереди на раме укладывалась прошва, сзади — навой.

Навой — вытесанный круглый брус с двумя «головами»; в одной просверлено отверстие. В нее вставлялась ручка для проворачивания навоя.

Прошва (малый навой) — вытесанный круглый брус с одной «головой».

Набелки — две полукруглые длинные пластины с канавками. В набелки укладывалось бердо.

Бердо — приспособление, через которое продевались нити кросен. Имеет вид длинного гребешка с закрытыми зубцами.

Нить — подобие цельной бахромы; вязалась из крепких ниток. Сквозь нить пропускался ряд нитей основы. Нить служила для подъема и опускания ряда нитей основы. Вариант термина — *Нит*.

Поножи — дощечка для управления нитью (нитом). На нее женщина ставила ноги. Поножи с помощью веревочек соединялись с нитом (нитью).

СОБАЧКИ (ВОЛЧКИ, ГОРНОСТАЙКИ) — короткие палочки, с которыми соединяется веревочка от поножей к ниту (нити).

КРУЖЕЛКИ (КОТЁЛКИ) — деревянные кружки с отверстиями посередине. Своеобразные блочки.

ЧЕПЕЛОЧКИ — продолговатые бруски с отверстиями.

ПРУТИ — две тонкие пластины, соединенные с помощью ниток.

ЧЕЛНОК — вид лодочки без дна. Внутри укладывалась палочка — прутик с цевками.

ЦЕВКИ — цилиндрические, выдолбленные внутри малиновые стержни. На них наматывались нитки для утка кросен. Цевки с нитью вставлялись в челнок и вращались на «прутке».

ПОНЕБНИЦА — поперечный бруск, соединяющий сверху ставы.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Одежда русских старожилов Сибири.
2. Практикум. «Сибирская одежда». Групповая работа.

II. Термины и понятия

Азям, армяк, балахон, душегрейка, епанча, зипун, кафтан, по- ниток, однорядка, салоп, сизка, серымяга, телогрея, ферязь, шабур, шойданник, шуба, шугай, шушун, тулуп, шуба, даха, душегрея, бахилы, бродни, ичики, обутки, коты, чибрики, пимы чижи, чуни, безумент, кичка, кокетка, кокошник, колпак, кос- ник, накосник, повойник, подзатыльник, подбрусник (подоб- русник), сетка, убрис, файшонка, чебак, шаленка, малахай, са- мокатка, лесовица, сетошник, треух, картуз, вареги, верхоницы, голицы, шубенки.

III. Исследования

1. На основе материала об одежде и приложенного списка одежды старожилов Приенисейского края проведите этнографиче- ское исследование старинной одежды крестьян вашего селе- ния.
2. Составьте таблицу различных типов одежды, обуви, головных уборов вашей местности. В таблице укажите конкретные виды

одежды для выполнения конкретных работ, праздничные одежды, одежду различных сезонов и групп по социальному признаку. Отличалась ли одежда старожилов и переселенцев?

3. Зарисуйте или сфотографируйте сохранившиеся у пожилых людей образцы старинной крестьянской одежды; сделайте рисунки одежды по старым фотографиям, по описаниям.

IV. Практикум

1. Каковы особенности рабочей летней крестьянской одежды Сибири? Праздничной одежды?
2. Нарисуйте сибирскую крестьянку в традиционной одежде.
3. Нарисуйте армяк, шубу, бахилы, кокошник, шубенки. Исследуйте и опишите технологию изготовления валенок.

IV. Музей

Развернуть экспозицию «Одежда крестьян-сибиряков». Представить все возможные виды одежды, обуви, головных уборов. Представить одежду переселенцев (в т.ч. лапти). Оформить фотографии, рисунки, описание одежды крестьян Сибири.

Представить в экспозициях различные виды тканых крестьянских изделий: занавеси, полотенца, скатерти, покрывала, половники, вязаные изделия. Представить старинные иглы, спицы, пяльцы и др.

Найти или восстановить для музея крестьянский ткацкий станок — кросна.

§ 42. ПИЩА РУССКИХ СИБИРЯКОВ

С началом русского освоения Сибири связано и традиционное хлебно-мучное питание ее жителей. Однако собственное земледельческое освоение отставало от промыслового, что создавало серьезные трудности в обеспечении сибиряков хлебом. Вплоть до последней четверти XVII в. хлеб в основном завозился из-за Урала. Но постепенно своя продовольственная база была налажена. Для Приенисейского края важнейшую роль сыграло начало земледельческого освоения южных районов в 1710 – 1740 гг.

Первопроходцы края испытывали серьезные трудности и в переориентации питания на продукты охоты и рыболовства. Так, в

северных областях русские первопроходцы вынуждены были выпекать лепешки из толченой сухой рыбы и икры, а основным продуктом стала *рыба*. Технология заготовки рыбы и ее переработки была перенята у местного населения (*юкола* — вяленая рыба, *порса* — сушеная мелкая рыба, *юрок* — вяленая без костей). Основным способом заготовки рыбы была засолка. Рыбу потрошили, пластили и, не снимая чешуи, солили на месте промысла, зимой — замораживали. Так, М.Ф. Кривошапкин писал в 1857 г., что в г. Енисейске «на берегу Енисея рыба сложена в поленница без всякого присмотра».

Добывали рыбу в огромном количестве. Только на Ангаре по «ямам» ежегодно вылавливали по 2,5 тыс. пудов! Получил в Сибири широкое распространение и рыбий жир, почти не употреблявшийся в Европейской России. Готовили его, перетапливая в котлах куски рыбы с малым содержанием воды. Особенno хорошим считался рыбий жир при выпечке пирогов. И в более позднее время рыба оставалась традиционным для Сибири продуктом питания, до сих пор в старожильческих селениях ни один праздничный стол не обходится без рыбного пирога.

Первые русские переселенцы активно включали в свой рацион и другие дары сибирской природы. Повсеместно употребляли в пищу дикий лук-бодун, чеснок, сарану, кипрей, колбу, черемшу. Варили щи из травы, похожей на ревень и называвшейся здесь «капустою», или из травы, которую русские называли «борщ». Конечно, существенную роль в питании играли продукты охоты: так, в документах XVII – XVIII вв. упоминаются *медвежатина, оленина, сохатина, зайчатина, куропатки, рябчики, гуси* и т.д.

По мере развития собственного земледелия основным продуктом питания становится *ржаной хлеб*. Его пекли из кислого теста, которое в специальной деревянной посуде («квашонка», «дежа») заквашивали чаще всего остатками теста от предыдущей выпечки. Заквашивали, конечно, и дрожжами, пивной или квасной гущей. В ржаной хлеб иногда добавляли ячменную (ячную) муку. В зависимости от сорта муки хлеб делился на ситный и решетный. Пекли хлеб на чисто выметенном поду русской печи в виде круглых ковриг. В неурожайные годы в хлеб добавляли молотую сарану,дискую гречиху («кандык»), а на Севере — рыбную муку и даже мох.

Кроме ржи, яровой и озимой, выращивали ячмень, овес, гречу, горох, полбу. Все эти культуры шли для приготовления муки и

дальнейшего использования в пищу в разных кушаньях. Так, из ржи и ячменя, предварительно прорастив его, делали солод, а затем варили *пиво*. Из пшеницы пекли *калачи*, тертые и крупчатые (мука крупчатая — «только из самой доброй пшеницы», мука высшего сорта).

Излюбленными сибирскими кушаньями считались *пироги* — их в Сибири пекли более пятидесяти видов. Пироги могли быть подовые из кислого теста (на поду печи), и пряженные (жареные) из кислого или пресного теста. Пироги начинялись рыбой, ягодой, мясом, овощами, творогом, капустой, яйцами, черемухой (как рыбные, так и пироги с черемухой были особо любимы сибиряками), начинкой из другого теста и т.д. Разнообразие видов выпечек и пирогов позволяло разнообразить стол и в «скоромные» и в постные дни.

Основой пирога был «*сочень*»: если его начиняли сверху (творогом, овощами, черемухой), заливали сметаной, то получались «*шаньги*». «*Сгибни*» — пироги с начинкой, защищенные по краям. Распространены были и «*стружни*» («*хворост*») — жареные в масле витые фигурки из пресного теста. Пироги подавали и как отдельное блюдо, и как «*прикуски*» к чаю и как обязательную добавку к горячим жидким блюдам, притом к каждому — особые. К щам из свежей капусты — пирог с гречневой кашей; к кислым щам — с соленой рыбой; к лапше — пирог с мясом; к ухе — пирог с морковью.

Из муки готовили жидкие блюда — *болтушки*, *затирки* — и густые — *каши*, *саломат*, *кулагу*, запаривая их в русской печи. Особенно полюбился сибирякам саломат: он был на каждом праздничном столе. Любимы были толокно, *овсяной кисель*, кисель из запаренного жидкого ржаного теста («*бурдук*»).

Повсеместно выпекали *блины*, как из кислого, так и из пресного теста, *оладьи*, пшеничные и просняные, овсяные и гречневые, тонкие и с припеком. Огромным спросом в Сибири пользовались «сковороды блинные разных размеров», — отмечается в таможенных сибирских книгах XVII в. Из цельных и дробленых зерен варили *каши*, как повседневные, так и для ритуальных целей, «*кутью*»; из хлебного «*жита*» делали различные напитки.

Необходимо остановиться и на *мясной пище*: она для Сибири была неизмеримо важнее, чем для Европейской России. Там мясные блюда были скорее праздничной пищей, здесь же — повсес-

дневной. Это было связано не только с повсеместным развитием животноводства, но и с жизненной потребностью в мясной пище в условиях сурового климата.

Академик И.Г. Гмелин, путешествуя по Сибири в 40-е гг. XVIII в., отмечал, что «съестные припасы очень дешевы, рыба пре- восходная, мясо и дичь — в изобилии». Мясо в пищу шло свежее — «свежина», соленое — «солонина» и вяленое — «пропаренное». Зимой мясо окунали в воду, давали ему обледенеть и складывали в кадки, засыпав снегом. Мясо отваривали, тушили, жарили, запекали в тесте или, большими кусками, в русской печи. Мясные блюда были разнообразны: *студень, холодное из языков, ушей и губ, свиные окорока, похлебки с мясом, мясные щи, жаркое из мяса, из мяса и овощей, «курник»* и др.

Однако любимым традиционным блюдом сибиряков считались и ныне считаются *пельмени*. Н.М. Ядринцев писал об этом так: «Пельмени поглощаются в невероятном количестве. Мясо доступно крестьянину». Пельмени лепили всей семьей. Мужчины обычно рубили мясо в корытцах, женщины месили тесто, дети раскатывали его, а лепили — вместе. Затем их сушили в печи или замораживали и хранили в ларях. (Считается, что слово «пельмень» произошло от пермяцкого «пельнянь» и затем было принесено в Сибирь). Пельмени ели с маслом, со сметаной, уксусом.

Многие блюда скромного и постного стола ели и запивали *квасом, пивом*. Так, квасом заливали тертую редьку, пареные овощи, протертые ягоды, подсоленный лук, студень. Наряду с квасом в Сибири был широко распространен чай. Чай поставлялся из Средней Азии и из Китая. В основном сибиряки пользовались «кирпичным» чаем. Так, в Восточной Сибири из него варили различные напитки: «затуран», с добавлением соли, молока и пережаренной в масле муки, с добавлением толченых зерен пшеницы. Особенно сибиряки любили пить чай с молоком.

А.П. Степанов, первый губернатор Енисейской губернии, писал: «Во всякой деревне можно отыскать самовары. Большая часть крестьян пьет чай через сахар (с прикуской)». А Н.М. Ядринцев отмечал, что «сибирский чай всегда сопровождается «прикусками», пирогами и прочим». Традиционны для Сибири были *«ягодные водицы», настои на смородинном листе, травах, медовые напитки*.

Чисто сибирским старинным напитком было «кедровое молочко», приготовленное из толченого кедрового ореха.

Развивалось в Сибири и огородничество, что позволяло использовать в пищу традиционные русские *овощи*. На весь год крестьяне и горожане выращивали и запасали *морковь, брюкву, свеклу, редьку, капусту, горох, огурцы, тыкву, лук, чеснок*. Из пряностей сеяли *мак, мяту, шалфей, анис*. Особо значимым для сибиряков стал *картофель*. Считается, что здесь его начали сажать в первой половине XIX в., но в «Топографическом описании...» отмечается, что картофель выращивался в Тобольском уезде уже в конце XVIII в.

Репу крестьяне добавляли в кашу, парили в печи, начиняли ею пироги, пареную и печеную ели с суслом. Капусту на зиму солили или квасили, как шинкованную, так и кочанами, цельную. Картофель варили, добавляли в овощные и крупяные супы, в щи или использовали в вареном виде как приправу к блюдам. Очень редко картофель жарили с маслом или салом. Из гороха готовились похлебки для постной трапезы. Местами сибиряки занимались бахчеводством. В Минусинском уезде повсеместно крестьяне выращивали *дыни и арбузы*.

На всю зиму повсеместно запасали *кедровый орех*. Кедровники были одним из самых ценных общинных угодий. Из кедрового ореха отжимали масло, а главное — орехи были неизменным угождением на вечерках и посиделках. *Масло* отжимали большей частью из конопли, а также из льна.

Из молочных блюд более всего использовали *творог, сметану, сыры*. Сыры делали из творога, добавляя яйца и выдерживая под гнетом. Но нужно отметить, что сибирские коровы были малопродуктивны и давали в среднем по 3 – 4 кринки молока. Зимой молоко замораживали в «круги», их удобно было хранить или брать в дорогу. Иногда перед замораживанием молоко смешивали с сырыми яйцами.

На столе сибиряка стояли и заготовленные впрок *грибы, ягоды*. Грибы отваривали, солили, жарили. Любопытно отметить, что во многих местах под понятия «грибы» попадали только *грузди* или *белые грибы*. Грибы использовали и как начинку для пирогов. Ягоды: *смородину, малину, клубнику, землянику, жимолость, черемуху, чернику* — ели свежими, сушили впрок, добавляли в мучные блюда. Повсеместно сушеную черемуху мололи в муку и добавляли в вы-

печку или использовали для варки киселя. Особое место занимала в питании сибиряков *брусника*.

Таким образом, питание в Сибири было эклектичным, сочетало русские традиции с новыми видами пищи и традициями сибирских народностей. Многие сибирские блюда и способы их приготовления распространились впоследствии по всей России.

Важнейшим условием ежедневного приема пищи по христианскому обычаю было соблюдение традиций застолья. В начале и по завершении завтрака, обеда, ужина читалась молитва.

МОЛИТВА ПЕРЕД ВКУШЕНИЕМ ПИЩИ. *Глаза на Тебя, Господь, надеются, и Ты даешь им пищу своевременно, открывая Ты щедрую руку твою и насыщаешь все живущее своими благами.*

МОЛИТВА ПОСЛЕ ВКУШЕНИЯ ПИЩИ. *Благодарим Тебе, Христе Боже наш, что насытил нас земными твоими благами, не лиши нас и небесного Твоего Царства.*

Особое, священное место в питании человека, как и в повседневной обрядности, занимал хлеб. Хлеб-соль вручали почетным гостям; хлеб представлял животворящее начало. В Сибири говорили — не «месить тесто», а «творить» хлеб. Процесс выпечки хлеба был равен процессу со-творения мира; в нем участвуют священные элементы — огонь, зерно, вода. «Вечером коврига спит, ее нельзя резать». Целую (непочатую) ковригу хлеба можно было резать только с утра. Хлеб олицетворял дом, жизнь.

Говоря об особенностях пищи русских старожилов Сибири, уместно привести ряд высказываний исследователей этого края.

И. Г. Гмелин: «Зерно здесь очень дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой. Осетры жирны, так что в котлах, где их варят, стоит жир в палец толщиной. Дичь: лоси, олени, косули, зайцы и т.д., из птиц — фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, аисты — все этот стоит дешевле говядины». (Из описания рынка в г. Тобольске в XVIII в.)

С.П. Крашенинников: «Отправляясь зимой за соболями, промысловики берут на человека по 30 пудов ржаной и 1 пуду пшеничной муки, а квашню несут с собой или делают на месте. А если закваска и гуща переведется, то многие занемогают и умирают, понеже пресные хлебы есть принуждены бывают. Хранят закваску в

специальном берестяном сосуде — «бурде», которую очень берегут, потому что весь их харч в хлебе и квасе состоит».

А. П. Степанов: «У всех без исключения крестьянин Енисейской губернии хлеб употребляется ситный. У бедных белый хлеб бывает всякое воскресенье, всякий праздник, рыба 3 – 4 раза в неделю, щи забеляются сметаной, каша ячная с молоком. У крестьян среднего достатка щи с мясом каждый день, жидкая овсяная каша с молоком или саломата с маслом; иногда баранина жареная, несколько раз в неделю рыба. По праздникам увеличивают свой стол студнем и блинчиками или вафлями. Стол богатого — из подобных же припасов, но в большем количестве, он имеет всегда 4 блюда и мягкие (т.е. белый хлеб) всякий день, и пироги с рыбой, и рыба знаменитее. Сушеную клубнику и землянику едят разваренную с медом».

А.П. Беляев: «Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно нас приняли; такие же опрятные хозяйки накрыли тотчас на стол и поставили кушанья. Каково же было наше удивление, когда этих кушаний — похлебок, говядины, каши, жареной дичи, пирожных колечек с вареньем — оказалось до шести блюд; превосходный пенистый квас нам подали в стеклянных зеленых кувшинах работы Коновалова, а когда мы уходили и хотели заплатить за обед, то хозяева обиделись, сказав: «Что это вы, господа? У нас, слава Богу, есть что подать».

Таким образом, иные условия жизни, достаток, зажиточность, обеспеченность давали возможность старожилам-сибирякам жить сытой жизнью, что поддерживало их здоровье, работоспособность, выносливость.

* * *

Турбин С.И. (Тобольская губерния): «Когда я и ямщик вошли в избу, хозяева уже сидели за столом и хлебали щи... В сибирских щах, кроме воды, мяса, соли и толстой крупы, нет никаких примесей. Класть капусту, лук и вообще какую бы то ни было зелень считается совершенно ненужным. За щами последовал студень, к которому подали незнакомую нашему (т.е. великорусскому) простонародью горчицу, разведенную квасом. Далее явился не то чтобы вареный и не то чтобы жареный, а скорее пареный поросенок, слегка просоленный и очень жирный. Четвертым блюдом был откры-

тый пирог (растягай) с просоленою щукой. В пироге ели только начинку; края и сподку есть не принято. Наконец, явилось что-то вроде оладьев с творогом, жаренных в коровьем масле.

Хлеб исключительно пшеничный... Квас, и даже очень хороший, в Сибири можно найти в каждом порядочно построенном доме. Где пекут хлеб из ржаной муки, там ее всегда сеют на сито. Употреблять решето считается предосудительным.

— Мы, слава Богу, не свиньи! — говорят сибиряки. За решеточный хлеб много достается новоселам, имеющим к нему сильное пристрастие»*.

БЛЮДА ТРАДИЦИОННОЙ СИБИРСКОЙ КУХНИ

БЛИНЫ СИБИРСКИЕ. Гречневую муку смешать с пшеничной, развести молоком. Добавить яиц, масло топленое, дрожжи, соль, сахар. Приготовить дрожжевое тесто, развести его до нужной густоты жидкими сливками. Выпекать блины на раскаленной сковороде, на углях печи.

СИБИРСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ. Слегка заморозить одинаковые по весу куски мяса свиного, говяжьего, дичину и сало. Затем мясо и сало вместе как можно мельче изрубить сечкой в корыте с луком, чесноком, постоянно помешивая. Изрубленную массу хорошо промять толкушкой, посолить, поперчить, заправить молоком или жидкими свежими сливками. Фарш еще раз хорошо промять и перемешать. Замесить крутое тесто и дать ему отстояться. Пельмени лепить маленькие, в «один прикус».

САЛАМАТ. Гречневую муку поджарить на сковороде с добавлением сливочного масла. Заварить кипятком или кипящим молоком. Добавить мелко шинкованный лук, мелко нарезанное сало, соль. Хорошо размешать, накрыть крышкой и, укутав полотенцем горшок, упарить некоторое время на скамье. Отсудив, разрезать на порции и подать к столу, полив каждую порцию маслом, подливом (соусом).

ГОРОШНИЦА. Горох смолоть в гороховую муку, заварить кипятком и подержать на «водяной бане». Остудив, разрезать на

* Турбин С. и Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди: Сибирские очерки. — СПб., 1872. — С. 77 — 78.

прямоугольные пластинки. Залить горошницу внутренним рыбным жиром, вытопленным из красной ангарской рыбы.

ПИРОГ СИБИРСКИЙ РЫБНЫЙ. На раскатанный пласт дрожжевого теста выложить слоями вареный рис или пшено с луком (лук можно обжарить). Затем выложить рыбу, цельную или нарезанную кусочками, без костей. Снова положить рис с луком и покрыть начинку другим слоем теста. Края защипнуть. Пирог проколоть ножом для выхода пара. Пирог можно сделать из цельного пласта теста и с крупной рыбой, защипнув края теста и придав форму лодочки.

КИСЕЛЬ ОВСЯНОЙ. Очищенный овес залить водой и оставить на сутки. Воду слить в отдельную посуду. Вымоченный овес хорошо отжать. В полученную жидкость добавить соль и варить на огне, помешивая, до густоты. Добавить кипяченое молоко или сливки. Перемешать. В кисель можно добавить немного масла. В зависимости от густоты кисель подают жидким или разрезают на куски, запивают молоком или простоквашей.

БУРДУК. Оставить часть теста от хлеба. Тесто залить водой и оставить на некоторое время, предварительно хорошо размешав. Когда появится осадок, воду сверху слить. Так повторить дважды. Осадок в Сибири называли «ил». Полученный «ил» залить кипятком или кипящим молоком — получится густой, очень вкусный кисель — бурдук.

ВАРЕВО — это своеобразный полуфабрикат для «похлебки» на покосе, в лесу, в дороге. Для приготовления варева на сковороде жарили в жире или масле овощи, рубленое мясо, лук. Затем всыпали, помешивая, максимальное количество предварительно прожаренной на другой сковороде муки.

Из густой массы катали шарики и подсушивали в печи. Хранить их можно было в прохладном сухом месте. При приготовлении «похлебки» достаточно было опустить шарики в кипяток и прокипятить. Получилось очень калорийное сытное блюдо быстрого приготовления.

§ 43. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА: МУДРОСТЬ И СУЕВЕРИЯ

Становление медицинского обслуживания в Сибири происходило крайне медленно даже в XIX в. и намного отставало от развития медицины в Европейской России. Это обусловливалось отдаленностью края, обширностью территории, колониальным, по сути, положением Сибири в составе Российской империи, крайне низкой обеспеченностью врачебными и фельдшерскими кадрами. Так, в последней четверти XIX в. в Енисейской губернии работало всего 54 врача со специальным образованием, из них 21 — в Красноярске.

Бесплатного медицинского обслуживания не было. Только в 1887 г. в Красноярске открылась первая в Сибири фельдшерская школа. В 1886 г. по инициативе интеллигенции было создано Общество врачей Енисейской губернии, проделавшее громадную работу по медико-статистическому обследованию населения губернии. Общество занималось изучением лечебных свойств воды и грязей в соленых озерах, лекарственных растений, популяризировало медицинские знания среди горожан и крестьян.

В конце XIX в. в Сибири началась реформа врачебного дела. Количество врачей значительно выросло, в уездах были организованы медицинские участки. При каждом участке имелся врач, 2 – 3 фельдшера (в некоторых — фельдшер-акушер), и обязательно — аптека. При каждом медицинском учреждении начали создавать лечебницы для больных. Однако эти меры были недостаточны: часто на участок приходилось по 4 – 5 волостей с разъездом врача на сотни верст.

Не только вследствие нехватки врачей, но и по причине недоверия ко всему «инородному», не принадлежащему к миру старожилов, сибиряки редко и с предубеждением обращались к медицинской помощи. Вместе с тем можно отметить, что добросовестные и искусные врачи, сумевшие заслужить доверие, были весьма авторитетны у сельских жителей.

Народная медицина — вот единственное средство профилактики заболеваний и их лечения. Традиционно сибиряки делили все болезни по их «происхождению» на три группы.

Во-первых, это болезни, вызванные естественными причинами: надсады, ушибы, ознобление, переломы, ранения и др. Именно при

лечении данных болезней крестьяне по возможности обращались к врачу; на деньги «общества» закупались медикаменты, рассыпавшиеся на места по распоряжению казенных палат.

Вторую группу составляли болезни — «наказанье божье». Это нервные, инфекционные, многие внутренние болезни. Здесь официальная медицина, считалось, помочь не могла. «Божье-то вздумал лечить», — говорили в таких случаях, упивали на молитвы, заговоры, секреты народной медицины и «заветы предков».

Третья группа болезней происходила от «порчи» колдунов, ворожей. При этом четко отделяли колдуна от знахаря или ворожеи. Ведь по сибирским понятиям колдун — повелитель чертей. Здесь говорили: «Колдун продал душу дьяволу с условием, чтобы дьявол через определенный срок доставил ему богатства». Известны случаи, когда людей, признанных по решению схода колдунами или колдуньями, выселяли из селения.

В каждой деревне были свои *знахари, травники, бабки-повитухи, ворожеи*. Большинство из них действительно были специалистами своего дела, использовавшими и свои уникальные способности, и мудрые знания предков. Практичные сибиряки, не испытывая суеверного страха перед знахарем, судили о нем по результатам лечения.

При лечении многих болезней сибиряки перво-наперво лечились баней. «Сибиряки не знают ни простуды, ни угары. Каждую неделю и чаще парятся в бане. Парятся так жарко, что, вышед из бани, или падают в снег, или идут в прорубь, или в наледь, невзирая на трескучий мороз. Моются до того, что волосы их обмерзают, а тело делается багровым», — отмечали современники. Парились вениками из лапника хвойных деревьев, из крапивы, из трав, но традиционно лечебным считался березовый веник. Широко применялись также обливания холодной водой, массажи, прижигания, прогревания в горячем песке, в печи, в «которой пеклись ржаные хлебы».

Всем этим процедурам сопутствовали таинственные заговоры, молитвы, манипуляции. Например, знахарка могла «пухтать» — шептать на воду — и обрызгивать ею больного на пороге дома. Весьма целебным при воспалении горла считался свежий «воздух на заре». Лечебными свойствами, по мнению сибиряков, обладала утренняя роса в день Ивана-Купалы, «святая» вода в проруби «Ярдани» в день Богоявления.

Превратившееся в поговорку сибирское здоровье обусловливалось, прежде всего, закаливанием с самого раннего детства. Выжившие и окрепшие в детском возрасте юноши и девушки могли успешно противостоять болезням в зрелом возрасте. Статистические данные XIX в. позволяют говорить о высоком уровне долголетия. Еще по данным 1710 г. известно, что в Восточной Сибири проживало 3 794 человек в возрасте от 70 до 80 лет, 654 — в возрасте от 80 до 90 лет, 145 стариков 90 — 100 лет и 31 человек старше 100 лет.

Наряду со знахарями, в сибирских деревнях были свои *самоучки-хирурги*. Они могли вскрывать нарывы, удалять опухоли и пораженные кости, пускали кровь и даже вырезали «раковые перерождения». При этом инструментами для проведения операций служили обычные нож, пила, игла.

Для профилактики и лечения болезней сибиряки применяли десятки *трав, растений, минералов, животных компонентов* и др. Травы использовали в виде отваров, соков, настоев. Вот некоторые из старинных местных рецептов:

богородская трава — от кашля, головной и зубной боли, от припадков, толченую траву присыпали на раны;

сибирская ветреница — от корчи у малых детей;

марын корень — от «родимца», истерических припадков;

красный девясила — от кровохарканья;

желтый девясила — от глистов;

полевая ромашка — при лихорадках;

георгиево копье — от боли в голове;

синий зверобой — в виде чая от болей в груди и при кашле.

Лечились также *чемерицей, жабреем, душицей, кровохлебкой, скорокопытничком*, корнем валерианы и пр.

Отваром *смородины* лечились от «золотухи»; ягодой *«бояркой»* — от угаря.

«Если в ухе произойдет боль от попавшего туда ветра, то берут луковицу, разрезают надвое, вынимают сердечко и вместо него кладут цветок ромашки; складывают вместе разрезанную луковицу и кладут в печь, в горячую золу, чтобы луковица испеклась, потом вынутый из нее пропитанный луковым соком цветок ромашки теплый кладут в ухо — превосходное испытанное средство», — описывал в XIX веке Н. Абрамов один из способов лечения отита.

Сибирские крестьяне использовали целебные свойства *черемши* как важнейшего противоцинготного средства. При лечении болезней в качестве компонентов сложных лекарств знахари использовали *желчь животных, кору деревьев, наросты на деревьях, некоторые грибы, а также порох, купорос, камфару, табак, нашатырь, вино* и пр.

Если попытаться рассмотреть традиционные сибирские способы лечения, используемые средства и магические действия, то очевидными станут здравый смысл и непреходящая мудрость, а иногда — невежество и суеверие. Не зря в подобных случаях сибиряки говорили в свое оправдание: «Живем в лесу, молимся колесу — чаво мы знаем...».

От зубной боли — пережженный куриный помет (пепел), или на больной зуб клали кусочек венчальной свечи, или корень филичевой травы;

от простуды — крепкую водку внутрь в сочетании с натиранием водкой;

Трещины на губах мазали еловой или пихтовой серой;

От цинги — пили воду, в которой варились пихта;

от лихорадки — пили медвежью желчь в воде или курином яйце;

от «шуму в голове» — настой марьяных кореньев;

от расстройства желудка — разведенный щелок.

Место лишаев смазывали нагаром от пережженного тавренного топора или засохшим ржаным тестом.

Глазные болезни лечили муравьиным маслом, взятым из муравейника (это студенистая бледно-желтоватая масса).

Мокнущие раны присыпали растолченной сосновой серой;

от грыжи — ели ягоды рябины или пили отвар листьев.

Для срастания костей в небольших количествах (!) втирали в кожу смесь из 1/2 меда и 1/2 свинца;

при усталости пили сок, наплывший на лиственнице;

при отравлениях — лук с молоком;

от внутреннего жара — медвежья желчь;

болезни кожи лечили горячим дегтем;

от «надсада» лечили горючей серой;

от недержания мочи нужно было взять кирпич из задней стени печи, истолочь его и поить им больного;

бородавки успешно сводятся травой чистотелом, а также можно намазать три раза конским потом или крепкой водкой;

при бородавках брали нитку, вязали на ней столько узлов, сколько бородавок, и закапывали в навоз — как нитка гниет, так и бородавки пропадут;

чирьи мазали дегтем или с наговором обводили безымянным пальцем три сучка в стене, или, чтобы чирьей не было, нужно съесть все листья от березового веника в бане, что прилипли к телу;

от ячменя на глазу ставили кукиш, приговаривая: «На тебе кукиш, что хочешь купиши, купи себе топорок, секи поперек». И так три раза...

Если ребенок родился без признаков жизни, над ним жгли тряпку;

от «сущица» ребенка клали на лопату и держали в печи над хлебами, затем обливали водой из бутылки, «ночевавшей» в тесте;

у малых детей «гризли гризу» (лечили грыжу), правили головку, «ровняли ребенка» от врожденных вывихов, подрезали уздечку языка, от ряда болезней отпаивали отваром мака и пр.

«Едет царь, конъ под ним карь, я его узнал, ты, руда, стой, а ты, рана, заживай», — так заговаривали крестьяне-знахари кровотечение.

Народная медицина играла положительную роль, т. к. в условиях слабого развития медицинского обслуживания именно она обеспечивала защиту от многих заболеваний и довольно высокие темпы естественного прироста населения сибирского края, поддерживала сибирское здоровье.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Сибирская народная медицина.
2. Практикум. «Сибирский травник» (болезни и их лечение с помощью сибирских трав и растений. Приглашение медицинского работника или знахаря-травника).

II. Исследования

1. Определить, какие лечебные растения (травы, деревья и кустарники, ягоды) произрастают в вашей местности, какие из них традиционно используются в народной медицине? (Справочная литература: «Лесная аптека», «Лекарственные растения Сибири», «Справочник народной медицины», «Справочник-лекарник по народной и нетрадиционной медицине» и др.)
2. Соберите сведения и опишите ядовитые растения в вашей местности, оформите в школе стенд о ядовитых растениях, о предупреждении отравлений этими растениями.
3. Исследуйте степень сохранности лекарственных растений вашей местности. Какие растения находятся на грани уничтожения? Продумайте механизм защиты исчезающих растений. Как экологическая обстановка влияет на лекарственные растения?
4. Опишите нетрадиционные технологии приготовления лекарств из растений, нетрадиционные, характерные только для вашей местности способы лечения различных болезней. Какие суеверия бытуют в народной медицине? Какова степень достоверности этих верований?

III. Практикум

Технология приготовления отваров, настоев, лекарственных напитков, лечебного чая, припарок, мазей и др. Знакомство учащихся с возможностью использования растений в общеукрепляющих целях, для лечения простудных заболеваний.

IV. Музей

Экспозиция и материалы о знаменитых знахарях и народных целителях прошлого в вашей местности, воспоминания о них. Материалы о медицинских работниках прошлого и настоящего, об энтузиастах и подвижниках, их фотографии, инструменты, личные вещи и др. Старинные медицинские инструменты и оборудование.

§ 44. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ СИБИРЯКОВ

Народное творчество Сибири отличалось прагматичностью, неравномерностью развития отдельных направлений. Более всего были развиты декоративное искусство, игровые виды, праздничная обрядность, менее — песенные жанры, музыкальное искусство.

44.1. ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Отличалось сдержанностью, определенной скромностью в размерах и красочности изображений, строгостью линий. Сибиряки не любили украшать предмет или сооружение целиком, а ограничивались украшением основной части или отдельных элементов, как-то: карнизы домов, углы стен, наличники окон, ставни, ажурный резной пояс вокруг дома. Особо украшались ворота, но не все полотно, а столбы, карниз крыши ворот, «жуковина» с кольцом. Крыльцо имело резные столбы, ограждения-перильца, точеные «балясины», резную арку входа. Из надворных построек украшались, пожалуй, только амбары. В целом для творчества сибиряков характерны следующие особенности:

1. Ясность и уравновешенность композиции. Украшения-элементы в виде ромба, креста, квадрата, пересекающиеся или расположенные рядами, а также изображенные один в другом.

2. Огромное влияние искусства местных народов: геометрические, растительные орнаменты.

3. Излюбленные цвета — красный, синий, реже — черный, темно-коричневый. Из других цветов — зеленый и желтый.

4. Вышивание фигурок красной нитью. Часто шитье фигурных композиций из кривых, изгибающихся и пересекающихся друг с другом линий.

Более всего сибиряки любили резьбу по дереву. Сквозная резьба доходила до кружевной тонкости. Украшения наличников окон были как «прорезные», так и «накладные»

Иконы сибирского письма отличались, по описанию, «извилистым орнаментом на фоне и строгим симметричным построением композиции изображения».

Сибирское искусство стало местом встречи искусства Украины и Прибалтики, Поволжья и Польши, Белоруссии и Русского Севера. Так, украинцы принесли украшение «заборок» кути, стен. Часто встречались стены и печи, расписанные грозьями винограда, гирляндами пышных цветов, сценами охоты, изображениями фантастических деревьев с цветами и плодами.

«Народное искусство Сибири — последнее звено в цепи евразийских художественных культур», — писал исследователь народного искусства Д. А. Болдырев-Казарин в начале XX в.

44.2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

МОЛИТВА СИБИРЯКА

Благослови, Господь, мои страданья
И дай утеху мне и сладость упованья!
И дай мне силу воли и терпенье,
Дай зреть моих ошибок исправленье!
Сподобь меня вкусить плодов приятных,
Моих стремлений и трудов,
с честию согласных.
Пошли мне дух трудолюбия и чести,
Дух покоя, мира, совести душевной!
Да бежит меня дух коварной лести
С его соблазнами и участью плачевной!
Да буду я одним из верных Родины моей сынов —
Одним из тех поборников скромных любви и добра,
Что приносят пользу kraю,
Что имя носят славное бойцов
За честь родной страны,
За все, чем жизнь ея красна.

«Сибирский архив». — 1913. — № 1

СИБИРСКИЕ АФОРИЗМЫ: ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Чалдоны — крылечки скоблены.
Русь навалила — весь наш край задавила.
Родная деревня краше Москвы.

На чужой стороне и весна не красна.
В Сибири 100 рублей не деньги, 100 верст не расстояние.
Человека убить — дальше Сибири не быть.
Сибирь — золотое дно.
Поселенец — что младенец. На что взглянет, то и стянет.
Золото веско, а кверху тянет.
Драчливый петух жирен не бывает.
Накормишь калачом — не бей в спину кирпичом.
Мужик робит не покладая рук, пока Бог не пошлет по душу.
Правду блюсти по совести.
Горькому Кузеньке — горькие песни.
Это не в селе, а в себе.
Порука — наука.
Хитер: первый тащит мясо из горшка.
При худе-то худо, а без худа и того хуже.
Осудила чурка палку.
Кто на приисках не бывал — горя не видал.
У него правды, как у змеи ног, не найдешь.
Чудно дядино гумно: семь лет урожая нет, а мыши водятся.
В копнах — не сено, в долгах — не деньги, в гребях — не хлеб.
Кыска скребет на свой хребет.
Кто любит кислое да соленое, а кто — красное да зеленое.
Стужа да нужа, нет ее хуже.
Што город — то Бог, што деревня — то черт.
Съел не худа, всего полпуда, осталось фунтов семь — завтра съем.
Митяй сидя спит и лежа работает.
То, что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи.
Гнилой веревкой лошадь не ловят.
Была бы пища — мыши найдутся.
Пустая дума — лишняя тяжесть.
Как ручки сделают, так и плечики износят.
«Вот теперь я поправлюсь!», — сказал отец дьякон, выпивши восемнадцатую рюмку водки.

СИБИРСКИЕ ЗАГАДКИ

Два убегают, два догоняют, а отдохивают вместе. (*Четыре колеса у телеги*)

Кину с блошку — выну с кошку. (*Редъка*)
Мокрый теленок в подполье живет. (*Язык*)
Не жива, а дышит. (*Квашня*).
По сеням ходит, а в избу не является. (*Дверь*)
Сам худ, а голова с пуд. (*Безмен*)
На скате горы косые унты. (*Уши*)
Станет — выше коня, а ляжет — ниже кота. (*Дуга*)
Рыжий, а не конь, с рогами, а не бык, шестиногий, без копыт.
(*Таракан*)

Загадки записаны в дд. Торгашиной и Дрокиной в 1913 г.

ЧАСТУШКИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ начала XX в.

Ты, извозчик, подай клячу
Увези меня на Качу.
Милай мой по Каче плавал,
Утонул, паршивый дьявол.

Как на Каче грязь и тина,
Там девчонки, как картина.
Как на Каче грязь и кочки —
Там девчонки, как цветочки.

Как Батойские ребята,
Одним словом, молодцы
Ногой топнут, брюки лопнут,
Все заплатки отлетят.

Не хочу я первачу,
Хочу второго сорта.
Я чалдона не люблю.
Посылаю к черту.

Милый мой такой баской
Из деревни из Гарской.
Из деревни из Гарской
Истомил меня тоской

Красноярск — город славный,
На реке стоит большой;
В нем живет народ богатый,
Настоящий, продубной.

Из Маганска девки модны —
По три дня сидят голодны,
Золотые серьги носят,
Под окошком хлеба просят.

Не ходила, не пойду
В лес я за грибами —
Напугал меня чалдон
Синими штанами.

Золото мое колечко
Хуже оловянного,
Надоели мне чалдоны
Хуже окаянного.

Милый мой, пойдем домой,
Пойдем, моя кровиночка.
Тебя угонят в Порт-Артур —
Останусь сиротиночка!

Пароход баржу везет —
Баржа семечки грызет.
Стою плачу у телеги —
Слезы льются колесом.

Рыбочка на вилочке —
Миленок на заимочке.
Миленок на заимочке,
Шьет милой ботиночки.

ПРИМЕТЫ-ПОВЕРЬЯ СИБИРЯКОВ-СТАРОЖИЛОВ

У кого пальцы длинны — невеста маленькая будет.
Кто на кошку наступил — жениться захотел.
Из новой муки в первый раз нельзя печь хлеб, а нужно печь ситники, иначе хлеб не будет родиться.

Если корова понюхает дойник, то парное молоко станет кислым; если же дать понюхать этот подойник быку, то этим дело поправится.

Нельзя сор на ноги мести — свекровь лихая будет.

Чтобы девушке уметь тонко прядь, нужно жилы есть.

Девушке нужно есть селезенку — косы хорошие будут.

Парню нельзя есть селезенку — верхом не будет уметь ездить.

Когда ешь, то нужно облизывать ложку, а то жених или невеста рябые будут.

На квашню нельзя садиться — обжора будешь.

На ушат нельзя садиться — пьяница будешь.

Засуха бывает оттого, что кем-то оставлены в овине необмолоченные снопы.

Если в реку ранней весной бросить кусочки хлеба, то ее, матушку, пронесет ото льда легко.

Сорока на дворе застремочет — то к несчастью в доме.

СИБИРСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА «ПТИЧКА-НОСОК КАК СПИЧКА»

Жил старик со старухой, жили они бедно. Старуха отправила своего старика рубить дрова. Вот он подходит к пню и стал дрова рубить. Оттуда вылетает птичка-носок как спичка и спрашивает старика: «Чево тебе, дедушка, нужно?» Он говорит: «Дров». Она ему говорит: «Иди домой, завтра все будет готово». Наутро они встают, дров у них полон двор.

Утром встала старуха, посыпает старика просить у птички хлеба. Старик опять так же приходит, стукнул о пенек, оттуда вылетает птичка-носок как спичка и спрашивает, что ему нужно. Он ей опять

говорит, что хлеба. Она опять отправила домой и сказала, что завтра все будет готово. Старуха утром встала, пошла в анбар — анбар полон муки.

Старуха тогда опять послала старику, чтобы он попросил птичку сделать ее барыней, а его барином. На другой день послала старику к птичке, чтобы она сделала ее царицей, а его барином.

Когда они проснулись, то увидели, что старуха сделалась кысской, а старику кошаком. Оба голодные и мявкают.

БЫЛИЧКА

Быличка — форма произведения устного народного творчества, бытовавшая в прошлом на Урале и в Сибири. Традиционные мифологические сюжеты о «нечистой силе», сказочных существах, домовых и прочих персонажах русских сказок сибиряки, будучи более рациональны и менее религиозны, облекали в сказания-былички, якобы имевшие место в жизни конкретных людей. Былички рассказывались обязательно со ссылкой на кого-либо.

* * *

«Вот еще чего сказывал Федча Таразан. Он сказывал, что в Байкале-море водятся фараоны. Однажды ефти фараоны разыгрались и утопили судно; вот жители еftова места догадались — закинули невод и вытащили еftих фараонов до пятидесяти: человек совсем, голова, руки и все человечье... ноги только, где лапы тут, срослись и хвост рыбий; вот ефти жители навязали прутьев и всех фараонов простегали и побросали в море; опосля как рукой сняло, фараонов не стало, ушли в другое место. Как еftому верить?»

*Рассказ тобольского крестьянина. Записан в 1848 г.
(В данном случае рассказы жителей Байкала о тюленах обросли в процессе передачи информации мифологическими добавлениями из сказаний более древних языческих времен.)*

* * *

За селом Бугуртак (недалеко от Курагино) у подножья горы есть небольшое озеро, посреди которого стоит камень (скала), покосивший деревьями. Дно у этого озера очень глубокое. Мне рассказывала 82-летняя бабушка жены, зовут ее Кронцова Марина Корне-

евна. Эту историю ей рассказала ее бабушка. То было давнее время, когда Бугуртака еще не было.

В огромном камне, находившемся на вершине горы, была пустота, пещера. В ней жил двуглавый крылатый змей. Кто из людей видел его — говорил, что от него идут искры. Ночью, после захода солнца, он выходил на свою охоту. Курагинские крестьяне, у которых там были покосы, к тому времени старались убраться из тех мест. Змей хватал все живое, будь то человек или лошадь.

Однажды ночью разразилась страшная гроза. Беспрерывно сверкали молнии, гремел гром. Одна из молний угодила в камень, в котором обитал змей. Камень сорвался с утеса и похоронил змея под собой. А в том месте, где камень пробил землю, образовалось озеро. Сказка, можно сказать, но на юго-востоке горы есть большая каменная россыпь, и уже упомянутое озеро с камнем посередине. Не так давно на этой скале не было деревьев.

Рассказ записан автором пособия от Баландина Андрея Викторовича, жителя с. Имисское Курагинского района, в 2000 г.

(В данном рассказе присутствуют все элементы сибирской былички: ссылка на подлинность происходивших событий, указание времени события, подробное перечисление всех рассказчиков и ссылка на них. В быличке есть попытка доказательства на основе современных данных.)

44.3. ПРИМЕТЫ, ОБЫЧАИ, ПОВЕРЬЯ

Савельев А.А. (1874 – 1942)

Записи примет, обычаяев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии (начало XX в.)

НА ПРОМЫСЛЕ И НА ПАШНЕ. Старик-хозяин ладит «вентерь» (вентель) «на весну рыбу идти промушлять». Чтобы пройти в избу, приходится перешагнуть через разложенную по полу рыболовную снасть. — «Не, паря, этова не надо; никовда не надо. Не шагай через. Через это рыба в него не пойдет. Испортить вентерь можно».

При первом весеннем лове ... первую же пойманную более или менее крупную рыбу бьют палкой и при этом приговаривают, уда-

ряя по рыбе: «Попала, да не та, посытай мать да отца, бабушку да дедушку».

Желательно в день посева украсть у кого-нибудь что-нибудь, хотя бы, например, серянку [спичку], — урожай и сев будут удачны. Во время посадки [клубней] картофеля нельзя его есть, а то крот будет их уносить и портить.

О ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ. Как же, как же, паря, это верно — пожар от грозы, это уж как не «Божья милость». Так и говорят — «гореть Божею милостью». Нет, водой тушить такой пожар никак нельзя. Потом уж разгрести [золу] можно.

При граде и при грозе выбрасывают на улицу через окошко (д. Ярки) или через ворота (с. Богучаны, д. Карабула) лопату, которой садят хлеб в печь ... или печную клюку, чтобы скорее прекратилось то и другое. Весной при вскрытии реки все спешат умыться свежей водой — чтобы здоровым быть.

О ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ. Бывает, что собака теряет аппетит. В д. Пинчуге, чтобы она ела, рубят ей кончик хвоста, а в с. Богучанах одевают ей на шею ободок из черемухового прутика, обмазанного дегтем, или же просто «дехтяну веревочку».

Коров выпускают на волю вскоре после Пасхи. Старший член семьи выходит во двор и там обмазывает смолой наподобие креста двери хлевов, стаек и ворот, произнося при этом молитву. Вдоль тех ворот, через которые выпускаются коровы, на земле он расстилает поясок, снимаемый с себя. Положив поясок и снова сотворив молитву, он делает несколько полупоклонов. Затем, став перед воротами, он «три раза» перегородит (перекрестит) их. Тогда хозяйка [берет] в руки ковригу хлеба, выходит за ворота и, отламывая кусок за куском, манит корову — «тпруси, тпруси, молена, тпруси, Ивановна, тпруси» и т.д. Мимо идущей корове она дает кусок хлеба. Так переходят все коровы одна за другой, переступая поясок, который расстилается для того, чтобы они знали свой дом, свои ворота. А хозяин вслед за уходящими коровами шепчет: «Христос с вами, Христос с вами!» — и крестит одну за другой. День этот считается полупраздником и в течение его не полагается ругаться.

ПРИ ПОСТРОЙКЕ НОВОГО ДОМА. При выборе места постройки кидают жеребий. Хозяйка из ржаной муки печет 3 небольших «колобушка» хлебца. Эти последние выпекаются раньше всей остальной стряпни. На следующий день, до восхода солнца, хозяин

берет эти хлебцы и кладет их за пазуху, предварительно подпоясавшись. Придя на намеченное место, хозяин ... читает молитву; затем распоясывается и следит за количеством выпавших из-за пазухи хлебцев. Если выпадут все три хлебца, место считается удачным и счастливым для поселья; если два выпадут — то «так-сяк», а один — вовсе плохо — селиться не следует.

Когда подымают «матицу» на только что возведенные стены строящегося дома, то поступают так. На «матицу», которая одним концом лежит на стене, кладут ковригу хлеба, немного соли и иконку; всё привязывают к матице новым рукотерником [полотенцем]. По поднятии матицы остаток дня считается праздничным.

В старину при постройке избы под окладку [нижний венец бревенчатых стен] всегда клали деньги в небольшом количестве, а под матню [матицу] третью часть того, что кладут под окладку.

В жилом доме нельзя прорубать окно или дверь — хозяин умрет или будет вообще крупная потеря.

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОЛОВА! Э! Паря, ты не тово, от моёво куска не откусывай и из чашки из моёй не пей. Изурочишь, поди, паря. Мою всю силу через рот возьмешь. Обессилиши меня.

Хлеб отрезанной стороной или отломанной следует класть внутрь стола. Так же точно нельзя класть ковригу или калач вверх «исподней» [нижней] коркой. В первом случае будет мало хлеба, а во втором — на том свете [черти] будут держать вверх ногами.

При дележе в семье [семейном разделе] старший режет ковригу ржаного хлеба на дольки по числу делящихся или имеющихся в семье мужиков. Отделяющийся берет свою часть и отходит от стола. Бабы разливают квашню и уносят свои части.

В старину был обычай не рушить вечером непочатую ковригу хлеба. Говорили, что «коврига спит».

Хлеб нельзя тыкать вилкой — на том свете [черти] самого на вилах будут поднимать.

В СЕМЕЙНОМ БЫТУ. Нельзя ребенка класть или сажать на стол — будет уросить [капризничать].

Нельзя ребенка хватать за ноги — худо ему может быть, не скоро будет ходить.

Невеста идет под венец — должна под левую пятку класть се-ребряную монету — в замужестве в деньгах нуждаться не будет.

Во время болезни нельзя снимать ту рубаху, в которой заболел, иначе болезнь не скоро пройдет.

Умершему кладут в гроб кудель, а иногда даже чистое льняное волокно, чтоб ему помягче лежалось в земле.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ. Рассейский народ молитвенный. А мы, челдоны, их [молитвы] не знам. В нашей семье семь человек, а Иван один только знат «Отче» и «Богородицу».

После Пасхи до Троицы нельзя в окно ничего выбрасывать — там стоит Христос — «штоб не ушибить ево».

Вечером накануне праздников нельзя мести избу и выбрасывать сор из нее. Не будет богатства у хозяев.

Нельзя растягиваться на лавке ногами к божнице — Бог силу отберет.

Всякий праздник обязательно начинается накануне с закатом солнца и кончается также с закатом солнца. Канун праздника называется «вечерей»*.

§ 45. ГОВОР ПРИЕНИСЕЙСКИХ СТАРОЖИЛОВ

45.1. «ЧАЛДОНСКАЯ РЕЧЬ»

Известного ученого, исследователя сибирского края П.А. Ровинского спросил однажды забайкальский старожил: «Чево это такое. Вы не знаете самых обыкновенных русских слов, адали иностранец?» «Чалдон» поразился, что «человек из России» не знает «самых обыкновенных русских слов»:

зонтугло — отупевший, старый человек,
дымбей — напротив,
курягаинка — весенний барашек,
ханазаный — лысый,
кантурга — кисет с табаком.

Итогом исследований П.А. Ровинского стали «Замечания и словарь сибирского наречия», опубликованные в Известиях Сибирского отделения РГО в 1873 г. О сибирском говоре сказано сле-

* Фольклор Приангарья начала XX века // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. — Новосибирск, 2000. — № 2. — С. 45 — 46.

дующее: «*Сибирское наречие произошло от северо-русского, но двухсотлетняя разъединенность, совершенно иные условия исторические... дали направление оригинальное. Говор Восточной Сибири имеет особую фонетику, много своеобразных грамматических форм. Словарь насчитывает более 3 000 местных слов, не известных в общем русском языке*».

Но еще в первой половине XIX в. А.П. Степанов, первый Енисейский губернатор, писал о старожилах, что «выговор их нежнее, и в разговорах более учтивости... Крестьянка говорит своей подруге «Вы». Обращаются: «Здравствуй, часом братан!».

На вежливость в обращении и особенность говора сибиряков обращали внимание и другие исследователи, например, после чихания в сторону сибиряки-забайкальцы говорят: «Салфет вашей милости!». Чихавший благодарит: «Красота вашей милости!».

Необходимо подчеркнуть, что единого говора для всей Сибири не существовало, в каждой местности бытовали свои особенности. Однако сибиряк сибиряка понимал легко, ведь многие слова и целые выражения служили для общения «своих». В Енисейской губернии местными словами выражали даже счет:

<i>един</i> — один,	<i>барахты</i> — четыре,
<i>по-пусту</i> — семь,	<i>пара</i> — два,
<i>чивильды</i> — пять,	<i>по-насту</i> — восемь,
<i>ерахты</i> — три,	<i>евольды</i> — шесть,
<i>дакинь</i> — девять,	<i>вчкинъ</i> — десять.

Слова местного происхождения обозначали большинство орудий труда и предметов быта, пород скота и объектов крестьянского подворья, дней прошедших и предстоящих. Многие изначально «великорусские» слова видоизменялись. Приенисейские сибиряки часто заменяли одни буквы другими, «выбрасывали» отдельные звуки при произношении. Например: *восподин* — господин, *гумага* — бумага, *знат* — знает, *играм* — играем, *гулям* — гуляем; или «щ» на «шш» — *чашиа, шшавель, шшиколда*.

Многие слова употреблялись с окончанием *-чи*: помогчи, легчи, волокчи, пекчи, секчи, берегчи; и с добавлением *-ка*: на-ка, возми-ка, нету-ка, выйди-ка, найди-ка и др.

Отбрасывались окончания: *проста, высоко дерево, ровна дорожка, бела шуба* и др. Многие слова появились в прошлом вследствие «грубого», сурового образа жизни: *реветь* — кричать, зо-

бать, хлебать — есть, *зубатить* — грубить, *чубурыхнуть* — упасть и пр. В условиях выраженного индивидуализма и высмеивания пороков были естественны слова *хайлать* — бестолково кричать, *хаять* — оговаривать, *хнюкать* — плакать, *чмутить* — сплетничать и пр.

Особую роль в словообразовании старожильческого говора сыграли слова, словосочетания и произношение жителей северных губерний Европейской России.

45.2. СЛОВАРЬ ГОВОРОВ СТАРОЖИЛОВ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

ажно — между тем как

азойно — тяжело

азям — армяк из шерсти

айдате-ка — пойдем

анбар — амбар

анадысь — тогда

арясина — тонкая жердь, дубина

артачиться — противиться

бадажок — палка для ходьбы

багрецовий — красный

базанить — кричать, реветь

балаган — шалаш

балда — колотушка

баской — красивый

баstryк — гнет на возу сена

бахолы — сапоги

баять — говорить

беремя — охапка

благодать — изобилие

блажной — неугомонный

блудить — плутать

божья дуга — радуга

ботало — «колоколец» у коровы

ботать — без толку говорить

брешить — лгать

брыла — губы у человека (насмешл.)

бузыгать — пьянствовать

бус — мелкий дождь

булькаться — играть с водой

бунчать — бормотать

бузанить — есть жадно, неопрятно

быговать — вымерзать (быгать)

быструха — энергичная женщина

важня — амбар с сеновалом

валандаться — мешкать

варево — припас для кушанья

- варнак** — преступник, каторжный
- веньгать** — плакать
- весноватый** — рябой
- ветляность** — общее: приветливость, обходительность и разговорчивость
- ветля2ный человек** — живой и разговорчивый, приветливый
- взаболь** — в самом деле
- веснусь** — прошедшей весной
- витушка** — крендель
- вица** — прут, розга
- водиться** — ухаживать за детьми
- волгнуть** — впитывать влагу
- волокчи** — тащить
- вопить** — кричать
- выдувка** — углубление в снегу у корня дерева
- выжига** — пропащий человек, всё промотавший, способный на всякую пакость
- вытараска** — пучеглазый
- вышка** — потолок, чердак дома
- вытник** — бездельник
- галдить** — шуметь
- галиться** — издеваться, смеяться
- галицы** — рукавицы
- галяма** — неповоротливый человек
- гаркать** — звать
- глезкий** — скользкий
- глубник** — запад
- глыза** — куча, глыба
- годить** — ждать
- гом(а)нить** — успокаивать
- гомоюн** — старательный по хозяйству и в семье мужик
- горлопан (горлан)** — криклий, шумливый человек, страющийся взять криком
- губы** — грибы
- губник** — пирог с грибами
- гузно** — мешок
- гундеть** — грубо кричать
- даха** — шуба из меха козы
- денной** — пройдоха
- дивильце** — маленькое зеркальце
- докука** — просьба
- домовина** — гроб
- допережь** — сперва
- дородно** — много
- доспеть** — сделать
- досыть** — довольно
- дошлый** — хитрый, умный, доходящий до всего своим умом. Высшая степень умного человека
- дрынношепина** — худая длинная девушка, женщина

дурничка — глупость, невежество, необразованность, дурные привычки
дуйка — снег с ветром.
душной — запаистый
евон че — вот что...
едрёный — свежий
еман — козел
енчить — плакать
ерепеня — сварливый человек
ерастаться — браниться
ертачиться — упорствовать
ечесливый — вежливый человек
жаркой — оранжевый
жаровый — поджарый, сухощавый
жбан — деревянная кружка
желубить — очищать
жирник — светильник
жила — скупой, скряга
жировать — жить в довольствии
журба — сварливый
забереги — окраины льда у берега
завороть — поворот реки
завчера — третьего дня
зараз — тотчас
зарот (зарод) — стог сена
заутро — завтра

зенки — глаза
затуран — мука, поджаренная в масле
зехло — широкое горло
зимусь — прошедшей зимой
зоский — твердый, крепкий
зыркать — смотреть
зюзя — пьяницы
изгаляться — делать неприятности
имальцы — жмурки
илимка — лодка
исполох — испуг
исправный — зажиточный
истоплё — количество дров, чтобы истопить печку один раз
истошник — прилежный в труде
итить — идти
ичиги — легкие сапоги
кабатуха — толстая рубаха
кавкать — кашлять
калтаны — летние соболя
канючить — хныкать
катушка — ледяная горка
кладушка — курица-несушка
клевить — доводить до слез
комель — нижний конец дерева
кондырь — козырек
кондовый — стойкий, прочный
кортом — найм

корысть — жажда наживы, жадность к деньгам
корыстный — дрянной человек
култук — плечо
кулявый — хромой
кремлина — твердая древесины
куржак — хлопья снега от пара
курья — узкая протока
кухта — снег на деревьях
кыска — кошка
лабаз — постройка на деревянных столбах-сваях.
лагун — кадка с двойным дном
ляться — браниться
легчи — лечь
лекотать — говорить
лежни — бревна под полом
липуха — роса
лог — долина
лонись — прошлого года
Лось — созвездие Большой Медведицы
лытка — бедренная кость
лэхма — неряшливая, лохматая
ляскать — говорить ненужное
маганый — белокурый
макушка — вершина горы
марево — жар в воздухе
марудный — медленный
мендач — слабый лес

мизгирь — паук
молосный — скромный
могутный — мощный, крепкий человек
могутной хозяин — экономически сильный, исправный, независимый
морговать — брезговать
морочный — пасмурный
мураш — муравей
мухлевать — обманывать
на прок — на будущий год
наскаружник — насмешник
не вдолги — вскоре
не помргуйте — не побрезгуйте
норки — ноздри
ночесь — в прошлую ночь
нуро — живот
нету-ка — нет
ниюня — плаксивый человек
нюхлый — болезненный, слабый
обабок — гриб-подберезовик
обиход — забота, уход, чистота
обиходный — опрятный
обоконье — нижний косяк у окна
обутки — башмаки, обувь
огневой — бойкий, горячий
околеть — окоченеть

обиход — опрятность, благоустройство
обиходка — чистоплотная хозяйка
осенесь — прошлой осенью
остожье — изгородь у стога
охреть — грязный, нечистоплотный
очесливый — вежливый, услужливый
очеп — шест для колыбели
очурайся — опомнись
падера — первый снежок
падь — горный разлом
пал — выжег травы
паскаружник — насмешник
паужина — вечерний обед
паут — овод
поганка — ядовитый гриб
потачить — баловать
послухмянный — послушный, покорный
постать — часть деляны, мера площади
пурга — метель
путем — так должно быть
разе — разве
релка — гряда, возвышенность
робить — работать
рябина — веснушки
рясный — ягодный, обильный

свиrepый — серьезный
сегоду — в этом году
силком — насилино
скоком — бегом
слега — придавливающее бревно
стегно — бедро
стибрить — украсть
строганина — стружка мерзлой рыбы
сунтурить — болтать вздор
стуживо — мороз с туманом
с устатку — усталость после работы
тамотка — там
таперича — теперь, тут
тараторка — болтунья
типушки — цыплята
тошнехонько — горько
тундук — непонятливый человек
турить — гнать
тутомный — местный
тюрючок — катушка ниток
углан — застенчивый человек
urosливый — капризный
утартать — унести, утащить
уторкаться — угомониться, уснуть
ухряпаться — устать, надорваться
учуять — услышать
ушкан — заяц

ушлый — сообразительный, обучающийся на ошибках других людей

фарт — удача

фашонка — траурная косынка

ферт — важно напыщенный человек

фря — особа спесивая, задирающая нос

фурять — кидать, швыряться

фыпиться — сердиться

хайка — телега

характерный — сердитый

хайло (зехло) — широкое горло

халыстнуть — ударить с размаху

халява — нечистоплотная женщина

хаять — ругать почем зря

хиус — северный сырой ветер

хмарно — пасмурно

ходок — легкая телега, выезд

хлопуша — лгун

хлюздить — фальшивить, не признавать правила

худоумный — глупый

хнюня — плакса

циркать — доить корову

цыпки — заветерья кожи на руках

чесанки — валенки из мягкой шерсти

чага — нарост на березе

чалбыш — «худой» вид осетра

чембары — холщовые штаны-порты

чистотка — чистоплотная женщина

чищина — прут без коры

шабалы — старые вещи

шабарать — шуршать

шаньга — ватрушка с творогом

шлындать — бесцельно бродить

шуметь — звать

шипишник — шиповник

эвонде-ка — вот где

юлить — хитрить, изворачиваться

яблоки — картофель

язевый лоб — дурак

ярый — бойкий

ятровь(ица) — сестра жены

яроститься — сердиться

ГЛАВА XI. СИБИРСКОЕ САМОСТОЯНИЕ

§ 46. СИБИРЬ И СИБИРЯКИ

46.1. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Русская колонизация Сибири имеет глубокие объективные причины: политические, экономические, социальные. Освоение окраин государства стало на многие столетия политикой осуществления принципов естественных границ Российской цивилизации. Цивилизационный подход в оценке явлений и процессов сибирской истории позволяет нам определить глубинные корни в исследовании общности судеб народов и культур Российской цивилизации. Огромная территория Евразии является «срединной землей» — **лимитрофом** на пространстве взаимодействия Западной и Восточной цивилизаций. Это территория, где сталкивались интересы и противоречия, где постоянно изменялась граница соприкосновения земледельческих и кочевых культур, где происходил синтез западно-восточных элементов.

Результатом данного взаимодействия в течение многих веков явилось образование синтезной Российской цивилизации. Именно сложившиеся географические границы Российского государства ограничили полигетническое, поликультурное, поликонфессиональное содержание территории лимитрофа. Органичным выражением специфики лимитрофа во все времена являлся Приенисейский край, и особенно его южная часть. Проведем краткий экскурс в историю взаимодействия культур Хакасско-Минусинской котловины, чтобы воочию проследить существование мощных очагов древнейших

культур и синтез достижений различных цивилизаций на территории Сибири...

Во второй половине III – начале II тысячелетия до н.э. на берегах Енисея происходит переход от камня к меди. Складывается Афанасьевская земледельческая культура. Археологи и антропологи относят афанасьевцев к европейской расе. Им на смену в эпоху перехода к бронзе пришла Окуневская культура с развитым скотоводством. Этнически они были уже монголоидами. В период расцвета бронзового века здесь превалирует андроновская культура. Андроновцы занимались как скотоводством, так и земледелием. Их сменила Карасукская культура. Карасуки впервые освоили верховую езду и занимались отгонным скотоводством. В I тысячелетии до н.э. с началом железного века в Хакасско-Минусинской котловине утвердилась культура тагарцев-динлинов. По свидетельству китайских авторов, тагарцы были светловолосыми европеоидами. Археологи выявили у них развитое мотыжное земледелие и скотоводство.

В конце I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э. на юге Приенисейского края господствует не менее развитая Таштыкская культура. Затем Южная Сибирь на многие столетия стала столбовой дорогой Великого переселения народов. В I – VI вв. наиболее существенное влияние оказали гунны (по китайским источникам — народ хунну). Затем по берегам Енисея и Великой Степи прокатилось нашествие монгольской армии Чингисхана. После распада монгольской империи здесь сложилось государство древних хакасов.

Бытует мнение, что в XIII – XV вв. развитие огромного края от Урала до Тихого океана резко затормозилось. С позиций цивилизационного подхода это вполне естественный, восточный, замедленно-циклический тип развития. Непрерывные военные столкновения и присущий окраинам восточной цивилизации тип традиционного освоения естественных ресурсов характерны и для Приенисейского края. В лесной и таежной зонах здесь господствовал традиционно-присваивающий тип хозяйства. В южных степных районах сохранилось традиционно-производящее хозяйство, имевшее скотоводческую направленность и элементы земледелия.

С похода Ермака в 1581 г. начался этап смены типа цивилизационного развития вначале в Западной Сибири, а с возникновением в 1607 г. Туруханского поселения и в 1619 г. г. Енисейска — и в Приенисейском крае. Значимым событием стало основание в 1628 г. Красноярского острога. Оформлением естественных границ Российской цивилизации на ее южноенисейских рубежах стало возведение в 1709 г. Саянского острога.

К середине XVII в. русские первопроходцы вышли к берегам Тихого океана и закрепились на восточной окраине Азиатского материка. Политическое закрепление Российской цивилизации на азиатской части лимитрофа сопровождается утверждением в XVIII – XIX вв. традиционной земледельческой культуры, а на рубеже XIX – XX вв. — индустриальной.

46.2. СИБИРЬ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ?...

В начале XX в. доля Сибири в общей площади Российской империи достигала 58%. Население Сибири при этом составляло всего 6% от общего числа жителей огромной страны. Из 12,6 млн. жителей сибирского края около 1 млн. человек проживало в Енисейской губернии. Плотность населения была крайне неравномерной — от 0,01 до 15,5 чел./кв. км.

Присоединение Сибири к России на первых порах не изменило коренным образом специфику использования естественных природных ресурсов. Главным стимулом и наибольшей ценностью в первоначальном освоении сибирского края русскими была пушнина. В XVII в. сибирская пушнина давала от 40 до 80% всего национального дохода российского государства. Еще в начале XX в. меха из Сибири составляли 44% всей мировой добычи, или 4/5 всего пушного товарооборота в России.

Важнейшим цивилизационным изменением в освоении края явилось создание *сибирского земледелия*. Темпы роста посевных площадей и сбора зерновых в Сибири всегда были выше среднероссийских. Так, на 100 жителей здесь засевалось 84,9, а в среднем по России — 55,0 десятин пашни. Особенно выигрышным выглядит сравнение урожайности российских и сибирских пашен. Если в середине XIX в. в Европейской России урожайность зерновых была от «сам – 2,3» до «сам – 3,2», сибирские земли давали от «сам – 4,2»

до «сам – 10» и более. И это в условиях экстремального климата и более короткого лета! К 1917 г. Сибирь (6% населения России) давала 17% валового сбора зерна. Быстрыми темпами край превращался в основную житницу страны.

Не менее быстрыми темпами к началу XX в. развивалось *животноводство*. В 1913 г. по количеству скота Российская империя занимала второе место в мире после США — 190 млн. голов, из них на Сибирь приходилось 20%. В начале XX в. сибирские мясные и молочные продукты стремительно завоевывали внутренний рынок страны: до 50% всего мяса в Москве завозилось из-за Урала. В крестьянских хозяйствах Сибири разводили до 18% всех лошадей России, 14% овец, 12% свиней (еще раз напомним, что этим занималось 6% населения страны).

Но наиболее впечатляющих результатов в начале XX в. достигло *сибирское маслоделие*. Министр внутренних дел и выдающийся реформатор П.А. Столыпин писал: «Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность». О высоком качестве масла, производившегося в Степном крае, в Томской и Тобольской губерниях, говорит донесение 1911 г. русского консула в Штеттине: «Сибирское масло, ввозимое в Германию, в чистом виде до покупателя не доходит, а идет на сдабривание местных германских масел или прибывает в «подправленном» виде из Голландии и Дании». Только в 1913 г. за границу было продано более 4,4 млн пудов сибирского масла, что составляло почти 90% всего экспорта масла из России.

Немаловажную роль в обеспечении могущества России в XIX – начале XX в. играла *золотопромышленность*: к 1910 г. доля сибирского золота составляла 71% — т.е. 2,2 тыс. пудов из 3,1 тыс. пудов всего добываемого золота. На сибирских приисках в начале XX в. строятся железные дороги, вводится прогрессивное алмазное бурение, внедряется зимняя промывка золотосодержащих песков за счет парового оттаивания грунта. В Сибири действовало более 10 приисковых гидроэлектростанций, работало около 40 золотодобывающих драг. Во многом благодаря бурному развитию золотодобывающей промышленности значительная часть крестьянских хозяйств Енисейской губернии еще с 30 – 40-х гг. XIX в. была втянута

в рыночные отношения. Рост золотодобычи способствовал развитию торговли, путей сообщения, городов.

Потрясающей по своей грандиозности страницей истории Сибири стало *строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали*. С 1891 по 1911 гг. было построено 8 281 км путей. В среднем в год прокладывалось по 685 км. Строили по принципу — «Строить добротно, чтобы впоследствии дополнять, а не перестраивать». И сегодня на сибирской магистрали продолжают служить мосты, тоннели, вокзалы, построенные в начале XX века. Общая стоимость прокладки дороги составила 750 – 800 млн рублей. Строительство Сибирской магистрали по праву считается событием мирового значения.

Сибирская промышленность развивалась более скромными темпами, чем общероссийская. Но уже в начале XX в. данные процессы ускорились. К 1914 г. доля промышленной продукции Сибири составляет 22%. В 1917 г. в Сибири производилось до 10% всего сельскохозяйственного инвентаря и машин России. О производительности труда в сибирской промышленности красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1908 г. доля Сибири в общем количестве рабочих составляла всего 1%, но они производили 3,5% всех промышленных ценностей Российской империи!

К примеру, если производительность труда одного рабочего в Донбассе в 1913 г. составляла до 8,5 тыс. пудов угля в год, по России 9,5% тыс. пудов, то сибирские шахтеры добывали в среднем по 11,7 тыс. пудов угля.

Развитие промышленности способствовало дальнейшему подъему *сельского хозяйства*: к 1910 г. уровень технической обеспеченности Сибири превзошел общероссийский. На одно крестьянское хозяйство здесь приходилось в 2 раза больше, чем в Европейской России, жаток, молотилок, сенокосилок, жнеек.

На рубеже XIX – XX вв. быстрыми темпами развивались горнорудная и мукомольная промышленность, кожевенное производство и винокурение, пчеловодство и лесные промыслы. Росла добыча соли, каменного угля, графита, слюды. Сибирь быстро покрылась сетью путей сообщения — водных, колесных, железнодорожных. Это отражало многообразие торгово-рыночных и хозяйственных связей. Так, к началу строительства Сибирской железной доро-

ги основные перевозки по Московскому тракту осуществляли 16 тыс. ямщиков на 80 тыс. лошадей. Вдоль тракта, железной дороги, на водных путях в начале XX в. переживало период второго рождения множество сибирских городов.

Со второй половины XIX в. Сибирь переживает бурный подъем *общественной и культурной жизни*. Родилось самосознание и движение по изучению и культурному обустройству края. По всей Сибири, в том числе в Енисейской губернии, силами энтузиастов-краеведов создаются музеи. В 1883 г. был открыт Енисейский музей, в 1887 г. — Минусинский, в 1889 г. — Красноярский краеведческий музей.

О резко усилившейся тяге сибиряков к *просвещению* говорит тот факт, что если к началу XX в. в Петербурге один ученик приходился на 63 человека, в Москве — на 57, в Харькове — на 131, то в Томске и Красноярске один ученик приходился на 26 человек. К 1917 г. в сибирском крае действовало 4 высших учебных заведения, велась работа по открытию пятого вуза, но это явно не удовлетворяло быстро растущие нужды в высококвалифицированных кадрах.

Наоборот, удручают последствия преобразований, происходивших после 1917 г. в сельском хозяйстве и частично в промышленности, отбросившие экономику края на 2 – 3 десятилетия назад.

42.3. ЭПОХА ПОТЕРЬ И СВЕРШЕНИЙ

В годы гражданской войны 1918 – 1921 гг. крестьянство Сибири испытывало грубое насилиственное вмешательство как «белых», так и «красных»: продразверстка, реквизиции, террор колчаковской власти, насилиственные мобилизации, сбор недоимок за годы мировой войны... Трудно оценивать степень «праведности» как «белых», так и «красных» в гражданской войне. Линия раскола прошла крайне противоречиво: где-то между богатыми и бедняками, где-то между старожилами и переселенцами, где-то внутри крестьянского мира, и почти везде между казаками и крестьянами... И те и другие защищали интересы «своей» Сибири.

Но в целом сибирские крестьяне были во многом «третей» силой, защищавшей свои исконные свободы и экономическую самостоятельность. Сибирский характер не смог смириться с насилием и ответил массовыми восстаниями. Здесь в 1919 – 1921 гг. во мно-

жестве сложились партизанские республики, как форма локальной вооруженной самоорганизации крестьян в границах волости.

С началом разумной для крестьян новой экономической политики (НЭПа) сибирская деревня обрела спокойствие и пережила непродолжительный, но бурный подъем 1920-х годов. Возрождаются основные традиции общинной жизни, развивается культура в сельской местности, ширится движение за полную грамотность населения. Крестьяне активно втягиваются в рыночные отношения. Развивается кооперация, возникают добровольные товарищества по обработке земли, коммуны. Но наиболее быстро идут процессы развития крепких единоличных хозяйств. Случайно ли то, что И.В. Сталин принял решение о переходе к коллективизации после посещения Западной Сибири...?

Но и в 1930-е гг., несмотря на массовое раскрестьянивание, репрессии против цвета сибирского крестьянства, деревня выстояла. В числе лучших в стране признаются и колхозы сибирского края. Но самые глобальные преобразования в жизни сибиряков связаны с промышленностью.

Все большее значение приобретают ныне слова великого М.В. Ломоносова: «Могущество Российское прирастать будет Сибирью». В современной России Сибирь стала «цементирующим стержнем державы». Инициативность, самостоятельность, напористость, стойкость духа, предприимчивость, стремление защитить свои интересы нашли свое отражение в деятельности региональных объединений «Сибирское соглашение» и «Союз сибирских и дальневосточных городов». Вся предыдущая история края, целеустремленность сибиряков, их настойчивость и трудолюбие позволяют надеяться, что время расцвета Сибири — в недалеком будущем.

§ 47. СИБИРИ С ЛЮБОВЬЮ...

Но самым высшим достижением в более чем трехсотлетней истории Сибири в составе России стало превращение трудом десятка поколений сибиряков некогда бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный регион. Не слаборазвитая окраина государства, не место ссылки и каторги, не край «угрюмых поселенцев», как часто стереотипно воспринималась Сибирь в XIX –

начале XX вв., а наиболее динамично развивающийся регион Российской империи — таковым нужно представлять прошлое нашего края.

Достижения в хозяйственной и культурной жизни Сибири были бы в полной мере невозможны без утверждения самосознания ее населения, сопровождавшегося становлением местного патриотизма. Еще в середине XIX в. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков писал: *«Бессспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к коей привязаны более внутренних обывателей (т.е. жителей Центральной России), что они с излишеством ценят ее изобилия, удобства»*. Сибирские просторы, красота ландшафтов, «изобилия и удобства» действительно привязывали к себе человека. Чем более суров край, чем труднее борьба за выживание, тем более человек ценит труд и его результивность. В борьбе с воздействующими факторами формировались коллективы общинников, взаимопомощь, радущие. Здесь люди ценили «общество» за поддержку и помощь в трудную минуту. Но более ценили сообщество за то, что оно уважало трудолюбивого, честного человека, не вмешиваясь в его жизнь. Будучи на виду у всего коллектива, люди старались жить честно, открыто, хлебосольно, помогать друг другу, уважать общие традиции.

До сих пор тесные отношения всеобщего «братьства», взаимовыручки и общности жизни характерны для всех небольших северных городов и поселков, большинства сел и деревень сибирского края. В больших сибирских городах подобные сохранившиеся отношения можно еще наблюдать в старых микрорайонах на окраине и в отдельных дворах...

Как творец-мастер гордится своим произведением и привязан к нему, так и сибиряки-старожилы любили свою Сибирь. Этот край был преобразован трудом предков и тех, кто прибыл на переселение раньше. Вдвойне радовало изобилие, добытое напряженным трудом. Благодатный край спасал человека дарами природы в неурожайный год, давал возможность развернуться в хозяйственной деятельности.

Патриотизм по-сибирски — это и верность традициям, благодаря которым последующие поколения адаптированы к суровым климатическим и иным условиям, верность сохраняющимся празд-

никам, обычаям и правилам поведения в обществе. Патриотизм означал и чувство долга, верность данному слову, стремление к улучшению жизни на этой земле.

Ярким проявлением пробуждающейся любви к своему краю было формирование в середине XIX в. общественного движения **«Сибирское областничество»**. Движение областничества охватило интеллигенцию Сибири, студенческие «землячества» сибиряков в Петербурге, Москве, Казани. *«Чувства, выразившие эту идею, нужно искать в умах сибирского крестьянства. Оно первое стало выделять себя из остального крестьянского мира, а уже за ним следом и сибирская интеллигенция, выходившая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции»*, — писал идеолог **«Сибирского областничества»** Г.Н. Потанин. Во главе движения стояли также А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин, Ф.Усов.

В обобщенном виде требования сибирских патриотов выражались в следующем:

- Сибирь не должна быть краем ссылки;
- естественные богатства Сибири — достояние местного населения;
- предоставление области широкого самоуправления и создание сибирской областной думы;
- самостоятельное устройство сибирских финансов;
- прекращение оттока молодых умственных сил в Европейскую Россию и открытие Сибирского университета.

Неравноправное положение сибирского края «областники» определяли как колониальное. *«Во всяку эпоху самый дорогой продукт Сибири объявлялся изъятым из пользования колонии. В начале сибирской истории был объявлен государственной регалией соболь, потом таковой же регалией стало золото, теперь сибирский лес вырубается в пользу казны, игнорируя связанные с ним интересы будущих поколений Сибири... Что это, как не своекорыстная политика?»* — писал с болью Г.Н. Потанин.

Мнение же высших кругов государства по отношению к сибирскому краю высокомерно и емко выразил бывший тобольский губернатор Богданович: *«Ишь вы, захотели, чтобы колония пользовалась лучшими условиями жизни, чем метрополия!»*.

Красной нитью в трудах «областников» проходит мысль о том, чтобы самим сделать край «более удобным и привлекательным для жизни». Отмечалось, что для изменения своего положения сибирское общество не должно просить «благодеяний», оно должно стараться сделать жизнь здесь не только сносной, но и «соблазнительной».

Подвижническая работа «областников» способствовала открытию первого в Сибири Томского университета, развитию просвещения, созданию краеведческих музеев. Во многом благодаря им в сибирском крае стали издаваться десятки газет и журналов. «Областники» внесли особый вклад в изучение истории Сибири, в проведение этнографических исследований коренных народов края и русских старожилов.

Движение областников стало одним из катализаторов оформления широкого движения благотворительности купцов-предпринимателей, рядовых мещан и крестьян. Оно было вызвано не только высокими стабильными доходами, «но и обусловлено такими причинами, как нравственные убеждения, благородным желанием внести свой личный вклад в изучение природных богатств, истории и этнографии народов Сибири, развитие экономики и культуры родного края, христианское милосердие, человеколюбие», — отмечал исследователь П.Н. Мешалкин.

Весьма масштабно проявили себя в деле благотворительности купцы Кузнецова, Гадаловы, Кытмановы. Так, супруги Щеголевы пожертвовали Красноярску 1 200 000 рублей, Н.К. Переплетчиков завещал городу 65 000 рублей. На благотворительные средства строились больницы, приюты, школы, ночлежные дома для нищих, храмы.

Подобные примеры характерны не только для Красноярска, но и для уездных и волостных центров Енисейской губернии. В 1878 – 79 гг. в с. Курагино Минусинского уезда по инициативе крестьянина-предпринимателя Н.П. Пашенных было открыто сельское приходское училище. Для него бесплатно выделил свой дом другой зажиточный крестьянин, Ф.Ф. Девятов. Н.П. Пашенных и крестьянин И. Снегирев пожертвовали школе по 100 рублей, а крестьяне окрестных деревень по их примеру решили на сходах собрать с каждой ревизской души по 25 копеек для содержания учи-

теля, законоучителя и сторожа. Ф.Ф. Девятов совершил еще один благородный поступок: он выступил энтузиастом создания библиотеки в с. Курагино. Из книг, пожертвованных им и другими жителями, в 1900 г. была учреждена бесплатная народная библиотека-читальня.

Сибирский патриотизм сегодня выражается не только в осознанной привязанности к сибирскому краю, но и в продолжающемся преобразовании края. Наш патриотизм — в решении экологических проблем, в спасении природы, растительного и животного мира Сибири. Наш патриотизм — в приобщении к гордым делам и свершениям сибиряков прошлых веков. *«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Неуважение к оному есть постыдное малодушие»*, — писал декабрист Волконский. Эти слова с полным правом относятся и к нам...

§ 48. РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Патриотизм сибиряков, во многом являвшийся выражением лучших черт сибирского характера, наилучшим образом раскрывался в годину войн. В *«Отечественной войне 1812 г.»* приняло участие более 27 тыс. воинов-сибиряков. Из Сибири было выведено 7 регулярных полков и 2 артиллерийские роты, в том числе Енисейский пехотный полк. Из них 5 полков заслужили славу на Бородинском поле, при этом Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава. В Сибирском драгунском полку осталось в строю всего 125 рядовых и 3 офицера. Сибиряки защищали и знаменитую батарею Раевского, почти все полегли смертью храбрых, но не отступили.

В *«русско-японской войне»* именно сибиряки составляли большинство солдат и офицеров, оборонявших Порт-Артур. Комплектовавшиеся по территориальному принципу Восточно-Сибирские дивизии стали основными силами России на театре войны на начальном этапе. Десятки тысяч воинов-сибиряков отличились в обороне Ляоянского укрепрайона, во встречном сражении на реке Шахэ, выстояли под Мукденом.

Из приказа генерал-майора Сухотина: «11 июля 1904 г. 4-й Сибирский корпус выдержал упорный бой у Наньдалина и

Цянджанцы. В этом тяжелом пятичасовом бою в особенности выражалась несокрушимая стойкость сибирских полков, на которых обрушился главный удар противника. Ни одна пядь земли на позициях не была ими уступлена, несмотря на их численное преимущество и повторные атаки...».

С началом Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. только в сельской местности Азиатской России было мобилизовано на фронт 1,2 млн. человек, или 12% всего населения сибирского края. Сибирские полки ставились командованием на самых ответственных рубежах обороны, входили в части прорыва австрийских и германских позиций. Традиционно из сибирских охотников формировались команды разведчиков и метких стрелков. Особо отличились в боях казаки всех без исключения сибирских казачьих полков. Всего на фронтах Первой мировой войны участвовали из состава сибирских казачьих войск 22 конных полка, 7 конных сотен, 3 дивизиона и 10 батарей.

Героизм и стремление выполнить воинский долг нашли отражение в песне сибирских стрелков периода Первой мировой войны:

*Из тайги, тайги дремучей,
От Амура-от реки
Молчаливо грозной тучей
Шли на бой сибиряки.

Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.

Ни усталости и страха;
Бьются ночь и бьются день —
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.

Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя-ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим.
Из тайги, тайги дремучей...*

Сибиряки внесли неоценимый вклад в дело победы в *Великой Отечественной войне* 1941 – 1945 гг. Сибирские дивизии сыграли выдающуюся роль в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда. Стойкость, выносливость, храбрость — лучшие качества сибирского характера — проявились в полной мере. В сибирской деревне осталось в те годы 59,2% трудоспособного населения: в основном женщины, подростки. Они вынесли на своих плечах все тяготы войны в тылу. Подростки 1927 – 1930 гг. рождения подорвали тогда свое здоровье, работая по 14 – 16 часов в сутки: мало кто из них дожил после войны до 60 — 70 лет...

В Фонд обороны сибиряки пожертвовали более 5 млрд. рублей и подписались на военные займы более чем на 6 млрд. рублей. Сибирь приняла к себе более одного миллиона человек, эвакуированных из Европейской России.

О воинах-сибиряках сказано немало теплых слов.

Маршал К.К. Рокоссовский: «*Среди наших замечательных солдат сибиряки отличались особой стойкостью*».

Маршал Р.Я. Малиновский: «*Уважение и глубокая всеобщая любовь к уральцам и сибирякам установилась потому, что лучших воинов, чем Уралец и Сибиряк, бесспорно, мало в мире. Поэтому невольно рука пишет эти слова с большой буквы*».

* * *

Н.М. Ядринцев: «Видя, как было все оживленно, как все искало дела, слыша страстные речи о народе, о долге гражданского служения, мы не могли не перенестись мыслями к нашей родине и задуматься о ее будущем. Мы представляли ее, в настоящем бедную и убогую, нарядной и богатой в будущем; вместо несчастной, слышавшей только звон цепей и проклятие ссыльных, мы рисовали себе ее населенной, свободной, жизнерадостной и ликующей, мы назвали эту страну «Страной будущего»... мечтали о счастливой будущности края, перечисляли неистощимые ее богатства, рисовали ее в будущем... царицей Азии».

* * *

*Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети, между прочим,
Край мой далекий.*

*Там сквозь снега и морозы
Носятся мощные звуки,
Встретишь людей там, что терпят
Муки за муки...*

*Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди,
Там только люди да цепи,
Цепи да люди!*

*Сибирский поэт
И.Ф. Федоров-Омулевский*

* * *

М.М. Сперанский, великий реформатор начала XIX в., проехав по Сибири до Иркутска, провел серию преобразований, изменивших статус и управление сибирским краем. Он вскрыл величайшие злоупотребления, взяточничество, самодурство чиновников и заслужил уважение сибиряков. Как менялось отношение М.М. Сперанского к Сибири? По мере знакомства с краем столичный чиновник становится сибирским патриотом...

Из Тобольска — дочери: «Воспринимаю эту поездку как наказание. Те же порядки, та же глупость, то же терпение... Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить хорошо и, следовательно, бедных менее... Смею утверждать, что Сибирь есть просто Сибирь, т.е. прекрасное место для ссыльных, выгодное для торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устроения собственности,... основанной на хлебопашестве, фабриках...».

Из Томска — дочери: «Здесь прекрасные земли, которые дают сряду 10 и 15 урожаев..., опрятность в жизни крестьян. Томская губерния по богатству, произведениям и климату, весьма умеренному, могла бы быть одной из лучших губерний России...».

Из Красноярска: «Почти беспрерывно встречаются богатые селения. У старожилов отличный, но здесь не редкий, нрав... Вообще, кто хочет видеть старую Святую Русь, тот должен путешествовать в сих местах... Нравы отменные, чистые и простые. В течение 6 лет здесь, в Енисейске, не было ни одного подсудимого в уездном суде из всех обывателей уезда... Весь путь от Канского уезда до Красноярска есть сад...».

С юга Сибири: «Этот край один из самых благословенных не только в Сибири, но и в целой России...».

По завершении поездки, через несколько лет, М.М. Сперанский напишет: «Во всех случаях Сибирь будет всегда любимым предметом участия и попечения. Мысль о Сибири всегда будет со мною. Сибирь есть страна Дон-Кихотов».

* * *

*В годину бедствий и страданий
Ужели мать покинет сын?
Ужель в период испытаний,
В период рабских ожиданий,
Отчизну бросит гражданин?!*
*Твоей природы лик суровый
Люблю, родимая Сибирь!
Твоих полей простор и ширь
Красой пленяетечно новой.
Сибирь, Сибирь, страна изгнанья!
Тебя люблю я всей душой!
Тебе все лучшие желанья,
Тебе все светлые мечтанья —
Я сын тебя, я вечно твой!*

Неизвестный сибирский поэт. 1884 г.

* * *

Осень 1942 года — один из самых трудных периодов Великой Отечественной войны. Из разговора двух офицеров в окопах Сталинграда:

— Тебе-то хорошо, у тебя во взводе осталось аж 18 человек! А у меня во взводе всего 10.

—Хорошо-то хорошо, но у тебя из десяти — **четверо сибиряков!**

—На них вся оборона и держится.

*Чащин В.И., краевед, ветеран войны.
с. Челноки Казачинского района*

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

I. Примерная тематика занятий

1. Сибирский патриотизм и сибирское областничество.
2. Благотворительность и меценатство сибирских купцов-предпринимателей в прошлом.
3. Сибирский патриотизм (интегрированный урок истории и литературы).
4. Сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны.
5. Урок-дискуссия «Что значит быть патриотом своего края?».

II. Термины и понятия

Историческая память, патриотизм, самосознание, меценатство, благотворительность, героизм, «малая Родина».

III. Диалог

Требования сибирских областников и современность: актуальны ли ныне и в чем конкретно взгляды областников? Что значит быть патриотом своего края? Патриотизм на словах и на деле — в чем разница? Быть патриотом: актуально ли это в наши дни? За что мы можем любить свою Сибирь? Общеизвестен патриотизм граждан США или Японии — это эталоны, примеры для подражания, или «у нас особенная гордость»? Что значит выражение «квасной патриотизм»? Как вы относитесь к следующему выражению: «Нельзя быть патриотом России, не будучи патриотом своей Сибири»? Быть патриотом — обязательно ли для этого совершать героические поступки? Совместимы ли понятия «обыватель» и «патриот»? Ваше мнение о будущности нашего края?

IV. Темы для дискуссии

«Могущество Российское прирастать будет Сибирью» (М.В. Ломоносов).

«Где родился — там пригодился» (пословица).

Благотворительность предпринимателей: возможно ли возрождение?

V. Творчество

1. «Сибирское соглашение: вчера, сегодня, завтра» (реферат).
2. «Моя малая Родина» (реферат).
3. «Наши земляки на фронтах войн» (формулировка темы рефера-та по выбору автора).

V. Музей

Земляки-односельчане на фронтах Первой мировой, гражданской, Великой Отечественной войн. Воины-афганцы. «Они воевали в «горячих точках». Выпускники нашей школы — офицеры Российской армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Живая старина сибирской деревни XIX – начала XX вв. рассмотрена в различных ее аспектах. Мы узнали об особенностях образования селений сибирского края и о неординарности бытия сибирской общины. Рассмотрели отдельные стороны существования старожилов и переселенцев, особенности социальных отношений в «обществах». Познакомились с хозяйственной жизнью и бытом жителей Сибири и Приенисейского края, циклом сельских работ и забот крестьянина.

Нами были затронуты вопросы воспитания, образования и народной медицины наших земляков в прошлом, выявлены ценностные характеристики обрядов, праздников, верований, народного календаря. Мы немного прикоснулись к отдельным крупицам богатейшей кладовой народной культуры сибиряков, рассмотрели образцы фольклора и народного творчества.

Более всего должны мы гордиться людьми, населявшими этот край. Они освоили регион с суровыми экстремальными характеристиками, но одновременно и сами были «освоены» Сибирью «по образу и подобию» этого края. Сибиряки — люди мужественные и свободные, стойкие и гордые, честные и высоконравственные, «славутные» в труде и общественной жизни, любознательные и предприимчивые. От темы к теме мы убеждались в высокой нравственности, совестливости и трудолюбии сибиряков.

«Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история различных областных масс народа, история построения территориальных устройств», — именно так наш знаменитый земляк-сибиряк историк А.П. Щапов определил роль отдельных регионов в истории России. Изучение прошлого страны невозможно без углубления в прошлое своего края: именно эту благородную роль

выполняет краеведение. С точки зрения сегодняшнего дня, с позиций неклассовых цивилизационных подходов стало очевидным, что не противостояние и борьба внутри сельского мира определили суть отношений между людьми. Одними критическими оценками и негативными выводами нельзя раскрыть богатую повседневную жизнь сибиряков. Очевидно также, что многие беды и последнего времени и, что интересно, начала XX в. происходили вследствие забвения исконных традиций, определенных, пусть и консервативных устоев жизни.

Величайшей ошибкой последних лет стала повсеместная безоглядная тяга к культуре, ценностям и религиозным учениям Запада. Россия, каждый ее регион имеют богатейшее культурное прошлое, свои духовные ценности и тысячелетние корни православия. К сожалению, бытует мнение, что истинная культура включает в себя только литературу, живопись, архитектуру, поэзию, философию, театр, кино, музыку и пр. Возникло даже презрительное понятие «деревенщина», означающее якобы бескультурие, забитость, невежество. Но авангардная, элитарная культура города, несомненно, базируется и живет во многом за счет глубоких корней народной культуры; духовная мощь народа, в свою очередь, базировалась на совести, высокой нравственности, порядочности и всеотзывчивости.

Учебный предмет «Сибирское краеведение» — лишь одна из ступеней на пути осознания себя представителем сибирского субэтноса, на пути постижения духа и непреходящих ценностей и традиций старой Сибири и Приенисейского края. Человек живет в своем времени, в мире своих духовных идеалов, но понимать и уважать прошлое — долг и обязанность нынешнего поколения сибиряков — потомков старожилов и переселенцев XVII – XX вв.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ И ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

1. *Авдеева, Е.А.* Записки и замечания о Сибири / Е.А. Авдеева. — М., 1837.
2. *Арефьев, В.А.* В низовьях Ангары / В.А. Арефьев // Сибирский сборник. — Иркутск, 1901. — Вып. 1.
3. *Басаргин, Н.В.* Записки / Н.В. Басаргин. — Красноярск, 1985.
4. *Виноградов, Г.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков / Г. Виноградов // Сибирский архив. — Иркутск, 1915. — Кн. 3.
5. Воспоминания Полины Анненковой. — Красноярск, 1977.
6. *Головачев, П.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П. Головачев — М., 1902.
7. *Гурвич, И.А.* Переселение крестьян в Сибирь / И.А. Гурвич. — М., 1888.
8. *Дуров, А.В.* Краткий очерк колонизации Сибири / А.В. Дуров. — Томск, 1891.
9. Живописная Россия. — Т. 12. Ч. 1. — Спб., 1895.
10. Записки И.Г. Гмелина и С.П. Крашенинникова о пребывании в Красноярске представлены в кн.: Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII—XVIII вв. — Красноярск, 1981.
11. *Капустин, С.П.* Хозяйственный быт сибирского крестьянина / С.П. Капустин // Литературный сборник. — Спб., 1885.
12. *Кауфман, А.А.* Переселение и колонизация / А.А. Кауфман. — Спб., 1905.
13. *Костров, Н.* Святки в Минусинском округе Енисейской губернии / Н. Костров // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 5. — Спб., 1858.

14. Краткое описание приходов Енисейской Епархии. — Красноярск, 1913.
15. *Кривошапкин, М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь / *М.Ф. Кривошапкин.* — Спб., 1865. — Кн. 1 – 2.
16. *Макаренко, А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / *А.А. Макаренко.* — Спб., 1913.
17. *Макаренко, А.А.* Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии / *А.А. Макаренко* // Живая старина. — 1897. — Вып. 1.
18. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. 2, 4. — Иркутск, 1890.
19. *Пейзын, Г.* Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении / *Г. Пейзын* // Записки Сибирского отдела РГО. — 1858. — Кн. 1.
20. *Ровинский, Н.А.* Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь / *Н.А. Ровинский* // Известия Сиб. отдела ИРГО. — Т. IV. — Кн. 1. — Иркутск, 1873.
21. *Розен, А.Е.* Записки декабриста / *А.Е. Розен.* — Иркутск, 1984.
22. *Словцов, П.А.* Историческое обозрение Сибири / *П.А. Словцов.* — Спб., 1886. — Кн. 1 – 2
23. *Степанов, А.П.* Енисейская губерния / *А.П. Степанов.* — Спб., 1835. — Ч. 1 – 2.
24. *Турбин, С. и Старожил.* Страна изгнанья и исчезнувшие люди. Сибирские очерки / *С.И. Турбин.* — Спб., 1872.
25. *Турбин, С.* Сибирь. Краткое землеописание / *С.И. Турбин.* — Спб., 1871.
26. *Фонвизин, М.А.* Сочинения и письма. Т. 1–2 / *М.А. Фонвизин.* — Иркутск, 1979.
27. *Чихачев, П.А.* Путешествие в Восточный Алтай / *П.А. Чихачев.* — М., 1974.
28. *Чукмалдин, Н.М.* Мои воспоминания / *Н.М. Чукмалдин.* — Спб., 1899.
29. *Щапов, А.П.* Собр. соч. Доп. том / *А.П. Щапов.* — Иркутск, 1937.
30. *Щукин.* Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО / *Щукин.* — 1869. — Т. 2.
31. *Ядринцев, Н.М.* Сибирь как колония / *Н.М. Ядринцев.* — Спб., 1892.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров, В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII в. (Енисейский край) / В.А. Александров. — М., 1964.
2. Андюсов, Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX вв.: Опыт реконструкции: монография / Б.Е. Андюсов ; Кранояр. гос. пед. ун-т. — Красноярск, 2004.
3. Бахрушин, С.В. Научные труды / С.В. Бахрушин. — М., 1959. — Т. I – IV.
4. Быкonia, Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г.Ф. Быкonia. — Новосибирск, 1981.
5. Быт и культура русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1971.
6. Винокуров, М.А. Экономика Сибири: 1900 — 1928 / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов. — Новосибирск, 1996.
7. Воробьев, В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В.В. Воробьев. — Новосибирск, 1975.
8. Громыко, М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. / М.М. Громыко. — Новосибирск, 1975.
9. Громыко, М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) / М.М. Громыко. — Новосибирск, 1975.
10. Зверев, В.А. Дети — отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В.А. Зверев. — Новосибирск, 1993.

11. Зверев, В.А. История Сибири: учебное пособие для 8 класса общеобразоват. учреждений / В.А. Зверев, А.С. Зуев, Ф.С. Кузнецова. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. Ч. 2. Сибирь в составе Российской Империи.
12. Зверев, В.А. История Сибири: хрестоматия по истории сибири / В.А. Зверев, Ф.С. Кузнецова. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. — Ч. 1. XVII — начало XX в.
13. Зверев, В.А. Региональные условия воспроизведения крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.) / В.А. Зверев. — Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1998.
14. Зверев, В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (историко-демографический анализ) / В.А. Зверев. — Новосибирск, 1991.
15. Зверев, В.А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири / В.А. Зверев. — Новосибирск, 1985.
16. Зверев, В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма / В.А. Зверев. — Новосибирск, 1988.
17. Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). — Новосибирск, 1985.
18. История красноярского края: учебное пособие по краеведению для учащихся 7 и 8 классов. — Красноярск, 1981.
19. История Приенисейского края: XVII – первая половина XIX века: учебное пособие для учащихся. — Красноярск: Горница, 1997.
20. История Сибири. Т. 1 – 5. — Л., 1968.
21. Колесников, А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. / А.Д. Колесников. — Омск, 1973.
22. Копылов, А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – нач. XIX вв. — Новосибирск, 1974.
23. Красноярск в дореволюционном прошлом / Г.Ф. Быконая, Л.П. Бердников, В.И. Федорова. — Красноярск, 1990.
24. Красноярье: Пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Ч. 1. — Красноярск: Платина, 2004.
25. Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. — Новосибирск, 1977.
26. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982.

27. Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. — Новосибирск, 1975.
28. Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1985.
29. *Мешалкин, П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Красноярск, 1995.
30. *Милов, Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / *Л.В. Милов.* — М., 1998.
31. *Миненко, Н.А.* Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века / *Н.А. Миненко.* — Новосибирск, 1989.
32. *Миненко, Н.А.* культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. / *Н.А. Миненко.* — М.: Наука, 1991.
33. *Миненко, Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.) / *Н.А. Миненко.* — Новосибирск, 1979.
34. *Миненко, Н.А.* Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. / *Н.А. Миненко.* — Новосибирск, 1991.
35. Русская традиционная педагогика Сибири: хрестоматия // Традиционная педагогика: учебная программа, хрестоматия и практикум / авт.-сост. и отв. ред. *В.А. Зверев*; Новосиб. пед. ун-т. — Новосибирск, 2005.— С. 25–114.
36. Русские Сибири: культура, традиции, обряды. — Новосибирск, 1988.
37. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. — М., 1973.
38. Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — М., 1973.
39. *Сабурова, Л.М.* Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.) / *Л.М. Сабурова.* — Л., 1967.
40. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / под ред. Г.Г. Белоусовой — Красноярск, 1992.
41. Словарь рыбаков и охотников северного Приангарья / сост. В.И. Петроченко. — Красноярск, 1994.

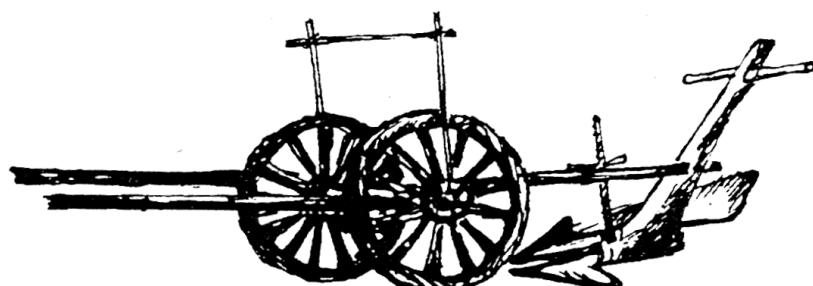
42. Сибирский характер как ценность: коллективная монография / Б.Е. Андюсов, А.А. Бодалев, М.И. Воропанова, А.М. Гендин, Н.И. Дроздов и др. / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф., чл.-кор. РАО М.И. Шиловой. — Красноярск, 2004.
43. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. — Новосибирск, 1992.
44. Степынин, В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В.А. Степынин. — Красноярск, 1962.
45. Так в Сибири говорят: пословицы и поговорки народов Сибири. — Красноярск, 1964.
46. Федорова, В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период / В.И. Федорова. — Красноярск, 1999.
47. Шейнфельд, М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / М.Б. Шейнфельд. — Красноярск, 1973.
48. Шелегина, О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты XVII–XX вв.): учебное пособие. Вып. 1–2 / О.Н. Шелегина. — М.: Логос, 2001.
49. Шерстобоев, В.Н. Илимская пашня / В.Н. Шерстобоев. — Иркутск, 1949. — Т. 1 – 2.
50. Шунков, В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век) / В.И. Шунков. — М., 1956.
51. Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. — М., 1981.

ПРИЛОЖЕНИЯ

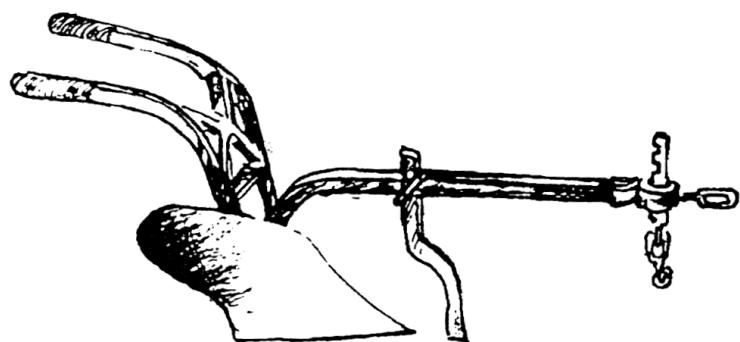
ОРУДИЯ ТРУДА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СИБИРЯКОВ

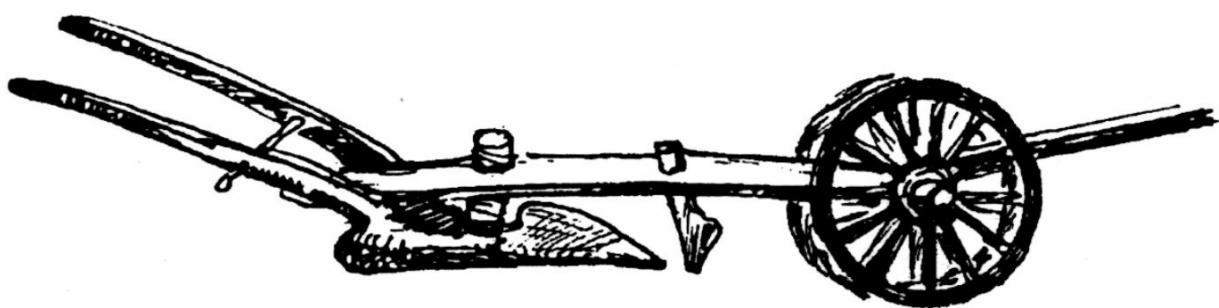
Соха простая, великорусская

Сибирский сабан-колесуха (реконструкция по описанию)

Беспередковый железный плуг

Украинский деревянный плуг-«лемех»

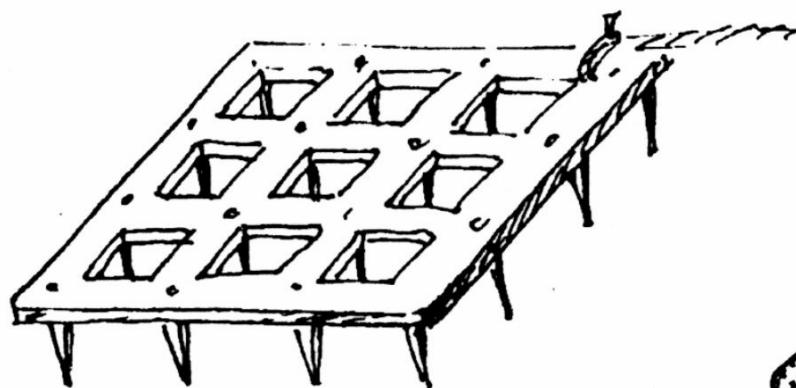
Борозда сохой

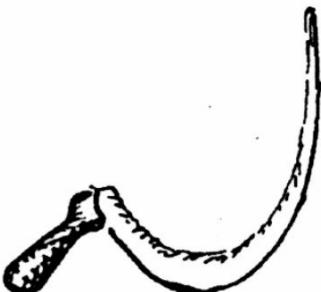
Полупереворачивание земли
и очищение ее от сорняков
при обработке сабаном

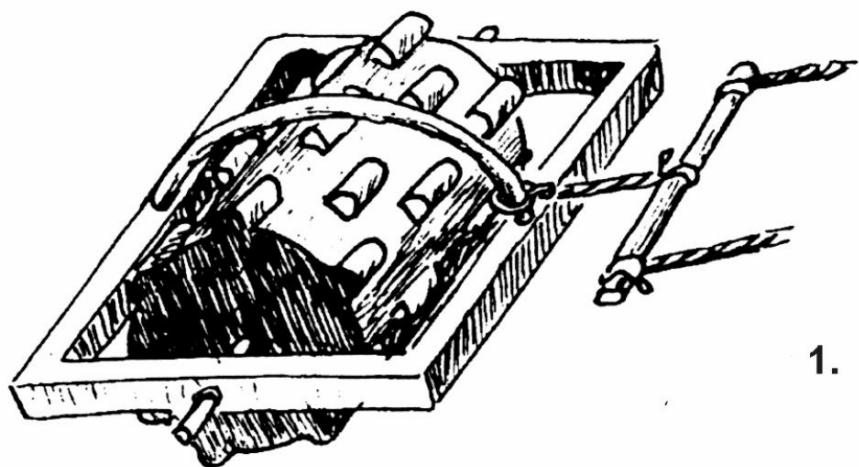
Полное переворачивание
земли при обработке
железным плугом

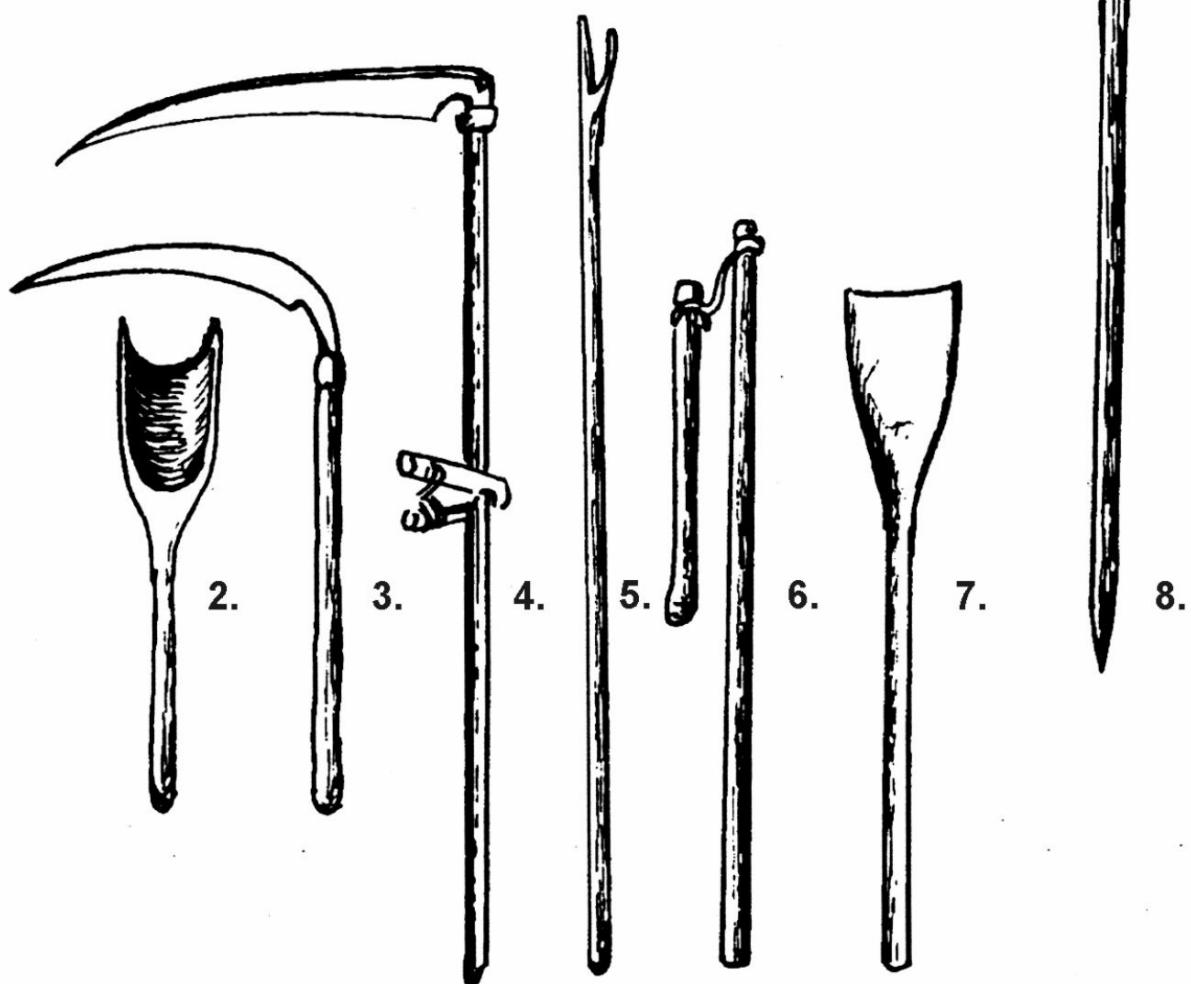
Борона деревянная
с железными зубьями

Серп

1.

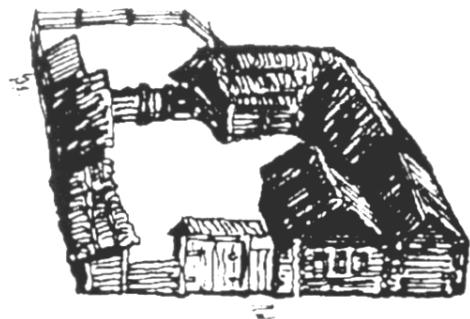
1. Молотяга.
2. Лопата-совок.
3. Коса-горбуша.
4. Коса-литовка.
5. Подавалка для снопов.
6. Цеп для ручной молотьбы.
7. Лопата.
8. Деревянные вилы

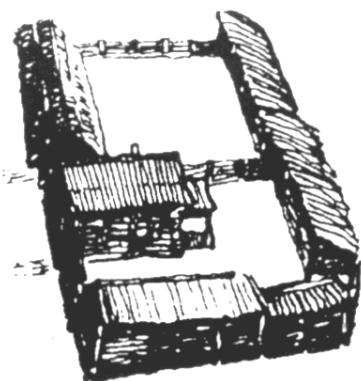
**Уличная застройка старожильческого села
(с. Имисское Минусинского уезда Енисейской губ.)**

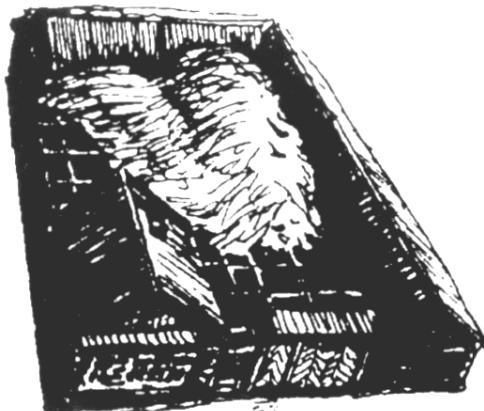
Свободная

Замкнутая с пригоном

Замкнутая с чистым
и скотским двором

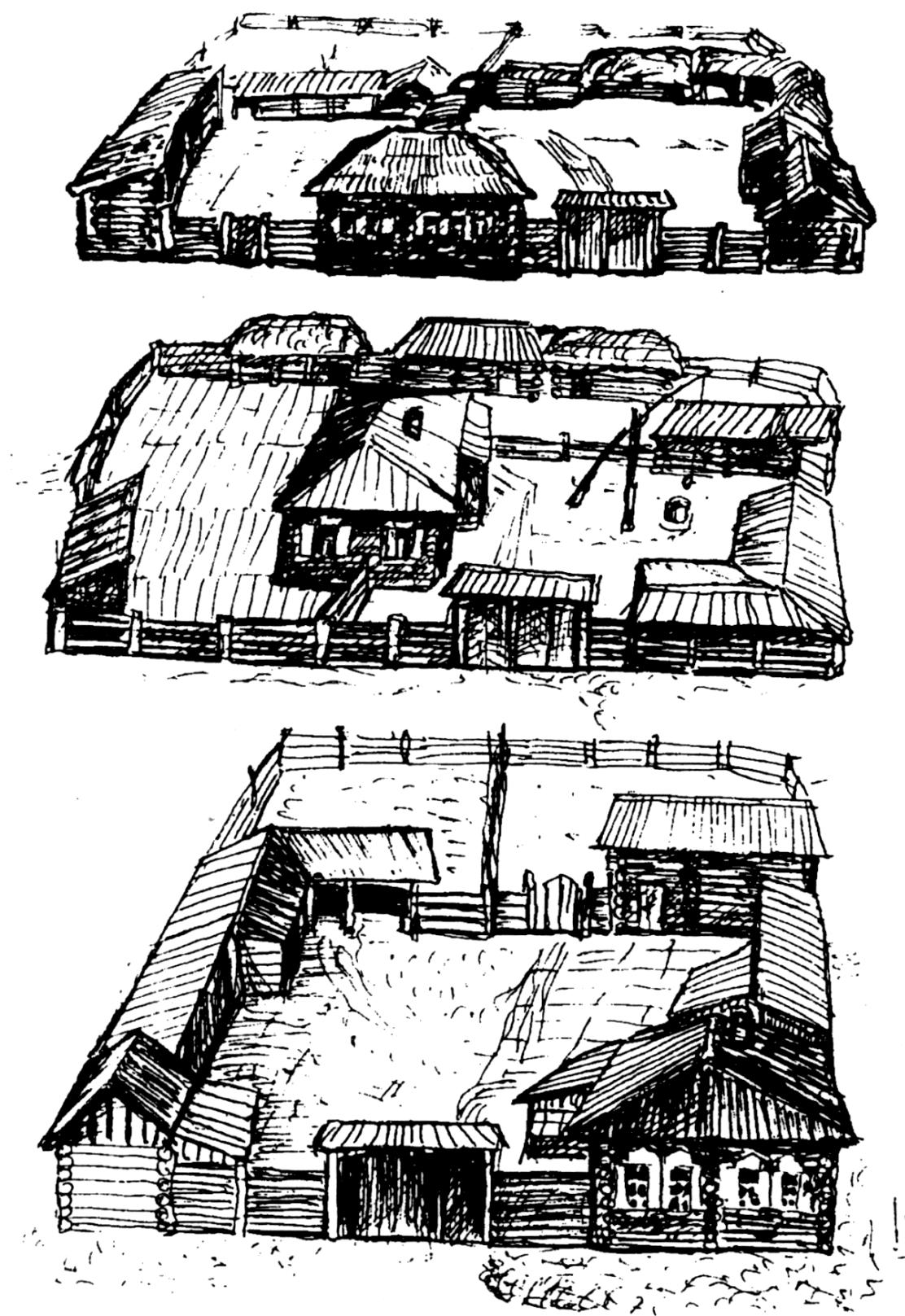
Замкнутая с полузакрытым
двором

Трехрядная застройка

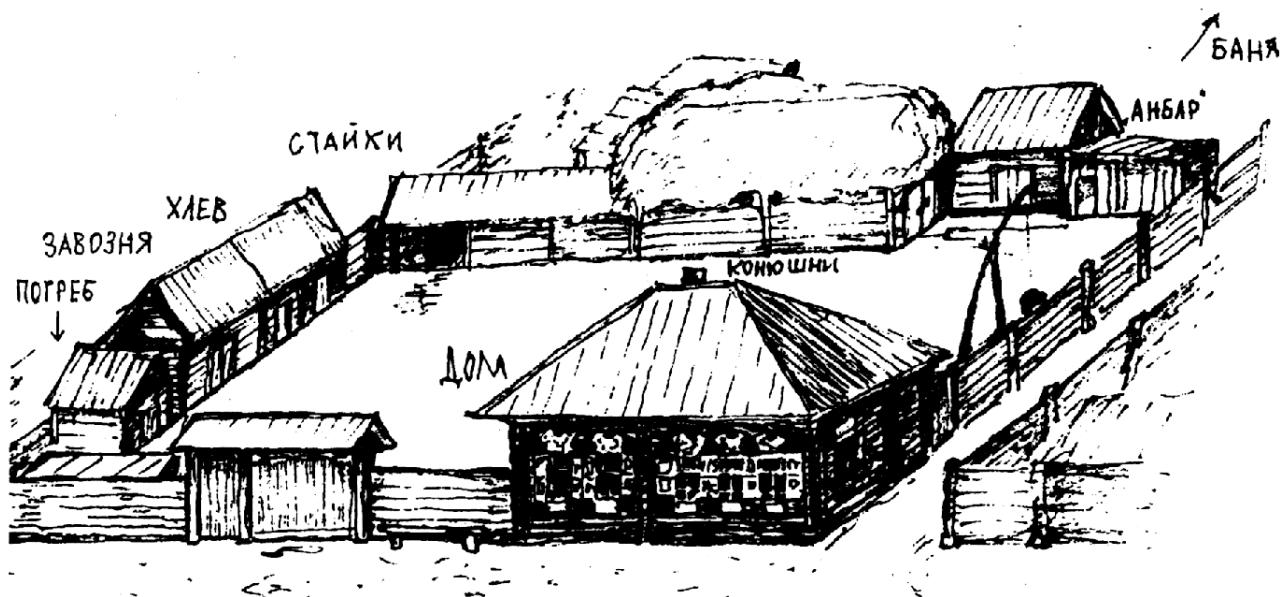
Двухрядная застройка

Варианты расположения дома на усадьбе

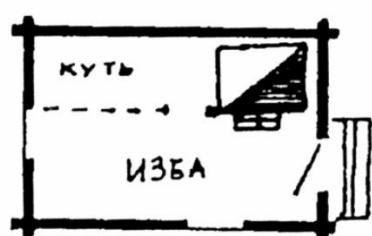
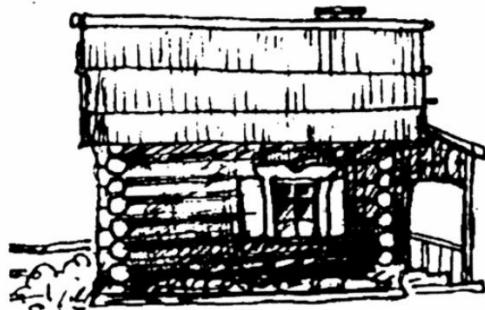
УСАДЬБА КРЕСТЬЯНИНА-СТАРОЖИЛА
БАЛАНДИНА ДМИТРИЯ АКИМОВИЧА

(начало XX в., с. Имисское
Минусинского уезда Енисейской губернии)

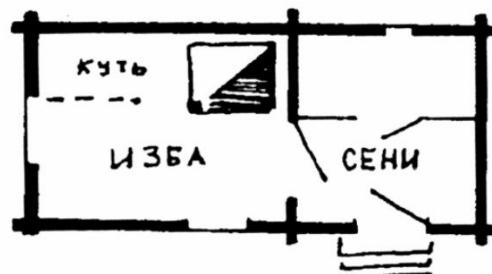

Баландин Д.А., крестьянин-середняк, семья — 9 человек.
В хозяйстве: 12 десятин пашни, 5 лошадей,
2 жеребенка, 4 коровы, 15 овец, 3 свиньи.

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ
СИБИРЯКОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

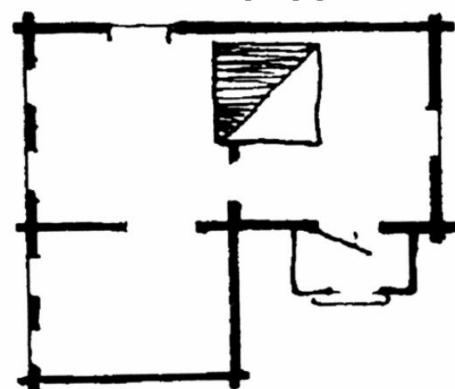
Изба (жилая клеть)

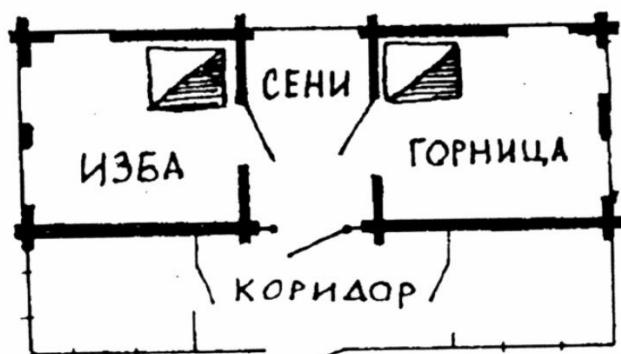
Связь (изба + сени).
Клеть с перерубом

Изба с перерубом, т.е.
дополнительным жилым помещением,
построенным позже, чем дом

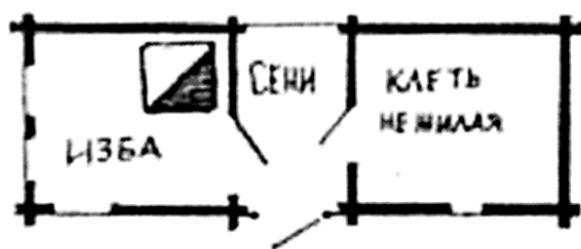
Дом «крюком»

Связь с коридором:
изба + сени + горница + коридор

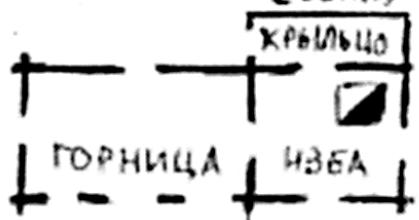
Связь: изба + сени

Связь: изба + сени + клеть

(сени)

Пятистенок

Крестовый дом (крестовик)

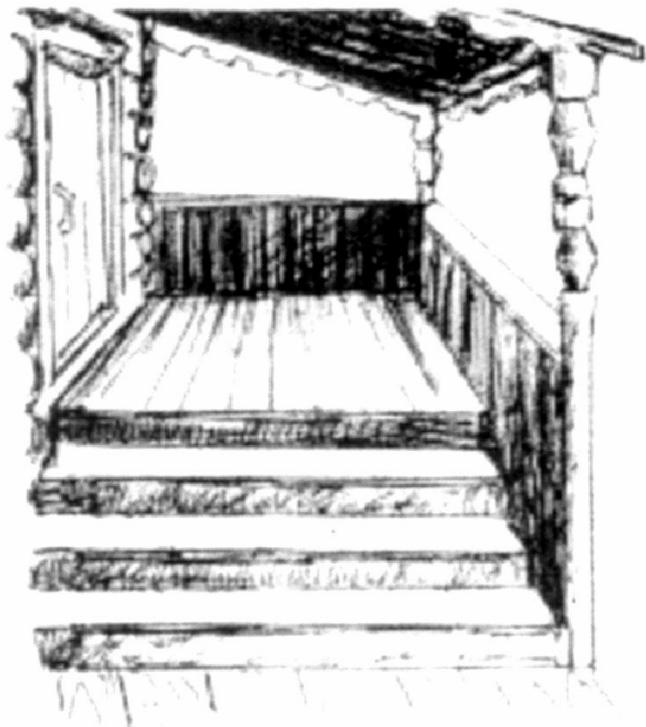
Дом с подклетью

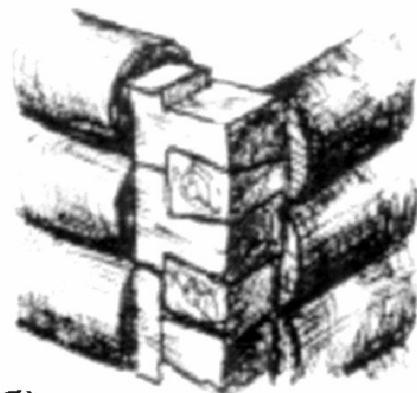
Крыльцо-площадка
со щитом-присенником

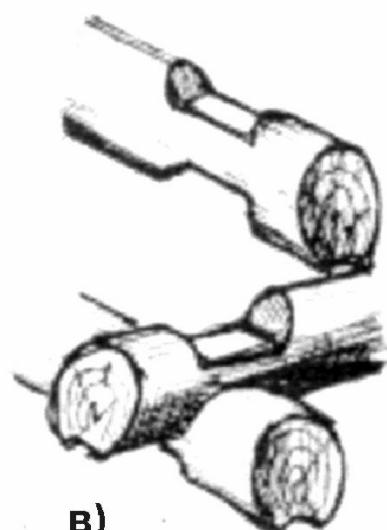
Крыльцо под двухскатной крышей на столбах, защищенное с одной стороны

а)

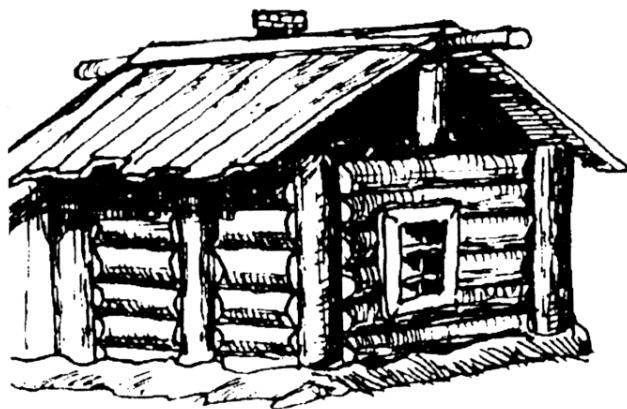
б)

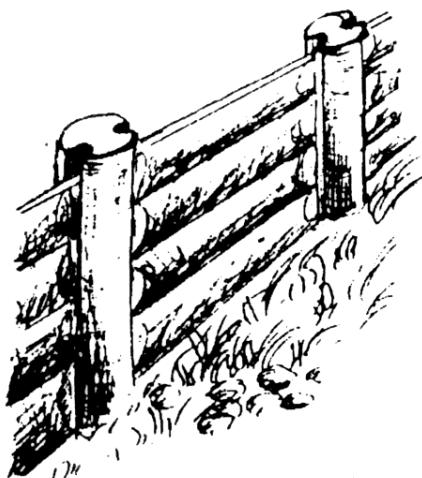
в)

Техника рубки углов из бревен:

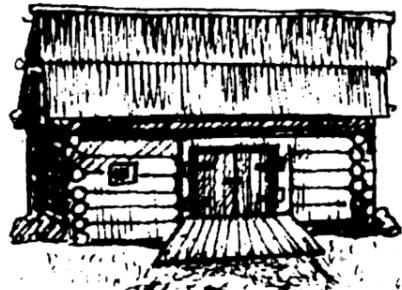
а) в угол с остатком («в обло»); б) «в лапу» без остатка;
в) «в охрапку»

Столбовая техника строительства

Заплот

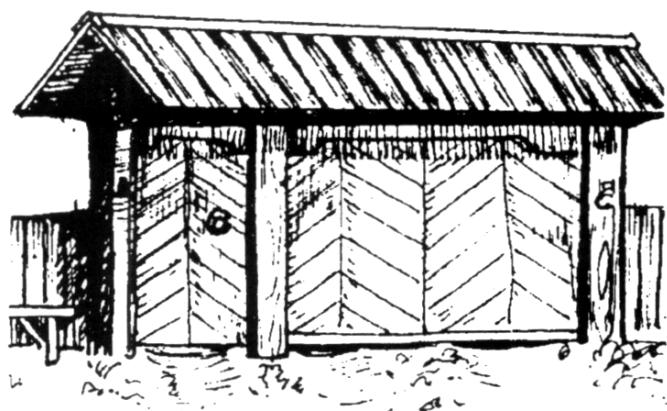
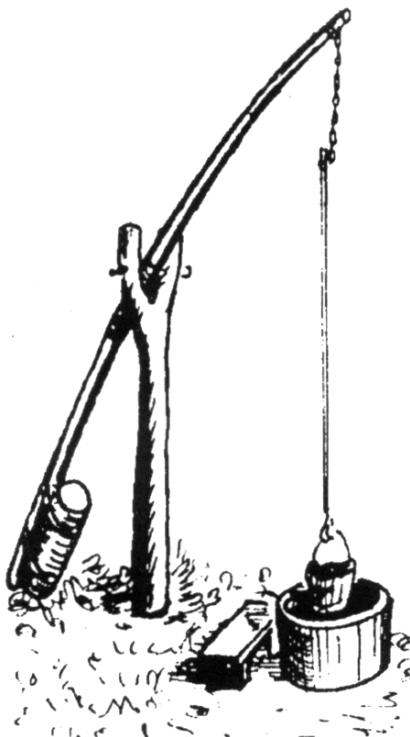
Завозня

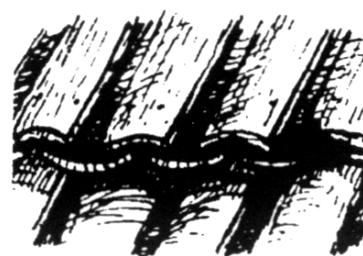
Стайка

Амбар («анбар»)

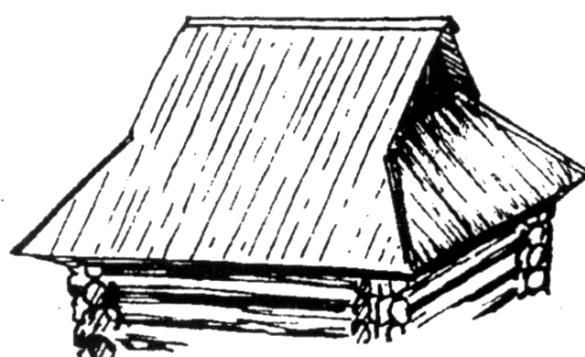
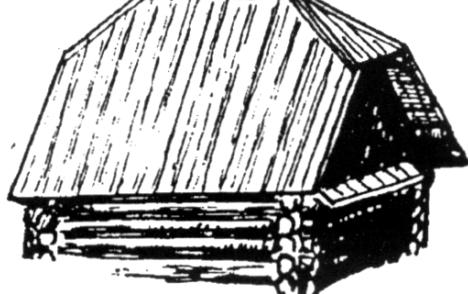

Ворота старожильческой усадьбы

Покрытие соломой

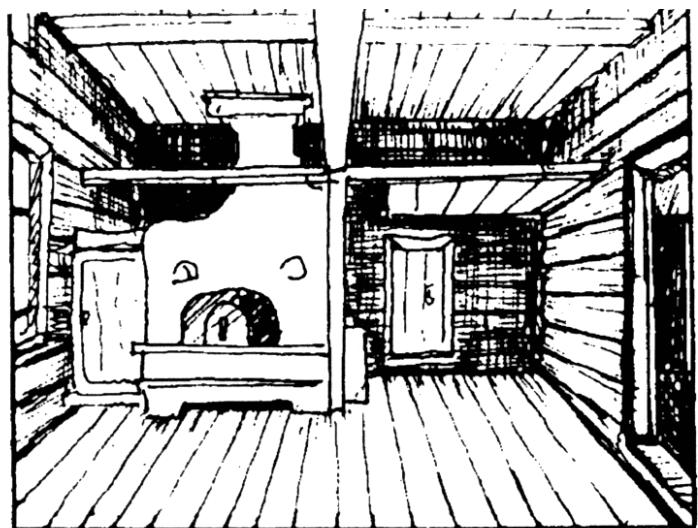
Дрань («желобник»)

Крыша с «залобком»

Крыша с котырьком

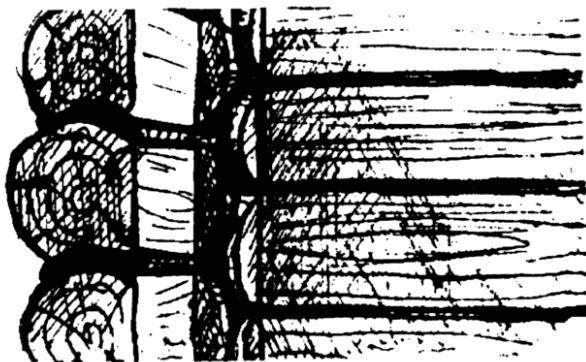
а)

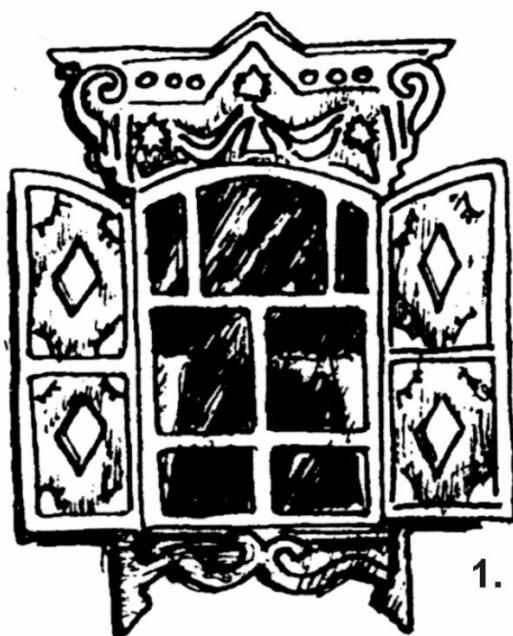
б)

в)

- а) печь и хозяйственный угол («куть»);
- б) чистый, «святой», угол;
- в) обработка бревен избы

1.

2.

3.

4.

5.

7.

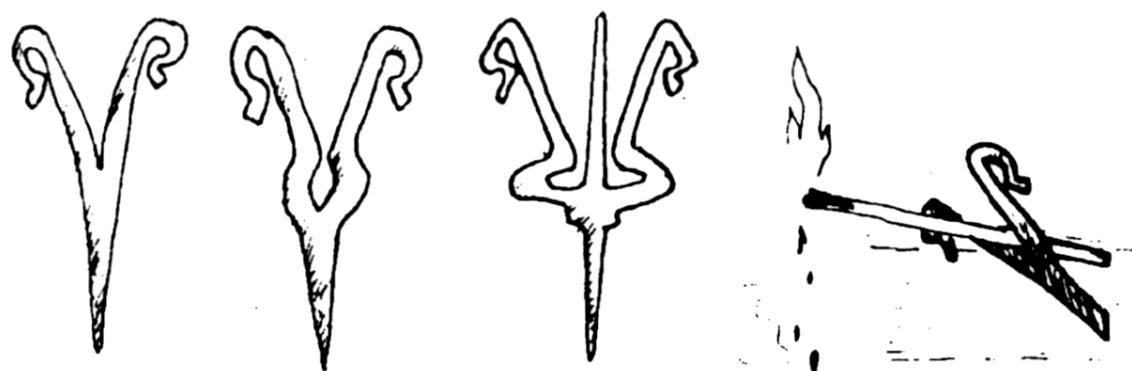
6.

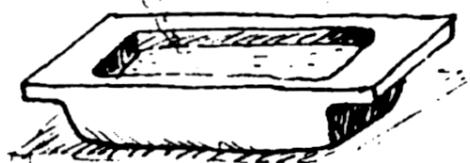
8.

- 1–2. Украшения окон.
3. Прорезная резьба.
4. Накладная резьба
5. Украшение карниза.
6. Герб: элемент украшения
(накладная резьба).
7. Жуковина.
8. Дымник

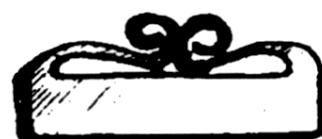
1.

2.

3.

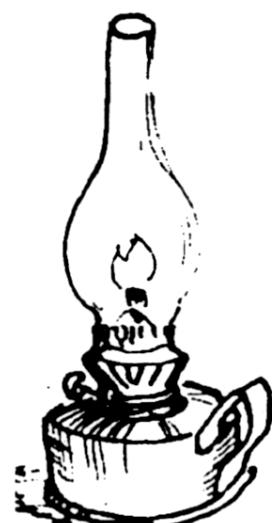
4.

5.

6.

7.

1. Кованые светцы.
2. Подсвечники деревянные.
3. Кресала.
4. Высекание огня кресалом.
5. Фабричные серные спички («серянки»).
6. Сальные свечи.
7. Керосиновые лампы

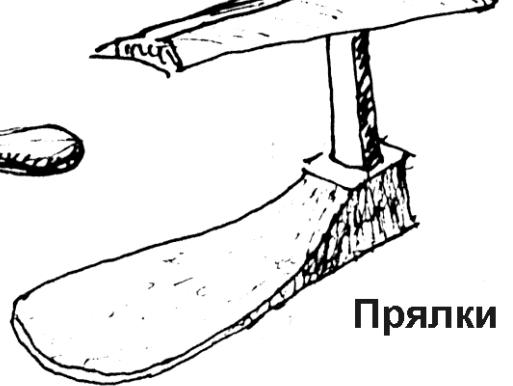

Рукомойник

Зеркало

Рубель

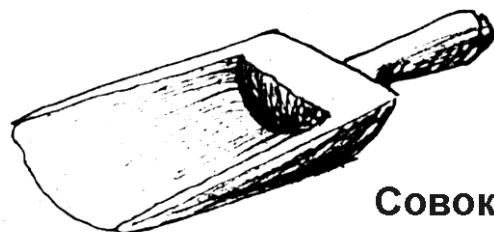
Прялки

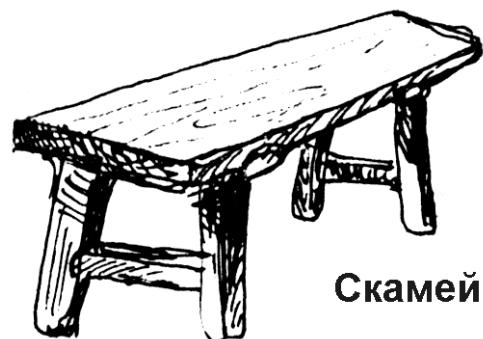
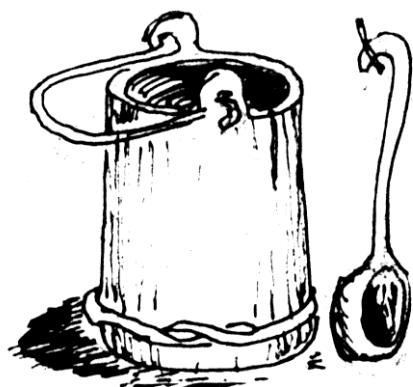
Трепало

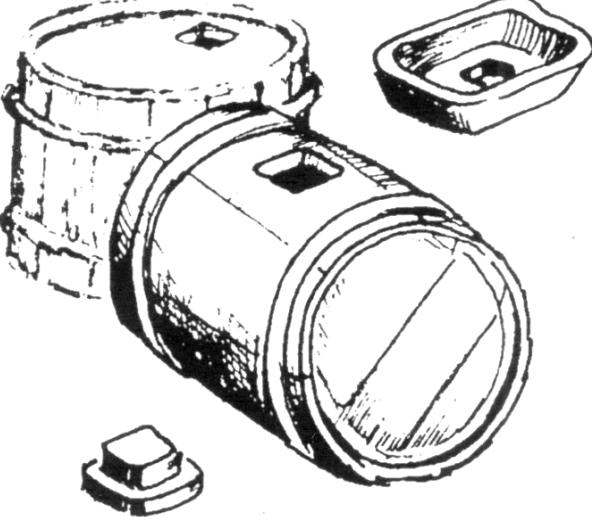
Валек для стирки белья

Совок

Скамейки

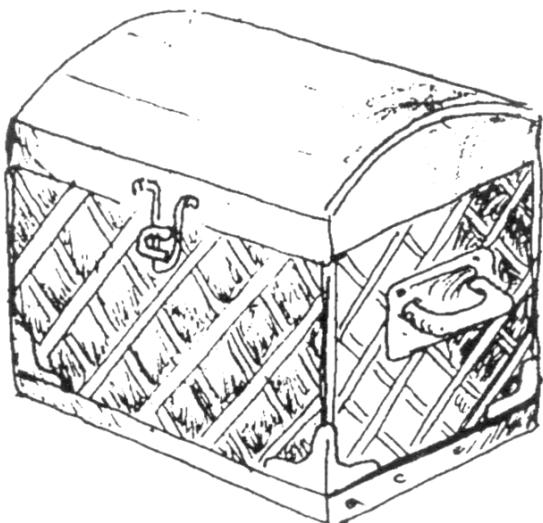
Чугунки для приготовления пищи

Ведро

Туес

Черпак (уполовник)

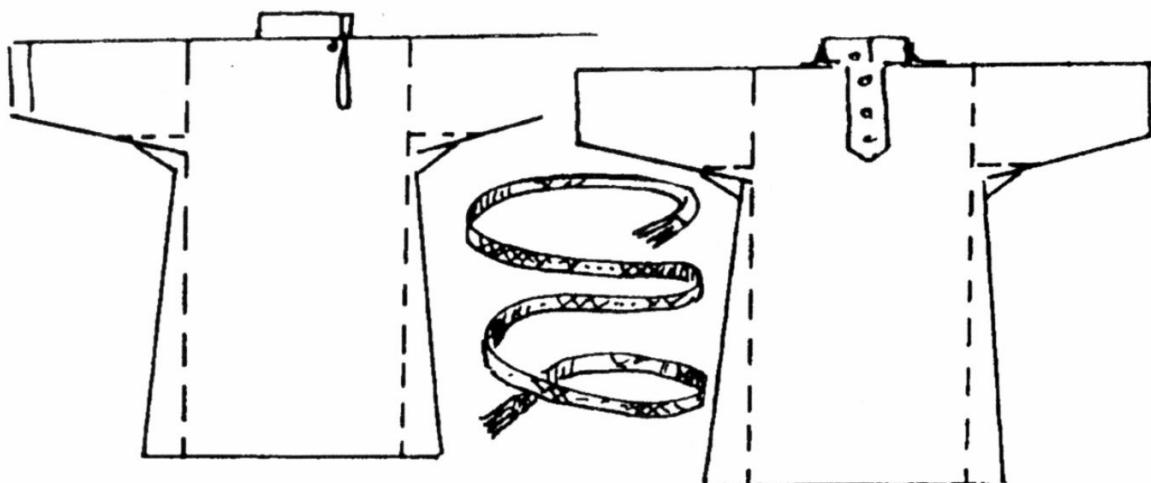

Сундук

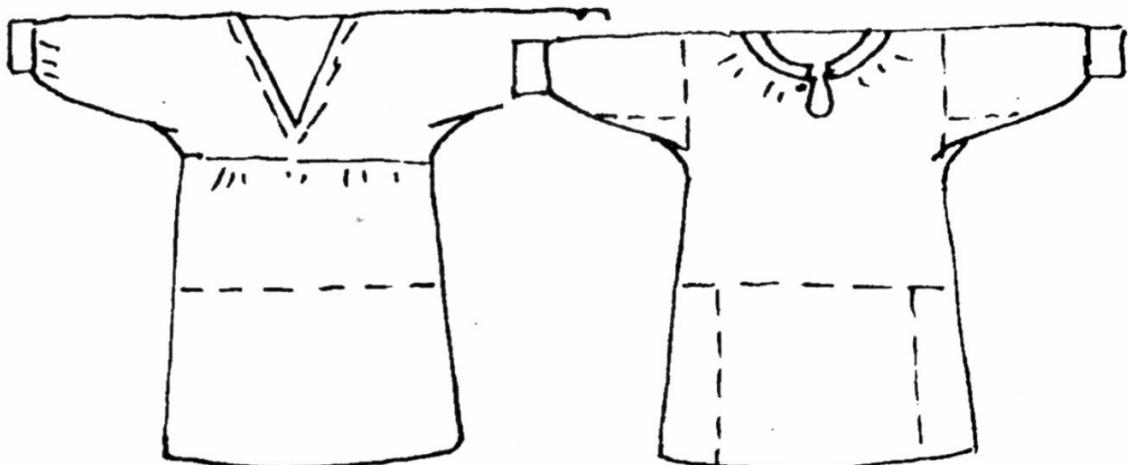

Кувшин

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

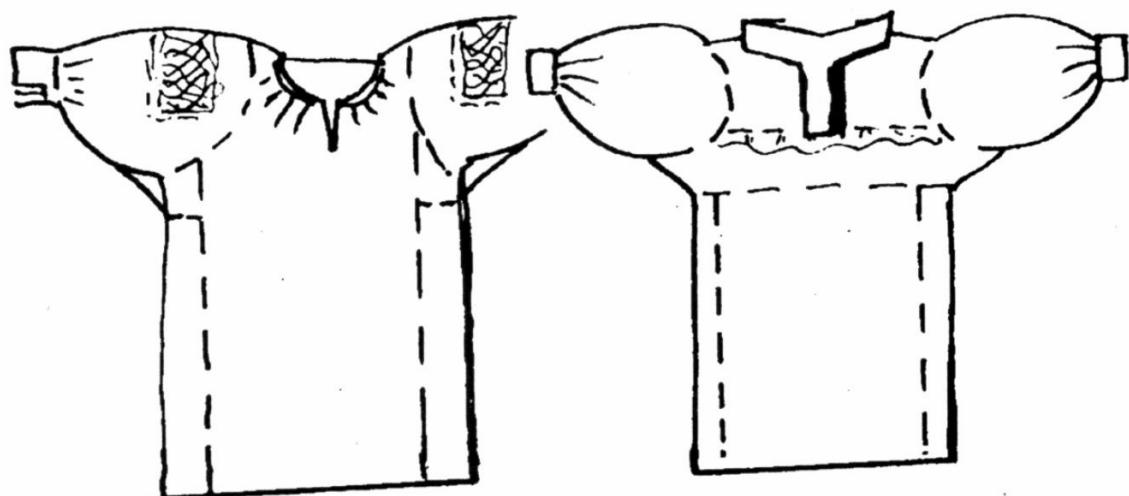

Мужская рубаха с опояской с косым и прямым разрезом

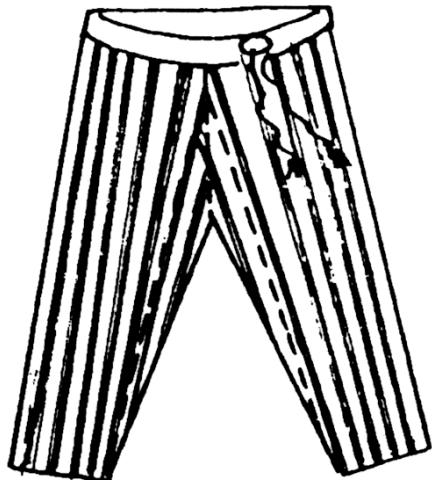
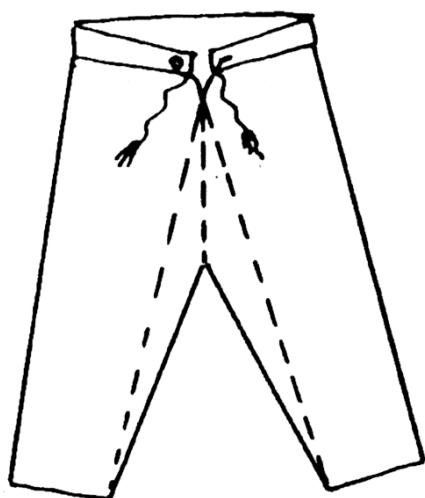

Женская нательная рубаха

Женская рубаха с «поликами»

Женские праздничные рубахи

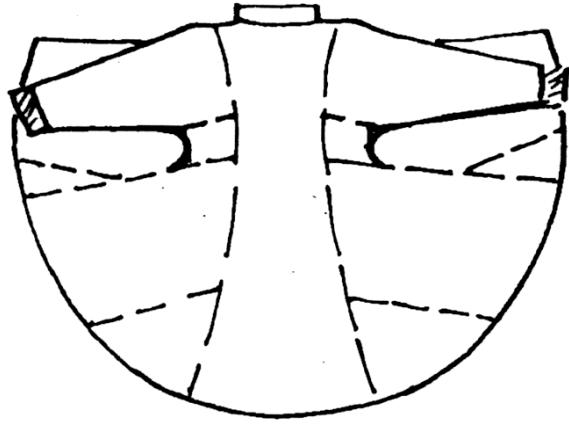
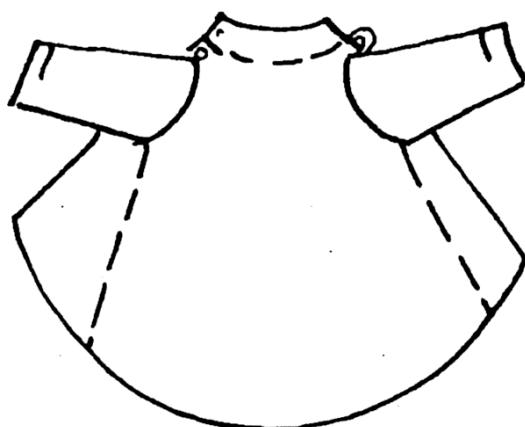
Мужские штаны-порты

Кафтан

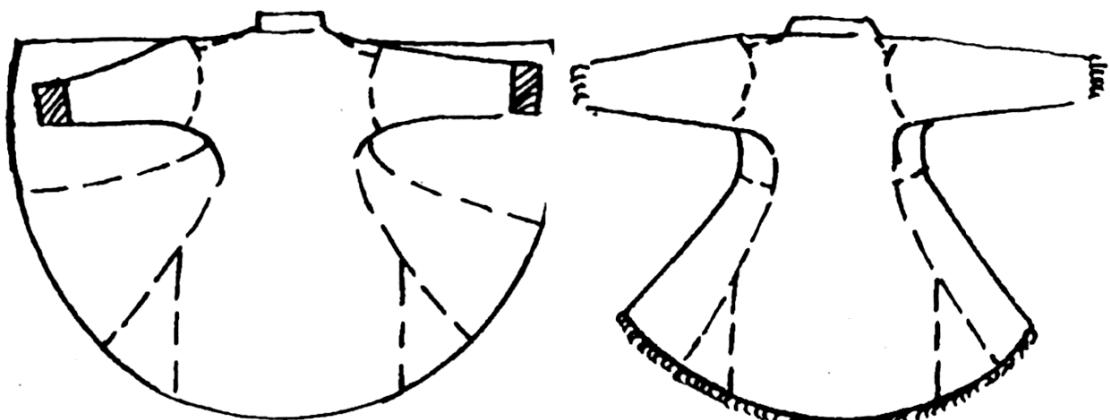
Балахон

Армяк

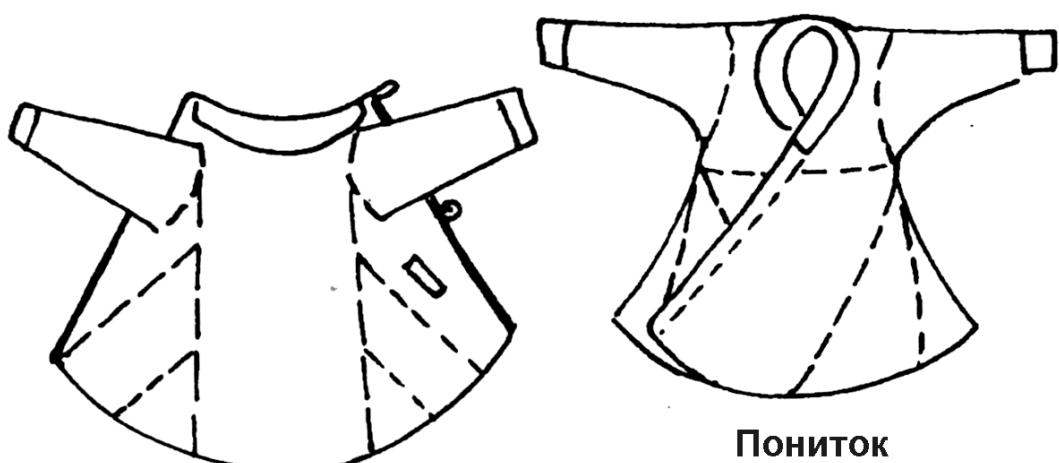
Армяк

Азям

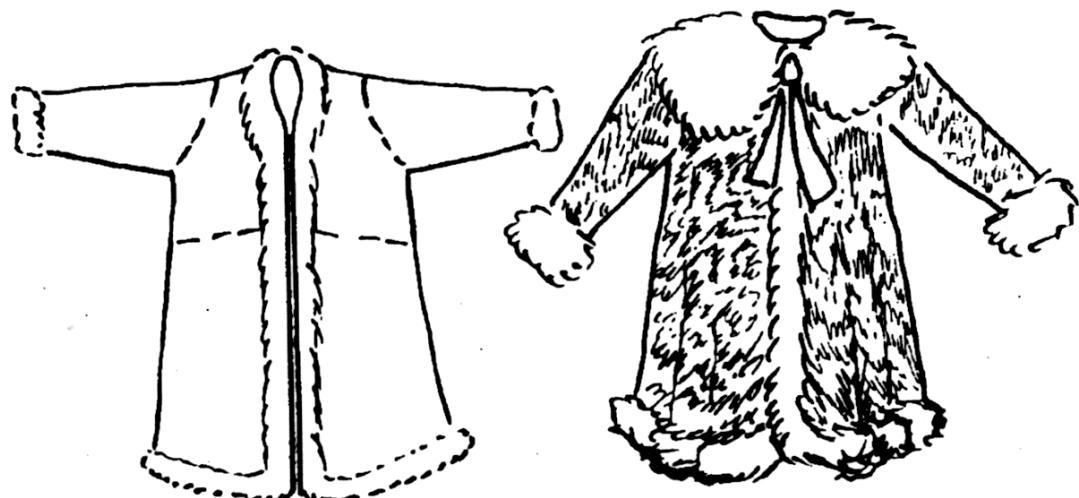
Шойданник

Шуба дубленая с цельной спинкой,
покрытая крашениной

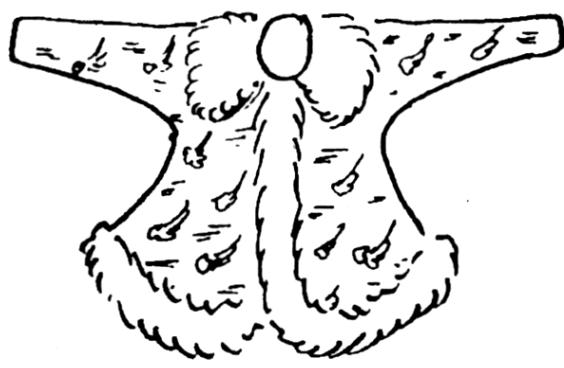
Зипун

Пониток

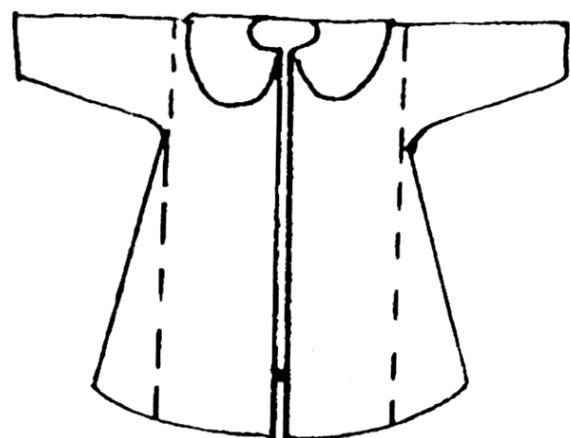

Женский тулупчик

Салоп на лисьем меху
с собольей опушкой

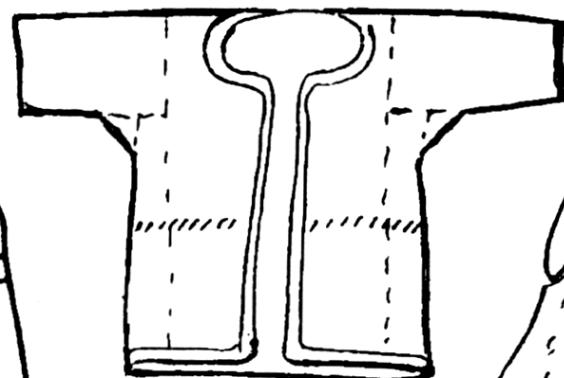
Женский шугай

Шабур

Телогрея женская

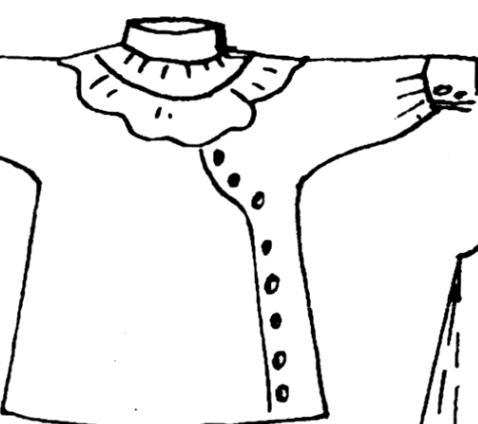
Сушун (шушун)

Душегрея

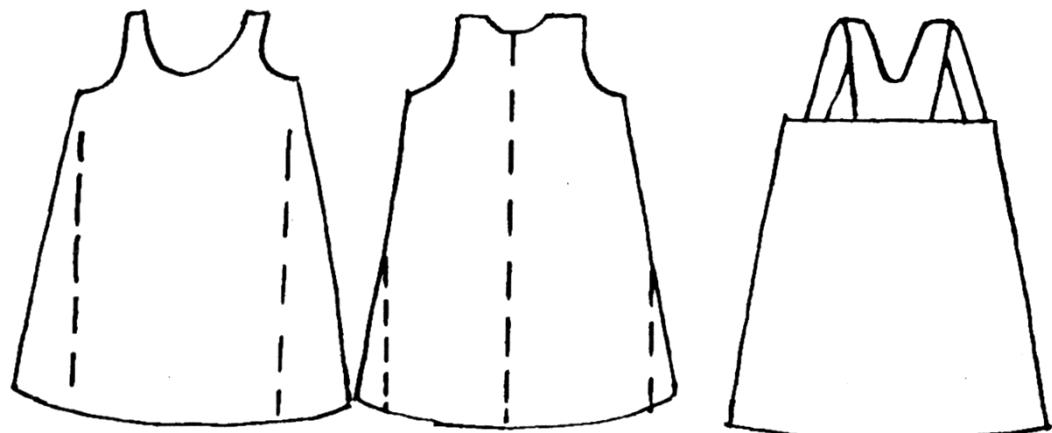
Сарафан-«горбач»

Женская кофта
на кокетке

Праздничный сарафан

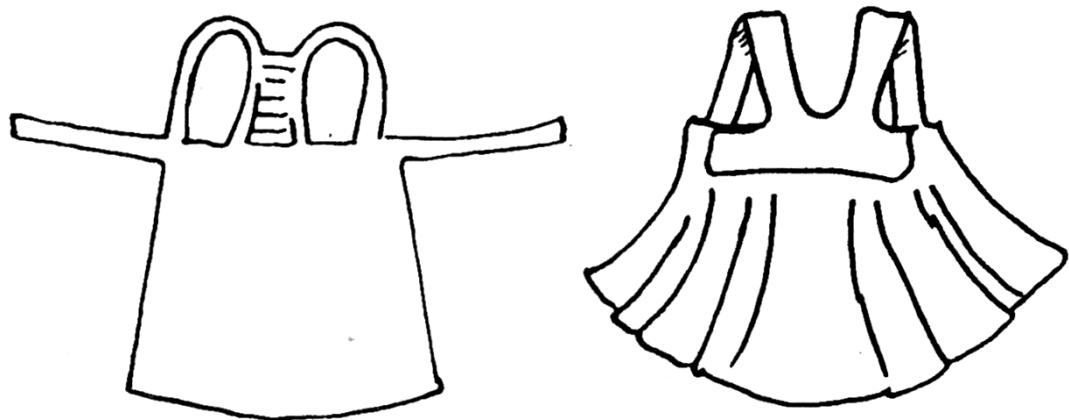

Сарафаны:

Клинник

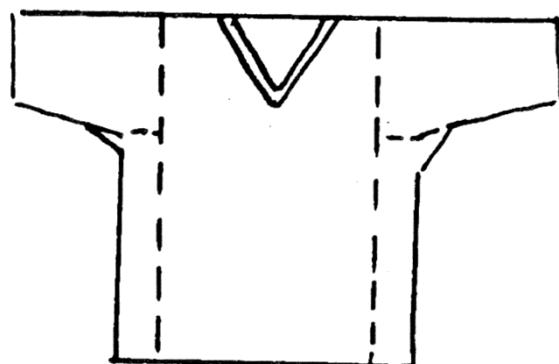
Старушник

Прямой лямочник

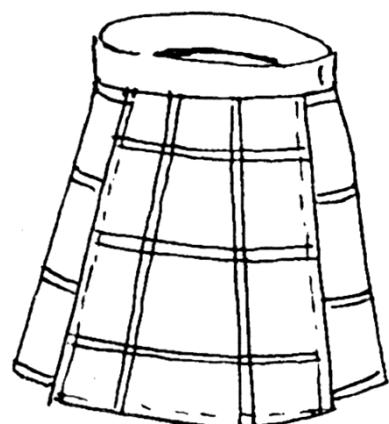

Запон

Епанечка

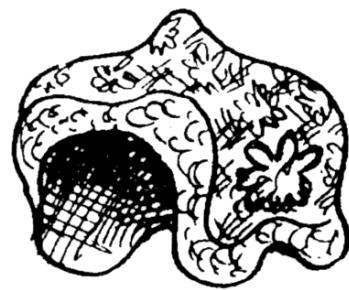
Запон

Понева

Шапки мужские
меховые

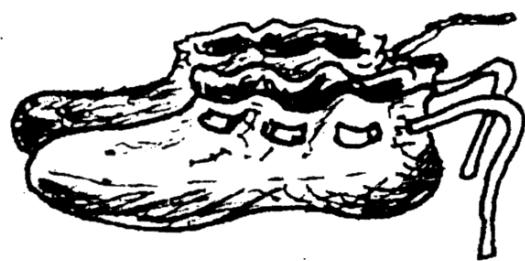
Кокошник

Пвойник

Чирки

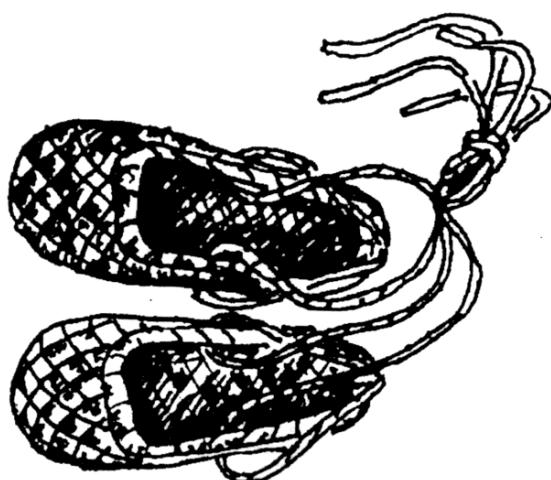
Поршни

Бахилы

Унты

Лапти переселенцев

Оглавление

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЧАСОМ БРАТАН ИЛИ СЕСТРЕНИЦА!	3
ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ В СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	5
§ 1. НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОСНОВНОГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	5
§ 2. СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА II. СИБИРСКИЙ СУБЭТНОС	10
§ 3. ФАКТОРЫ «МЕСТОРАЗВИТИЯ»	10
§ 4. СУБЭТНОС РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ	24
§ 5. ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА....	31
§ 6. МЕНТАЛЬНОСТЬ СИБИРЯКОВ	34
ГЛАВА III. СИБИРСКИЕ «ОБЩЕСТВА»	47
§ 7. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СИБИРИ.....	47
§ 8. ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ	55
§ 9. СИБИРСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА	60
ГЛАВА IV. МИР ПРИЕНИСЕЙСКИХ ОБЩИН	72
§ 10. МЫ — СТАРОЖИЛЫ!	72
§ 11. САМОСОЗНАНИЕ СТАРОЖИЛОВ.....	73
§ 12. СТАРОЖИЛЫ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	78
§ 13. СТАРОЖИЛЫ И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ	87
§ 14. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРСКОЙ ОБЩИНЕ.....	90
§ 15. ЕНИСЕЙСКИЕ КАЗАКИ	102
ГЛАВА V. СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ	105
§ 17. СЕМЬЯ И РОДСТВЕННИКИ	105
§ 18. СИБИРЯЧКИ	110
§ 19. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ	115
§ 20. ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ	119
ГЛАВА VI. МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ	126
§ 21. ЖИЛИЩЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ.....	126
§ 22. ПЛОТНИЧЬИ СЕКРЕТЫ СИБИРСКИХ МАСТЕРОВ	132
§ 23. ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩА КРЕСТЬЯНИНА-СТАРОЖИЛА	134
§ 24. ПОДВОРЬЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ	137

§ 25. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА	143
§ 26. ИНВЕНТАРЬ ПОДВОРЬЯ	148
ГЛАВА VII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН..	152
§ 27. РОЛЬ ТРУДА В ЖИЗНИ СИБИРЯКА.....	152
§ 28. КРУГЛЫЙ ГОД: ЦИКЛ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАБОТ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ	156
§ 29. ЖЕНСКИЙ ТРУД И ЖЕНСКАЯ СУДЬБА	171
§ 30. МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА.....	176
§ 32. КРУГЛЫЙ ГОД: КАЛЕНДАРЬ СИБИРСКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ	182
ГЛАВА VIII. КУЛЬТУРА СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ	187
§ 33. СИБИРЯК: ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ	187
§ 34. ПОМОЧИ	191
ГЛАВА IX. СИБИРСКАЯ ДУХОВНОСТЬ.....	195
§ 35. ПРАВОСЛАВИЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ	195
§ 36. «ВЕРА ПРЕДКОВ»	199
§ 37. КРУГЛЫЙ ГОД: ДОСУГ И ПРАЗДНИКИ СИБИРЯКОВ.....	206
§ 38. ПРАЗДНИКИ И ПОЛУПРАЗДНИКИ	211
§ 39. ИГРЫ И ЗАБАВЫ	221
§ 40. СТАРИННЫЕ СИБИРСКИЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ	226
ГЛАВА X. КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ	239
§ 41. ОДЕЖДА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ	239
§ 42. ПИЩА РУССКИХ СИБИРЯКОВ	254
§ 43. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА: МУДРОСТЬ И СУЕВЕРИЯ	263
§ 44. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ СИБИРЯКОВ.....	269
§ 45. ГОВОР ПРИЕНИСЕЙСКИХ СТАРОЖИЛОВ	278
ГЛАВА XI. СИБИРСКОЕ САМОСТОЯНИЕ	286
§ 46. СИБИРЬ И СИБИРЯКИ.....	286
§ 47. СИБИРИ С ЛЮБОВЬЮ.....	292
§ 48. РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	303
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ И ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ.....	305
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	307
ПРИЛОЖЕНИЯ	311

Борис Ермолаевич Андюсов

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

**Хозяйство, быт, традиции, культура
старожилов Енисейской губернии
XIX – начала XX вв.**

Учебное пособие для учащихся и студентов

3-е изд., исправленное

Редактор С.Ю. Глазунова

Корректор М.А. Исакова

Верстка М.Л. Гукайло

660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.

Редакционно-издательский отдел КГПУ,

т. 22-12-89

Подписано в печать 24.02.06. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 20,69. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 5000 экз. Заказ 1. Цена свободная

Отпечатано ИПК КГПУ,

т. 23-48-60